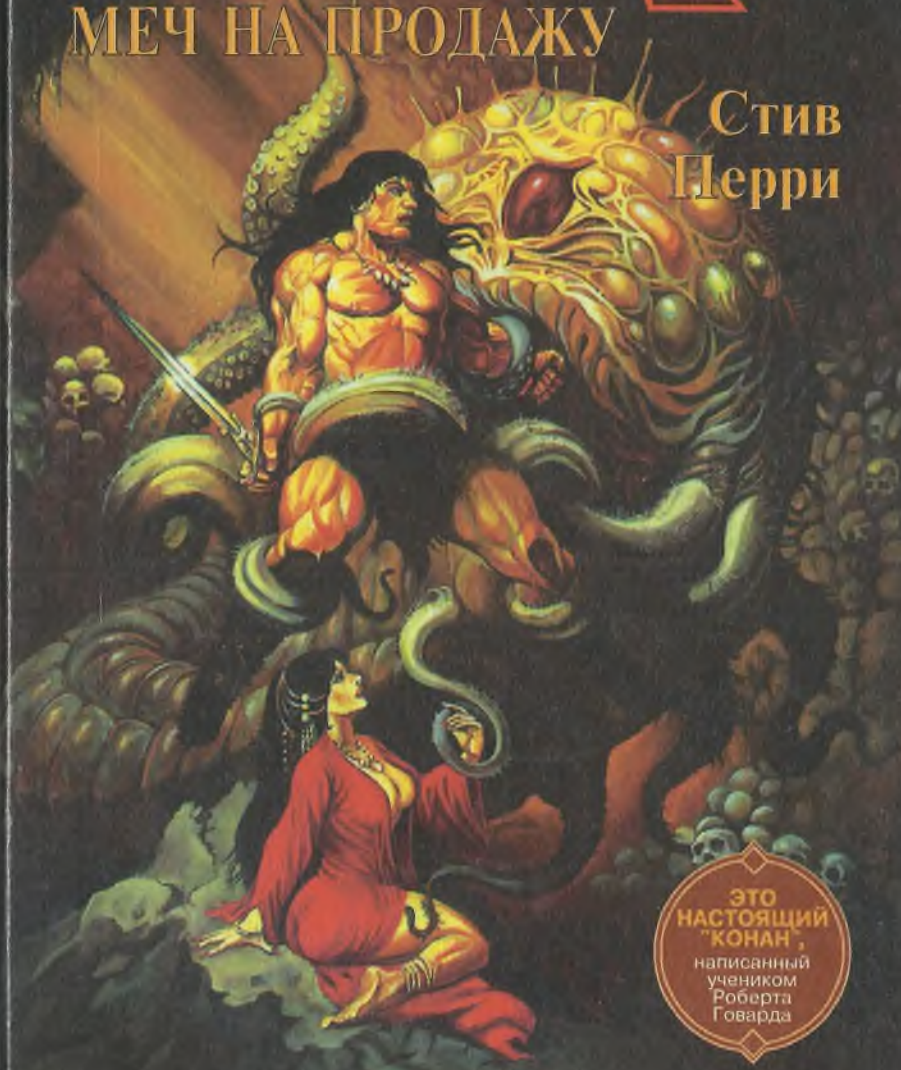

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

МЕЧ НА ПРОДАЖУ

Стив
Перри

ЭТО
НАСТОЯЩИЙ
"КОНАН",
написанный
учеником
Роберта
Говарда

КОНАН

ЕМУ НУЖНЫ ТВОИ ПИСЬМА

196105, Санкт-Петербург, а/я 192. Конан-Клуб.

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

МЕЧ НА ПРОДАЖУ

Стив
Перри

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США

П 26

Steve Perry

Conan the formidable. Copyright © 1990 by Conan Properties, Inc
Conan the freelance. Copyright © 1990 by Conan Properties, Inc

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Перри С.

П26 Меч на продажу: Романы / Перевод с англ. — СПб.:
Терра—Азбука, 1996. — 496 с.
ISBN 5-7684-0014-1

Очередной том «Саги о Великом Вонтеле» повествует о юности могучего киммерийца. Покинув родные края, Конан направляется в Шадизар — Город Воров, в надежде раздобыть побольше золота для беспечной, веселой жизни. Но на пути благородного варвара встают мрачные тени выходцев из преисподни. Конан вступает в схватку со злобными монстрами, пытается защитить несчастных, плененных колдовскими чарами узников. Киммерийца поджидают коварство и измены, соблазн использовать свою силу и воинское мастерство во зло. Но гордый северянин твердо знает: «В трудную минуту можно продать меч, но душу — никогда!»

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0014-1

Цена ПОБЕДЫ

роман

Истинный Воин иногда продает меч.
Но только меч, а не руку, сжимающую клинок.

Глава первая

По дороге, ведущей с Карпашских гор к Шади-зару, топал парень; у левого бедра его покоился в ножнах длинный широкий меч вороненой стали. По всему было видно, что габаритами путник превосходит большинство простых смертных: высокий рост, широченные, налитые неукротимой силой плечи, мощные руки, сплошь покрытые белой насечкой старых шрамов; голубые, как ледники на горных вершинах, глаза сияют на загорелом лице с широкими скулами и решительным подбородком. Внешность внушительная! Но если внимательно присмотреться, то станет видно — это всего лишь юноша, на долю которого скорей всего выпали тяжкие испытания.

Солнце немилосердно жарило Заморийское плато; над голой, потрескавшейся землей дрожал раскаленный воздух. Знойный ветер плел мелкие смерчи, что мгновенно взвивались на месте, прежде чем осесть пылью.

И тот же обжигающий ветер всколыхнул прямо обрезанную черную гриву юноши, когда тот остановился, чтобы глотнуть воды из кожаного бурдюка. Влага была тепловатой и отдавала железом, но парень пробовал и похуже и сейчас пил с удовольствием. Он опустил мех и огляделся по сторонам.

Здесь мало что притягивало взгляд. Растительность на плато скудная, лишь редкий чахлый кус-

тарник. Впереди, примерно в трех часах ходу, висела темная громада — вроде бы скалистая гряда, — там росли какие-то деревья, и была тень, если зоркие глаза странника не обманывали его.

Путь в Шадизар оказался долгим, полным опасностей и невзгод. Теперь, даже несмотря на то что солнце немилосердно терзало путника своими пламенными дланями, юноша был рад спокойствию одиночества. Ибо он испытал все виды опасностей, исходящих от людей и зверей, а также от существ, рожденных во мраке преисподней. Счастье еще, что он вообще уцелел, хотя и предпочел бы оказаться в лучшем положении. Сейчас ему больше всего не хватало плаща, дабы защитить мощное тело от нестерпимой жары, — тогда путь показался бы куда легче.

Звали путешественника Конан, родом он был из далекой северной Киммерии. В больших городах, на перекрестках караванных дорог, в портовых кабаках и воинских казармах его называли варваром. Конан лишь усмехался на подобные высказывания и сильнее сжимал рукоять верного меча. Вот и сейчас киммериец громко рассмеялся.

— Воистину, — проговорил он, будто обращаясь к пустынным окрестностям, — плащ и конь, а еще мешок золота поперек отличного седла — вот и все, чего можно пожелать!

Он еще хлебнул воды, завязал бурдюк и вновь зашагал. У него, киммерийца, превосходный меч с острым как бритва лезвием, кожаные штаны, широкий пояс и сума, впрочем в данный момент практически пустая; а еще мех с водой, заполненный почти до половины. Более того, ноги путника обуты в хорошо скроенные сандалии. Человеку может выпасть куда худшая доля. Конан почитал лишь одного бога — Крома. Мрачный покровитель киммерийцев

давал человеку лишь жизнь и волю; все остальное нужно было добыть своими руками. Кром не заботился о хлюпиках и лежебоках, нытиках и лицемерах, не было смысла взывать к нему с надеждой на благоволение.

Однажды Конан видел Крома. Или думал, что видел. Варвар улыбнулся, вспомнив об этом. Именно так. А что сделает человек с даром сурового божества — зависит только от самого человека. Сейчас Конан стремился попасть в Город Воров, заняться там ремеслом ловца удачи и разбогатеть. Еще несколько дней, и он наконец достигнет цели. Оказаться в Шадизаре, нагрузиться ворованными монетами и камнями, распутничать и наслаждаться заслуженной роскошью.

А для этого надо упрямо идти вперед.

Близкая ночь раскинула над землей свои сумрачные крылья, неся долгожданную прохладу. Конан очутился в скалистом разломе, к которому стремился; теперь дорога в Шадизар вилась между крепкими вечнозелеными деревьями и густыми зарослями кустарника. Киммериец заметил следы мелких животных и решил, что неплохо бы соорудить несколько ловушек, дабы раздобыть себе ужин, прежде чем расположиться на ночлег. К сожалению, нет плаща, нет шкур, чтобы постелить на землю, но варвару хватило нескольких минут, чтобы соорудить себе постель из веток и ароматной хвои. Вечер выдался прохладнее, чем прошедший день, но слишком похолодать не должно: Конан уже оставил позади ледяное дыхание гор.

В то время когда он ставил третий силос, сплетенный из вьющихся стеблей, тонкий слух киммерийца распознал в шорохах ночных зверьков посторонний шум.

Кто-то чихнул. Киммериец никогда не слышал, чтобы кролик издавал подобные звуки. И уж конечно не кролику принадлежала последовавшая за чиханьем приглушенная, но достаточно отчетливая ругань.

Ни единым движением не обнаружив своей настороженности, Конан продолжал ставить силок, маскируя петлю сухой травой и закрепляя ее на колышках. Однако киммериец был начеку и напрягал слух, дабы распознать в окружающей мгле новые звуки.

Он стоял недалеко от обочины дороги, расставив ноги над узкой полоской звериных следов, скрывавшихся в зарослях колючего кустарника. Слева от него была небольшая прогалина, заросшая высохшей травой, а дорогу пересекала купа вечнозеленых деревьев с густым подлеском. Именно оттуда донесся подозрительный звук.

Едва Конан наладил западню, как слух его вновь уловил подозрительный шум. Теперь варвар распознал шорох металла по коже — будто из ножен тащат короткий меч или кинжал, — потом глухой звон кольчуги и скрип кожаных доспехов, вновь покашливание и сдавленное проклятие вслед за предостерегающим шепотом. В последних словах Конан отчетливо определил заморийский говор.

Так. Конан не видел затаившихся среди деревьев, но доносящиеся оттуда звуки выдавали намерения незваных гостей. Будь ребята настроены дружелюбно, они спокойно подали бы голос, а не крались тайком, вытаскивая оружие и призывая друг друга к тишине.

Конан внимательно оглядел окрестности. Если направиться к тем колючим кустам, то спина у него будет прикрыта. Никто не сможет приблизиться с тыла.

Мысли у киммерийца не расходились с делом. Не сводя глаз с деревьев и вытаскивая меч, он шагнул к кустам. Ночь еще не окончательно вступила в свои права, и угасающее светило блеснуло на вороненом клинке, когда холодная сталь со слабым скрипом покинула ножны. Общими руками, правая к левой, Конан сжал рукоять и взмахнул оружием, дабы размять запястья и плечи.

— Эй, ночные псы! Выйдите и покажите себя!

Десять раз стукнуло сердце, прежде чем разбойники начали с шумом продираться сквозь заросли и наконец выскочили на утрамбованную дорогу. Их было шестеро, и у Конана не возникло ни малейших сомнений в лихом ремесле ночных бродяг. Облачены душегубчики во всевозможные лохмотья военного снаряжения: дикая мешанина кольчуг, катафракт, латных рукавиц и чашеобразных латунных шлемов. Возможно, когда-то они и служили в каком-нибудь войске, а может быть, просто подстерегли несчастных солдат и похитили доспехи. Двое были вооружены короткими кривыми мечами, еще двое держали в руках деревянные копы с треугольными наконечниками; один приготовил пару изрядных ножей, а последний нес моргенштерн — железный шар, усеянный шипами, на длинной деревянной рукоятке. Да уж, банда первостатейная!

Человек с моргенштерном сделал шаг вперед. Он был невысок, но широк в плечах и мускулист, а еще изрядно плешив. Шлема он не носил.

— Нет никакой нужды в оскорблениях, варвар. Мы вовсе не ночные псы, а просто... э-э-э... бедные странствующие пилигримы.

Конан рассмеялся. Рассчитывают ли они таким образом заставить его убрать меч?

— Пилигримы?

— Именно, а потому монет у нас не густо. У тебя, случайно, не завалилось нескольких, кои ты смог бы пожертвовать нашему благому делу?

— Нет.

— Жаль. Что ж, этот меч, которым ты машешь столь грозно, тоже чего-нибудь стоит. Мы могли бы продать его.

— Я не настроен расставаться с ним.

Человек махнул шипастым оружием в сторону своей шайки:

— Нас здесь шестеро, а ты один. Отдай меч и все ценное, что у тебя есть, и можешь проваливать целым и невредимым.

— Знаешь, парень, у меня немного другие планы.

— Тем не менее нас по-прежнему шестеро на тебя одного.

— Это легко поправить.

Конан ухмыльнулся, по-волчьи оскалив крепкие, белые зубы.

Человек с моргенштерном пожал плечами, затем повернулся к своим людям:

— Увы, боги желают, чтобы мы сами заработали себе средства к существованию. Прикончить его.

Шестеро вытянулись цепью и двинулись к киммерийцу. По мере их приближения варвар прикидывал силы нападавших. Оба копьеносца более чем упитанные и передвигаются с трудом, а потому Конан весьма низко оценил их мастерство в бою. Хотя двое с мечами молоды. Правда, первый хромот, а другой, сжимая оружие, нервно менял хватку, будто на флейте наигрывал. Если разбойник с двумя ножами выжил до сих пор, промышляя на дороге и орудуя лишь этими клинками, он должен быть быстр и умен. Что же до вожака с усеянным шипами страшным оружием, то вожаком он скорее всего стал,

одержав верх над другими претендентами. Все они преспокойненько выпустят намеченной жертве кишки, и, надо думать, не раз поступали подобным образом. Но вожак и тот, что с ножами, наиболее опасны, рассудил Конан.

По-видимому, они ожидали, что он останется на месте и будет отбивать атаки, держа в тылу за спиной колючий кустарник. Это была бы наиболее благоразумная и очевидная защита.

Именно по этой причине, как только бандиты сомкнули вокруг киммерийца неровный полукруг, Конан с леденящим кровь кличем прыгнул на разбойников.

Ближе всего оказались двое с копьями. Пораженные, они отпрянули, но в то же время попытались ткнуть варвара жалами. Ни то ни другое им не удалось. Киммериец взмахнул мечом и отбил древко одного копья. Тем же движением он описал круг над головой и обрушил вороненый клинок. Острое лезвие рассекло латунный шлем, глубоко вошло в череп и мозг, и копьеносец рухнул так, будто у него исчезли ноги.

Другой повернулся было бежать, но Конан уже высвободил меч из трупа и вновь прыгнул. Метнувшись с боку, клинок глубоко вонзился врагу меж ребер, прошел сквозь легкое и разрубил сердце. Человек захлебнулся в крике, уронил копье, вцепился в смертоносное лезвие. И лишился четырех пальцев, когда Конан резким движением высвобождал оружие. Кровь с клинка брызнула прямо в глаза нервного негодяя с мечом, что подкрадывался сзади.

— Мошонка Сэта..! — взвыл бандит. Он не закончил свое проклятие, ибо Конан пнул его в живот, отбросив на головореза с ножами.

Удар оказался столь внезапным, что разбойник непроизвольно взмахнул оружием и... всадил

кинжалы по самые рукояти в почки изумленного поделщика. Нашедший столь странную смерть налетчик повалился как подкошенный, увлекая за собой один из ножей.

Хромой разбойник ринулся к Конану, но поскользнулся и грохнулся мордой вниз. Киммериец отпрянул, уворачиваясь от падающего, и сам споткнулся о первого копыеносца.

— Кром! — вырвалось из глотки разгневанного варвара.

Бандит с кинжалом немедленно подскочил к Конану, дабы поскорее выпотрошить незадачливого противника, однако киммериец, растянувшийся на спине, резко поднял меч, и острое распорол лоб атакующего. Тот по-бабьи заверещал, выронил нож, зажал рану и слепо метнулся прочь от места схватки.

Хромой же поднялся и не замедлил накинуться на киммерийца — лишь затем, чтобы напороться на ожидающую его вороненую сталь. Здесь встретились удача и неудача. Меч Конана, глубоко засевший в кости, выскользнул из руки во время судорожной агонии умирающего. Разбойник рухнул прямо на варвара и стиснул его ноги в смертельном объятии. Конан оказался в ловушке!

— Готовься встретиться со своим богом! — взревел вожак шайки, бросаясь вперед и вздымая моргенштерн. Киммериец изогнулся, почти разорвав хватку мертвеца, но понял, что не успевает!..

И тут из темноты донесся характерный свист и меж лопаток главаря разбойников внезапно вонзился кол. Моргенштерн упал, угодив шипами в труп бандита, что придавил ноги киммерийца.

Конан устоял перед собой. То, что вошло в спину атамана и, пронзив человека насквозь, вышло из груди, было не простым колом. То было копьё, но какое! С острием в форме листа, длиннее, шире

и толще ладони Конана, и древком — в окружности не меньшим мощной руки киммерийца.

Атаман повалился назад, но застыл, ибо конец огромного копья уткнулся в землю. Еще удар сердца, и мертвый разбойник повалился на бок.

Конан согнулся, с трудом расцепил пальцы мертвеца, сомкнувшиеся на его ногах, и вылез из-под трупa. Затем устоял на главаря шайки. Что это за рука, способная метнуть огромное копьё с такой силой, чтобы пронзить человека насквозь?

Когда Конан встал на ноги и огляделся в поисках меча, из-под деревьев выступили три фигуры. В ступающей тьме варвар различил двух мужчин и женщину, облаченных в кожаные и шерстяные одежды. Мужчины несли копьё. Это вроде бы означало, что именно женщина бросила свое, прикончила грабителя и спасла Конана. Поразительно.

Киммериец с ужасом разглядывал незнакомцев. Они выглядели почти так же, как обычные люди, коих варвар встречал во время странствий. Если не принимать в расчет одного важного отличия. Даже женщина, меньшая в троице, была по крайней мере наполовину выше Конана и, наверное, вдвое тяжелее.

Великаны. Киммериец лицом к лицу стоял перед тремя самыми настоящими великанами.

Глава вторая

Несмотря на все свое изумление, Конан спокойно подобрал меч и принялся вытирать кровь с лезвия, воспользовавшись рубахой одного из разбойников. Человек, который не заботится о своем оружии, не достоин того, чтобы владеть им.

— Я обязан вам жизнью, — заметил киммериец великанам.

Трое гигантов негромко переговаривались между собой на языке, Конану не знакомом. Прошло некоторое время. Затем женщина с иссиня-черными волосами, спадающими на плечи, и формами, безошибочно, несмотря на столь невероятные размеры, указывающими на пол, повернулась к Конану. Она заговорила с ним на том же заморийском наречии, на котором варвар обратился к троице:

— Ты хорошо сражался. Ты не из местных племен.

Голос у нее был низкий, немного грубый, но все равно в нем слышались чисто женские интонации. Черты лица великанши, несмотря на свои размеры, не были лишены привлекательности. Что же до форм, то они походили на пропорции обыкновенной женщины, только увеличенные почти вдвое. Конану доводилось видеть людей, считавшихся великанами, но большинство из них просто уроды с покатыми лбами, толстыми губищами и обезьяньими руками.

— Я Конан из Киммерии, — просто представился воин. — Из страны далеко к северу. Направляюсь в Шадизар.

Он исследовал свой клинок в поисках зазубрин и остался доволен, таковых не обнаружив.

Вновь последовала пауза, а затем женщина обратилась к своим спутникам на том же незнакомом языке. Новое долгое ожидание, и она опять повернулась к Конану. Киммериец заметил, что гиганты, похоже, находятся в нерешительности.

— Наша деревня недалеко от Шадизарского тракта. Возможно, ты не откажешься от нашего гостеприимства?

— А другие жители, они тоже такие... большие, как вы?

— Если не считать детей, то все мы одного роста.

Конан задумался. Селение, полное непомерных здоровяков! Разумеется, на это стоит посмотреть. Шадизар ждал долго — почему бы ему не подождать еще день или два?

— Что ж, думаю, большого вреда не будет, если я загляну к вам на добрый ужин и кувшин-другой вина.

Один из гигантов направился вытаскивать застрявшее в труп бандита копье. Великан с легкостью высвободил оружие; последовал звук, будто выдергивают сапог, завязший в грязи, или гвоздь из сырого дерева. Исполин передал оружие по-другому.

— Отличный бросок, — заметил Конан.

— Меня кличут Тэйли, — проговорила женщина, — а народ наш называют джатти. Иногда я способна поразить цель вот этим, — она с силой ударила оземь древком копья, — но по сравнению с большинством наших я совсем не сильная.

Конан взглянул на рану в груди мертвого разбойника — дыру, в которую он запросто мог просунуть руку. Обыкновенный человек, пусть даже самый сильный, с большим трудом мог бы поднять и кинуть оружие, нанесшее такую жуткую рану, а эта огромная женщина называет себя слабой. Все, что амбалы-джатти теряют в скорости, они с лихвой отыгрывают силой.

— У тебя есть еда? — спросила Тэйли. — У нас тут вино, мясо и сыр. Приглашаю тебя разделить с нами трапезу.

— Я и так уже в долгу перед вами, — ответил Конан.

Тэйли обвела глазами мертвых разбойников.

— Шакалы, питающиеся падалью, — фыркнула она. — Ничего, кроме смерти, они не заслужили.

Ты избавил нас от лишних хлопот, прикончив это отребье.

Что ж, в этом была доля правды. Кстати, сразу после хорошей потасовки у киммерийца пробуждается зверский аппетит.

— Значит, вино, говоришь? — уточнил на всякий случай северянин.

— Вот именно.

Выспался Конан прекрасно; сны его питала щедрая толика превосходного вина, а сознание, что стоянку с ним делит тройка непоколебимых великанов, делало отдых совершенно безмятежным. Нет сомнений, они не собираются прирезать его сонного, ведь гиганты запросто могли грохнуть северянина заодно с главарем разбойников.

Когда утренняя заря окрасила чистый небосвод первыми лучами, киммериец проснулся, чувствуя себя будто заново родившимся. Его вновь ждут приключения, но они, похоже, будут пока лишены привычных невзгод и опасностей. Деревня великанов больших опасений не внушает, ведь киммериец — гость. А статус гостя во всей великой Хайбории — священен.

Когда после обильного завтрака отряд выбрался на дорогу, Тэйли, единственная, кого понимал Конан, поведала ему кое-что об истории племени джатти.

— Триста лет тому назад, — рассказала она, — наши предки были созданы неким колдуном, нуждавшимся в крепких руках и спинах для строительства замка. То был великодушный чародей, и, когда работа была сделана, он подарил джатти свободу. С тех пор мы и живем более или менее спокойно в той самой деревне, где появились на свет.

Конану показалось, будто некое облако затаенной печали на миг омрачило чело великанши, когда она

произносила последнюю фразу, но не стал допытываться о причинах.

Несколько часов они шагали в почти полном молчании, если не считать отдельных фраз между великанами, которые Тэйли не озаботилась перевести киммерийцу.

Около полудня они свернули на узкую тропу, что спускалась в расщелине между скалами справа от дороги. Вслед за тремя исполинами Конан дошел до места, где тропинка побежала вдоль ручья, окаймленного ивняком и рогозом. Следующий час ходьбы привел отряд к густым зарослям, а еще через час пришлось пробираться болотом. Земля здесь подавалась под ногами, а деревья стали выше и нависали куполом над дорогой, заслоняя свет. То тут, то там листву пронзал редкий солнечный луч, но не было здесь, в придачу к надоедливому жужжанию насекомых и хлюпанью воды под ногами, изматывающей жары, так мучившей накануне киммерийца.

Тропинка уже давно исчезла, но великаны, казалось, точно знают, куда ступить, чтобы не оказаться в трясине. Конану не хотелось бы оказаться здесь в одиночку, ибо повсюду их окружали участки зыбучей почвы, путь не раз пересекали змеи, некоторые из которых были толщиной с ногу Конана, а длиной втрое превосходили человеческий рост. Впрочем, поскольку варвар следовал за великанами, у него не было причин для беспокойства. Нет никакой опасности провалиться там, куда ступила огромная нога, несущая подобную тяжесть.

Когда в относительно сухом месте они остановились перекусить, чуткий слух Конана уловил в отдалении странный шум. Будто бы лягушка квакает после проливного дождя.

Великаны тоже обратили внимание на эти звуки. Самый высокий заворчал и произнес:

— Варги!

После чего сплюнул на влажную землю.

Конан повернулся к Тэйли:

— Варги?

Женщина кивнула:

— Болотные бестии. Они как джатти, только очень маленькие. Даже меньше тебя. У них зеленая пупырчатая кожа, и они затачивают себе зубы. Самые отвратительные из дикарей. Бродят стаями и... питаются мясом джатти.

Конан задумался. Существа, что едят гигантов, вполне могут соблазниться и человеческой плотью. Правая рука его непроизвольно скользнула к рукояти меча.

— Они трусливы, — продолжала женщина, — и нападают не менее чем дюжиной на одного. Наверное, нам они докучать не станут.

Конан кивнул. Как бы то ни было, он будет начеку.

Вьющейся тропой отряд пересекал топь. Несколько раз спутники предостерегали киммерийца от неверных шагов, и он понял, что в деревню великанов вряд ли кого занесет случайно. Более того, даже если кто и прознает, где она находится, путешествие окажется в высшей степени опасным. Конан обладал невероятной способностью подмечать детали и надолго запоминал однажды пройденный путь. Но даже он здесь вынужден был бы проявлять величайшую осторожность, прежде чем сделать следующий шаг.

Уже далеко за полдень они оставили позади трясину и оказались на краю селения.

То было впечатляющее зрелище!

Дома большей частью из дерева, с тростниковыми крышами, и даже меньший из них казался огромным по человеческим меркам. В поле зрения Конана попало несколько джатти, работающих или направляющихся по своим делам. Женщины перетирали

зерно в муку, мужчины рубили бревна, рядом дети устраивали потешные битвы. Киммерийцу показалось, будто и сам он ребенок. Действительно, даже ребятишки были ростом с северянина, который всегда втайне гордился своим богатырским сложением. Никогда варвар не видел ничего подобного.

Некоторые из поселян, прервав работу, подходили поприветствовать вернувшуюся троицу и с любопытством разглядывали Конана. Они переговаривались на своем языке, и Конан слышал свое имя, упомянутое Тэйли в разговоре с односельчанами.

Наконец Тэйли и два ее спутника привели Конана к большому строению, располагавшемуся почти в центре деревни. Прямо у входа стояли мальчик и девочка. Оба были чуть покрупнее Конана, хотя он и оценил их возраст не более чем в тринадцать зим. Одеты в домотканые шерстяные рубахи и короткие юбки, на ногах сапоги из зеленой пупырчатой кожи, доходившие почти до колен. Волосы в точности такого же оттенка, как у Тэйли. Явно присутствует чисто семейное сходство.

Тэйли указала на паренька:

— Это Орен. — Мальчишка улыбнулся. — А это Морья, его сестра-близнец. Они мои младшие брат и сестра.

Конан приветливо кивнул детям.

— Отличная штукавина, Тэйли! — воскликнул мальчик.

Конан хмуро глянул на великаншу:

— Штуковина?

— Я немного научила их вашему языку, — объяснила она. — Но часто они выражаются неудачно.

Конан с этим согласился: действительно, у детей многое получается не так.

— Мой отец в доме, — сказала Тэйли. — Он бы хотел познакомиться с тобой.

— Как же он узнал обо мне?

— Должно быть, близнецы успели разболтать.

Внутри огромного дома царил сумрак — свет сюда попадал лишь через немногочисленные окна, прорубленные в стенах и открывающиеся наружу. Гигант, почти вдвое превосходивший ростом Конана, стоял посреди комнаты у какого-то сооружения, смахивающего на прочную клетку. Еще здесь были столы и стулья, расставленные по периметру, а также повсюду огромные корзины, сплетенные из тростника.

— Эй, Тэйли! — пророкотал исполин.

— Да, отец.

Конан и великанша, оставив прочих джатти в дверях, подошли к гиганту. Тот носил темную с проседью бороду и был обнажен, если не считать дубленой звериной шкуры, опоясывающей чресла и доходящей до колен. У Конана создалось впечатление, что великан способен переломить его пополам усилием не большим, чем требуется обычному человеку, чтобы сломать старую метлу.

— Этот человек — Конан, — начала Тэйли, — прикончил пятерых разбойников человеческого племени на скалистом плато. Мой отец, Разери, предводитель джатти, а также шаман.

— Пять разбойников, неужели? — гаркнул Разери; в закрытом пространстве голос его звучал громовым рокотом. — Превосходно, дочь моя! Ты доставила мне хороший материал!

Опять прозвучало нелепое слово, опять киммерийца назвали неодушевленным предметом. Но на этот раз Конан не подумал, что слово вырвалось случайно. Тревожная струна запела в сердце. Варвар начал было поворачиваться к Тэйли...

...и увидел огромный кулак, по сравнению с которым его собственный казался крошечным. Эта

своеобразная булава летела прямоком Конану в лоб.

— Извини, — успел услышать киммериец.

Он вскинул руки для защитного блока, но мир взорвался красным и желтым. Затем разлилась тьма.

Глава третья

Фургон петлял по слежавшемуся снегу Верхней Коринфийской дороги в ущелье, ведущем в Замору. Повозка, что медленно преодолевала ледяное дыхание гор, была сработана из дерева. Длинная и широкая, с высокими боками и островерхой крышей из туго натянутой плотной материи, защищающей от всевозможных капризов природы. Шесть больших деревянных колес обшиты железными ободами, втулки густо смазаны дегтем, спицы для пушей стойкости обернуты полосами позеленевшей от старости меди. Кромка кузова украшена глубоким резным орнаментом. Впрочем, замысловатый узор изрядно выцвел под неумолимым солнечным оком. Размеры фургона под стать лишь широким дорогам, и шестерка запряженных быков с трудом волочила массивное сооружение.

Лицо возчика, сидевшего впереди, спиной к пологу, скрывавшему внутренность фургона, спрятано под глубоким капюшоном. Руки, державшие вожжи, затянуты в перчатки. Через какое-то время изнутри вылезла вторая фигура и уселась рядом с возчиком. Этот оказался весьма привлекательным парнем с волосами цвета свежей соломы, с лицом чисто выбритым и красивым по самым строгим меркам. Одет он был в серый плащ с капюшоном. Парень хлопнул возчика по плечу:

— Стой, Панхр. Дэйк велел тебе притормозить, надо сварганить что-нибудь пожрать.

Из-под капюшона донесся нечленораздельный рык.

Беловолосый ухмыльнулся, обнажив прекрасные зубы:

— Ох, косматый, слишком уж ты мрачен. Наслаждайся жизнью!

С этими словами парень протянул руку и, откинув капюшон, скрывавший лицо собеседника, явил миру милейшее существо, именуемое «Панхр».

Возчик злобно заворчал и тяжело взмахнул кулаком в перчатке. Неуклюжее движение оказалось столь мощным, что беловолосый слетел со своего места и шмякнулся на слежавшийся снег. Панхр же немедленно водрузил капюшон на место, однако любой случайный свидетель успел бы понять причину столь неожиданной вспышки.

У Панхра было лицо зверя. Волчья морда.

Там, где у человека красуется нос, выступало хищное рыло. Когда монстр оскалился в ярости, появились длинные, острые зубы, созданные, чтобы рвать плоть. А еще, вдобавок к рылу и глубоко посаженным звериным зенкам, рожа сплошь покрыта жесткой щетиной. Скорее шерстью, нежели человеческими волосами.

Когда быки медленно затормозили, Панхр навострился было прыгнуть с козел на упавшего, но тут властный голос, подобный удару бича, прорезал морозный воздух:

— Панхр! Стой!

Человек с волчьей мордой застыл на месте, будто оглушенный.

Из-за полога появился третий мужчина. Он казался полной противоположностью светловолосому, что барахтался в снегу рядом с фургоном, силясь

подняться. Смуглый, с волосами цвета воронова крыла; длинные усы опускаются значительно ниже квадратного подбородка. Плащ не мог скрыть ширины плеч, и там, где позволяли увидеть рукава, мышцы предплечий устрашающе перекачивались, когда черноусый сжимал кулаки.

Белобрысый тем временем наконец поднялся:

— Я расквашу твою волосатую харю!

Смуглый бросил свирепый взгляд на блондина:

— Помолчи, Крэг!

Взбешенный Крэг сверкнул глазами на говорящего, но затем отвел взор, сделав вид, что поглощен осмотром пятен прилипшего снега на своем плаще. Он принялся сосредоточенно счищать снег и ни слова не возразил на приказ придержать язык.

Панхру смуглолицый приказал:

— Ты не должен бить Крэга. Я накажу, понял? Я здесь хозяин!

Панхр кивнул.

— Повтори!

Волкоглав пробормотал вполне членораздельно:

— Дэйк — хозяин.

— Хорошо.

С этими словами Дэйк взмахнул тяжелым кулаком и с силой ударил волкомордого в грудь, сбросив его с фургона прямо на ухмыляющегося Крэга. Ухмылка тут же исчезла, когда тяжелая туша волкоглава вновь опрокинула бедолагу в снег.

— А ты больше не дразнишь Панхра, — закончил Дэйк.

И скрылся внутри фургона, оставив своих спутников лежащими на холодной земле.

Внутри фургон выглядел даже больше, чем снаружи. Здесь располагались широкие скамейки, а за ними по обе стороны находились запертые сундуки.

Еще оставалось достаточно места, чтобы улеглась спать дюжина здоровых мужиков. Тро, женщина-кошка, и Саб, мужчина с четырьмя руками, с опаской поглядывали на хозяина, когда тот уселся в мягкое кресло, предназначенное только для него. Он мрачно посмотрел на слуг. Ни у кого во всей Коринфии и Заморе, или даже в Кофе, не было такого собрания уродов, как у него, но Дэйк все равно терзался всепоглощающей мукой алчности. От кошки у Тро было столько же, сколько у Панхра — от волка. Однако под мехом тело у потаскушки абсолютно женское, и немало мужиков с готовностью платили за удовольствие потискать и попользоваться кошкозаду. Дэйк и сам не брезговал, хотя последнее время что-то пореже распалялся страстью к пушистым прелестям Тро.

Вторая пара рук Саба была меньше первой, но он владел и теми и другими и всегда притягивал желающих платить за то, чтобы поглазеть на него. И все же с недавних пор толпы зевак поубавились, и балаганщик понимал: ему необходимо отыскать какой-нибудь сногшибательный феномен, этакое сверхурода, ужасающую страхолюдину или нечто уморительное.

Со своими зачаточными познаниями в магии и этой коллекцией уродцев голодать, конечно, не придется, однако Дэйк мечтал стать главным шутком какого-нибудь короля, чтобы иметь достаточно денег для удовлетворения своей основной мечты: порождать и выращивать все более и более странных тварей, стать мастером гротеска, с дюжинами, возможно сотнями, монстров — существ, доселе не виданных глазами человеческими. Он знал, что есть чародеи, способные сотворить такое единым мановением руки, но Дэйк владел магией низшего порядка и не питал надежд когда-нибудь сравняться с этими кудесниками. Нет, он мог наколдовать лишь всякие

мелочи, но великим чародеем ему не стать. Зато он мог стать великим собирателем чудес.

Ходила молва, будто где-то у дороги на Шадизар обитает племя великанов. И те же болтуны вещали о живущем там же поблизости карликовом народе, где взрослые не выше человеческого младенца. Хотя карлики были явлением обычным, но про этих крошечных человечков говорили, будто они вдобавок цвета древесных лягушек. Добавь Дэйк пару таких существ к своей коллекции, это бы сильно увеличило его шансы обрести покровителя. Именно поэтому он и следовал сейчас по направлению к Городу Воров. У него даже была грубая карта, приобретенная у достойного представителя пьяного сброда в захудалом трактире у городской стены Кордавы. Оборванец пропилился до последнего, и предложенная Дэйком бутылка заставила его расстаться со своим сокровищем. За несколько медяков Дэйк получил координаты места, где он может добыть несколько чрезвычайно ценных экземпляров для своей коллекции. Разумеется, никогда нельзя сбрасывать со счета возможность того, что карта эта фальшивая и не стоит даже овечьей кожи, на которой начертана, но Дэйк все же так не думал. У него был нюх на такие дела, а бережно хранящаяся карта, сотни раз складываемая и раскладываемая за долгие годы, имела вид абсолютно подлинный. И коли так, это стоящее приобретение и куда дешевле цены, которую он был готов предложить.

Мысль о том, что подобной сделкой ему удалось одурочить ближнего своего, пусть даже такого горького пьяницу, а также реальная возможность занять богатого покровителя несколько ободрили Дэйка, во всяком случае он почувствовал некий прилив удовольствия, что тут же сменился желанием иного вида.

Он улыбнулся женщине-кошке и кивнул в сторону большой кровати, которую было позволено за-

нимать только ему — за исключением тех моментов, когда он приглашал кого-либо разделить с ним ложе. Как, например, сейчас.

Тро вздохнула, встала и направилась в сторону кровати.

Дэйк пошел к ней и засмеялся, увидев, как ворочит лицо Саб. Четверорукий был влюблен в женщину-кошку, так же как она в него, но ни тот, ни другая не догадывались, что Дэйк знает об этом.

Какая жалость. Никого их желания не волнуют. Они же не люди, они уроды. Имеет значение только то, чего желает сам Дэйк, ибо он хозяин, разве не так?

Когда солнце дважды полностью обошло небосвод, а луна тоже дважды омыла мир своими лучами, фургон прибыл к месту, где обитатели повозки вынуждены были свернуть с хорошей дороги.

Человек-волк стоял рядом с фургоном. Рядом с Панхром стоял Дэйк, рядом с Дэйком Крэг, и все они изучали вьющуюся тропу, что спускалась по каменистому склону и далеко внизу сливалась с чем-то похожим на ручей.

— Там, — сказал Панхр, указывая на юг зачехленным пальцем.

— Ты уверен? — переспросил Дэйк.

— Точно. Видишь там вдалеке густые заросли? Это должно быть болото.

Дэйк развернул карту и снова посмотрел на нее. У него была копия, сделанная собственными руками на случай, если эта потеряется или придет в негодность. Судя по всему, Панхр прав.

Смуглый человек сказал:

— Мы должны найти место, чтобы укрыть фургон. Полчаса назад мы проезжали подходящую рошу.

— А что с быками? — спросил Крэг.

— Пусть себе бродят спокойно, далеко они не уйдут. И они вернутся, как только я позову их.

Дэйк взмахнул рукой, сложив пальцы в манящем жесте. Чары, призывающие домашних животных, едва ли можно было отнести к верховной магии, зато Дэйк был способен исполнить их без особых хлопот. Хотя он и не родился волшебником, но за долгие годы хорошо усвоил, что иногда даже маги переживают тяжелые времена, и в эти периоды они подчас вынуждены продавать некоторые из своих незначительных заклятий, если предложенная цена достаточно велика.

— Мы оставим кого-нибудь охранять фургон? — осведомился Крэг.

— Нет. — Дэйк мог и на фургон наложить отгоняющее заклятие, дабы любой прохожий, оказавшийся в непосредственной близости и не сведущий в колдовских искусствах, почувствовал бы до тошноты доходящее неудобство. Подобное действие вряд ли смогло бы удержать мало-мальски способную ведьму или чародея, но вряд ли и то, что обладающему реальной силой волшебнику понадобится фургон, даже такой замечательный, как у Дэйка. — Нет, мы все вместе спустимся по тропе. Ваши способности могут понадобиться при захвате новых товарищей.

Панхр отправился поворачивать фургон, чтобы отвести его назад в укрытие. Дэйк еще мгновение стоял, глядя на деревья, корни которых, возможно, утопали в болоте. Прошло уже немало лет с тех пор, как он украшал своим присутствием Шадизар, но он знал, что там есть богатые люди, и кто-то из них рад будет прославиться, покровительствуя зверинцу Дэйка... особенно если Дэйк сможет добавить к своим уродцам настоящего великана и новый вид карлика.

И уже различные возможности скрещивания будоражили фантазию мага: будут то великанские

мужчины или женщины-кошки? Карликовый человек-волк с зеленым мехом? Или, возможно, четверорукий великан или карлик? Правда, некоторые уроды не всегда беременеют от других уродов, но есть чары, способные помочь при спариваниях. Дэйк знал некоторые из простейших заклинаний, знал он и то, что, имея достаточно золота, сможет приобрести и другие.

Он повернулся и с улыбкой запрыгнул в фургон.

Возможностей, веселящих кровь, было множество.

Глава четвертая

Очнувшись, Конан обнаружил себя в клетке.

Голова у киммерийца раскалывалась, мышцы онемели. Причиной последнего был жесткий пол этой странной клетки; для объяснения первого пленнику понадобилось какое-то время. И радости пришедшие воспоминания не принесли.

Поймав врасплох, великанша ударила его. И что бы она ни говорила о своей слабости, Конана это больше не убеждало. Ни один мужчина не наносил ему подобных ударов.

Его положение отнюдь не выглядело многообещающим. Конан сел и потер шишку на голове. Затем он огляделся по сторонам. Не было меча с ножнами. Но все прочее осталось при нем: одежда, пояс и вещевой мешок. У него были кремь, и кресало, и трут, то есть возможность развести огонь. Подобный недосмотр — большая ошибка со стороны его тюремщиков.

Клетка, которую до этого он не успел как следует разглядеть, была сделана из какого-то твердого бе-

лого вещества. Что это за материал, с первого взгляда киммерийцу распознать не удалось. Сплетавшиеся странным узором прутья и перекладины были самых разных размеров и между собой скреплены какой-то зеленоватой субстанцией, очевидно разновидностью клея. Попытки отковырнуть это вещество ногтями или кресалом показали — с тем же успехом он мог ковырять камень. А когда он в сердцах ударил кулаком по белой перекладине, она отозвалась металлическим звуком, будто бы он постучал по бронзе.

Кости!

Неожиданно Конана осенило, что прутья и перекладины его клетки сделаны из кости. И, судя по длине самых больших, кости эти принадлежали существу, значительно превосходящему размерами человека.

— А, вижу, ты очнулся.

Конан взвился и обнаружил рядом с клеткой Разери, великана, которого Тэйли называла отцом.

— Скажи мне, — продолжил великан, — есть у тебя какие-нибудь соображения относительно того положения, в котором ты оказался?

Конан был вовсе не расположен к беседе, но собеседник его имел явное преимущество. Похоже, не очень-то благоразумно раздражать великана, что держит тебя в клетке. И он сказал:

— Я в клетке из кости чрезвычайной крепости. Подозреваю, это кости подобных тебе. Не понимаю, как это стало возможным. Наверное, вы народ каннибалов.

Великан расхохотался, громовые раскаты эхом отлетали от стен.

— Очень хорошо! Насчет клетки ты абсолютно прав. Наш Созидатель понимал, что для выполнения его задачи нам потребуется особое строение, и наградил нас куда более крепкими костями, чем у

маленьких людей. А что до твоего предположения о нашем каннибализме, то это хорошая мысль, но неверная. В отличие от варгов мы не дикари; напротив, мы бытописатели.

Конан не знал такого слова и ничего не ответил. Чем больше сообщит ему великан, тем выше шансы сбежать отсюда.

— По выражению твоего лица я вижу, что ты не знаком с нашим учением. Бытописание — это учение о мире и обо всех его составляющих. Мы хотим знать все и обо всем. — Великан еще приблизился к клетке и теперь стоял прямо над ней. С высоты своего роста он взирал на Конана. — Раз мы хотим выжить в мире, напичканном многократно превосходящим множеством людей, которые боятся и ненавидят нас, то должны знать все, что только возможно о наших врагах. Вот поэтому ты и стал экземпляром для наших исследований.

— Я не книжник и не колдун, — буркнул Конан. — Терпеть не могу пустопорожней болтовни!

— Э, да ведь ты не первый, кто занимает эту клетку. Мы... наблюдали за теми, кого ты называешь книжниками. Нам известно, что существует великое множество различных типов маленьких людей, в точности как и нас. Нам необходимо расспросить воина, пришедшего из других земель.

— Чтобы задать вопросы, нет нужды держать меня в клетке.

— Э, боюсь, что тебе все же придется остаться там. Некоторые из вопросов — физического свойства и весьма болезненные.

Конан уставился на Разери. На мгновение сверкающие голубые глаза потускнели. Итак, они собираются пытать его. Ладно. Будь дверь его клетки открыта, он посмотрел бы, насколько они сильны против киммерийца в ярости. Он понимал, что лов-

костью куда превосходит великанов, и заполучи он как-нибудь свой меч — вон он стоит, прислоненный к стене, за спиной великана, — то посмотрел бы, насколько крепка великанская плоть по сравнению с отточенным острием. Всяко лучше умереть с мечом в руке, нежели покорно терпеть пытки. Кром приветствует воинов, но, если не будешь бороться, от него мало толку. Поскольку Конан, похоже, скоро предстанет перед своим богом, лучше всего, если сопровождать его будет столько врагов, сколько удастся забрать с собой. Есть вещи хуже смерти, бесславная гибель например.

Болото оказалось вязким, покрытым густой растительностью, на каждом шагу попадались пенящиеся лужи и коварные островки. Лишь иногда луч солнца ухитрялся пронзить нависающую листву, и даже в полдень здесь царил давящий полумрак.

Возможно, именно поэтому Крэг сбился с узкой тропинки, которую прокладывали отряду уверенные стопы Тро. Светловолосый сразу же завяз в трясине.

— Помогите!

Дэйк раздраженно покачал головой и бросил Панхру:

— Вытащи его.

Человек-волк кивнул и снял моток веревки, висевший у него на плече. Он аккуратно размотал несколько витков и, взяв конец веревки в левую руку, приготовился к броску.

— Скорей же, ты, мохнатая образина!

Крэг уже завяз по пояс, и его усилия освободиться лишь ускоряли погружение.

Дэйк вздохнул. Крэг был предан без меры, но, мягко говоря, слегка туповат. Лишь явный недоста-

ток ума может заставить человека, погрязшего в трясине, проклинать своего спасителя. Не прикажи Дэйк Панхру спасти этого идиота, волкоглав, без сомнения, просто с ухмылкой смотрел бы, как Крэг идет навстречу своей булькающей смерти. Никто не желает иметь помощника излишне самоуверенного или амбициозного, а следовательно, опасного, но не исключено, что вся преданность Крэга сводится на нет его тупостью.

Панхр бросил веревку. Поскольку Крэг был от него всего в нескольких шагах, плотный моток лишь чуть развернулся и тяжело шмякнулся, ударив тонущего по груди и лицу.

— О-о! Прокляни тебя Сэт!

Дэйк не видел скрытого капюшоном лица Панхра, но был уверен, что там застыла волчья ухмылка.

Вокруг них болото жужжало тучами насекомых. Трясина чмокала у ног Крэга, пока Панхр вытягивал его из грязной жижи. Наполовину вытащив Крэга, человек-волк натянул веревку чуть сильнее, и блондин повалился прямо лицом в грязь — брызги полетели во все стороны.

За спиной Дэйка Тро и Саб громко расхохотались.

Наконец Крэг вполз на тропу и встал, весь трясясь от ярости. Он сверлил глазами Панхра.

— Ты нарочно сбил меня с ног! — вскричал он, выхватывая кинжал из-за пояса. — Ты поплатишься за это собственными ушами!

— Убери нож, — приказал Дэйк.

Крэг, слишком тупой, чтобы осознать опасность, грозящую ему самому, повернулся к хозяину:

— Ты же видел, что он сделал!

— Еще я видел, что именно ты сбился с тропы. В следующий раз оставлю тебя подыхать!

Панхр принялся методично сворачивать веревку.

Крэг весь кипел злобой, но тем не менее убрал кинжал в ножны.

Дэйк отвернулся. Когда-нибудь эти двое сцепятся по-настоящему, не на жизнь, а на смерть. Панхр слишком ценный экземпляр, чтобы лишиться его, и если Крэг не способен сдерживать свой гнев, придется с ним разобраться. Найти помощника не трудно, а люди-волки на дороге не валяются. Печально, но преданностью не заменишь всего остального.

Однако существовало множество насущных проблем, которые требовали более спешного решения. Найти карликов, захватить великанов.

И будто бы в ответ на эти мысли странный звук донесся из чащи, монотонный гул, подобного которому колдуну никогда слышать не приходилось.

— Что это? — спросил Крэг.

— Пойдем вперед и выясним, — сказал Дэйк.

Глубоко в дебрях болота, куда никогда не ступала нога человеческая, за страшными зыбучими песками и таким густым лесом, что деревья стоят стеной без единого просвета, лежит жилище самого южного племени варгов. На опушке, у холодного, сочащегося из земли озера Фосулл, вождь племени, выковыривал заостренным ногтем из сточенных на концах зубов кусочек мяса, а затем принялся задумчиво пережевывать хрящик. Среди своих вождь был самым высоким и самым стройным, примерно в четверть роста какого-нибудь из джатти, а еще он бегал быстрее и лазал сноровистей варгов, что были вдвое его моложе. Его пупырчатая зеленая кожа тут и там уже покрылась морщинами. Пожалуй, глаза не были столь же остры, как дюжину лет назад, но никто пока не отважился оспаривать его верховенство, даже его старший сын Вилкен, хотя день этот уже

не за горами. Парню еще нужно поднабраться опыта. И через лето-другое Фосулл уступит ему тяжелую ношу вождя, позаботившись о девяти своих женах. Лучше достойно отойти от дел, нежели стать мертвым вождем.

Фосулл уже собирался сбросить шкуру и окунуться в пруд, когда к нему подбежал Брэк, один из его наблюдателей.

— Хо, вождь!

Фосулл пожевал зубами и изобразил на лице скуку.

— Сегодня теплый денек, и я уже собирался залезть в воду. Что там еще?

— Чужаки, вождь.

— Джатти?

— Нет. Люди-не-с-болот. И престранные.

— Как это престранные?

— У одного четыре руки. Другой с лицом ужасного зверя. Еще там женщина, подобная кошке. Остальные двое обыкновенные.

— Интересно. И где же ты их обнаружил?

— На нижней Черепашьей тропе.

Фосулл обдумывал новость. Конечно, люди-не-с-болот далеко не так вкусны, как джатти; с другой стороны, еда есть еда, и люди-не-с-болот все же лучше, чем ничего. Последнее время варгам приходилось в основном довольствоваться болотными свиньями и различными грызунами, так что пятеро чужаков, пусть странных, покажутся настоящим пиршеством. Прохладной ванне придется подождать.

— Очень хорошо, собери воинов на верхней Черепашьей тропе. Мы захватим пришельцев у Мшиного поворота.

— Мой вождь, — поклонился Брэк и скрылся в кустах.

Фосулл отправился за своим копьем, что стояло у пышного, обвитого лианами дерева, нависавшего над водоемом. Не исключено, что странность этих чужаков и вкус их делает более пикантным.

Будем надеяться.

Почти все утро Конан провел в клетке в одиночестве. Ему все еще жгло глаза от той вонючей жидкости, которую, уходя, выплеснул на него Разери. Великан опрокинул на пленника содержимое небольшой деревянной чаши, и аромат был будто от дохлой крысы, пролежавшей три дня на солнцепеке. Обрызгав киммерийца, Разери с минуту понаблюдal за своей жертвой, кивнул сам себе и удалился.

Эта попытка была не из тех, о которых когда-либо слышал Конан.

Наконец в дом вошла Тэйли и направилась к клетке. Конан молча смотрел на девушку.

— Куми не принес тебе больших страданий, как я погляжу, — сказала она.

Конан и теперь удержал язык за зубами.

— Ты должен понять, что я не желаю тебе зла, — продолжила Тэйли. — Отец поручил мне раздобыть маленького человека-воина, и, на твою беду, подвернулся именно ты.

Большого утешения слова эти Конану не принесли. Он по-прежнему молчал.

— Нас лишь горстка, а маленьких людей тьма, — говорила она. — Чтобы уцелеть, нам необходимо знать своих врагов. Несомненно, ты способен это понять.

— Пока я сюда не попал, я не был вашим врагом, — наконец не выдержал Конан.

— Но вся твоя порода именно такова. Сожалею, что пришлось тебя одурачить, но я просто исполняла свой долг.

— Мне было бы легче простить, отопри ты дверь этой клетки и выпусти меня отсюда.

— Увы, это невозможно. Я только хочу, чтобы ты знал: лично против тебя я ничего не имею.

— Похоже, придется подохнуть в этой клетке от руки твоих сородичей. Так что ты можешь не волноваться — трупы обижаться не умеют!

На это Тэйли ответить было нечего. Она повернулась и ушла.

Конан снова оглядел клетку. Дверь, судя по всему, крепилась тем же зеленоватым клеем, что и прутья. Он уже понял, что вещество это не поддается кремню или кресалу, да к тому же еще не горит. Огонь не берет и эти металлоподобные кости.

Напрягая мускулы, Конан проверил каждую кость, составляющую клетку, в надежде обнаружить слабое место. В одном из углов он наткнулся на кость длиной и шириной примерно с его руку. Когда он дернул, кость эта слегка хрустнула. Если удастся вырвать ее, отверстие будет недостаточным для побега, но у пленника появится сносный рычаг. К тому же он сможет использовать кость в качестве дубинки. Если Разери подойдет достаточно близко, можно будет попытаться разmozжить ему череп. Или добиться успеха, метнув самодельную дубинку. Это все же лучше, чем совсем ничего.

Конан сжал конец шатающейся кости и потянул, напрягая все свои силы. Распорка хрустнула и, похоже, чуть подалась. На мгновение он расслабился, потом потянул вновь. Мысль о разбитой физиономии Разери заставила Конана зловеще усмехнуться. Как бы то ни было, убийство одного из великанов сократит время пребывания в узилище.

И он потел над костью.

Сейчас ему больше ничего не оставалось.

Глава пятая

На отряд напали внезапно — Дэйк не успел даже ничего толком сообразить. Только что путники с трудом пробирались сквозь болото, а в следующее мгновение из густых зарослей с отвратительным воем высыпала целая толпа гнусных зеленых карликов, размахивающих копьями.

Единое мгновение, казалось, растянулось до бесконечности, подобно клейкой нити древесной смолы. Впрочем, Дэйку потребовалось немного времени, чтобы понять: он вместе со своей шарагой уродов вряд ли выстоит против неизвестно откуда налетевшей орды. Нападавших было не меньше двух десятков. Теперь надо действовать быстро, дабы спасти не только имущество, но и собственную задницу. Дэйк торопливо забубнил магические формулы охранного заклятия. Над болотной жижей сустилось мерцающее облако, послышался громкий хлопок, будто стукнули кувалдой по свиной туше, и тотчас рядом с колдуном возник огромный кроваво-красный демон. Чудовище лязгало желтыми кривыми клыками и во всю месило воздух саблеобразными когтями. Такими загогулинами запросто можно выпотрошить быка!

Карлики, словно наткнувшись на незримую стену, в оцепенении застыли.

Приободрившись от удачно сработанного колдовства, Дэйк махнул демону. Монстр, наклонив тупорылую башку, шагнул вперед.

Маленькие зеленые человечки дрогнули и в панике бросились обратно в заросли, на ходу вереща что-то друг другу и, без сомнения, взывая о помощи к своим божкам.

Дэйк ухмыльнулся. Демон, разумеется, был просто-напросто дешевым балаганным трюком. В нем столько же силы, сколько в дымке от затухающего

костерка. Правда, выглядело чудовище достаточно внушительно, и вряд ли бы нашелся кто-нибудь в здравом уме, возжелавший познакомиться с красной зверюгой поближе.

Не успели еще странные болотные человечки скрыться в мешанине листьев и ветвей, как чародей-самоучка громко окликнул Панхра:

— Слови-ка мне одного зелененького!

Волкоголовый дернул плечом в знак повиновения и, разворачивая на ходу веревку, ринулся вперед. На конце веревки была сделана хитроумная скользкая петля. Панхр раскрутил моток над головой и метнул, зацепив одного из улепётывающих карликов. Панхр резко натянул веревку, и неожиданный рывок сбил человечка с ног. Карлик со всего размаху шлепнулся носом в зловонную грязь.

Отлично! Если поймать великана окажется так же просто, вскоре можно будет вновь выбраться на Шадизарский тракт.

Зеленый карлик что есть мочи сопротивлялся, но Панхр без видимых усилий держал веревку туго натянутой, и пленник продолжал кувыряться в бурой жиже. Дэйк поспешил к своей новой добыче.

Демон же бесследно растворился, как только его создатель утратил к монстру интерес. Теперь, когда опасность миновала, следует сотворить настоящее заклинание, достойное истинного мага.

В то время как несчастный карлик, пытаясь ослабить мертвую хватку петли, полз в сторону своего мучителя, Дэйк с невероятным трудом, надсаживая горло и выворачивая язык, бормотал слова действительно мощного заклятия. Сковывающие чары, почти различимые обычным взглядом, опустились мутной пеленой на карлика. Тот прекратил борьбу и затих.

— Теперь ты мой, — проговорил Дэйк. — Ты не сможешь ускользнуть от моих чар.

Понял его зеленый человечек или нет, Дэйк сказать не мог, но карлик, точно так же как и все остальные слуги чародея, был теперь опутан магической сетью. Колдовская паутина пострашнее стальных кандалов — она сковывает волю, делает беспомощным, мешая сбежать от нового хозяина.

— Освободи веревку, — приказал Дэйк.

Волкоголовый повиновался.

Новый пленник исподлобья угрюмо разглядывал своих недругов. Дэйк властным жестом велел карлику подняться. Человечек встал, хотя и с явной неохотой. Он попытался перебороть силу чар. Дэйк только усмехнулся: «Все они поначалу трепыхаются!» Это было единственное, полностью подвластное ему могущественное заклинание, и срабатывало оно великолепно. Лучше быть способным хоть на что-то, чем вообще ничего не уметь, а трюк этот до сих пор служил ему безотказно.

— Надо идти вперед, — сказал Дэйк.

— А про к-карликов ты з-забыл? — чуть заикаясь от недавно пережитого страха, спросил Крэг.

— Ты же видел, как они обрадовались демону. Больше докучать нам не станут.

Крэг явно трусил. Но он был не из тех, кто перечит хозяину. Отряд двинулся дальше.

Вслед за Разери в комнату вошли еще четыре великана. И каждый нес длинный прямой кол. По сигналу Разери великаны окружили клетку, где томился киммерец.

Разери выкрикнул какую-то фразу, и четверо гигантов вплотную приблизились к клетке и опустили палки.

Первая дубина стремительно проскользнула меж перекладин клетки, нацелившись Конану прямо в спину. Звериным чутьем варвара Конан уловил это

молниеносное движение и успел развернуться. Он отбил шест кулаком, мощным ударом отбросив палку вниз. Но тут рванулся другой кол и крепко припечатал Конана меж лопаток.

Киммериец выругался и принял удар, чуть качнувшись в сторону. Мгновение спустя последовала третья атака.

Клетка была достаточно высока, даже такой богатырь, как Конан, мог стоять там во весь рост. Однако, если бы он попробовал подпрыгнуть — сразу бы треснулся головой о верхние перекладины. Оставалось лишь уворачиваться из стороны в сторону, призвав на помощь всю свою ловкость. К тому же в проклятой мышеловке не было такого места, куда палки забавляющихся великанов не доставали бы.

Скользкий удар в бедро чуть не свалил киммерийца с ног, а следующий выпад угодил прямо в живот.

Конан судорожно искал способ хоть как-то защититься. Эти четверо здоровяков могут прикончить его, как глупого жучка на стене! В считанные секунды они забьют его дубинами насмерть. Надо немедленно что-то придумать! Искитриться — и обмануть эти безмозглые груды мяса!

Один из гигантов слишком вяло ткнул палкой по своей живой игрушке, и это был единственный для варвара шанс. Конан вцепился в дубину и попытался вырвать ее из лап мучителя. Однако великан с такой силой потянул на себя палку, что киммериец разжал от боли пальцы.

Смерть уже стояла у него за спиной, когда Конан увидел еще один проблеск надежды. Размеры клетки таковы, что избежать ударов сразу с четырех сторон нельзя, но, если встать примерно посередине одной из стен, трое из атакующих дотя-

нуться уже не смогут. Если, конечно, не сдвинутся с места. Да эти амбалы пока особо резво и не топчутся... Плохо только, что он полностью раскроется для одного великана. Хотя один — все же лучше, чем четверо.

Конан проворно отскочил, когда ближайший гигант нацелил кол прямоком в широкую грудь варвара; острое пронеслось в опасной близости, лишь оцарапав кожу. Киммериец боком прыгнул к стене клетки. Обими руками он вцепился в разящую дубину, оседлав ее, плотно соединив лодыжки. Прижался к ней могучей грудью и повис, точно на корабельной мачте в бурю.

Даже великан не смог удержать на вытянутых руках кол с висющим на нем киммерийцем. В конце концов, варвар-северянин отнюдь не щуплый городской хлыщ! Киммериец рухнул на пол своего узилища и выдернул дубину из рук изумленного гиганта.

Потом мгновенно вскочил на ноги. Теперь у него есть оружие!

Присев, Конан обрушил своеобразное копье на растерявшегося исполина, вложив в удар всю свою силу и ярость. И, следуя этому поспешному, но хорошо нацеленному выпад, кол угодил великану прямо в лоб. Последовал звук, будто деревянным молотом подгоняют дубовые доски... Глаза великана стали похожи на два перезрелых помидора. Он бухнулся на колени, а затем повалился на правый бок, так что вся клетка аж ходуном заходила.

Конан развернулся и наполовину втащил дубину внутрь в узилище. Оружие чересчур тяжелое, чтобы как следует размахнуться, даже если для этого у Конана будет достаточно пространства. Однако есть шанс оставить несколько хороших зарубок на шкурах этих балбесов, прежде чем они отправят его в

обитель сурового Крома! Варвар по-волчьи оскалился.

— Отлично! — прогремел Разери, хлопнув в ладоши.

Он произнес еще одну непонятную тираду, и трое гигантов опустили свои дубины.

Конан буравил взглядом вождя великанов. Кровь варвара кипела от ярости. Он бы предпочел биться и биться — до конца. Ведь, несмотря на свою маленькую победу, он по-прежнему заключен в клетку и остается полностью во власти безжалостных исполинов.

— Весьма изобретательно, — продолжил Разери. — И, учитывая характер атаки, это был единственно возможный шанс.

— Выпусти меня, и я покажу тебе еще парочку забавных трюков! — зарычал Конан, вновь поднимая тяжеленный кол.

Разери улыбнулся:

— О нет! Мы приготовили для тебя множество других испытаний. Верни палку!

— Нет уж, пусть побудет у меня. Возьми сам, если сможешь.

— Я не могу тебе оставить палку, ведь ты сможешь использовать ее как рычаг. Смола экад крепка, но и ты силен. Возможно, даже сумеешь выломать дыру и сбежать. Лови тебя потом...

Конан и бровью не повел после этих слов.

— Ребятам не терпится продолжить забаву, — заметил Разери, кивнув в сторону застывшей в ожидании троицы.

— Лучше умереть в битве, чем покориться, словно баран мяснику.

— А-а, кодекс воина. Очень хорошо. Но тебе еще не время умирать. Поддай-ка палку.

— Нет.

Разери полез в сумку, висящую у него на поясе. Когда он вынул руку, ладонь была сомкнута.

Конан поднял дубину, сляясь удержать ее в равновесии, и чуть выгнулся назад. Пусть и не отточенный остро, но брошенный с достаточной силой, кол сможет проткнуть брюхо наглому амбалу!

Но прежде чем киммериец успел проделать свой отчаянный бросок, великан разжал ладонь и швырнул что-то в пленника. В воздухе мелькнули крупинки странного черного порошка. Конан отшатнулся, но все же уклониться от дьявольской пыли не смог. Он задержал дыхание, однако едкая вонь забралась в ноздри. Огнем обожгло горло. Проклятье! Он подцепил-таки поганого зелья! Перед глазами заплесали разноцветные круги, все вокруг поплыло, будто Конан окунулся с головой в мутную воду. Ноги подкосились в коленях. Последним усилием киммериец толкнул кол, но отравы уже высала всю жизненную энергию. Дубина вылетела из клетки и упала, не причинив никакого вреда, у ног Разери.

Липкая тьма обступила Конана со всех сторон.

Разери был доволен.

Пленник, добытый его дочерью, пожалуй, лучший из всех, с какими ему доводилось сталкиваться. Маленький человек из далеких земель оказался храбрым, сильным и смышленным. У него многому можно поучиться.

Вождь джатти оторвал взгляд от стола, за которым сидел, и глянул на бесчувственного пленника, лежащего в своей клетке. Великан испытывал странное чувство — смесь радости и страха. Этот неистовый человечек представляет самую большую опасность всей своей породы. Местные обитатели лесов и болот не обладали и толикой тех качеств, что

имеются у черноволосого и голубоглазого пленника. У них нет такой неукротимой ярости, такого пыла и неколебимой гордости! Большинство столь напугано одним только видом джатти, что способность к сопротивлению оказывалась ничтожна. Большая часть умирала быстро, моля при этом о пощаде. Если б по всей земле маленькие людишки были такими слюнтяями, джатти могли бы и дальше процветать без особого беспокойства.

Но... если в этом чужеземце воплощено то, на что способны маленькие люди... Тогда действительно существует опасность! Рано или поздно о джатти проведает окружающий мир. Несколько маленьких людей уже как-то ухитрились, преодолев бескрайние болота и даже засады зеленых карликов-варгов, пробраться в селение... Правда, никто из них обратно не вернулся. Но лишь вопросом времени остается появление других непрошенных гостей.

Тяйли терпеть не может его опытов, слишком уж она мягкосердечна. То, в чем она видит пытку, Разери считает простой неизбежностью. Она воспринимает маленьких существ как истинных людей, а не как угрозу, способную обрушиться в любой день. Она способна ощущать лишь внешнюю видимость, а Разери постигает суть. Пусть десять или сто сезонов минует без происшествий, но как насчет спокойствия правнуков? Если не найти способа защиты, будущее их всегда будет под вопросом. Разери давным-давно отбросил все сомнения и угрызения совести, делая то, что должно быть сделано во имя выживания племени. Жизнь, в конце концов, тяжкая штука, и боги помогают тем, кто сам желает себе помочь. Черноволосому чужестранцу предстоит умереть в клетке, но смерть его пойдет на благо джатти. А это единственно важное дело. Знания — сила; чем больше их, тем лучше.

Великан вновь склонился к пергаменту на столе и принялся заносить результаты последнего испытания. Картина вырисовывалась более чем сложная, и потребуются незаурядные усилия, чтобы описать все надлежащим образом. Преступлением будет пропустить нечто важное, без чего в дальнейшем все может быть истолковано превратно. Разери весь погружился в работу.

Посреди непроходимых топей, на священной опушке, где время от времени устраивались церемонии жертвоприношений, Фосулл собрал своих трясущихся от страха воинов. Солнце освещало прогалину, и лучи его открывали картину более чем неприятную. Даже варги, привыкшие сражаться с исполинскими джатти, поверглись в ужас при виде кроваво-красного демона, по сравнению с которым соседи-великаны показались просто милыми ребятами. Чудище будто явилось из ночных кошмаров, и воины до сих пор говорили о нем затаив дыхание.

— Мог ты когда-нибудь даже представить себе подобное страшилище?

— Эти зубы с легкостью разгрызут и черепаший панцирь!

— Оно глядело прямо на меня!..

— Тихо! — прикрикнул вождь. — Вы лепечете словно младенцы.

— Но ты же сам видел его, Фосулл...

— Я видел, что он велик. Однако он один, а нас много. А мои воины бежали, будто мыши от древесного кота!

— Что же мы могли сделать? Умереть в его жутких лапах? Это же порождение колдовских сил, не иначе!

Фосулл ничего не ответил, ибо все обстояло именно так. Он видел, как чудище вдруг возникло

буквально из воздуха, и не было у варгов магии, способной тягаться с подобным монстром. Своими чарами шаман мог исцелить простуду да иногда оживить бесплодное чрево, но ни один шаман не способен сотворить чудовище из ничего. Такой бестии даже удар копья может показаться уколом колючки.

— Будем держать военный совет, — решил Фосулл. — Подумаем, что делать с чужаками. Где мой сын? Вилкен? Ко мне.

И тут варги заметили, что среди них нет старшего сына вождя.

— Вилкен! Где ты?

Но Вилкена нигде не было. У Фосулла свело судорогой живот, когда он понял, что не видел сына с момента нападения на охраняющего чужаков демона.

Могло ли стать, что Вилкен, его наследник и будущий вождь варгов, схвачен чудовищем? И сейчас Вилкен не более чем полупереваренный кусок мяса в желудке ужасного исчадия преисподней?

Фосулл весь содрогнулся при этой мысли.

Однако он оставался вождем: ему нельзя унижаться, показав воинам свои чувства. Он постарался отбросить тревогу.

— Будем держать военный совет.

— Может, чужаки уже покинули наши болота? — предположил один из воинов.

— Нет. Они движутся в сторону деревни джати, — возразил Фосулл. — Бьюсь об заклад, даже их демон не способен победить великанов. И если чужаки побегут обратно, мы подстережем их и устроим теплую встречу.

— А как нам сразаться с подобным демоном?

— Есть способы, — изрек Фосулл. — Всегда есть какой-нибудь выход.

Глава шестая

Отряд залег в густых зарослях недалеко от тропы. Сплошная стена похожих на зонтики кустов полностью скрывала подручных Дэйка от глаз всякого, кто мог бы оказаться поблизости, а в такую чащу вряд ли кто забредет случайно. Одежда балаганщика сильно пострадала, когда он не более чем в десяти шагах от укромного места напоролся на колючий куст. Дэйк не позавидовал бы любому, рискнувшему продираться сквозь здешние дебри.

Панхр, чьи ловкость и проворство вполне соответствовали волчьему обличью, вынырнул из чащи и присоединился к спутникам. Волкоголовый опустился на землю рядом с хозяином.

— Все в порядке? — нетерпеливо спросил Дэйк.

— Деревня в десяти минутах хода.

Ага! Значит, слухи подтвердились.

— Встретил какого-нибудь одиночку?

— Нет. Видел многих. Они работают.

Дэйк задумался. Его план пленения великана был достаточно прост. Если им удастся застать гиганта, гуляющего в одиночку, и подкрасться к нему поближе, чтобы Дэйк мог наложить свои покоряющие чары, дело будет сделано. Размеры никак на магию не влияют, а вот расстояние имеет большое значение. Если не приблизиться к добыче вплотную, заклятие не сработает. И лучше найти великана, которого какое-то время не хватятся сородичи: лесоруба, бредущего вдаль от любопытных глаз, охотника или грибника. Тогда можно успеть убраться подальше от деревни, прежде чем кто-нибудь хватится пропавшего ротозея. Дэйку вовсе не улыбалось сразаться с бандой рассерженных громил. К тому же он сильно опасался, что фокус-покус с демоном произведет на

великанов меньшее впечатление, чем на зеленых карликов.

Обдумывая все это, хозяин уродов взглянул на свое последнее приобретение. Отвратительная мелкая тварь с заостренными зубами и кожей почти как у древесных лягушек: темно-зеленые пятна на более светлом фоне того же цвета. В отличие от большинства хайборийских гномов и карликов, голова, руки и ноги у него пропорциональны телу. За исключением роста, маленькое зеленое существо имело сложение любого нормального человека. Даже ради одной этой глупой жабы стоило пускаться в опасный путь. Ладно, теперь следует вернуться к настоящей дичи...

— Великаны и в самом деле такие огромные? — осведомился Дэйк.

Панхр широко расставил руки и посмотрел на загнутые ладони.

— Чуть ли не в два размаха. Мужчины. Женщины чуть покороче.

Почти два человеческих роста. Превосходно!

— Очень хорошо. Мы подберемся поближе и подловим одного из них.

И мысли о будущих барышах, как растревоженные блохи на собачьей заднице, заплясали в голове балаганщика. Богатые вельможи будут сражаться друг с другом за право покровительствовать опытам по скрещиванию его питомцев, он станет состоятельным человеком и займет положение, соответствующее его талантам и мастерству. Несомненно!

На этот раз, когда Конан пришел в себя, в комнате было тихо. Однако киммериец моментально уловил чье-то присутствие за спиной, сел на пол и осторожно повернулся посмотреть, кто же за ним наблюдает.

Там стояли двое ребяташек.

Конан узнал в них близнецов, тех, что были вместе с Тэйли, когда Конан таким доверчивым лопухом притопал в деревню. «Мои младшие брат и сестра», — сказала тогда великанша. Если она не врала, а в такой лжи Конан не видел никакого смысла, значит, зовут их Орен и Морья.

— Чего уставились? — буркнул Конан. — Никогда не видели человека нормальных размеров?

— Это мы нормальных размеров, — отозвался Орен. — А ты один из маленьких людей.

— Мы видели всего несколько таких, — добавила Морья. — Только они быстро умерли... Наш отец уж больно сурово с ними обходился.

Сообщение не очень-то утешило Конана.

— Ты тоже долго не протянешь, — заявил Орен. Тут послышались приближающиеся шаги.

— Отец идет!

Дети в панике принялись озиаться по сторонам.

— Прячемся! — воскликнула Морья.

У стены напротив дверей была навалена груда больших корзин. Два гигантских ребенка со всех ног кинулись к спасительному убежищу.

Мгновение спустя в комнату вошел Разери и направился к узилищу киммерийца, явно что-то выискивая. Или кого-то.

— Я ишу моих младших детей, — сообщил он. — Мальчика и девочку тринадцати лет. Ты видел их?

Конан был воином, а потому говорил обычно искренне и прямо. Впрочем, не будет бесчестьем солгать тюремщику, намеревающемуся замучить тебя до смерти. Может же пленник сделать хоть что-то назло своему врагу.

— Не-а... — вяло откликнулся варвар.

Разери пробормотал что-то себе под нос и отвернулся. Через мгновение его уже и след простыл.

Орен и Морья выглянули из-за корзины, затем выползли из укрытия и вновь приблизились к клетке.

— Нам сюда входить не разрешают. Особенно когда отец занимается с маленькими людьми или варгами, — сказала девочка. — Если бы нас поймали, то выпороли и на целую луну запретили бы ходить в дом детей. Почему ты не сказал ему, что мы здесь?

— А с чего бы? Он мой враг. Я ничем, кроме мести, ему не обязан.

— Пойдем, — бросил сестре Орен. — Лучше нам смыться отсюда до возвращения отца.

Мальчишка направился к двери. Морья же задержалась.

— Мы дети нашего отца, и, значит, ты тоже должен считать нас врагами. Ты мог сделать нам плохо.

— Я не воюю с детьми.

— Мы такие же большие, как ты, и, наверное, такие же сильные, — заявил паренек. — Могу спорить, что метну копье не хуже любого маленького человека!

— Наверное, ты прав, — пожал плечами киммериец.

Девочка повернулась догонять брата, но при этом тихо, чтобы не услышал Орен, проговорила:

— Спасибо тебе, маленький человек.

— Меня зовут Конан.

— Тогда спасибо, Конан.

Когда ребята ушли, киммериец вернулся к давешней перекладине, на которую уже затратил немало усилий. Кость, похоже, подавалась чуть больше, нежели когда он обнаружил ее. Неизвестно, надолго ли его оставили в покое, но большого выбора у Конана не было. Лучше умереть, постаравшись

хоть что-то предпринять, чем сидеть и покорно ждать смерти.

Обхватив перекладину, Конан рванул ее. Расслабился, потянул снова, отдохнул и вновь дернул твердую, как железо, кость. Несомненно, Разери не собирается ни кормить, ни поить его, дабы испытать способность пленника обходиться без пищи и воды. И если Конан не сбежит в самое ближайшее время, голод и жажда ослабят его. Будь что будет, но он не намерен подохнуть, как крыса в пустом погребе. Человек может по-разному приблизить свою кончину, тем более в такой твердой клетке; в любом случае он способен перегрызть зубами собственную плоть.

Впрочем, киммериец надеялся, что до этого не дойдет. Возможно, Разери вновь собирается позабыться с пленником. Тогда Конан встретит смерть на ногах и в бою, как подобает воину.

Странные и страшные звуки наполняли ночную тьму. Пищали летучие мыши, квакали лягушки, вдалеке рычал какой-то изголодавшийся хищник. В зловонной темноте гудела и жужжала мошкара, маленькие чешуйчатые твари мириадами тел разбрызгивали застоявшуюся воду вокруг шестерых охотников до легкой поживы, притаившихся поблизости от деревьев джатти.

Дэйк с гримасой отвращения прихлопнул жирного комара, давно уже впившегося ему в шею. Будь проклято болото! Он никогда не видел такого количества ползающей и летающей сволочи. Если в самое ближайшее время охотники не подстерегут свою добычу, быть им высосанными до последней капли тучами комаров и прочей дряни, кипящей в удушливой мгле!

Но пока не представилось ни единой возможности заарканить великана. Никто не покидал

деревни, по крайней мере на глазах балаганщика и его свиты.

Дэйк прикинул несколько вариантов. Поиски в ночи могут привести к разным результатам. С одной стороны, куда меньше вероятность быть обнаруженными. А с другой, слишком велик риск — бродить в беспросветной тьме по незнакомой местности и по неосторожности выдать себя с потрохами. Возможно, утром какой-нибудь губошлеп покинет деревню, а возможно, и нет.

Очередная тварь попыталась отведать его кро-
вушки, на этот раз впившись в обнаженный локоть. Мгновенным хлопком он раздавил насекомьша.

В конце концов за Дэйка все решили эти гибельные тучи жалящих тварей. В деревне не было никакой стражи: мордовороты наверняка чувствуют себя в полной безопасности. Пока великаны спят, надо пробраться в деревню и захватить пленника. Звериное чутье Панхра и Тро не даст им сбиться с пути. Когда рассветет, они будут уже далеко от деревни.

Дэйк жестами приказал остальным подползти поближе, чтобы он смог разъяснить свой план.

В чертоге великанов стояла глухая темень, хоть глаз выколи. Конан в который раз рванул на себя ребро клетки и вдруг услышал слабый хруст. Кость подалась в руках, пусть лишь на волосок, но и этого достаточно, чтобы лицо киммерийца расплылось в широкой улыбке. Разглядеть, где зеленая смола обволакивает белизну кости, было невозможно, однако Конан узнал все нужное просто на ощупь. Покрытие твердое как скала, но при этом хрупкое. Едва заметного, но постоянного расшатывания кости под сцепкой оказалось достаточно, чтобы вызвать на поверхности узор расходящихся линий.

Трещины. Еле заметные, но все же вполне ощутимые.

Конан удвоил усилия. Острый слух варвара распознал тончайшие звуки новых расколов. Посыпались крошки затвердевшей смолы; Конан не видел их в темноте, но чувствовал, как они бьют его по ладоням и запястьям. Теперь перекладина ходила свободнее. Он ухватил ее поближе к соединению, скрипевшему и хрустевшему при каждом рывке. Нет сомнения, кость подается все больше!

Внезапно один конец перекладки вырвался окончательно.

Конан издал короткий, резкий смешок и, не отставливаясь, принялся выкручивать вверх свободный конец. Другой конец, все еще закрепленный, ломал смолу, дробил ее, будто молот кузнеца мелкий камешек.

Кость оказалась довольно тяжелой. Длиной в руку и толще запястья, она станет грозной дубиной. Конан помахал ею взад-вперед, продолжая зловеще улыбаться во тьме. А еще важнее, что кость — это инструмент. С ее помощью он сможет сорвать и другие связки, возможно даже просто раздробить смолу. Пока пролом еще маленький, но дай киммерийцу еще несколько свободных часов, и он освободится. А когда он окажется вне клетки, джатти не смогут засунуть его в мышеловку так же легко, как в первый раз. При нем его кремень и кресало, а вон те корзины у стены послужат хорошим трутом. Когда здание — а может, и несколько других — охватит огонь, великаны окажутся слишком заняты, чтобы думать о пленнике. Даже если вся деревня сгорит дотла — поделом им!

Конан поднял дубину и обрушил ее на стену узилища. Полетели осколки смолы.

Под покровом ночи, под защитой густой чащи колючих зарослей спали варги, все, за исключением дозорных и Фосулла. Вождь сидел близ коварных, непроходимых зарослей, копье лежало у него на коленях. Фосулл размышлял. Он сказал своим воинам, будто знает, как сразить гигантского красного демона, и откроет им это, когда настанет время.

По правде говоря, не было у Фосулла никакого особого плана. О нет, замысел у него был. Когда огромный демон прыгнул вперед, Фосулл смотрел на одного из чужаков, смутлого парня с черными волосами на голове и на лице. Несомненно, это вожак, и именно он призвал чудовище. Вонзить в него несколько копий, прежде чем он успеет воззвать к демону, и, возможно, остальные не смогут пробудить ужасное существо. Или даже если демон уже появится, то при убитом хозяине может обратить свою ярость на самих чужаков.

Если честно, с точки зрения военного искусства замысел этот не слишком-то и хорош. Впрочем, если нападение на демона кому-то и кажется безумием, то у Фосулла просто нет другого выхода. Вождь, не пытающийся освободить своего наследника, вряд ли надолго останется вождем. Варги уважают силу и не терпят даже малейших проявлений слабости. Воины уже наполовину уверены, что на самом деле не бежали в ужасе от демона, а просто слегка встревожились. Признание того, что чудовище напугало Фосулла, означает для вождя полный крах.

Нельзя забывать и о Вилкене. В конце концов, это его старший сын, и, пока есть у него еще полдюжины сыновей и примерно столько же дочерей, варги никому не позволят так просто отнять первенца — ни другому племени варгов, ни джатти, ни даже чудовищу из преисподней. Надо как-то исхитриться и вернуть наследника.

Фосулл вздохнул и кончиками пальцев покатал туда-сюда копье. На рассвете они двинутся к деревне джатти и увидят все, что возможно увидеть. И если идея его не сработает... что ж, каждый когда-нибудь умирает. Не сегодня, так завтра. Решать богам.

Наверное, он должен воззвать к богам, дабы они благоволили ему в предстоящей битве. Возможно, пользы не будет, ибо частенько мольбы стучатся в глухие уши... Но всяко уж не будет и вреда.

Боги всегда решают, так повернуть или эдак, разве нет? И если несколько с толком выбранных слов перевесят в нужную сторону, дурак будет тот варг, который не произнесет этих слов.

И вождь варгов отправился к священной скале.

Глава седьмая

Балаганщик Дэйк осторожно и бесшумно провел свое войнство в деревню великанов. Новичок в отряде, маленький зеленый человечек, неохотно сообщил Дэйку свое имя. Он говорил на корявой и смутной, но в целом понятной разновидности местного диалекта. Вилкен, так его звали. Карлик двигался с явной неохотой, однако Дэйк сразу заметил, что близость великанов возбуждает его. Когда балаганщик осведомился о причине такого волнения, ответ Вилкена был вполне прост:

— Мы едим их, когда получается поймать.

Дэйк поднял бровь, но ничего не сказал. Надо же, какое расточительство. С другой стороны, расплодись поголовье великанов по всей округе, так те, коими он намерен повелевать, сразу же понизятся в цене. В этом тоже ничего хорошего.

— Туда, — указал Дэйк. — Вон тот дом.

— Почему тот? — сразу отозвался Крэг.

Что за дурак. Да какая разница? Дэйк не затруднился ответить помощнику.

Они приблизились к постройке. Волкомордый и кошкозадая остались караулить, а Дэйк с Крэгом направились к двери, следом за ними четырехрукий Саб и карлик Вилкен. Дэйк видел, как тени их пляшут на стене огромного дома.

Хозяин уродов нахмурился. Пляшущие тени? Тут что-то не так.

Почти в то же мгновение он осознал еще кое-что: ночная тьма как будто бы отступает, неведомо откуда сочится загадочный оранжевый свет. Позади раздался треск, а в воздухе явственно поплыл запах дыма.

Балаганщик обернулся.

За ними полыхал дом. Как раз когда Дэйк обнаружил это, всю крышу с яростным треском охватило пламя, и ночь стала светла как день.

А еще ночь пробудилась к жизни испуганными криками деревни, полной великанов.

Покидая наконец ненавистную клетку, Конан испытал величайшее в своей жизни торжество. Время от времени поражения неизбежны, но сдаться, опустить руки, даже когда положение кажется безнадежным, — вот худшее из худших поражений. Каждая битва рождает победителей и побежденных, и это в порядке вещей; нет позора пасть в честном бою. И только отказ от борьбы, когда остается хоть один шанс на успех, означает, что человек погиб окончательно.

Удары самодельного молота сокрушили последнее препятствие. Конан по-мальчишески звонко рассмеялся. В конце концов, он и был еще мальчишка. Просто мерял годы не по прожитым дням, а по выигранным битвам...

Впереди — свобода!

Уроки, полученные в детстве от отца-кузнеца, не пропали даром. «Пожалуй, отец был бы мной доволен», — подумал киммериец, когда третья перекаладина отлетела от великаньей клетки. Не мешкая, варвар проскользнул в образовавшуюся брешь и сквозь крошечную тьму поспешил туда, где у стены должен был стоять его меч.

Хвала Крому, оружие на месте! Пристегнув ножны к поясу, Конан почувствовал себя куда уверенней.

Он направился к корзинам, среди которых ребяташки недавно прятались от отца. Присев на корточки у наполненных шерстью плетенки из сухого тростника, Конан в пару ударов кремня по стершемуся кресалу высек жаркие искры. Под водопадом крошечных звездочек корзина задымилась. Конан раздул занимающийся огонек, и пламя быстро охватило тростник. Через несколько мгновений уже все корзины пылали, наполняя комнату светом, жаром и дымом.

На душе у киммерийца становилось все веселей, пока он смотрел, как языки пламени лизали деревянную стену, а затем с жадностью набросились на тростниковую крышу.

Острый как бритва меч со свистом вылетел из ножен, и Конан побежал к двери. Никто и никогда больше не попадет в эту клетку.

Удовлетворенно посмеиваясь, юноша кинулся прочь — в прохладные, спасительные объятия ночи.

Фосулл так и не ушел под защиту колючих кустов, где скрывались его воины; вождя охватила тревожная дрема. От прерывистого сна пробудил крик дозорного.

Фосулл протер глаза:

— Что за вой?

— Огонь, мой вождь! Со стороны деревни джатти!

Фосулл вскочил на ноги и посмотрел в указанном направлении. В отдалении оранжевые сполохи расцвели низкие ночные облака. Да, что-то там полыхает, и огонь силен.

— Подъем! — заорал Фосулл. — Вставайте! Ко мне!

Вождя била нетерпеливая дрожь. Любые неприятности в деревне джатти могут быть только во благо варгам. Возможно, в этом пламени уже готовится сочное жаркое!

— Быстрей, тупицы! Боги улыбнулись нам и отвернулись от наших врагов! Быстрее!

«Это меняет планы», — думал Дэйк, торопливо уводя слуг к маленькой пристройке позади того дома, в который они намеревались проникнуть. Домик оказался достаточно велик, чтобы вместить всех шестерых. Дэйк сначала решил, что попал в великанью кладовую. Однако, когда уже весь отряд залез внутрь, зловоние, царящее здесь, убедило балаганщика в ином. И не только его...

— Фу, — сморщив нос, воскликнул Крэг. — Мы наткнулись на сортир великанов.

— Тише, болван! — прошипел Дэйк. — Кто-нибудь может тебя услышать, а само по себе дерьмо не разговаривает!

Через дверную щель чародей-недоучка смотрел на горящее здание. Многие обитатели деревни суетились вокруг, пытались потушить пожар, опрокидывая в бушующее пламя огромные ведра с водой.

Успокоившись, Дэйк сообразил, что это происшествие может послужить во благо. Каждый в деревне сейчас занят огнем. Может ли быть лучшее время, чтобы захватить добычу?

Огонь полностью завладел своей жертвой. Во всяком случае этот дом не устоит перед его жаркими когтями и дымными клыками — здание будет гореть еще несколько часов.

— Все наружу, — приказал Дэйк.

— Но... но там же огонь! — воскликнул Крэг.

— Им как раз эти бегемоты двуногие и заняты! Сообразил, идиот? Мы захватим одного великана и слиняем. Пожар сделает половину нашей работы. Живее, олухи!

Стараясь держаться в тени домов, шестеро поделльников двинулись вокруг деревни.

Большинство мужчин-великанов боролось с огнем. Две огромные живые цепи вели от родника к пожару; ведра с водой летели вдоль первой линии к горящему дому и пустыми возвращались к колодцу по второй. Те, кто не стоял в этих цепочках, собрались кучками и возгласами поддерживали работающих.

Прокляни их боги! Дэйку нужен только один!

— Найдите мне кого-нибудь одного! — прошептал балаганщик.

— Вот там стоит один, — минуту спустя произнес Крэг. — Но это женщина.

Дэйк посмотрел в том направлении, куда показывал его помощник. Баба? Чем баба-великанша хуже мужика? Даже лучше. Наверное, она может дать приплод. Скрестить великана с нормальной женщиной, может, и не удастся, а вот наоборот все будет проще.

— Хорошо. Заходи слева и, если она посмотрит в мою сторону, отвлеки ее внимание.

Крэг повиновался, и Дэйк направился к своей добыче.

Она была слишком поглощена зрелищем пожара, чтобы до самого последнего мгновения заметить

охотников. Наконец что-то вспугнуло ее, и великанша повернулась было, но Дэйк уже прохрипел формулы мудреного заклятия. Великанша застыла на месте, уставившись на балаганщика, и не могла даже прошептать призыв о помощи.

Дэйк чуть не рассмеялся. Он сделал это! Он пленил великана!

«Пора сматываться», — подумал он и торопливо повел невольников прочь от бушующего пожара.

Отряд быстро удалялся от великаньей деревни. И тут вдруг подельники заметили пару нормальных людей, направляющихся к ним из темноты. «Нет, не людей, — сообразил Дэйк, — а великаньих гаденышей! Некий бог желает успеха этому предприятию», — восхитился чародей-самоучка. Будучи не из тех, кто отвергает милости свыше, Дэйк еще раз повторил заклинание. Ребятишки, застигнутые врасплох, слабо сопротивлялись, но попытки их были тщетны. Снова гнусные чары хозяина уродов раскинули плотную сеть и завладели двумя юными гигантами.

Не один великан, а целых трое! Правда, требуется время, чтобы двое из них выросли, но Дэйк может и подождать. А с самцом и двумя самками у него будет достаточно возможностей наплодить еще и еще.

Дэйк повернулся к кошкозадой Тро:

— Выведи нас отсюда. И поскорее.

Девять силуэтов поспешили подальше от света пламени в направлении болота.

Искушение опробовать в хаосе пожара свое лезвие на одном-другом великане было крайне сильным. Но Конан понимал, что такой риск совершенно не оправдан. Лишь глупец станет нападать в одиночку на ораву могучих исполинов, к тому же разгневанных

внезапным бедствием. На суровых скалах Киммерии дураки не достигают зрелости. Конан не числил себя среди тех слабоумных, что мнят себя способными обмануть смерть. Он сбежал и разрушил темницу вместе со всей драгоценной писаниной, которую великан назвал «Бытописанием». Конечно, киммериец охотно раскромсал бы Разери на кровавые клочья, но ради этого не стоило искать великана в гуще всей этой сумятицы. Гиганты бегали с ведрами туда-сюда, черпали воду и пытались затушить пламя. Огненные блики металась в дикой пляске, отбрасывая причудливые тени, а дым и пар насыщали ночной воздух сырым ароматом горящего дерева.

Да, хорошо бы прикончить Разери, только сейчас для этого не лучшее время. Вдобавок тот сонный порошок вновь мог сыграть коварную шутку, а в сумке у вождя великанов скорей всего изрядный запас отравы. Неизвестно, что там еще отыщется...

Нет уж, надо сейчас незаметно выскользнуть к болоту; он и так может считать себя счастливым и среди многочисленных путей выбрать какой-нибудь лучше. С этой ночи придется еще с большей осторожностью доверять людям, великаны они или нет. Лишь единожды свирепый Кром прощает ошибку; повторение может навлечь гнев киммерийского бога. Урок обошелся достаточно дешево, учитывая возможную цену.

Конан пытался вспомнить ту коварную тропу, по которой добирался сюда. «Займемся поисками, прибережем жажду мести на будущее... Надо идти вон туда, к тем густым зарослям папоротника...»

Отдаленное пламя продолжало отбрасывать достаточно света, чтобы видеть тропу. И более чем достаточно, чтобы заметить неожиданное появление нелепых зеленокожих коротышек, воинственно потрясающих копьями. Человечки злобно скалили

острые зубки, ослепительно сверкавшие на темных лицах.

Кром! Это еще что?

Сумятица разнообразных звуков со стороны деревни великанов все слабела и слабела за спиной балаганщика Дэйка. Отряд неотступно следовал за женщиной-кошкой. Дэйк был в восторге. Казалось, даже кровососы теперь не так докучают, — наверное, мошкара рванула прямиком на яркое пламя да и сгорела там. К тому времени когда громилы разберутся во всем и смогут отрядить погоню, Дэйк со слугами будут уже на полпути к фургону. Еще несколько дней, и они уже у Шадизара, а там — слава и удача.

Эх, хороша жизнь, что бы про нее не болтали!

Конан считал бы за мудрость отступить перед странной ватагой кровожадных карликов, имейся у киммерийца такая возможность. Но позади осталась деревня, и у северянина не было ни малейшего желания еще раз туда угодить. По обе стороны тропы — гиблая трясина, где человек сгинет бесследно в считанные минуты. Впереди же — орда недомерков с копьями. Расклад самый неподходящий! Варвар, по своему обыкновению, решил идти вперед.

Конан поднял меч. Похоже, карлики также не чаяли встречи с неожиданно вынырнувшим из темноты могучим воином. Единственный шанс — прорубить себе дорогу, пока острозубые не очухались. И киммериец с боевым кличем ринулся на врага.

Часть копейщиков немедленно рассеялась, соскользнув с тропы в болото. Другие промедлили. Один, чуть храбрее или чуть глупее прочих, а может, и то и другое одновременно, бросился к варвару с пикой наперевес. Карлик целил противнику в живот.

Конан увернулся и перерубил древко копья. Сила удара отбросила коротышку в сторону. Тут замахнулся еще один недомерок, и обсидановый наконечник короткого копья оставил рваную рану на левом бедре киммерийца. Конан рубанул с разворота, и широкое лезвие впилося в шею карлика. Сталь пронзила плоть меж позвонков и начисто снесла голову с плеч. Беззвучный вопль застыл на губах мертвой головы.

Без промедления Конан прыгнул, используя в качестве трамплина присевшего перед ним врага, и взлетел в воздух на половину своего роста, отшвырнув в сторону еще одного испуганного карлика, который с изумлением глядел на пролетающего мимо воина.

Оказавшись на тропе позади растерянно топчущейся ватаги, Конан побежал что есть мочи. Удивительное чутье следопыта не позволяло ему отступить. Он внезапно присел, и в то же мгновение над головой пролетело короткое копье. Пролетело и вонзилось в дерево в двух шагах от киммерийца.

Конан вскочил на ноги и продолжил бег. Несомненно, последнее копье — это предел возможностей злобных коротышек. Киммериец не слышал за спиной топота маленьких ног, не слышал он поблизости и испуганных криков.

Сначала великаны... А теперь еще и карлики. Воистину, мир полон тайн...

Глава восьмая

Глаза у Тро были не хуже, чем у любой ночной кошки, она безошибочно вела Дэйка и его покорный отряд по болотной тропе. А если и случалось ей

пропустить опасное место, его замечал Панхр, чья отдаленная родня также славилась непревзойденным чутьем. Имея таких слуг, сводишь риск практически до нуля! Отряд уже не бежал, но двигался быстро; шагающий с такой скоростью обычный человек неминуемо обреч бы себя на медленную смерть в зыбучей трясине.

Дэйк не знал, способны ли варги или джатти видеть в темноте лучше простых смертных.

Балаганщик выдохся, но мысль о возможном пленении карликами или великанами не позволяла умерить шаг. А пока шел хозяин, были вынуждены не отставать и его невольники.

Впрочем, Крэг, в отличие от других, колдовской сетью не опутан...

— Почему бы нам не передохнуть хоть минуточку? — не выдержав, проворчал он. — Все равно великаны так быстро погоню не соберут.

Дэйк покачал головой:

— Мы не знаем их возможностей.

— Почему бы не спросить у этих уродов?

Дэйк замедлил шаг. Временами Крэг поражал его своими простыми, но основательными суждениями, что безусловно должны были прийти в голову самого Дэйка, да вот почему-то не пришли. Балаганщик не стал хвалить помощника за сообразительность, то было не в его правилах. Похвалы абсолютно бесполезны, если в них нет никакой корысти. Он просто кивнул и приблизился к великанше.

— Как тебя зовут? — проскрежетал Дэйк на том же языке, каким обращался к зеленому человечку.

Женщина, одетая в простое домотканое платье, казалось, пытается бороться с овладевшими ею чарами. На руках ее играли мускулы, напряженно вытягивалось лицо. Она мотала головой, так что распущенные волосы хлестали по плечам. Разуме-

ется, все усилия были абсолютно бесполезны. Поборовшись какое-то время, великанша пробубнила, с трудом выплевывая слова:

— Меня... зовут Тэйли.

— Твои сородичи смогут в темноте преследовать нас по этой тропе?

Последовала еще одна короткая попытка борьбы с колдовством.

— Да, но...

Дав прямой ответ на вопрос, она оборвала фразу.

Дэйк ухмыльнулся.

— Могут они состязаться с нами в скорости?

— Нет.

Балаганщик еще больше расцвел. Он сомневался, что кто-нибудь заметит отсутствие этой троицы, прежде чем огонь либо будет побежден, либо сам завершит свое пиршество. Но даже если кто-то спохватится, опасность все же не очень велика.

Дэйк повернулся к карлику и задал ему тот же вопрос. Коротышка, похоже, смирился со своей участью и покорно сообщил, что варги тоже не способны быстро передвигаться в темноте. И вряд ли решатся на это, ибо верят, что Дэйк повелевает демоном.

Что ж, значит, большого риска в остановке не будет.

— Привал, — объявил Дэйк. — Отдохнем не много.

Все остановились.

Балаганщик вновь повернулся к Тэйли.

— Сними свою одежду, — сказал он.

На этот раз сопротивление длилось дольше, но в конце концов великанша подчинилась.

Проникавшего сквозь листву бледного лунного света оказалось достаточно, чтобы убедиться: бабенка более чем хороша собой. В отличие от иных переростков, рожденных нормальными родителями, Тэйли,

несмотря на свои размеры, выдалась фигурой как раз во вкусе Дэйка. Снаряжение ее было превосходным: подобные дыням крепкие груди, широкие бедра и мускулистые, но несомненно женственные руки и ноги.

— Повернись.

Тэйли повиновалась.

— Разденься.

Да, и сзади она дьявольски соблазнительна; образцовая самка без единого изъяна. Она даст превосходное потомство, она просто создана для этого.

А что будет с выводком после, уже другой вопрос.

— Можешь одеваться.

Тэйли вновь повиновалась, на этот раз куда расторопнее.

Дэйк не мог сказать, покраснела ли она. Однако, повернувшись, он заметил, что мальчишка-великан не отрываясь смотрит на одевающуюся женщину. Дэйку не удалось рассмотреть выражение его лица. Был ли то особый интерес? Возможно, парень уже достаточно вырос, чтобы производить потомство.

— Пора идти, — распорядился балаганщик. — С рассветом нам следует быть как можно дальше.

И снова отряд зашагал по тропе.

Дэйк посмеивался себе под нос. Они изрядно оторвались от предполагаемой погони, а с первыми лучами солнца окажутся еще дальше. Как только они доберутся до фургона, то окажутся и вовсе не досягаемыми, ибо благодаря нехитрому заклинанию фургон запросто обгонит пешехода, пусть даже и гигантских габаритов. А достигнув цивилизованных мест, и великаны, и карлики вынуждены будут бросить преследование, даже если их и занесет так далеко. Ибо в ином случае им вряд ли удастся сохранить жизнь или свободу, догонят они Дэйка или нет.

Балаганщик вновь рассмеялся, в полной мере довольный собой. Теперь слава — лишь вопрос вре-

мени. «Нет больше никаких помех на моем пути и быть не может».

Конан следовал по извилистой тропе пусть медленным, но уверенным шагом, острым взглядом отмечая приметные места. Во мраке ночном неясными тенями проступали деревья и заросли кустарников, и хотя на болоте было прохладнее, чем днем, менее сырым оно не стало. Вокруг гудели, жужжали, пищали насекомые. Хотя зрение у Конана было острее, чем у большинства городских бездельников, темнота заставляла варвара соблюдать предельную осторожность. Приметы, те, что нетрудно разглядеть в свете дня, сейчас скрывала густая тьма. Несколько раз Конан чуть было не ступил туда, где под обманчивым покровом скрывалась трясина, и лишь чутье и моментальная реакция спасли его. Чуть ослабь он бдительность, и результат мог оказаться смертельным.

Следуя через топь, киммериец не обнаруживал никаких следов присутствия великанов или зеленых человечков. Помимо того единственного копья, что чуть не настигло варвара сразу после столкновения с варгами, Конан не чувствовал никаких признаков преследования.

Он уже было решил устроить привал, дабы смастерить себе факел, но тут сообразил, что риск в этом случае может превысить пользу. С факелом, разумеется, дело пошло бы быстрее, однако пламя враги распознают издали. А сидящий у костра не может видеть в ночи, ибо ослеплен близостью огня. Сейчас Конан более или менее скрыт темнотой. Киммериец предпочел оставить все на своих местах. Лучше уж двигаться на ощупь. С рассветом он сможет ускорить шаг.

Конана мучили голод и жажда, он рискнул остановиться и напиться из небольшого, вялого ручейка,

что пузырился у тропы, за одним из поворотов. Вода оказалась неожиданно вкусной и весьма освежила беглеца. Желудок его урчал, возмущаясь отсутствием пищи, но бывалый северянин не обращал на это внимания. Он знал, что способен пройти без еды несколько дней. Лучше быть голодным, чем пленным. Или мертвым.

Конан все шел и шел по коварной тропе, увеличивая расстояние между собой и деревней великанов. В случайном просвете меж деревьями далеко в небе мелькнули оранжевые блики. Киммериец оскалился довольно — пожар, значит, гуляет у амбалов вволю... Хоть бы вся деревня сгорела! Это послужит лживым и жестоким гигантам изрядным уроком на будущее.

Когда стало совершенно ясно, что постройку спасти не удастся, Разери приказал своим людям отойти от горящих развалин. Пленник остался внутри, так же как множество рукописей и прочих ценных вещей, но спасти все это невозможно.

Предводитель джатти приказал всем сородичам бросить бесполезную уже суету, заняться соседними домами и остановить распоясавшуюся стихию. Ведро с водой теперь опрокидывали на стены и крыши тех построек, что были наиболее уязвимы для летящих искр. В считанные минуты были облиты все дома поблизости от огня. Жар поднимал вверх облака пара, но отнятую пламенным дыханием влагу заменяли, выплескивая на высыхающие стены все больше и больше воды.

Прошли часы, прежде чем стало затухать окруженное со всех сторон пламя. Взбесившийся зверь не смог продолжить пиршество, не дотянулся до свежей пищи и был вынужден довольствоваться жалкими остатками. Огонь слабел, как раненый хищник. Рассыпался фонтаном искр, когда тут и там обруши-

вались опоры, жадно набрасываясь на падающие балки, но прыгать и лезть дальше уже не мог. Теперь ведро с водой вызывали лишь шипящие стоны поверженного создания жара и света. Его время минуло.

Разери наблюдал за умирающим пламенем, краснеющими в ночи углями, тлеющими останками сгоревшего дома.

Каким-то чудодейственным образом клетка из костей избежала разрушения. Лишь она одна возвышалась среди пожарища, почерневшая от жара и копоти, чуть перекошенная набок, но совершенно целая.

Когда жар еще поутих, Разери смог подойти к клетке. Он ожидал увидеть обугленные останки воина, распластанные на прутьях. Жаль. Человек этот мог вынести куда больше, чем любой другой его предшественник...

— Во имя Великого Солнца!

Раскаленные угли жгли подошвы, но великан не обращал внимания на жар.

Никаких следов тела.

Пленник исчез.

Разери застыл, уставившись в пустое узилище. Внезапно на одну из его уже дымящихся сандалий прыгнул рыжий язычок. Великан выругался и подпрыгнул, а затем кинулся прочь с пепелища. Он топал ногой, пытаясь сбить огонь, наклонился и сдернул обе горячие сандалии, а затем вновь разразился проклятиями.

Человек сбежал. Теперь становится понятной и причина пожара. Прокляни его, Созидатель, во веки веков!

Разери обернулся к соплеменникам, что недоуменно взирали на него. Предводитель джатти покачал головой. Сделанного не воротишь, дом заново не встанет. Как маленький человек ухитрился освободиться? На этот вопрос сможет ответить только

сам беглец, если только он не сгинул в трясине, что, по мнению Разери, было наиболее вероятно. Тем не менее надо удостовериться самолично. Если этот черноволосый... как там его... Конан... чудом умудрился не сбиться с тропы и уцелеть, ему нельзя позволить вернуться к своим. Возможно, кое-кто из чужаков и подозревают о существовании поселка джатти, но пока ни один из тех, кто действительно узрел тайное обиталище, не получил возможности поведать об этом. Людишки не могут представлять угрозу для того, чего они толком не знают.

Ночь была на исходе. Заря наступала на пятки предутренним сумеркам. С первыми лучами солнца джатти отыщут беглеца и схватят его.

Разери кивнул юноше, стоящему неподалеку:

— Готовь адских псов!

Молодой великан удивленно посмотрел на вождя.

— Пленник спасся из огня и бежал, — пояснил Разери. — Он должен быть выслежен и пойман.

Вождь огляделся по сторонам. Тэйли находит общий язык с адскими псами; она управляет ими лучше любого мужчины.

— Тэйли! — громко позвал великан.

Но дочь не отозвалась. И не могла, как понял Разери через несколько мгновений. Она исчезла, и близнецы вместе с нею.

Неужели Конан — чародей? Умудрился сбежать из клетки и увести с собой трех любимых детей Разери!

— Адских псов сюда!

В болотной глуши на безопасном расстоянии от деревни джатти пребывали в полном замешательстве варги, и никто из них не был ошарашен более Фосулла.

Вождь варгов присел у могучего дерева. Гладкая кора приятно холодила кожу. Воины волокли трех

павших бойцов почти от самой деревни великанов, трех парней, убитых взбесившейся тварью, которая не могла быть никем, кроме как одним из этих чужаков. Еще один воин изуродован до такой степени, что, похоже, в любой момент отправится на встречу со своими предками.

Кто же этот человек? Ни Фосулл и никто из варгов, видевших группу пришельцев, не признали напавшего. Он ворвался в самую гущу воинов и проложил себе кровавый путь, а потом побежал с такой скоростью, что неминуемо приведет его в лапы зыбучей смерти.

— Мой вождь!

— Что еще?

— Джатти. Они выпустили адских псов.

И будто в подтверждение этих слов донесся леденящий душу вой, подобный злобному, истощному визгу скорее огромной кошки, нежели волка.

Во имя Лесного Владыки! Адские псы!

— Скорее в чашу, в укрытие!

— А как же наши парни?

— Бросьте их! Они задержат адских псов.

Но не успел Фосулл закончить фразу, как на тропе показалась смертоносная бестия джатти; оскаленная пасть пузырилась пеной.

Заря только начала вступать в свои права, но света уже более чем достаточно, чтобы как следует разглядеть ужасную тварь. Она воистину огромна, вдвое больше Фосулла, и преисподняя ли ее родина или нет, но с обычными псами она имела не много сходства.

Выскочив на опушку, бестия притормозила, и варги ясно ощутили дыхание смерти. Голова зверя квадратная, как у медведя, с глубоко сидящими черными глазами и парой расширяющихся книзу ноздрей. Пасть ощерилась множеством длинных и острых клыков. Завершали картину крошечные, круг-

лые ушки по бокам безобразной морды. Туловище адского пса напоминало росомашье, но было покрыто плотным, красноватым мехом и покоилось на широких лапах, когтистых, плоских и достаточно больших, чтобы в зыбких, болотистых местах использовать их на манер мокроступов. Адский пес мог скользить по топям, как по снегу, и смертельной ошибкой для жертвы было бы сойти с тропы, спасаясь от кошмарного зверя джатти.

Фосулл поднял копье, готовый к броску. Будь эта тварь одна, варги могли одержать верх, ибо до этого они успешно сражались с одиночными тварями. Но за первым зверем следовали другие, а карлики уже ослабли и пребывали в смятении. Так что, похоже, битва будет проиграна. Джатти редко выпускают псов, ибо обиталища варгов защищают пропитанные ядом колья, которые не могут преодолеть даже эти чудовища. Но в открытом бою...

Адский пес понюхал воздух, громкое рычание разорвало вдруг воцарившуюся тишину. Затем спустя мгновение, что показалось Фосуллу вечным, бестия повернулась и поскакала прочь.

Фосулл провожал глазами удаляющегося зверя. Как зовут того бога, что?..

Остальная свора, по меньшей мере семь или восемь псов, пронеслась мимо, устремившись за своим вожаком.

Фосулл все так же стоял, тупо уставившись на рычащую, лающую свору, что удалялась от него и его изумленных бойцов. Вождь все еще держал копье в последнем, как он думал, замахе.

Наконец он опустил оружие. Адские псы гонятся не за варгами. Это совершенно очевидно. Но тогда за кем?

И тут же пришел ответ. За чужаком, тем, что прикончил троих воинов-варгов. Джатти преследуют

именно его. Он должен быть как-то связан с другими пришельцами, похитившими сына вождя. Они устроили пожар в доме, где у джатти огромная клетка, а теперь великаны преследуют их.

Однако не видно следов остальных чужаков... Должно быть, они выбрали другой путь, но Фосулл был уверен, что отряд, повелевающий демоном, тоже скрылся из деревни.

Когда адские псы настигнут их, Вилкена ждет участь прочих беглецов, если, конечно, псы одержат верх над демоном. Да, на это стоит посмотреть: псы против огромного демона.

— За ними! — приказал Фосулл.

— Ты спятил? — воскликнул один из воинов. — Ты хочешь преследовать псов?

— Не мы назначены им в жертву, — сообщил Фосулл. — А псы выведут меня к сыну. Шевелитесь быстрее!

Варги привыкли повиноваться, а потому кинулись на тропу вслед за вождем. Утренний свет окрасил ночные небеса яркими полосами, и тьма рассеялась.

Пока вся эта заваруха обходится слишком дорого. Фосуллу все это было совсем не по нутру. «Пора взять себя в руки и переломить ход событий», — думал вождь варгов. Оскалив зубы в зловещей усмешке, он двигался по тропе.

И первый луч солнца сверкнул страшным, звериным оскалом.

Глава девятая

Восход застал Конана там, где болото заросло низкими, причудливыми деревьями с большими мягкими листьями длиной с человеческую руку и ши-

риной в две ладони. Зловонная топь казалась невыносимо жаркой. Вдруг сзади, откуда-то издалека, до Конана донесся крик некоего *существа*, и эхом ему отозвались голоса подобных же тварей. Вопли были чуть слышны и не похожи ни на один привычный варвару звук. Тревожная мысль пронеслась в голове киммерийца: «Твари пущены по мою душу!»

Ничего хорошего это сулить не могло. До края болота еще не близко, а завывания позади усилились, приближаясь быстрее, чем двигался киммериец.

«Какие бы отродья ни вызвали этот шум, они очень скоро настигнут меня». У Конана не было ни малейшего желания встречать неведомого врага, балагансируя на узкой тропе посреди пустынного болота. Необходимо найти островок твердой почвы и занять оборону там, где можно свободно двигаться и в полной мере использовать длинный широкий клинок.

Киммериец пустился бежать, доверив своей памяти все извилины коварной тропы. Чутье подсказывало, что недалеко впереди есть надежные места, одно из которых может сослужить ему добрую службу. Если удача будет на его стороне, он может успеть добраться до спасительной тверди вовремя.

Да уж, будь удача на его стороне, он никогда бы не попал в идиотскую переделку. Правда, он сбежал из клетки, но везение тут почти ни при чем; и вряд ли можно будет назвать большим счастьем, если он погибнет всего несколькими часами позже. А может, все-таки судьба... Ладно, наплевать! Конан знал, что суровый Кром помогает тем, кто и сам не опускает руки. Человек с туманного Севера доверял острию своего клинка куда больше, чем изменчивым богам. Мечом управляет твоя собственная сноровка; желания богов ведомы лишь им самим. Отточенное лезвие разит сильнее любой молитвы!

Конан бежал, а далеко за его спиной завывали неведомые существа.

Окруженный чарами фургон, оставленный на небольшой опушке в стороне от дороги, был виден лишь одному Дэйку. Ничто вроде бы не предвещало опасности, и балаганщик поспешил снять простенькое заклятие, защищающее повозку и пасущихся рядом животных. Ничто здесь не изменилось с тех пор, как он покинул это место, а отсутствие на короткой траве полупереваренной пищи указывало на то, что никто и не приближался к фургону в отсутствие хозяина.

— Запрягайте животных, — приказал Дэйк своей команде.

Маг-самоучка ухмылялся, глядя, как все дружно ему повиновались. Все предприятие прошло без каких-либо крупных помех. В бродячем зверинце четыре новых уroda, и Шадизар ждет его с нетерпением. По дороге встретится немало городков и деревень, где можно отшлифовать все сценки и репризы, а также заработать несколько монет, дабы прибыть к месту назначения в самом наилучшем виде.

Да, раз уж человек наделен разумом, он должен, подобно отборным сливкам, взойти к самому верху. К тому времени как балаган достигнет Шадизара, представление Дэйка будет способно поразить богатых торгашей и барыг, а также воров и бандюг, что негласно правят городом. Заправилами с толстыми кошельками станут драться за право оплачивать все капризы и желания Дэйка, здесь у балаганщика не возникало никаких сомнений.

Он взглянул на Саба, с исключительным проворством и изяществом запрягающего всеми четырьмя руками быка. Разве один только Саб не паразит-лен? Кто еще способен представить подобное чудо?

Действительно, кто еще обладает столь замечательной коллекцией: четверорукий, женщина-кошка, волкоглав, три великана и зеленый карлик? «Никто!» — сам себе ответил Дэйк.

Наконец быки оказались в узде, фургон готов к отправлению. Дэйк на минуту задумался, решая проблему с Тэйли. Хотя размеры фургона были достаточны для того, чтобы разместить хоть и в тесноте, но относительноном удобстве дюжину нормальных людей, повозка явно не рассчитана на великаншу. Что ж, можно освободить место так, чтобы она могла лечь. А хочет, пусть сидит на полу! Но вот передвигаться внутри фургона у нее вряд ли получится. Дэйк, стоя, чуть не доставал до крыши фургона и на колдобинах неровной дороги иногда подпрыгивал так, что припечатывался головой в потолок. Громадная же бабенка сможет лишь ползать. Это, конечно, будет интересное и приятное зрелище, но, с другой стороны, она натрет себе ссадины на коленях.

А Дэйк желал, насколько это возможно, избежать всяческих травм и повреждений своей добычи. В его стаде не должно быть никаких досадных помех; хотя, возникни нужда, он без колебаний прирезал бы любого из своих невольников, да хоть и всех разом. Однако нет никакого смысла портить ценное имущество, разве что когда не останется иного выхода... Нет, пусть уж бабенка сидит впереди, рядом с Панхром. Над козлами есть навес, предохраняющий от дождя и снега, и он достаточно высок даже для Тэйли. А при необходимости она сможет заползти внутрь.

Разрешив эту ерундовую проблему, Дэйк приказал всем, кроме великанши и волкомордого, лезть в фургон. Пока массивная повозка катила от укрытия к дороге, Дэйк стоял на заднем приступке и глядел в сторону невидимой отсюда деревни джатти. Он хорошо запомнил это место. Случись что-нибудь

с захваченными гигантами, он всегда сможет вернуться за другими.

Улыбка заиграла на роже балаганщика, когда фургон выехал на дорогу. Впереди ждут удача и слава. Ничего, кроме легкого пути, не лежит между ними и развеселым парнем Дэйком.

Разери, сопровождаемый тремя лучшими своими охотниками, шагал по тропе через болото вслед за адскими псами. Великаны подошли к деревьям с огромными листьями, а несущиеся по следу беглеца чудовища вырвались далеко вперед, так что лишь изредка слабые завывания доносились до ушей джатти.

Предводитель великанов был не из тех, кто доверяется богам или судьбе, и полагал, что личный опыт и записи служат племени лучше, нежели благие пожелания и молитвы. Хотя большинство сведений, собранных о голубоглазом варваре, похитившем его дочь, уничтожил огонь, кое-что все же уцелело. Разери взял с собой прядь волос маленького человека, клочок одежды, даже лоскут кожи от оплетки ножен. Эти предметы находились в амбаре, в самом дальнем углу, где подчас было морозно даже в самые жаркие летние дни. Джатти давным-давно обнаружили, что вещи, имеющие живую природу, сохраняются в холоде значительно дольше.

Именно слабый запах этих обрывков вел адских псов, и они не перестанут искать незримый след, пока не достигнут беглеца. Разери знал, что звери эти могут бежать по пять дней кряду; не было существа в болоте, способного победить свору адских псов. Если Конан сбился с пути и завяз в трясине, псы вытащат его труп. Если некий хищник сожрет человека, псы притащат останки. Даже если от варвара остались жалкие клочки, их будет достаточно для чудовищных собак.

Ровным шагом, без особой спешки Разери шел по следу. Великаны не могли угнаться за псами, так же как не сможет убежать от них Конан. Скорее всего четверо джатти встретят своих охотничьих псов возвращающимися с жалкими огрызками хрящей и костей растерзанного чужака.

Однако предводитель джатти беспокоился о своих пропавших детях. Как один-единственный человек умудрился похитить троих, самый малый из которых не меньше его самого? Это была неразрешимая загадка. Загадка, которую Разери надеялся разрешить очень скоро.

Идущий впереди предводителя самый молодой великан по имени Лави предупредил:

— Поворот налево.

Разери кивнул и подал знак тем двоим, что следовали за ним. То были братья, старший — Коури, и младший — Хмуо, двоюродные племянники Разери.

— Налево.

На развилке четверо джатти свернули налево, следуя отчетливым следам адских псов.

Далеко впереди послышался едва различимый вой. «Псы настигли варвара!» — надеялся Разери.

Конан нашел-таки запомнившуюся ему прогалину. Она располагалась слева от тропы, и с одной стороны от нее неправильным полукругом темнел водоем, покрытый изумрудной пеной и бурозелеными плавающими листьями водяной лилии. Деревья с раздувшимися книзу стволами густо усеяли откос, что резко обрывался вниз прямо напротив тропы. Справа росли деревца поменьше, между ними густо стелился колючий подлесок. Кроме прохода шириной не более взмаха руки, ведущего с тропы, не было сюда никакого другого легкого пути.

Если преследователи не ходят по воде и неспособны на полной скорости пробиться сквозь колючие заросли, им остается единственная дорожка. Конан чувствовал, что, сам того не желая, получил явное преимущество перед врагом. Животные, если у них хватит сообразительности, способны обогнуть островок и взобраться сюда по откосу, но подобный маневр сильно замедлит нападение. Они могут переплыть водоем, если умеют плавать, однако при этом тоже потеряют в скорости. Конан не знал, сколько бестий несет по его следу, не представлял себе их размеров и возможностей, но другого выбора у киммерийца не было. Звуки все приближались и приближались, и, судя по всему, преследователи уже совсем рядом.

Конан шагнул на сухую поляну, встал прямо у прохода и вытащил меч. Невидимый с тропы, северянин встал спиной к густому кустарнику. Сделав несколько глубоких вдохов, он обхватил рукоять обеими руками и занес над правым плечом, будто топор дровосека. Конан решил, что теперь он, насколько это возможно, готов к схватке. Напряженная улыбка заиграла на губах киммерийца. Если пришло время умереть, он умрет с оружием в руках и обрушит смертоносную сталь на своих убийц. Случаются вещи и пострашнее. А вечно никто не живет. Конан помнил однажды услышанную еще в ранней юности фразу: «Эй, киммериец! Ты что, собрался жить вечно?»

— Кром, — проворчал северянин. — Не сегодня ли день нашей встречи?

Ответом послужило молчание. Кром — божество не из тех, кто тратит попусту слова. А дева-воительница, павшая от руки колдуна... Она теперь далеко.

«Оно и к лучшему, — подумал Конан. — Незачем раньше времени знать ответ».

Фосулл и его воины, идущие по узкой тропе через болото, обходили участок трясины и водоем, что практически перегородили путь. Варги прислушивались к доносившемуся спереди вою адских псов. Предводитель варгов уже поблагодарил нескольких особо любимых богов за свое избавление от ужасных бестий. Но эта признательность не помогла ни вернуть Вилкена, ни отомстить пришельцам за гибель воинов. Хотя, зная натуру адских псов, можно предположить, что чужаки будут разорваны в кровавые клочья задолго до того, как к месту действия придут варги. Жаль! Ведь Фосулл предпочел бы сам воздать обидчикам их долю мучений и страданий; тем не менее мертвые есть мертвые, и, если боги выбрали орудием возмездия адских псов, Фосулл спорить не собирается. Вернись к нему сын, он был бы полностью доволен. Несколько кусочков мяса в котелке, конечно бы, не помешали, но если плата за них — стычка с адскими псами или ужасным демоном, то лучше не надо.

Нет уж! Фосулл решил, что он и его люди довольствуются теми дарами, что отпущены им щедростью богов.

Тут подбежал дозорный, что следовал позади отряда.

— Ну?

— Д-д-джатти, мой вождь. — Он замолчал, пытаясь отдышаться.

— Где?

— За нами.

— Сколько? Далеко?

Разведчик поднял руку с загнутым большим пальцем:

— Ч-четыре. Наверное, в часе ходьбы.

Фосулл обдумал эту новость. У него четырнадцать воинов. В сражении с четырьмя джатти можно одержать верх, хотя он бы предпочел более весомое

преимущество. Все же, имея час в запасе, стычки можно избежать. Если псы загнали чужаков, то, возможно, Фосулл и его воины смогут отбить Вилкена и скрыться неприметными звериными тропами, по которым увальням-джатти не пройти. Похоже, план толковый. Уж во всяком случае час в запасе имеется, раньше великанам до варгов не добраться.

Преследователи были уже так близко, что Конан мог слышать их топот. Он еще раз глубоко вдохнул и замер с поднятым мечом.

Бестия столь быстро выскочила на поляну, что клинок киммерийца обрушился не на шею чудовища, а туда, где кончался позвоночник. Удар с силой отдался в кистях, но могучие предплечья северянина довели дело до конца. Вороненое лезвие рассекло кость, рукоять при этом чуть не вылетела из рук. Зверюга протяжно завывала и обмякла. Конан изо всех сил вцепился в рукоять и выдернул меч, а раненый монстр покатился кувырком и застыл в двух шагах от киммерийца. Пес трясся и пытался ползти, но лишь передние лапы слушались его.

«Мерзкая гадина!» — успел отметить Конан. Крупнее самой большой собаки и не похожа ни на какое животное, доселе виденное киммерийцем. Конан приблизился к полупарализованному зверю, вновь ударил, на этот раз по шее, и снес чудовищу башку. Пес содрогнулся в последний раз и издох.

Приближалась основная свора, следующая за своим вожакom, и киммериец приготовился к сражению. С мечом наизготовку он шагнул к тропе. Конан увидел, как появилась и понеслась к нему вторая бестия. Он дал ей подбежать вплотную, затем, взмахнув справа налево тяжелым клинком, сам в то же мгновение отпрыгнул вправо, так что острие меча рубануло животное по голове. Удар

оказался смертельным, ибо собака — или как еще ее называть — споткнулась, прокатилась мимо Конана, застыла и больше не двигалась.

Третий пес, приюхиваясь, рыл землю лапой у прохода на поляну, а Конан уже выходил ему навстречу.

«Видимо, тварь чует кровь своих сородичей», — рассудил киммериец, ибо псина скулила и не двигалась с места.

А мгновение спустя рядом с нею встали еще три дьявольских отродья. Эти тоже приюхивались и кружили на месте, будто в замешательстве.

— Эй, псы! Идите сюда подыхать!

Одна из оставшихся bestий прыгнула вперед, остальные последовали за ней. Конан ринулся навстречу, и его натиск, должно быть, встревожил нападавших, ибо первый пес внезапно застыл, и трое других наткнулись на него. Один из задних свалился в воду, как-то по-кошачьи взвизгнул и принялся карабкаться на сушу.

Первый монстр начал было отступать, но толком не сумел, так как прочие загромождали проход, и клинок свирепого варвара располосовал зверя от морды до брюха. Брызнула кровь, пес вонзил зубы в сверкнувшее лезвие... но медленно, слишком медленно.

Конан перехватил поудобнее меч и сделал новый молниеносный выпад. Лезвие прошло между ребер, туда, где по мнению Конана, у чудовища находилось сердце. Пес взвыл, подпрыгнул, отбросив при этом своего ближайшего собрата в густую мешанину шипастых ветвей, что росли напротив пенистого водоема. Раненый зверь скакнул на Конана, но упал, не долетев до поспешно отступившего киммерийца, затем застыл, преградив путь.

Один из тех псов, что оставались на тропе, стал пятиться назад. Другой пытался вырваться из цеп-

ких колючих щупалец кустарника, но лишь запутывался еще сильнее. Третий зверь, тот, что свалился в заводь, уже почти вылез на тропу.

Конан сделал три быстрых шага, одной ногой ступил на мертвую тушу и прыгнул к пятящемуся зверю.

Тот повернулся и побежал.

Развернувшись, Конан нанес удар псу, что выбирался из пруда. Зверь поднял широкую лапу, будто бы заслоняясь от удара, и острая сталь отсекла конечность.

С диким воем пес снова плюхнулся в воду. Он пытался плыть, но без лапы лишь кружился на месте.

Колючки по-прежнему не выпускали следующего зверя, и Конан обернулся, дабы покончить с пленным монстром.

Но когда киммериец двинулся, чтобы разделаться с пронзенным тысячу игл зверем, тот пес, что убежал по тропе, видно, набрался храбрости, ибо вернулся и прыгнул; его блестящие от обильной слюны клыки устремились к горлу варвара.

Разворачиваясь лицом к новому противнику, Конан поскользнулся в луже крови и упал на одно колено. Это неожиданное движение спасло его, ибо пес пролетел над внезапно опустившимся человеком и свалился на сотоварища, что барахтался в колючках. Теперь оба они завязли.

Третий пес все кружился в воде, и меч киммерийца пронзил bestии глотку. Хлынула кровь, и покраснела зеленоватая жижа. Пес все еще трепыхался, но без всякого толку. Он потонул, когда Конан повернулся, дабы расправиться с двумя застрявшими в кустах.

Один из оставшихся псов наконец выбрался из колючек, но лишь для того, чтобы встретиться с беспощадной сталью.

Последнее чудовище тянулось к Конану измазанной собственной кровью мордой, но движения его

сдерживали мириады цепких крючков, и вороненый меч еще раз пропел свою смертоносную песнь.

Когда чуть успокоилось бешено рвущееся наружу сердце, Конан вытер с лица кровь и пот и оглянулся по сторонам. Шестеро отвратительных ублюдков, и все мертвы. Внезапно он почувствовал смертельную усталость. После битвы это обычное чувство, но сейчас нет времени отдыхать. Он победил этих грозных бестий, но можно не сомневаться, что хозяева их не сильно отстали. Псы, даже такие вот кошмарные, — одно дело. Великаны — совсем другое.

О шкуру поверженного чудовища могучий воин начисто вытер лезвие, сунул его в ножны и вернулся на тропу. Оглянулся в сторону деревни джатти и продолжил свой путь. Во всяком случае, он воздал джатти по заслугам и как-то отплатил за постой в невольничьей клетке. Хотелось, чтоб с распоротым брюхом тут валялся Разери... И все-таки предводителя великанов ждет приятный сюрприз, когда захочется посвистать своих псов назад.

При этой мысли губы Конана скривились в издевательской усмешке.

Глава десятая

Вернувшийся разведчик принес Фосулла вести поистине невероятные.

- Мой вождь! Адские псы! Они мертвы!
- Все?
- Все.

Фосулл задумался, не проронив больше ни слова. Он не желал, чтобы воины видели своего вождя ошарашенным даже подобными известиями.

Отряд варгов продолжил путь к месту, где разыгралась кровавая сеча. Псы действительно были мертвы, все правильно. Полдюжины самых злобных на болоте тварей, похоже, зарублены мечом. Невероятно!

Фосулл исследовал поле боя, изучил следы и — одноглазого варга с половиной мозга хватило бы на это! — быстро сообразил, что адских псов уничтожил один-единственный человек. Чужак, тот самый полуобнаженный мужчина, что убил нескольких варгов близ деревни великанов. Не было никаких следов того отряда, где обретается красный демон.

Это плохо. Очень плохо. Шестеро псов убиты одним человеком. Такого бойца следует остерегаться, когда он не на твоей стороне. А ведь Фосулл ведет отряд как раз по следу неистового воителя, вместо того чтобы гнаться за похитившими сына. Неудачно.

Воины выжидающе смотрели на Фосулла. Несмотря на ужас, охвативший его, он оставался вождем, и это накладывало обязанность изображать если не абсолютную беспечность, то во всяком случае невозмутимость.

— Я думал, псов было больше, — холодно изрек он.

Разведчик, быстроногий молодой варг по имени Олир, недоуменно мигнул и уставился на Фосулла:

— Мой вождь?

— Я думал, их восемь или девять. Вот тогда бы это была красивая работа. Но прибить всего шестерых...

Вождь будто бы швырял ничего не значащие слова прямо на тропу, в бурю грязь, одновременно проверяя обсидиановый наконечник копья мозолистым большим пальцем. Создавалось впечатление, будто он, Фосулл, без особого труда расправился бы с шестью адскими псами.

Среди воинов слышался ропот. Недоверчивый, как заключил Фосулл. Но все равно усмехнулся. Никто не сможет стать — и остаться — вождем, не обладая отвагой, и уже двенадцать лет прошло с тех пор, как кто-либо бросал Фосулле вызов. Последний решившийся на это заглотил собственное копьё, успев лишь топнуть ногой и глупо вильнуть задом. Более половины отряда были несмышленными юнцами, когда Фосулл прибил того посягателя, и случай за минувшие годы был столь приукрашен, что многие из молодых воинов считали Фосулла непобедимым. Но даже при этом им вовсе не хотелось шутить с убившим шестерых псов и преспокойно продолжившим свой путь.

— Теряем время, — подал голос повелитель варгов.

— Мы собираемся преследовать того, кто сделал это? — спросил Олир.

— Разумеется. Я полагаю, что он выведет нас к остальным чужеземцам. Вилкен по-прежнему их пленник, или ты забыл об этом?

— Н-нет, мой вождь.

— Тогда отправляйся. Иди выслеживай и смотри не споткнись о нашу добычу.

Фосулл наблюдал, как Олир уходит вперед. Нет сомнений, шаг его куда медленней обычного. И Фосулл не сомневался, что юный варг приложит все усилия, чтобы избежать случайной встречи с человеком, победившим псов. Как и сам Фосулл, будь он разведчиком.

Лави был бледен как полотно, когда вернулся туда, где Разери с двумя джатти заканчивал наспех собранную полуденную трапезу. Великаны спокойно расположились в небольшой ложине, скрытой огромными ветвями поваленного молнией дерева.

Ствол почти весь зарос мхом, ибо дерево лежало здесь не менее пяти лет.

— Ты узнал, почему замолкли псы? Они уже настигли жертву?

Лави покачал головой и присел на толстое бревно, что выступало из трясины рядом с тропой.

— Да, они настигли того, кого мы ищем.

— Это хорошо... — начал Разери.

— Нет, — оборвал его Лави. — Собаки мертвы.

— Что? Невероятно! — вскричал Коури.

— Этого не может быть! — поддакнул Хмуо.

Разери решил не горячиться и все выяснить.

— Идите и убедитесь сами.

Когда четверо гигантов прибыли на место побоища, Коури первым обрел дар речи:

— Следы варгов! Вот почему псы мертвы! Здесь был большой отряд варгов!

Разери склонился над одним из дохлых псов, затем осмотрел другого, третьего.

— Нет, — заключил он. — Не копыта варгов нанесли эти раны.

— Кто же тогда?.. — удивился Хмуо.

— Конан из нашей клетки. Видите? — Предводитель указал на рубленую рану. — Такие оставляет только меч. Огляните остальных собак, и вы обнаружите такие же раны.

— Ты хочешь сказать, что все шесть убиты одним маленьким человеком?

Разери повернулся к Коури:

— Вот именно. Он более чем изобретателен, как мы могли убедиться после его побега и спокойного передвижения по тропе. Никогда нам не попадался столь неистовый родич маленького племени. Следует вам это напомнить.

Коури поднял руку и потер лоб. Когда четверо джатти нападали с палками на сидевшего в клетке

Конана, именно Коури отдал свое оружие маленькому человеку и был на свою беду наказан точным ударом киммерийца. Не похоже, что великан когда-нибудь забудет тот случай.

— Но что же тогда делали здесь варги? — спросил Лави.

Разери пожал плечами:

— Кто знает? Возможно, просто желали добыть пищу.

— Но, побывав здесь, они продолжили преследовать варвара. Несомненно, даже варги не могут быть столь глупы.

Разери на минуту задумался.

— Все это странно, — наконец признал он. — И более чем интересно. У них должны были быть серьезные причины. Мы ищем то же существо, а потому продолжим, разве не так?

— Обратите внимание, — сказал Хмуо. — Я достаточно внимательно исследовал тропу, чтобы не пропустить следы джатти. Как же насчет Тэйли, Орена и Морьи? Похоже, их нет с беглецом.

Вот это даже еще более странно. Но можно ли сомневаться в существовании определенной связи между побегом варвара и пропажей детей? Трудно поверить в то, что Конан удрал из клетки самостоятельно; возможно, ему помогли. Не исключено, что у него были товарищи, а Тэйли просто не заметила их, когда пленила варвара. Возможно, эти товарищи освободили Конана, а затем в отместку похитили детей и скрылись какой-нибудь другой тропой.

Разери признавал досужесть этих домыслов. Тем не менее они способны хоть как-то объяснить нагромождение загадок. Трудно воочию представить, как именно все происходило. Как бы то ни было, Конана необходимо поймать. И только после этого можно выяснить все до конца.

Разери кивнул сам себе. А вслух сказал:

— Пойдем. Слишком много тайн, чтобы разгадывать их сидя на одном месте. Мы должны изловить Конана.

— И для этого пробиться через варгов, — заметил Коури.

— Если понадобится.

Конан изрядно продвинулся по тропе. Почва стала заметно подниматься — теперь тропинка пересекала целые поля сухой земли. Киммериец знал, что скоро выберется к дороге на Шадизар, туда, где повстречал великанов.

Конан решил, что раз ему посчастливилось вырваться на свободу, то в дальнейшем следует избегать, насколько это вообще возможно, напускного радушия случайных знакомых. Хотя он несколько голоден, но жив и с каждым мгновением удаляется и от великанов, и от карликов. Только бы поскорее покинуть болото.

Лишь через некоторое время Конан заметил ягоды, которые признал съедобными, и сделал короткую остановку, дабы слегка подкрепиться. Конечно, это не сравнить с добрым куском сочного жареного мяса, но все же лучше, чем прислушиваться к урчанию пустого брюха. Тыльной стороной ладони киммериец вытер рот и продолжил свой путь. Если память не изменяет, вскоре должна появиться дорога. Конан прямо-таки сгорал от нетерпения.

Фургон катил по ухабистому тракту, и Дэйк, убаюканный качкой, погрузился в дремоту. Ему снился сон. В том сне он был хозяином огромного цирка. Безбрежный амфитеатр забит тысячами зрителей, и все они не могут оторвать глаз от сотен уродов, что собрал и вывел Дэйк. Женщины-кошки

исполняют акробатические танцы, четверорукие мужики жонглируют дюжинами разноцветных мячей, зеленые карлики и неуклюжие великаны маршируют, пародируя армейский смотр, волкоглавы сражаются друг с другом, пуская в ход зубы и когти. И все это вершится под величайшим в мире куполом с высоким шпилем и синё-белой крышей из чистого шелка, что дает тень зрителям на трибунах.

Вдруг один из огромных столбов, держащих тент, сломался. Вздвигающийся шелк обрушился на толпу зрителей; люди принялись взывать о помощи: «Дэйк! Дэйк! Дэйк!»

Он проснулся и обнаружил, что его трясет Крэг:

— Дэйк.

Хозяин сбросил со своего плеча руку помощника:

— Зачем ты, болван, перебил мой сон?

И тут он заметил, что фургон не движется.

— Почему стоим? Я вроде не приказывал останавливаться!

Крэг покачал головой:

— У нас сломалось колесо.

— Что? Покажи мне.

Дэйк откинул полог, вылез и вслед за Крэгом обошел фургон. Переднее колесо со стороны великанши, что сидела сейчас рядом с Панхром, действительно сломано. По меньшей мере четыре спицы вылетели или сильно треснули, часть колеса под защитным железным обручем свободно болталась, а сам обруч весь перекосялся и местами лопнул.

— Во имя лохматых яиц Сэта! Что тут стряслось?

Панхр глядел с высоты своих козел.

— Мы перевернули здоровый камень, а под ним оказалась большая яма.

— Тупица! Почему ты не объехал его?

— Места не было. Сам погляди.

Панхр указал назад, на дорогу. Тракт сужался как раз в том месте, где выступал из-под грунта здоровенный камень, и с одной стороны ограничивался сплошными зарослями кустарника, а с другой резко обрывался в неглубокий овраг.

Дэйк еще раз выругался, помянув нескольких малоизвестных богов и наделив их при этом самыми отвратительными чертами. Проклятия оказались столь сильны, что быки нервно затопали копытами.

Наконец хозяин проскрипел:

— Тащите запасное колесо и замените сломанное.

Панхр ухмыльнулся, обнажив волчьи зубы:

— Нельзя. Запас уже стоит. Подъем на Хараанский перевал, да?

В безмолвной ярости Дэйк стиснул кулаки. Да. С того раза у них не было времени заказать колеснику новое. А фургон столь тяжел, что ему необходимы все шесть колес.

— Разве ты не можешь исправить его силою своей магии? — спросил Крэг.

Нет, не было у балаганщика такого заклинания. Однако Дэйк вовсе не считал нужным обнаруживать перед кем-либо, а тем более перед слабоумным помощником пределы своей колдовской мощи.

— Негоже растрачивать магию на столь мирские заботы, — ответил он. — Ты, Панхр и Саб, возьмите инструмент и соорудите замену сломавшимся частям. Здесь достаточно подходящих деревьев.

— Но... но это займет не один час!

— Что из того? Я как раз расположен насладиться окрестностями.

— Какими окрестностями? Здесь же нет ничего, кроме леса и этой грязно-бурой дороги.

— Придержи язык, идиот, или вовсе его лишишься!

Крэг нахмурился, но промолчал. Он прекрасно понимал, что Дэйку достаточно махнуть Панхру, и волкомордый с наслаждением вонзит клыки в глотку своего давнего недруга. Хозяин может и просто наложить на своего помощника покоряющее заклятие, заставит стоять покорно, а сам разможжит ему голову любым подходящим булыжником. Крэгу уже приходилось лицемерить хозяина в ярости — убивает он без тени смущения.

— Саб! Тащи топор! — заревел Крэг. — А ты, мохнатое рыло, оторви задницу от своего насеста.

Панхр склонился со скамьи и, продолжая ухмыляться Крэгу, легко спрыгнул на землю. Дэйк видел, что ярость Крэга совершенно бессмысленна, ибо человек-волк только получает величайшее удовольствие от этого с трудом сдерживаемого гнева. Очень жаль, но скоро Крэг будет вовсе непригоден. Если Панхр сдержится, возможно, Дэйк сам позволит ему отправить ненавистного мучителя в Сумрачные земли.

Троица отправилась на поиски дерева, достаточно сухого и крепкого, чтобы изготовить спицы и часть колеса. А Дэйк принялся выбирать себе тенистое место, дабы продолжить нарушенный сон. Возможно, его вновь посетят сладостные грезы. Вот было бы удовольствие!

Глава одиннадцатая

Разыскав наконец торную дорогу, Конан с наслаждением ощутил твердую землю под сандалиями и ускорил шаг. Могучие ноги варвара обрели силу и крепость, когда он мальчишкой в Киммерии поднимал тяжелые камни и бревна, да и в последующие годы

странствий, во время долгих походов и стремительных бросков. Сейчас они несли его без особых усилий.

Киммериец решил, что не особенно пострадал в результате последних злоключений. Меч остался при нем, а знакомство с великанами обошлось некоторыми неудобствами и потерей времени, но не многим более того. Шадизар с его роскошью и богатством лежит перед ним, и он больше не свернет с намеченного пути.

Когда день начал клониться к закату, Конан нашел себе подходящее место для ночлега. Он поставил силки и быстро поймал кролика, а когда на землю опустилась тьма, зажег костер и приготовил себе ужин. Оторвав своими крепкими, белыми зубами кусок жареного мяса, Конан блаженно улыбнулся. В один прекрасный день, когда уже состарится и поседеет, он будет рассказывать своим внукам о великанах и зеленых карликах. А до тех пор он не собирается тратить время, беспокоясь об этом, ибо все уже минуло, все позади, в прошлом.

— Колесо заменили, — сообщил Крэг.

Лицо и руки его были перепачканы в грязи и колесной смазке, живописно смешанных с потом, вдобавок от него воняло.

Над головой уже появился месяц, роняющий свой бледный, восковой свет на Дэйка и его странный отряд.

— Долго же вы возились, — проворчал балаганщик. — Там, под холмом, есть ручей. Отправляйся туда, отскреби себя и одежду. Возьми с собой Саба и Панхра, пусть тоже умоются, затем возвращайтесь. Слишком темно, чтобы рисковать пускаться в дорогу. Я не желаю еще одного сломанного колеса.

Когда Крэг повел четверорукого и волкоглава к ручью, Дэйк припомнил пройденный путь. Вынуж-

денная остановка на несколько часов сократила их отрыв от какой бы то ни было погони. Правда, маловероятно, чтобы преследователи шли ночью через болото. Великаны, что могли пуститься вослед, отставали еще по меньшей мере на полдня, даже принимая во внимание задержку из-за сломанного колеса. В любом случае Дэйк будет спокоен лишь тогда, когда солнце рассеет тьму и позволит продолжить путешествие.

Когда Крэг и прочие вернулись, хозяин велел съехать с дороги на маленькую поляну в роще вечнозеленых с красноватыми стволами деревьев. Вокруг сгустилась ночная тьма, причудливое сборище залезло в фургон и погрузилось в сон.

Фосулл спал плохо, его мучили кошмары. Ночные видения его были полны огромными красными демонами, полуобнаженными людьми-не-с-болот, джатти и некими смутными существами, коих он не смог распознать. Фосулл, наяву быстрый и ловкий, здесь, во сне, еле полз, пытаясь бежать, а копье, выпущенное со всей силы, летело, будто падающий лист. Куда-то исчезла и его юбка из мягкой оленьей кожи; вождь был наг, как червь. Он пытался отыскать свое жилище, но безнадежно заблудился среди укрытий варгов и никак не мог вспомнить дорогу домой. В панике убегая от стада четвероруких женщин-кошек, Фосулл вдруг сообразил, что все это ему снится, но и тогда не мог освободиться от кошмара. «Это не лучший из снов», — только и смог подумать вождь.

Разери долго не мог уснуть, перебирая в голове различные варианты, думая, решая, пытаясь сложить воедино события последних двух дней. Это было непросто, да нет, более того, едва ли это вообще

было возможно. Слишком многое оставалось неясным. У великана путались мысли.

Предводитель джатти находился в совершеннейшем недоумении. Обычно он мог установить причину происходящего. Разумеется, виной тому могло быть то, что большинство вещей в его мире лежало на самой поверхности, причем в неподвижности. Здесь же возникла некая тайна, раньше он с подобным не встречался. На одном уровне понимания она совершенно непостижима, на другом, возможно, разгадка вполне проста. Зато и удовлетворение от решения трудной задачи окажется куда большим.

Подумав об этом, Разери улыбнулся. То, что он раскроет тайну, сомнений не вызывало; вопрос — когда, где и какими силами?

Конечно, он беспокоился о трех своих пропавших детях, но рассудил, что им не грозит большая опасность, по крайней мере в настоящее время. Желай похитители — а он уже был уверен, что похититель не один — убить детей, вряд ли они потащили бы свои жертвы так далеко от деревни. Нет, видимо, у них какие-то другие виды на Тэйли, Орена и Морью. Возможно, они хотят испытать ребятишек так же, как сам Разери испытывал Конана. Или просто выставить их напоказ. Возможностей было много, и великан перебирал их, пока его не сморил сон.

Конан встал рано, подстегиваемый желанием увеличить расстояние между собой и деревней великанов, едва не оказавшейся для него смертельной ловушкой. Когда первые проблески зари сверкнули алым на небосклоне, киммериец уже шагал по Шадизарскому тракту, на ходу доедая остатки вчерашнего ужина, и остановился лишь для того, чтобы запить свою трапезу пригоршней воды из ручейка, струящегося близ дороги.

Когда полностью рассвело, Конан топал уже больше часа. Взойдя на гребень небольшого склона, он увидел вдалеке стоящий близ дороги фургон. Повозка здоровенная, снабжена тремя парами колес. Восемь или десять быков паслись рядом с крытым фургоном размером чуть ли не с дом.

Полуобнажив меч, Конан сошел с дороги под укрытие рощи низкорослых деревьев. Недавнее злоключение удвоило осторожность, и хотя обитатели большого фургона, могли оказаться совершенно безобидными, варвар не собирался доверяться им вслепую.

Рослый киммериец легко пробирался между деревьями, стараясь ничем не обнаружить себя.

Он нашел место, усеянное сухой хвоей, и, скрытый чахлым кустом, принялся наблюдать за событиями.

Через какое-то время из повозки вылез блондин, а вслед за ним человек, весь завернутый в складчатое одеяние и с капюшоном на голове. Конан не смог ясно разглядеть черты его лица, зато он хорошо увидел третьего человека, покинувшего фургон.

У этого было не менее четырех рук. Конан принялся размышлять над подобной странностью, когда фургон вдруг закрипел и затрясся и оттуда, вся скрючившись, дабы не задеть перекладину, вылезла огромная бабища. Когда она выпрямилась, Конан сразу узнал Тэйли из племени джатти.

Вот так фокус! Недоумение возросло, когда вслед за старшей сестрой показались близнецы, Орен и Морья. За ними появилась женщина, вся покрытая коротким мехом и с физиономией кошки. А потом высунулся зеленый пупырчатый карлик, чьих сородичей недавно повстречал Конан.

Киммериец продолжал наблюдать, как блондин с четвероруким сгоняют и запрягают быков. Когда

второй вылезший из фургона нагнулся проверить переднее колесо фургона, капюшон упал, и Конан увидел лицо, напомнившее ему собачью морду. Нет, не собачью, поправил себя варвар, волчью.

Что за неслыханное сборище? Все вместе, под одной крышей. Что бы это значило?

— Ты находишь любопытными моих уродов? — донесся голос из-за спины Конана. Киммериец вздрогнул и стремительно вскочил, неуловимым движением выхватывая меч.

— А вот этого не надо, — произнес незнакомец.

Он пробормотал нечто невразумительное и махнул рукой.

Конан моментально отскочил в сторону и поднял клинок. Как мог этот заморыш подойти к нему столь бесшумно? Немногие способны подкрасться так близко к чуткому киммерийцу, а этот выглядел вполне обыкновенным смуглокожим парнем с черными волосами и длинными усами и вовсе не казался способным на небывалый подвиг. Хотя, похоже, он был не вооружен, Конан не собирался опускать меч.

— Убери это, — сказал незнакомец.

Это не походило на просьбу, скорей напоминало приказ, и Конан уже было расхохотался.

Но смех замер в груди киммерийца, когда его охватила смертельная стужа и он почувствовал, как руки повинуются приказам черноусого. Будто бы свинцом налились запястья, отяжелевшие настолько, что их стремительно потянуло вниз.

Конан боролся с неведомой силой, что захватила его могучее тело. Лицо и плечи залило потом, пока он сопротивлялся невероятному натиску. На мгновение клинок застыл, трепещ в холодном утреннем воздухе.

Незнакомец нахмурился.

Меч дрожал в руке варвара. И хотя Конан противился всей своей мощью и мускулы его вздулись жилистыми буграми, острое вороненого клинка вновь двинулось к ножнам.

Киммериец будто со стороны глядел, как зачехляет оружие, и руки его, казалось, принадлежат другому человеку.

— Вот так-то гораздо лучше, — ухмыляясь, проговорил смуглолицый.

Внезапно объяснение случившегося озарило Конана: магия! Человек наложил на него заклятие!

Киммериец засмеялся и потянулся придушить подлого колдуна, но воздух вокруг будто бы сгустился и встал на пути непреодолимым барьером.

— Ты зря теряешь время, — проговорил черно-волосый. — Я Дэйк, и ты будешь мне повиноваться, нравится тебе это или нет.

Конан сделал полшага, лицо его налилось кровью от страшного напряжения.

— Ты очень силен, — заметил Дэйк. — Пожалуй, убивать тебя не стоит. Я смогу найти применение такому богатырю. Как тебя зовут?

Конан, осознав наконец всю тщетность сопротивления, оставил свои попытки. Он не собирался отвечать, но та же сила, что заставила его зачехлить меч, теперь управляла речью. Он плотно сжал губы.

Минуло десять ударов сердца.

— Конан, — услышал киммериец собственный голос.

— Ага, прекрасно, значит, Конан. Пойдем.

И колдун проследовал мимо варвара к фургону.

Наверное, всякое сопротивление было бесполезно, но Конан все же не сдавался и, несмотря на все свои усилия, ощутил, как поворачивается и идет следом за чародеем. Он не мог удержать ступни, не

мог и рвануться вперед, дабы придушить подонка. Могущественное заклятие превосходило все мыслимые возможности смертного человека. Теперь могучий воитель был подобен псу на привязи, с удавкой вокруг шеи.

Пока они спускались по склону к повозке, Конан сообразил, что, вероятно, именно магия позволила Дэйку подкрасться столь незаметно. Тэйли и близнецы, должно быть, тоже окутаны подобными чарами. Он гадал, скольких из собравшихся у фургона удерживает проклятие колдуна.

Что ж. Видимо, достаточно скоро он это выяснит.

Когда отряд достиг края болот, не встретив при этом ни чужаков, ни Вилкена, перед Фосуллом встала необходимость выбора. Путешествие за болото более чем опасно. Люди-не-с-болот миролюбием никогда не отличались, как за долгие годы варги могли убедиться на собственных шкурах. Ватаги коротышек беспощадно истреблялись, хотя они вполне способны защититься от случайных разбойников или любопытных селян. Там, за болотами, куда больше людей, чем всех варгов вместе взятых. Лет сорок назад, во время Великой засухи, дед Фосулла повел сотню воинов за провизией, но вернулся лишь с половиной войска. Похоже, в обычаях людей-не-с-болот было тут же убивать любого, отличного от них самих.

Что же делать? Он не желал устраивать кровопролитие. С другой стороны, нет никакой надежды сохранить уважение собственных воинов, если вождь позволит скрыться похитителям сына.

Фосулл знал, что стареет и сейчас уже не тот, что был когда-то. Хотя он почти не сомневался, что сможет победить любого варга в племени, абсолютной уверенности все же не было. Позволить увести

сына и наследника, не сделав все возможное, чтобы вернуть его, означает показать слабость, а любое проявление слабости родит соперников. Таковы обычаи варгов.

Да отправятся эти чужаки в самые глубины преисподней!

Что-то нужно делать, и, хотя нет никакого желания смотреть правде в глаза, Фосулл знал, что именно следует совершить. Отряду из пятнадцати варгов нелегко будет скрываться за болотами, а вот одному варгу это по силам.

Фосулл повернулся к бойцам:

— Возвращайтесь в укрытие. Я сам отправлюсь за Вилкеном.

— Мой вождь!

— Все скопом мы лишь привлечем внимание. Одного меня не заметят.

— Но... но этот красный демон!

— Я — Фосулл, я не боюсь ни варгов, ни чужаков, ни демонов. Делайте, как я сказал.

Воины с неохотой, но повиновались. Варги тихо переговаривались друг с другом, поражаясь удали своего вождя, рискнувшего в одиночку пуститься на подобное дело, и Фосулл знал, что если он уцелеет, то получит такой запас уважения, которого хватит надолго. Кто посягнет на варга, не побоявшегося отправиться за болота, дабы сразиться с демоном, бóльшим, чем джатти?

Что до самого Фосулла, его вовсе не вдохновляла эта идея, но в голове уже зародился план. В болоте варгов защищает Мать-Природа — они запросто могут слиться с землей и оставаться незаметными. Люди-не-с-болот бывают самых разных размеров, иные, особенно дети, не многим больше Фосулла, и есть способы изменить свою внешность.

Всегда находятся какие-нибудь способы.

Глава двенадцатая

Сзади к фургону была приделана короткая лестница, по которой Дэйк взбирался на деревянный помост, являвшийся частью каркаса повозки. Остороверхая полотняная крыша конечно не выдержала бы его веса, но перекладина, к которой крепилась лестница, была толстой и широкой, и, соблюдая осторожность, вполне можно сидеть на доске и наблюдать за дорогой. Дэйк частенько влезал сюда, дабы насладиться припекающими лицо лучами солнца и чувством собственного превосходства над всем остальным, оставшимся внизу.

Впрочем, он во многом чувствовал свое превосходство.

Его новое пополнение, варвар Конан, воин со стальными мускулами и реакцией дикого зверя, будоражил не в меру ретивую фантазию. В тех деревнях, куда заносило мага его ремесло, жил народ простой, неотесанный. Правда, человек с четырьмя руками или женщина, выглядевшая будто кошка, да и прочие его уродцы всегда влекли тех, кто согласен заплатить за право поглазеть на эти чудеса, но большого барыша от представления в ничтожной деревушке не получишь. Сотня душ, по несколько медяков от каждого, что это за прибыль?

В основном кошель Дэйка пух в таких местах, где он по-другому использовал своих невольников. Многие мужики настолько любопытны, чтобы узнать, каково это — возлечь с кошкозадой красавицей, и за такую возможность расставались с хорошо припрятанным серебром. Панхр был непревзойденный умелец в обращении со своей веревкой и, состязаясь с теми, кто мнил себя искусным метателем аркана, мог принести дополнительную прибыль. Зеленый карлик оказался великолепным копейщиком и лучником —

его можно выставить против лучших местных стрелков. Великанша может пробудить похоть изнеженных дармоедов и сытых мальчигов, хотя здесь следует быть осторожным в смысле потомства, — вряд ли кого впечатлят миниатюрные великанчики.

Однако более всего, даже в самых ничтожных, захолустных деревушках, жители любят игру. А в тех местах, где мужчины подолгу вкалывают в поле или топчут ноги на охоте, они любят удалые игрища. Состязания в силе, борьба, драки — вот какие забавы предпочитает простонародье. Дэйку доводилось видеть пятьдесят серебряных монет, даже несколько золотых, что кидали на кон в схватке между двумя борцами, и это в деревне, где земля, дома и все пожитки вместе, казалось, стоят не больше горсти ломаных грошей.

Для человека, способного выставить борца сильного и проворного, деньги находились. Правда, как только фургон докатит до Шадизара, для привлечения внимания будет достаточно самих уродов, и необходимость в борце отпадет. С другой стороны, у шадизарских воров денег даже еще больше, чтобы делать ставки, разве не так? Кроме того, сильный человек с мечом станет превосходной стражей для всех тех богатств, коими надеялся разжиться Дэйк, особенно если это раб, послушание которого гарантируют колдовские чары.

Мастерство Конана выяснить еще предстоит. Никто не способен судить о возможностях человека лишь по его внешности, хотя варвар, несомненно, выглядит вполне свирепо. Несколько испытаний, прежде чем они прибудут в следующую деревню, все же не помешают.

Дэйк ухмыльнулся, вновь безмерно довольный собой. Умный человек всегда отыщет местечко по теплее, стоит только пошевелить мозгами.

Внутри фургона Конан разглядывал своих товарищей по несчастью. Здесь, в этом тесном помещении, они казались не менее странными, чем на расстоянии. Женщина-кошка сидела рядом с многоруким мужчиной; совсем тихо, почти шепотом, они переговаривались друг с другом. Волкоглавый в своем глухом капюшоне погружен в собственные мысли. Зеленый карлик почесывался и скалился, обнажая заостренные зубы. Трое великанов просто угрюмо глядели перед собой. Фургоном сейчас правил беловолосый, который казался единственным здешним обитателем, не окутанным чарами.

Тэйли, растянувшаяся на самодельном тюфяке во весь свой гигантский рост, облокотившись, посмотрела на Конана:

— Ты сам сбежал из клетки?

— Ну...

— Невероятно. — Она помолчала, будто что-то обдумывая, затем продолжила: — Я рада, что тебе это удалось.

Конан был озадачен.

— Почему?

Рукой она обвела фургон:

— Я поняла, что быть пленником не очень-то приятно. Раньше я этого не знала.

Конан кивнул, но ничего не ответил. Сколько бы раз ни удерживали тебя насильно, отвращение от этого не уменьшается. Если что-то и меняется, так с каждым разом ощущения все хуже и хуже. Неволя — недостойное положение для мужчины... и для женщины тоже.

— Что ты знаешь об этом человеке, что называет себя Дэйком? — наконец спросил киммериец.

— Он поведует некими колдовскими силами.

— Расскажи мне о том, чего я сам еще не знаю.

— Он везет нас в Шадизар, чтобы выставить там как чудеса природы. Он намерен скрещивать нас и производить все больше различных существ.

— Он сам сказал тебе это?

— Нет. Но его слуга. Светловолосый человек по имени Крэг злорадно сообщил нам это. А Тро, Саб и Панхр подтвердили.

Тут великанша представила Конану остальных пленников. Зеленого карлика звали Вилкен.

Обдумывая полученную информацию, Конан решал, как использовать ее наилучшим образом.

— Побег невозможен. — Панхр будто бы ответил на невысказанный вопрос Конана. — Заклятие, наложенное колдуном, слишком могущественно. Оно заставляет нас повиноваться ему, запрещает причинять ему какой-либо вред или ослушаться его прямого приказа.

Конан кивнул. Все именно так, он боролся изо всех своих сил и не смог сбросить колдовские чары. Да и прямо сейчас он проверил магические узы и убедился в их неизменности.

Панхр продолжал:

— Я уже пять лет пленник Дэйка. Тро он удерживает три года, примерно столько же и Саба. И заклятие все это время не ослабевает. Против него мы не можем сделать ничего.

— Мой отец сможет, — произнес Вилкен, оскалив зубы.

Конан повернулся к карлику, издававшему весьма неприятный гнилой запах.

— Твой отец?

— Вот именно. Он вождь нашего племени. Он придет за мной.

— Ты, похоже, в этом не сомневаешься.

— Он не сможет поступить иначе и при этом остаться вождем.

Конан задумался.

— И наш отец тоже придет, — проговорил Орен. Сидевшая рядом с ним Морья согласно кивнула.

Киммериец взглянул на старшую сестру, она тоже наклоном головы подтвердила истинность слов сородичей.

— Разери никогда не позволит, чтобы о нашей деревне стало известно кому-то во внешнем мире маленьких людей. И вряд ли он позволит забрать троих своих детей, не сделав никаких усилий, чтобы вернуть их.

— Для зеленых карликов и великанов места, населенные парнями моих размеров, вряд ли окажутся гостеприимными.

— Мой отец самый умный из всех варгов, — сообщил Вилкен не без изрядной доли гордости в голосе.

— А мой отец вдвое умнее твоего, звереныш, — воскликнул Орен.

Вилкен оскалил зубы, готовый напасть на огромного мальчишку. Орен приподнялся, чтобы дать отпор.

— Прекратить! — скомандовал Конан.

Двое спорящих застыли, глядя на киммерийца.

— Мы ничего не добьемся, передравшись друг с другом.

— Варги — это просто злобные твари!

— А джатти просто тупые скоты!

— Хватит!

Варг и джатти, с ненавистью взиравшие друг на друга, вновь обернулись к Конану. Первым заговорил Вилкен:

— Кто это выбрал тебя главным, чтобы нам тут приказывать?

В улыбке Конана таилась угроза, он покачал здоровенным кулаком, будто кузнечным молотом.

— Я сам себя выбрал. Я не намерен провести остаток жизни в заключении. Чары Дэйка не мешают мне утихомирить вас.

Взглянув на Конана, парочка, готовая вступить в драку, тут же решила, что не стоит испытывать его терпение. Оба утихли и в пререкания больше не вступали.

— А теперь, — сказал Конан, — я хочу знать все о Дэйке и его цепном псе Крэге.

Разери обдумал несколько планов погони за чужаками, похитившими его детей, и наконец склонился к самому, по его мнению, разумному. Он отослал своих соплеменников обратно в деревню и в одиночестве продолжил путь через болото и далее, на дорогу маленьких людей. Логика подсказала великану простейший способ, коим он и намеревался воспользоваться. Он будет передвигаться по ночам, держась наезженных дорог и избегая контактов с маленькими людьми, за исключением тех, кого придется спрашивать о своей добыче. Великан, разумеется, будет замечен и станет предметом для разговоров, но все же далеко не в той степени, как целый отряд подобных гигантов. А Разери будет продвигаться вперед, опережая молву.

Конечно, ночные переходы таят свои опасности, но очень немногие хищники способны устоять против джатти, вооруженного копьем и длинным обсидиановым ножом. Днем же он будет спать, хорошо укрывшись от маленьких людей. Конана он знает, а прочие оставили характерные следы. Идти по следу ночью весьма непросто, а подчас и вовсе невозможно, но Разери полагал, что вряд ли его добыча станет часто менять однажды выбранное направление. Достаточно будет время от времени, спрашивая кого-то из маленьких людей, убеждаться,

что он следует по правильному пути. Если его заметят, то уж тем более это касается его детей, которые едва ли пройдут более скрытно.

А когда он достигнет похитителей, то решит и все тонкости нападения. В общем, он намеревался убить маленьких людей и забрать своих чад.

Он нашел тенистое место, скрытое от посторонних глаз, и расположился там, дабы закусить кроличьим мясом и засушенными фруктами, что были у него с собой, а затем поспать до темноты.

Все решено, и Разери остался доволен своим планом. Пусть он не продуман до тонкостей, но зато дает право выбора, возникни в этом нужда. Убаюканный этими мыслями, великан погрузился в сон.

Фосулл уже провел все утро в пути, когда обнаружил, что те, кого он ищет, обрели повозку. Что ж, идти по глубокой колее фургона куда проще, чем выискивать следы ног. Ширина и вес этой телеги обеспечивали сохранность следов на дороге или даже на твердой земле, пока погода останется сухой, так что варг — со способностями Фосулла — по такой колее может следовать хоть на край света.

Пожалуй, куда более интересным было то, что похитители его сына двигались теперь по крайней мере с тремя джатти. Одним взрослым — женщиной, решил Фосулл — и двумя детьми. На самом деле следы этих последних были такого же размера, как у людей-не-с-болот, и иной следопыт мог подумать, что таковы они и есть; однако Фосулл узнавал обувь джатти не хуже собственных босых отпечатков, и если эти двое не джатти, он готов плюнуть на погребальную яму собственного отца. Было件ясно, оказались здесь джатти по своей воле или нет, однако Фосулл счел, что скорее всего нет. В людях-не-с-болот джатти нуждаются еще меньше, чем в

варгах, — ведь они даже не едят тех, кого ловят и убивают.

Дело плохо с этими не-с-болот, которые способны похитить и варга, и джатти.

Несколько раз Фосулл замечал путников, идущих ему навстречу; тогда он поспешно скатывался с дороги и прятался, пока те не проходили мимо.

Когда варг достиг малохоженной тропы, ведущей в крошечное поселение людей-не-с-болот, он сошел со следа фургона. Приблизившись к кучке домов — с трудом это можно было назвать деревней, — Фосулл постарался двигаться как можно незаметней, подбираясь с подветренной стороны, дабы не учуяли местные собаки, и наконец увидел то, за чем и пришел сюда.

На веревке, натянутой между двумя деревьями, сушилась на солнце разнообразная одежда людей-не-с-болот. Варг определил то, что было ему необходимо, и пополз сквозь кустарник и высокую траву, пока не оказался достаточно близко, чтобы решиться на бросок. Он подпрыгнул и рванулся к веревке с почти высохшей одеждой. И на лету сорвал с пеньковой бечевы балахон с капюшоном. Одна из собак все же почуяла его запах и залилась бешеным лаем, но Фосулл будет уже далеко, прежде чем кто-нибудь соберется выяснить причину такого возбуждения. А если, паче чаяния, зверюга погонится за ним, пусть пеняет на себя. Адские псы — это одно, простые собаки — совсем другое.

Когда он решил, что достаточно удалился от поселения, то остановился, дабы исследовать свою добычу. Грубая домотканая шерсть, настолько выгоревшая, что стала скорее рыжей, нежели коричневой, какой была раньше. Делом нескольких мгновений было укоротить ножом рукава и подрубить низ, дабы полы не волочились по земле. С

натянутым капюшоном балахон этот скрывал от посторонних глаз все, кроме кистей рук и ступней варга. Заметив маленький пруд, Фосулл набрал у берега грязи и вымазал ею руки и ноги, ставшие теперь крапчато-серыми. Среди людей-не-с-болот попадают и низкорослые — дети например, карлики и тому подобное, — вот только ни у кого из них не бывает зеленой кожи. В таком облачении и с грязью, засохшей на конечностях, Фосулл рассчитывал оставаться неузнанным; надо только избегать особо пристальных взглядов и не давать слишком многим здешним обитателям разглядывать себя вблизи.

Замаскировавшись таким образом, Фосулл вернулся на главную дорогу и продолжил свой путь по следу фургона, увозящего его сына.

Глава тринадцатая

Конан очнулся от душного сна, когда фургон остановился. Хотя парусиновая крыша не пропускала солнечные лучи, она так нагревалась, что внутри царило настоящее пекло: липкая жара без единого ветерка и полное отсутствие каких-либо удобств.

Усилия Конана сбросить опутавшие его чары оказались совершенно бесплодными. Только проснувшись, он еще раз проверил силу заклатья, понукая свои стопы вести его прочь от этого фургона.

И вновь никакого результата. Опутанный толстыми веревками с головы до ног, он не был бы связан так крепко. Пеньку можно хотя бы растянуть, а это проклятие оставалось столь же крепким, как в тот момент, когда было наложено на него.

— Все наружу! — приказал Крэг.

Обитатели фургона вылезли на послеполуденное солнце. Легкий ветерок всколыхнул черную гриву Конана, когда он соскочил со ступеньки и вдохнул полной грудью свежий воздух. Слева от дороги здесь была небольшая роща, а справа поле, усеянное камнями, большей частью глубоко погруженными в грязно-красную землю.

Ненавистный поработитель Дэйк стоял поблизости и ухмылялся своим пленникам.

— Я решил устроить для вас маленькое представление, — сообщил он. — Наше последнее пополнение хотя и не наделено природой столь щедро, как остальные, но тоже не лишено некоторой грубой привлекательности. — Дэйк усмехнулся Конану, холодно взирающему на него. — Варвары склонны производить хороших бойцов, и, хотя здоровенные мышцы не всегда свидетельствуют о незаурядной силе, я все же подозреваю, что мускулатура Конана какую-то силенку выдает.

Конан взглянул на своих товарищей по несчастью. На физиономии Вилкена играла острозубая ухмылка. Женщина-кошка и четверорукий с явной тревогой смотрели на Дэйка. Гигантские дети просто взирали с любопытством. Тэйли возвышалась над всеми, сложив руки на своей необъятной груди.

— Вот там, — показал Дэйк. — Тот камень. Принеси мне его, Конан.

И вновь киммериец попытался воспротивиться магии, и вновь ноги его будто принадлежали другому. Он побрел к валуну неправильной формы, доходившему ему до колен и шириной с разворот его плеч. Здесь Конан присел и цепко обхватил камень. Используя в основном силу бедер, он вырвал скалу из земли и встал. Весом камень был примерно с самого киммерийца. Конан пошел назад к Дэйку. Когда варвар приблизился, глаза Крэга расширились.

— Очень хорошо, — сказал Дэйк. — Можешь положить его.

— Куда?

— А, куда хочешь. Какая разница?

Конан бы с радостью обрушил тяжелый валун прямо на Дэйка, но именно это место оказалось недоступно. Однако юный киммериец все же попытался раздавить своего врага. И когда стало ясно, что это ему не удастся, он повернул от закланной цели и швырнул всю массу в Крэга.

— Мошонка Сэта! — завопил блондин.

Он отпрянул назад, чуть не упал, но все же устоял на ногах и умудрился избежать смертельного удара. Тяжелая масса с шумом обрушилась на землю, подняв облако пыли.

— Ты... ты, тупой варвар! Ты чуть не попал в меня!

Волчья усмешка Конана напоминала иные из тех, что кривили физиономию Панхра. Да и сам Панхр, и все прочие невольники радостно улыбались, глядя на Крэга.

Даже на лице Дэйка проступила едва заметная ухмылка. Он сказал:

— Неплохо, но ты, несомненно, способен на большее. Теперь вон тот, принеси мне его.

Улыбка Конана испарилась, когда он поплелся выполнять свое второе задание. Этот валун, казалось, неглубоко врыт в землю, но он был больше первого и раза в полтора тяжелее.

Киммериец приблизился к камню, очень напоминавшему неровный гриб. Его можно было ухватить под шляпкой, и задача эта оказалась по силам Конану, хотя и потребовала невероятных усилий. Медленным, тяжелым шагом, чуть приподняв скалу над землей, он вернулся туда, где стояли Дэйк и Крэг.

— Превосходно! Опустим его. — Дэйк взглянул на своего помощника, затем вновь посмотрел на Конана: — Вон туда. И постарайся не напугать Крэга, уронив камень слишком близко от него.

Крэг ел глазами Конана, когда тот опускал валун.

— Еще один. Э-э, вон тот.

Конан посмотрел в направлении, куда указывал пальцем Дэйк.

Он прикинул, что эта скала выше него самого и по меньшей мере вдвое тяжелее. Сужающийся к самой вершине, камень этот был столь гладким, что не за что было ухватиться. Конан покачал головой, в то время как ноги уже несли его, повинувшись приказу Дэйка.

— Я не смогу поднять это, — сказал киммериец.

— Но ты должен попытаться.

Ярость сверкнула в глазах Конана, и он ощутил, как она жжет его кожу. Его понукали, будто пса, это было непереносимо!

На одно короткое мгновение Конан ощутил, будто чары, окутывающие его, пусть чуть-чуть, но ослабли. Радость охватила его, но он не выдал своих чувств. Что-то поколебало проклятие. Но что?

Нет, непросто будет справиться с этой работой. Слишком гладкой была скала, и не за что было ухватиться, слишком большой, и невозможно было сцепить руки, обхватив ее. На мгновение Конан задумался, и тут в голову ему пришла одна мысль. Он уперся в вершину камня, чуть наклоняя его, сдвигая с места основание, погруженное в землю. Потом он стал кренить камень с другой стороны, затем опять вернулся, и так снова и снова. Валун, целую вечность никем не тревожимый, закачался. Конан понимал, что здесь требуется точный расчет; он дождался, когда камень повалится набок, и успел бежать к нему и подставить спину.

Теперь валун нижней частью покоился на земле, верхней же опирался на широкую спину Конана. С величайшей осторожностью Конан медленно наклонился вперед, принимая на себя все больший и больший вес. В то же время он подгибал колени, перемещая точку опоры к основанию огромного валуна. Придерживая руками бока каменной глыбы, киммериец уравнивал громадную массу на спине и плечах.

Валун оторвался от земли и целиком лег на спину Конана. Варвар понял, что недооценил этот вес: камень оказался тяжелее. Если Конан споткнется и упадет, скала запросто его расплющит. Тяжелым, медленным шагом Конан покрыл расстояние до хозяина.

— Поразительно, — сказал Дэйк. — Не думал, что ты справишься с этим. Брось его, не желаю, чтобы ты пострадал.

Конан выпрямился — глыба скользнула с его плеч и встала на землю. Казалось, камень вот-вот опрокинется, но он устоял, лишь слегка наклонившись.

— Саб, Панхр и Крэг, ко мне.

Четверорукий и человек-волк поспешили к хозяину, сразу за ними и помощник.

— Поднимите-ка мне этот камень.

Все трое расположились вокруг длинной глыбы, пытаясь найти места, чтобы ухватиться, но все безрезультатно.

— Наклоните его, как делал варвар.

Они попробовали. Но когда валун потерял равновесие, он оказался слишком тяжел для этой троицы. Невзирая на все их усилия, глыба рухнула, взметнув тучу пыли.

— Достаточно, — приказал Дэйк, затем обратился к Конану: — Ты очень силен. Знаешь толк в борьбе?

— Да, — с неохотой выдавил из себя Конан.

— Владеешь кулачным боем?

— Кое-что смыслю.

— В чем ты более сведущ?

— И в том, и в том.

— Отлично, отлично! Мы обчистим каждую деревню на пути к Шадизару! С тобой мы сможем разбогатеть, прежде чем достигнем Города Воров!

Конан промолчал. Перспектива драться на пари была ему вовсе не по душе. А оттого, что делать это придется по велению колдовства, становилось еще хуже. С другой стороны, как ни крути, лучше уж показаться годным бойцом и остаться в живых, нежели умереть, будучи признанным непригодным. Пока ты жив, всегда остается шанс сбежать. И отомстить. Мертвым же окажешься в Сумрачных Землях, и хуже не бывает, чем оказаться там заколдованным.

Ладно, он будет драться, раз так надо. Но лучше бы его противником был Дэйк.

План Фосулла срабатывал сверх всяких ожиданий. Те редкие люди-не-с-болот, которые попадались ему на пути, глазели или же обменивались друг с другом замечаниями о низкорослом путнике, но никто не вызывал настоящего беспокойства. Возможно, они замечали его острое копьё, отполированное частым употреблением; в конце концов, низенький человек с копьем не уступит высокому, но безоружному. По крайней мере, Фосулл считал именно так.

Когда солнце достигло зенита, на дороге за спиной варга показалась телега, груженная обитыми медью деревянными бочками; тянула ее четверка быков, а правил невероятно толстый человек с бородой и усами, свалывшимися в салную рыжую копну с торчавшими во все стороны колосьями.

Когда телега приблизилась, Фосулл шагнул на обочину, уступая дорогу. Однако рыжий толстяк, облаченный в кожаную куртку с бахромой и штаны,

такие же засаленные, как его шевелюра, натянул вожжи.

— Эй, коротышка.

— Эй, — отозвался Фосулл, несколько озадаченный. Чего это он остановился?

— Ты направляешься в Элику?

Фосулл понятия не имел, где находится Элика, да и вообще, что это такое, но было бы совсем неплохо узнать ответ на подобные вопросы.

— Да, — откликнулся он из-под своего капюшона.

— Что ж, тогда залезай и поехали. Я тоже направляюсь туда и буду рад хорошей компании.

Варг на мгновение задумался. Следы нужного ему фургона перед ним, а ехать за ними несомненно легче, чем идти пешком. Толстяк казался вполне дружелюбным. Фосулл вскарабкался на широкие козлы и уселся рядом с возницей.

Жирный вновь погнал быков, и повозка затряслась по дороге.

— Меня зовут Балор-бочка, коротышка.

— Фосулл.

— Вот и познакомились, Фосулл.

В дальнейшем говорил в основном Балор, по-видимому вполне удовлетворенный кивками и редкими междометиями Фосулла.

— Разбойников, конечно, полно, — говорил Балор, — и моя железная крошка всегда наготове.

Он залез под сиденье и вытащил боевой топор с короткой рукоятью.

Оружие выглядело изрядно потрепанным и старым, судя по истертому древку, а также зазубринам и ржавчине на лезвии, однако не казалось от этого менее действенным. Фосулл крепче сжал свое копьё, но Балор швырнул топор обратно под сиденье и разразился смехом.

— Хотя разбойников за последнее время поубавилось. Полагаю, ты слышал о шайке, зарезанной на Коринфийской дороге несколько дней назад?

Нет, Фосулл не слышал. Это открытие обеспечило Балора пищей для болтовни на следующие полчаса. Он сообщил, что одна из самых мерзких шаек разбойников каким-то образом вся целиком была убита на холмах. Судя по тому, что оставили волки и стервятники, несчастные негодяи большей частью были убиты мечом, а в одном была пробита дыра толщиной с человеческую руку, и что же думает Фосулл о том, что могло проделать *это*?

Фосулл признался, что понятия не имеет, и для Балора это послужило поводом поговорить о различных способах, коими на его памяти умерщвляли людей.

Да уж, по части болтовни попутчик оказался неутомим, будто горный олень, но пока Фосулл пребывает в обществе одного из людей-не-с-болот, ему не будут докучать другие, да и ехать куда быстрее и легче, чем ковылять по пыльной дороге. Слушать нудные излияния — вполне допустимая плата за это.

Позже, впрочем, варг обнаружил еще одно преимущество поездки. Балор выкатил один из винных бочонков и выбил пробку. Человеку не по душе пить в одиночку, поведал Балор, и, разумеется, Фосулл не откажется опрокинуть несколько кубков этого превосходного нектара, разве не так?

Разумеется так.

Поездка становилась все более и более приятной, по мере того как толстяк и варг осушали чашу за чашей несомненно превосходного, выдержанного вина. Не правда ли, поразительно, насколько виноградный напиток может возвысить дух человеческий?

Несомненно, согласился Фосулл, смеясь и хлопая по спине своего нового товарища.

Несомненно!

Увы, Разери не обладал волшебными сапогами-сороходами, дающими возможность одним шагом пройти дневной путь, но его длинные ноги позволяли двигаться в полтора раза быстрее маленького человека. Пока никто не окликнул его, не замедлил его шаг каким-либо иным образом. Столкновение с великаном, несущим копье, несомненно, потребует больше усилий от большинства из маленьких людей, нежели они пожелают потратить на что бы то ни было.

Никто не обгонял быстрого вождя джатти, а те, кто шел ему навстречу, немедленно скрывались из виду. А потому, когда Разери зашел на жалкий, полуразвалившийся постоялый двор, никто не предупредил хозяев о приближающемся великане.

Разери пришлось склониться чуть ли не пополам, чтобы войти в дверь; по счастью, потолок внутри грубого строения был высок, так что джатти смог выпрямиться.

Предводитель джатти с интересом наблюдал реакцию обитателей лачуги, когда те заметили его. Испуг, страх, удивление — все это отразилось на их лицах. Он решил, что все это местные жители, крестьяне или пастухи. Были здесь и две женщины, одна — старая карга, вторая помоложе и одетая весьма вызывающе. Гостиничная девка, сообразил Разери, знакомый с обычаем маленьких людей покупать себе особого рода удовольствия.

— Ч-ч-то т-тебе уг-годно?

Разери сверху вниз поглядел на говорившего мужчину с повязкой на одном глазу и несколькими шрамами, без которых его борода росла бы иначе.

— Еды. И питья.

— У н-нас есть баранина и эль. И в-вино.

— Годится.

Разери порылся в поясной сумке и вытащил на свет несколько медных и серебряных монет, что он годы и годы изымал у своих пленников.

— Этого достаточно?

Алчность, блеснувшая в единственном глазу со-держателя трактира, подсказала вождю джатти ответ, еще прежде чем тот был произнесен.

— Да. Более чем!

— Дай мне на все деньги, — сказал Разери. — Что я не съем сразу, то заберу с собой.

— Мигом будет!

Женщина помоложе направилась к Разери. Она облизнула пересохшие губы и робко произнесла:

— Не хошь ли еще чо, господин великан?

— О чем это ты?

Женщина показала на себя.

Позади Разери рассмеялись два человека, сидя-щие за грубым столом. Один из них сказал:

— Феки бредит, а?

Другой ответил:

— Думаю, нет. Думаю, она способна на это. В конце концов, она выдержала меня.

— Ох-ох! С этим и мышка бы справилась!

— Мне нужна только пища, — сообщил Разе-ри. — А еще информация. Недавно здесь проезжал большой фургон. Когда это было?

Женщина кивнула:

— Ну, было. Вчера, после полудня. Там был странный возница, несмотря на жаркое солнце весь закутанный и в перчатках.

Джатти снова полез в сумку и достал несколько серебряных монет:

— За беспокойство.

Лицо женщины расплылось в улыбке.

— Вот спасибо те, господин великан!

Разери пожал плечами и повернулся к хозяину заведения, который принес несколько кусков холод-ной жирной баранины и маленький бочонок эля. Великан забрал еду и питье и сложил в мешок, что болтался у него на плече. Он поест на ходу.

Раз он отстает от фургона всего на день, то смо-жет догнать его, поскольку быки движутся медлен-нее. А если будет идти всю ночь, то еще больше сократит разрыв, ведь маленькие люди редко отва-живаются на ночные поездки даже по хорошим до-рогам. Но то, что испугает маленького человека, не обязательно страшно для великана.

Да, это сборище перепугалось единственного ве-ликана, но дюжина вооруженных маленьких людей, может, и не струсит, а сила не всегда определяется размерами, иногда и числом.

Разери оставил этот дом и его бормочущих оби-тателей. На ходу он жевал холодное мясо, сдабривая его глотками эля, держа бочонок так, как маленькие люди кубок. Пожалуй, путешествие это вполне при-ятно, если забыть о причине. Много времени прошло с тех пор, как он последний раз был в обществе маленьких людей. Всегда можно чему-то научиться, а знания, в конце концов, главная сила.

Глава четырнадцатая

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Дэйк последний раз был в деревушке Элика, что лежала всего в получасе езды на юго-восток от основного пути. Фургон едва умещался на узкой дороге, что вела туда, но проехать все-таки смог. Сама деревня лежала в извилине реки Иллитезе, широком и хо-

лодном водном потоке, что питали бесчисленные горные ручьи, сбегавшие с заснеженных вершин по южным склонам Карпашских гор.

Крэг вел скрипящий фургон в сторону деревни через рощу деревьев с твердой древесиной и белой корой; росли они столь густо, что временами дорога пролежала будто в туннеле. Земля здесь была плодородной, а климат достаточно теплым, чтобы выращивать виноград, постоянно снабжая сырьем местных виноделов. Еще эликане ловили в реке радужных рыб и выращивали хлеб и другие плоды. Подобно другим мелким поселениям, процветала Элика больше на словах, чем на деле, — городок нельзя было назвать богатым, хотя и очень бедным он не был. Люди здесь жили в основном весьма упитанные, а это всегда надежный признак отсутствия недостатка в еде.

К тому времени как фургон загромыхал по улицам городка, новость о его прибытии уже разнеслась, и более двух десятков заинтригованных жителей — мужчин, женщин и детей — столпились поглазеть на пришельцев.

Когда Дэйк показался из повозки, Крэг поспешил вытащить наружу плотный настил, что обычно покоился под брюхом фургона. Он раздвинул ножки, приделанные к настилу, и закрепил их так, что узкий помост встал у правого борта фургона.

Хозяин уродов взобрался на помост и повернулся к зевакам. И принялся зазывать публику:

— Друзья, к вам прибыл Повелитель Тайн и готов представить вашему вниманию самые разнообразные чудеса! — Дэйк взмахивал руками, широко разводя их в стороны, затем отводил назад хорошо рассчитанными, величественными движениями, соответствующими грохочущим раскатам его голоса. — За несколько медяков вы целый вечер сможете

наслаждаться зрелищами, доселе не виданными обычными людьми! Своими собственными глазами вы увидите зеленого карлика-людоеда из джунглей далекого Зембабве! Или усладите зрение Тро, женщиной-кошкой! Или Панхром, чья мать была волчицей, а отец мошенником! А еще вы сможете воочию узреть Саба, человека с четырьмя руками! И с самого края света, из-за далекого Кхитая, я доставил вам великанов!

Дэйк насмешливо оглядел растущую толпу:

— Друзья, один из моих великанов — женщина невиданной красоты и таких форм, что у любого мужчины слюнки потекут!

Он подмигнул собравшейся публике и был награжден похотливым смехом нескольких мужчин, догадавшихся, что одно представление будет для всех, а другое только для мужчин, пожелавших выложить отдельную плату.

— А помимо всех этих чудес, не имеющих себе равных в мире, я привез еще Конана из Киммерии, воина-варвара с морозного Севера, непобедимого борца и мастера кулачного боя, одержавшего верх в сотнях и сотнях сражений! Конан приглашает всех желающих, и если найдется среди вас такой, что рискнет испытать его храбрость и при этом одержит верх, он получит в награду два золотых солона!

Дэйк заметил, что последние слова еще более возбуждали толпу. Многим мужчинам доводилось глазеть на обнаженных женщин и на редкие чудеса природы, но вот предложение побиться об заклад взбудоражило многих, будто аромат изысканных блюд. Всегда находятся дураки, наделенные силой, но обиженные разумом, что готовы драться за деньги с кем и с чем угодно. Дэйку доводилось видеть людей, ступающих за огороженный веревками круг, дабы бросить вызов лишенным когтей медведям в намордниках или ог-

ромным обезьянам, и все это безо всякой выгоды для себя, только ради желания подраться. Местный чемпион, несомненно, внемлет призыву золота.

Чем больше деревенских жителей подходило послушать Дэйка, тем больше он воодушевлялся, подумывая уже о ночном представлении. Круг факелов в ночи даст достаточно света, чтобы публика могла разглядеть уродов, а дело Крэга — убедиться, что каждый из окруживших арену заплатил до того, как Дэйк начнет представление. Для начала он может показать несколько фокусов, — возможно, призовет демона или несгорающее пламя, а может, даже жабий дождь. Затем по одному станут появляться его скоты, а Дэйк уж наплетет историю про каждого из них. Женщина-кошка и человек-волк, разумеется, поразительны сами по себе, но с придуманным Дэйком прошлым они становятся и вовсе неотразимы.

Когда основная публика насытится зрелищем, Дэйк распорядится убрать всех женщин, дабы представить остальным Тро и Тэйли, но уже без одежды. Фургон будет готов принять каждого пожелавшего заплатить за право возлечь с великаншей или женщиной-кошкой. Может, никто здесь и не окажется в состоянии позволить себе такую роскошь, но никогда нельзя сказать наверняка. Как бы то ни было, в Шадизаре они всяко будут нарасхват.

А импровизированную сцену можно будет использовать в качестве арены для боя между Конаном и тем из местных силачей, кто бросит ему вызов. И на этом все, ибо что может превзойти хорошую драку? А утром, возможно, Панхр покидает свою веревку или Вилкен посоревнуется с деревенщинами в метании копья. Маленькое страшилище клянется в непревзойденном владении этим оружием; лучше убедиться в этом здесь, прежде чем представлять его более широкой публике.

— Чудеса из чудес, друзья мои! Существа, коих вы и представить себе не могли! Сегодня и только сегодня! Кто же откажется поглазеть, ведь пропустивший это представление будет жалеть всю свою жизнь!

Конан, сидя в фургоне, внимал громогласным речам Дэйка.

— Он лжет, — сказал киммериец.

— Конечно лжет.

Конан взглянул на Панхра: презрение слышалось в голосе человека-волка.

— Моя мать такая же волчица, как его. Она была дочерью вельможи из Аргоса. Ее соблазнил родной брат, так что отец мой одновременно является и моим дядей. Он был мошенником и негодяем, это правда, но к настоящим волкам я отношения не имею.

Тут подала голос Тро — редкий случай в присутствии Конана:

— Да, все мы здесь уроды, но ничего неестественного в нас нет. Мы ошибки природы, забавы естества.

— Нет, мои предки были созданы волшебством, — вступила в разговор Тэйли. — Но было это так давно, что никто из нас, ныне живущих, не знает, как все это произошло.

— Может быть, — сказал Саб, — но я видел таких, как ты, рожденных матерями помельче меня самого и зачатых обыкновенными мужчинами. Вся жизнь может быть названа волшебством, но ты все же не способна летать, будто птица, или плавать на дне морском, или, подобно демонам, спускаться в глубины преисподней.

Тэйли согласно кивнула.

Вилкен рассмеялся:

— Нет, но, поймай ее мои сородичи, она сможет попасть в глубины нашей кухонной ямы и стать тем, на что предназначена богами, — едой для варгов!

Услышав это, Орен вскочил с места и дал Вилкену затрепину. Хотя удар открытой ладонью лишь задел плечо варга, этого оказалось достаточно, чтобы зеленый карлик слетел с приделанной к полу скамьи и растянулся на дне фургона. Вилкен тут же вскочил на ноги и рванулся к своему копыю.

Конан оказался быстрее и первым схватил оружие.

— Спокойно! — приказал он.

— Я убью эту скотину!

— Ты сядешь или пожалеешь, что ослушался.

Конан видел, что маленький человечек весь кипит от ярости, а мимолетный взгляд на великана подсказал, что и тот разъярен под стать Вилкену и уже сжал кулаки.

— Пусть эта плюгавая древесная лягушка попробует! — воскликнул Орен. — Я заставлю его сожрать острую палку, с которой он не расстанется.

— Ты тоже сядешь, — сказал Конан. Голос его был спокоен, но тверд. — Или я отшлепаю тебя, как ты этого заслуживаешь.

— Я такой же большой, как ты!

— Но размеры твои ничего не значат. Сядь.

Злоба в пареньке была ключом, и Конан понял, что тот уже готов прыгнуть на Вилкена или на самого Конана. Киммериец слегка приподнялся, готовый остановить порыв Орена...

— Делай, как говорит Конан, — сказала Тэйли.

— Но... но, сестра, ты же слышала, как оскорбила нас эта зеленая тварь!

— В другое время и в другом месте Вилкен был бы опасен. А здесь и сейчас Дэйк — враг каждого из нас. Хочешь всю жизнь провести в этом фургоне? Позволишь насилловать твоих сестер и производить детей-уродов, которые тоже вырастут рабами?

Ярость покинула Орена, будто воздух умирающего, и мальчик вновь уселся на краешек скамьи.

Тэйли взглянула на Вилкена:

— А ты, варг? Собираешься остатки дней своих забавлять маленьких людей, повинаясь приказам таких, как Дэйк?

Вилкен тоже несколько поутих. Он покачал головой:

— Отец придет за мной.

— Возможно. Ну а пока кто твои союзники?

Вилкен вздохнул. Спустя мгновение, показавшееся очень долгим, он вернулся на свое место.

Речь Тэйли произвела впечатление и на Конана. То, что он смог бы справиться с огромным мальчишкой и с варгом поодиночке или с обоими сразу, сомнений не вызывало, но великанша умиротворила их, просто повысив голос. И сила слов ее была такова, что породила сомнения и умиротворила пыл. Конан заметил на себе взгляд женщины и чуть заметно кивнул, одоблив ее поступок. Конан всегда признавал чужие заслуги, особенно там, где сам бы не сумел добиться такого успеха.

Тэйли улыбнулась ему чуть-чуть и тоже кивнула.

Ладно. Насущная проблема решена, но что еще принесет остаток дня?

Ответ на этот вопрос Конан получил ближе к закату. Дэйк погнал всех очищать от грязи большую круглую площадку в нескольких минутах ходьбы от центра деревни. Пространство окружили факелами, воткнутыми в землю. Крэг не подпускал любопытствующих. Когда на землю упали ночные тени, арена была готова, и заколдованных пленников погнали мыться в реке. Бесцеремонный приказ Дэйка раздаться ничуть не задел Конана, но он видел, как стесняются своей наготы Тро и Тэйли. Хотя ни той ни другой нечего было стыдиться, ибо, помимо меха, покрывавшего Тро, и гигантского телосложения

Тэйли, обе были сложены столь привлекательно, как немногие женщины, известные Конану: крепкие бедра, тела без единого изъяна. Он был молод и, разумеется, смотрел на женщин. К счастью, вода была столь холодна, что его интерес и внимание не сделались очевидными для всех.

Чистые и более-менее освеженные, они оделись и вернулись в фургон. Затем пообедали холодным мясом и фруктами — некой разновидностью яблок, по мнению Конана, — запивая легким мутным вином, которое Крэг раздобыл у обитателей деревни.

Конан не стал набивать себе живот, лишь слегка закусил и чуть пригубил вино. Он был научен, что набитое брюхо умаляет бойцовские качества, а излишек вина подчас рождает безрассудную отвагу, никогда не подкрепленную большим мастерством.

До сидящих в фургоне доносился ропот собирающихся вокруг обитателей деревни. Судя по звукам, довольно внушительная толпа, рассудил Конан.

Через какое-то время Дэйк принялся вещать со своего помоста. Он рассказывал о далеких землях, неслыханных племенах, об извращенных связях людей и животных. Голос его крепчал и наполнялся страстью, то грохоча, то стихая, а зачарованная толпа молча внимала ему, лишь иногда отзываясь на шутки всплесками смеха.

— ...И с небес, узрите!

Деревенские жители завизжали, захохотали, поднялся невероятный шум. Маленькие существа шлепались на полотняную крышу фургона; материя прогибалась, издавая чавкающие звуки, будто ее обстреливали комьями грязи.

— А я-то думал, что это иллюзия, — сказал Конан.

— Иллюзия и есть, но отчасти вещественная, — объяснил Панхр. — На вид и на ощупь они насто-

ящие, но существуют не более нескольких мгновений, перед тем как исчезнуть.

И вновь Дэйк возвысил голос:

— Разве это не жабы? Убедитесь. И как я призвал их, так и отошло прочь.

Испуганный ропот в толпе усилился.

Крэг просунул голову в фургон:

— Ты первая сегодня, Тро. Затем Панхр, Саб, Конан, Вилкен и великаны. Не медлить!

Отвлеченный Крэгом, Конан пропустил начало фразы Дэйка, но конец ее был таков:

— ...А теперь, друзья, я представлю вам удивительную и прекрасную Тро, женщину и в то же время кошку!

Тро вышла за занавеску, и публика разразилась еще большими возгласами и воздыханиями.

Далее все пошло своим чередом: Панхр, Саб, а потом пришла очередь Конана. Не будь он поработан магией, то рассмеялся бы тому вранью, что извергали уста колдуна. О том, как он, Конан, остался непобежденным в сотнях боев с людьми, зверями и даже демонами. Действительно, время от времени киммерийцу приходилось сталкиваться со всем этим. С некоторыми он дрался мечом, с другими — голыми руками, и чаще побеждал, но подвиги, о которых вещал Дэйк, были по силам разве что богам. Звучало так, будто Конан, одной рукой расправляясь с армией, в другой держал кружку пива и даже не вытирал пот со лба.

Подобными же рассказами сопровождалось и появление Вилкена, а тот сверкал своими сточенными зубами, будто все это чистая правда и воспоминания об этом доставляют ему огромное удовольствие.

Наконец выпустили троих великанов, и они явно более всех остальных впечатлили толпу, особенно это касалось Тэйли. Конан видел, как выпучили глаза и

разинули рты многие мужчины, и не требовалось особой проницательности, чтобы прочесть их мысли.

Постепенно стали расходиться деревенские женщины, забрав с собою и часть мужчин, многие из которых, похоже, вовсе не торопились покидать зрелище, но уступали рывкам и толчкам своих жен. Когда толпа поредела и остались только мужчины, Крэг собрал дополнительную мзду, и Дэйк приказал Тро и Тэйли сбросить одежды и обнаженными пройти перед вождедеющими взорами.

Конана это возмутило до глубины души. Наблюдать за двумя раздетыми женщинами во время купания — это одно, — в конце концов, все они невольники, и ему самому тоже пришлось снять одежду. Но красоваться вот так, на радость этим похотливым деревенщинам, за деньги, — это взбесило киммерийца. Ведь женщина-кошка и великанша не публичные девки, делающие так по доброй воле. Они не могли воспротивиться насилию, а кошелек набивал Дэйк.

По-видимому решив, что выслушал достаточно скабрезных возгласов, Дэйк велел женщинам одеться и встать в сторону.

— Ну а теперь мы позабудемся. Неужели нет среди вас мужчины, который отважится сразиться с непобедимым варваром?

Он указал на Конана, чей грозный вид несколько не был наигранным.

Публика засмеялась, забормотала, и до ушей Конана донеслось имя: Дэри.

Толпа расступилась, и вперед тяжелой походкой вышел мужчина.

Он был космат и огромен, даже больше Конана. По меньшей мере раз его нос был сломан, подбородок и щеку пересекали многочисленные шрамы. На ухе его не хватало мочки. На нем была кожаная

безрукавка, надетая на голое тело, повсюду заросшее густой шерстью. Длинная бурая шевелюра и спутанная борода были грязны и засалены, а волосы на груди покрывали его почти как Панхра. Толстое брюхо свисало на драные шерстяные штаны, подпоясанные матерчатым кушаком. Голые ступни Дэри, почти черные от грязи, тоже все заросли шерстью и напоминали бы меховые башмаки, если бы не торчавшие кончики пальцев. Ногти на ногах были длинные, неровные и тоже чрезвычайно грязные.

Обозрев его руки и ноги, Конан понял, что Дэри — это не просто тяжелая туша. Под слоем жира хватало и мускулов.

Когда Дэри ухмылялся, на месте двух его верхних передних зубов обнажалась черная брешь.

— Да, я приму вызов твоего героя. Чтой-то для драчуна он слишком хорошенький! Скорей уж на бабу похож!

Корявая шутка вызвала новый взрыв смеха.

— Ты борец или кулачный боец, друг мой Дэри? — осведомился Дэйк.

— Дерусь как дерется, — сообщил Дэри. — Без всяких правил.

— Принято! — воскликнул Дэйк. — Два золотых солоня победителю.

Хозяин уродов извлек две спрятанные в поясе монеты и зажал их между большим и указательным пальцами. Свет факелов заиграл на золоте.

— Можешь смело отдать их мне прямо сейчас.

Дэри оглянулся, ухмыляясь своим товарищам. Кто-то хлопнул его по плечу, другие поддержали одобрительными возгласами.

— Посмотрим, — сказал Дэйк. — Возможно, кто-то из почтенной публики желает поставить на победителя? Я столь уверен в моем бойце, что готов принять ставку, ну, скажем, два к одному.

И тут же к Дэйку ринулись мужики, тянущие самые разные монеты. Конан заметил много меди, поменьше серебра, блеснуло даже золото.

— Полегче, друзья, полегче. Мой помощник Крэг примет ваши ставки. Выберите кого-нибудь и отдайте ему все деньги.

Какое-то время заняло столь серьезное дело, как заключение пари. Дэйк отпихнул Конана в сторону. В то время как киммериец раздевался до набедренной повязки, Дэйк говорил ему:

— Не вздумай разделаться с ним слишком быстро. Дай ему швырнуть тебя разок-другой, а мы предложим ставку три к одному и вычистим все оставшиеся деньги.

Конан изучал Дэри, пока тот скидывал одежду.

— Он вовсе не ничтожный противник, — холодно произнес киммериец.

— Ерунда.

— Это ведь не ты собираешься драться с ним.

— Я абсолютно уверен в тебе, Конан. — Дэйк похлопал своего пленника по мощному, литому плечу. — Ты должен понять, что Дэри бьется за деньги. Если он проиграет, останется так же беден, как был. Но если проиграешь ты, я заставлю тебя столбом застыть, а Крэгу позволю тренироваться на тебе в фехтовании.

Глава пятнадцатая

Балор оказался не из тех, кто боится преступить пагубную черту в потреблении своего груза. В настоящий момент толстяк в полубессознательном состоянии валялся на задах телеги, распластавшись самым, казалось бы, неудобным образом между бо-

чонками с вином. Его, впрочем, все это явно ничуть не беспокоило, и он подавал признаки жизни лишь тогда, когда телега подпрыгивала на особенно глубоких ухабах. Тут он обычно взывал таким голосом, что можно было пугать маленьких детей и собак: «Будь прокляты все дочери Офира и все их матери в придачу!»

Фосулл, не ощутивший каких бы то ни было последствий возлияния, за исключением легкого шума в голове, ухмылялся из-под своего капюшона и покачивал головой, когда Балор в очередной раз изрыгал свое любимое проклятие. Пьянчуге, должно быть, изрядно насолили женщины этого Офира, чем бы это ни было.

Варгу пришлось править самому. Несколько часов назад они проехали мимо постоянного двора, но лишь слегка замедлили ход. Ручей, что петлял близ дороги, позволил быкам утолить жажду, а Фосулле замазать грязью зеленые пятна, что начали проступать под высохшим слоем на лице и руках вождя. Балор, пьяный, как муха на гнилом манго, даже не заметил остановки.

Фосулл совершенно не представлял себе, далеко ли еще до деревни Элика. До того, как Балора окружили винные боги, варг успел лишь выяснить, что это небольшое поселение поблизости от главной дороги.

Впрочем, большого значения это не имело. Следы фургона по-прежнему тянутся впереди, и Фосулл последует за ними, пока не настигнет похитителей сына. Жаль будет, если следы не повернут к Элике. Если Балор вовремя протрезвеет, то свернет с главной дороги; в противном случае вождь варгов намеревался править в нужном ему направлении.

Когда вечер сменила ночная мгла, подул сырой ветер, в котором Фосулл учуял признаки надвигающегося дождя.

Он как раз приняхивался, когда в ночи за ним блеснула слабая вспышка белого света. Чуть позже до телеги донесся и слабый раскат. Молния и ее медлительный брат гром, понял Фосулл. Гроза следует за ними по пятам, и, несомненно, она окажется быстрее неторопливых быков.

Это плохие новости. Быкам гроза может не понравиться, а Фосулл понятия не имел, как обращаться с этими животными. Лучше бы их где-нибудь укрыть до того, как потоки обрушатся с неба. И хотя варги, разумеется, не муравьи, чтобы пугаться случайной грозы, но вода смывает грязь, которой только что обмазался Фосулл. Он и пьяный Балор всегда смогут укрыться под телегой, предварительно привязав быков, но лучше бы найти дом, пещеру или по крайней мере густые заросли деревьев.

Дед Фосулла научил его способу определять расстояние до грозы. Хотя здесь требовалось знание счета, которым по-настоящему не владел ни один варг, Фосулл все же мог сложить пальцы у себя на руках и ногах. Начинать отсчет следует, когда увидишь зигзаг молнии. И если до грома успеешь дойти без спешки до последнего пальца на ноге, значит, гроза не менее чем в десяти минутах. Фосулл не имел никакого представления, почему это так, но чаще всего это срабатывало. А если пальцев меньше, то и гроза ближе. Он будет искать укрытие, пока не решит, что до грозы осталось десять минут, а затем привяжет быков и растолкает Балора, чтобы спрятаться с ним под телегой. Разумеется, если не отыщет лучшей защиты.

Впрочем, гораздо больше опасности промокнуть Фосулла волновало то, что сделает вода со следами фургона, который он преследовал. Проливной дождь превратит землю в непролазную грязь и уничтожит все отметины, оставленные похитителями.

Что ж, ладно. Фосулл решил попытаться уничтожить эту угрозу, как только она приблизится. Варги не умеют повелевать стихией, если не считать умиротворяющие жертвы, что иногда приносит шаман солнцу и богам.

Запах дождя все крепчал и крепчал.

Первые признаки дождя застали Разери у редкой молодой рощицы, вдалеке от каких-либо более надежных укрытий. Он, как и любой джатти, знал все особенности стихий: в их поселении земледельцев и охотников знания эти необходимы. Гроза уже бушевала почти над самым джатти, и он пришел к выводу, что она будет короткой, но яростной.

Своим обсидиановым ножом Разери срубил ветви, чтобы на скорую руку соорудить навес у небольшого дерева на краю рощи. Свою самодельную хижину он ставил подальше от больших, высоких деревьев. Известно, что боги нередко обрушивают молнию на самые высокие в округе места, возможно уча их смирению. Предводитель джатти вовсе не желал быть испепеленным божественными вспышками; ему довелось видеть одного из его племени, настигнутого молнией, и зрелище это было не из приятных.

Делом нескольких минут было построить укрытие и густо завалить его ветками и грубо сплетенным тростником. Вряд ли сооружение это надежно защитит от проливного дождя, но все же удержит снаружи большую часть воды. Несомненно, лучше отсыреть слегка, нежели промокнуть и продрогнуть до самых костей.

Разери на четвереньках забрался в шалаш в ту самую минуту, когда вокруг брызнули первые крупные капли. Молнии пронзали тьму, гром оглушал, но боги все же сжалились над Разери. Удар приняло

на себя дерево, стоявшее неподалеку от шалаша, и резкий запах кипящих соков и горящей древесины на мгновение наполнил воздух, прежде чем его смыл усиливающийся дождь.

Неподходящая ночь, чтобы оказаться снаружи, подумал Разери. Счастье, что у него есть хоть такая защита от разбушевавшейся стихии.

Жители Элики тесно сгруппировались у фургона Дэйка в ожидании боя. К ночной мгле добавилась еще и непогода. Дождь приближался совсем не украдкой, приход его громогласно возвещали молнии, оглушительные раскаты и ураганные порывы ветра. Впрочем, не гроза беспокоила Конана, движущегося в это время по кругу и не отрывавшего глаз от своего противника. Свет факелов раскачивал тени, но даже мгла не щадила человека, стоящего напротив.

Киммериец, имевший немалый опыт в сражениях, догадался связать волосы на затылке кожаным ремнем, чтобы лишить Дэри возможности вцепиться в густую шевелюру. Огромный мужик выглядел мощным, но неповоротливым, хотя на последнее Конан особенно не надеялся. Крупные мужчины часто движутся куда стремительнее, чем кажется на первый взгляд.

Дэри ложным выпадом устремился к правому запястью Конана и вслед за фальшивым захватом обрушил круговой удар на голову киммерийца.

Конан, нырнув, уклонился от удара, вскочил и обеими руками толкнул Дэри в плечо.

Тот чуть не упал, но успел сгруппироваться и отпрянул в сторону. Перекувырнувшись, он встал и закружил перед Конаном.

Он таки оказался проворней, чем можно было ожидать, и даже имел некоторые навыки в акробатике. Конан тут же намотал это себе на ус.

Дэри ухмыльнулся:

— Это все, на что ты способен, девичье личико? Комары мне больше докучают!

Так он болтун. Некоторым нравится молоть языком во время схватки. Сам Конан предпочитал сохранять энергию для боя, не тратя ее на слова, разве что он замечал, что брошенные колкости пойдут ему на пользу. Подчас слово разъяряет противника, заставляя его совершить какую-нибудь глупость.

— Разве это я кувыркался в грязи? — рискнул попробовать Конан.

Дэри рассмеялся, ощерив беззубую пасть:

— Мужчине нужно размяться, так?

Конан сдвинулся вправо. Детская насмешка не смогла проникнуть сквозь толщину этого черепа.

Дэри дернулся, будто бы намереваясь податься вправо, и, вытянув руки, сразу рванулся вперед.

Конан уклонился и, будто кузнечный молот, обрушил кулак на голову Дэри, но промахнулся и заехал противнику под левую лопатку. Ощущение было такое, будто он ударил по обтянутому кожей древесному стволу.

Дэри хрюкнул, вновь перекувырнулся и вскочил в развороте.

— У моей сестры удар тяжелее.

— Мужчине нужно размяться.

Дэри снова ухмыльнулся:

— Шас, варвар, у тебя руки-ноги расслабятся, когда я оторву их!

Конан знал, что поскольку Дэри крупнее его и примерно так же силен, то следует избегать ближнего боя и продолжать молотить или толкать противника.

Дэри вновь ринулся в атаку, ища возможность вцепиться в киммерийца.

Конан прыгнул вперед и вправо и кулаком нанес удар — костяшки пальцев припечатали Дэри левую бровь. Кожа под ними лопнула, но здоровяк сразу пришел в себя и устремился за Конаном. Конан моментально отступил, уклоняясь от натиска, и тут же услышал возглас Дэйка:

— Оставаться в круге! Кто вышел — проигрывает!

В поисках границы круга Конан бросил взгляд под ноги. Это дорого ему обошлось.

Тут же прыгнув, Дэри обхватил его за поясницу.

Киммериец обрушил назад оба кулака, но положение было неудобным для ударов, и жирные бока Дэри приняли их безболезненно.

Дэри встал во весь рост и оторвал Конана от земли, затем корпусом подался назад и отшвырнул противника.

Конан тоже кое-что смыслил в акробатике, даже при столь неудобном падении. Он вскочил, прыгнул вперед и перекувырнулся.

Конан оказался прямо у ног Дэри. Пытаясь схватить поднимающегося варвара, деревенщина споткнулся и еле устоял на ногах.

Совсем рядом блеснула молния, незамедлительно последовал громовой раскат.

— Митра! — послышался чей-то возглас.

Свет и шум отвлекли внимание Дэри. Опустив левое плечо, Конан с силой оттолкнулся ногами от земли. Удар плечом пришелся Дэри прямо в грудь. Деревенщина опрокинулся навзничь, сила удара была такова, что Конан чуть не споткнулся о поверженного соперника. Он вынужден был перепрыгнуть через Дэри.

Когда ноги его коснулись земли, Дэри уже вскочил, но теперь он не ухмылялся.

Начался дождь, немедленно перешедший в ливень.

Кром! Низвергающиеся с неба потоки были столь сильны, что Конан был вынужден протереть глаза, чтобы увидеть противника. Но вода хотя бы не мешалась с кровью, как та, что струилась по лицу Дэри.

Когда Конан оказался рядом с Дэйком, тот шепнул в спину варвара:

— Довольно забав. Можешь кончать с ним. Дождь мешает.

Молодой киммериец не подал виду, что услышал колдуна. Забавы? Этот Дэри силен как бык! Если ему удастся хороший захват...

Мысль эта будто была подслушана Дэри. Он двинулся в атаку. Размокшая, вязкая земля помешала Конану отступить в сторону. Он поскользнулся, не так, чтобы упасть, но слишком близко подпустил Дэри. Огромный мужичина обхватил руками талию Конана и с победным хохотом оторвал киммерийца от земли.

Конан понимал, что Дэри вполне хватит силы переломить ему позвоночник, если он немедленно не освободится. Захват становился все сильнее, Дэри все больше и больше сдавливал спину противника. Конан может сколько угодно молотить кулаками по спине и плечам гиганта. Кром, что за боль!..

Конан разжал кулаки и что было сил ударил Дэри раскрытыми ладонями по ушам. Даже Конану звук показался громким; для Дэри он должен быть оглушающим.

Детина зашелся нечленораздельным, пронзительным криком и выпустил Конана, дабы прижать ладони к изувеченным ушам.

Это все, что требовалось Конану. Подпрыгнув, он обеими ногами заехал в мошонку огромного бугая.

Глаза Дэри вышли из орбит, а руки оставили уши, чтобы вцепиться в новую рану.

Хорошенько размахнувшись, Конан обрушил кулак прямо между глаз оглушенного противника. Он разможил костяшки пальцев, но Дэри пришлось гораздо хуже. Он рухнул назад, будто поваленное дерево. Во все стороны полетели брызги. Дождя, льющего как из ведра, оказалось недостаточно, чтобы поднять павшего бойца, и стало совершенно очевидно, что сражение окончено. Этой ночью Дэри сможет добраться до дому, только если его понесут.

— Неплохо, — произнес Дэйк.

Конан повернулся к поработившему его человеку, и мгновение ярость его была такова, что он вновь ощутил, как ослабли магические путы. Не так, чтобы он смог напасть, но вполне ощутимо.

— Собери ставки, Крэг, — сказал Дэйк, отворачиваясь от Конана. — Я иду сушиться в фургон.

И Дэйк, разбрызгивая грязь, пошлепал по лужам к фургону.

Сверкали молнии, гремел гром. Конан внезапно ощутил смертельную усталость.

Да, решил он, хорошей жизни все это не обещает.

Он сбежит.

Так или иначе.

Глава шестнадцатая

Дождь все колотил по толстой полотняной крыше фургона, а Дэйк уже обсох и переоделся. Довольная ухмылка играла на его лице. Вечерок оказался вполне прибыльным. Представление собрало чуть ли не всю деревню, и публика не осталась разочарованной, как, впрочем, он и ожидал.

Еще успешнее прошел бой Конана с этим шербатым кретином. Жаль только, что разыгралась гроза. Дэйк вовсе не собирался мокнуть под проливным дождем, пока клиенты в фургоне развлекаются с женщиной-кошкой или великаншей, а потому пришлось отложить дельце до более ясной ночи. Но в целом все-таки жаловаться грех. Он не сомневался, что большая часть денег, припрятанных в этой деревушке, нашла дорожку в его кошель, и это выглядит хорошим предзнаменованием. Правда, доброе начало не гарантирует такого же конца, но весьма обнадеживает.

Дэйк подошел к проему и выглянул в дождь:

— Залезайте внутрь, тупицы. Не хватало вам еще заболеть в такую непогоду.

Тут же — а как иначе? — его невольники подчинились приказу.

Растолкать валяющегося среди винных бочонков Балора оказалось делом невозможным, а потому Фосулла оставил приятеля в покое и заполз под телегу. Животных он привязал к большим камням, продев веревки через кольца в носках, так что быки никуда не денутся. До начала грозы не удалось найти никакого маломальского укрытия и пришлось довольствоваться телегой.

Когда хлынул дождь, Балор еще громче, чем прежде, принялся за свои проклятия. Толстяк спрыгнул, а вернее сказать, свалился с телеги и приземлился у заднего колеса. Он пополз по моментально раскисшей земле и рухнул рядом с Фосуллом.

— Почему ты не разбудил меня?

— Я пытался. Но тебя не растолкать.

— Я же мог утонуть!

— Так ведь не утонул.

— Что с быками?
— Надежно привязаны.
— Ты, конечно, не позаботился притащить сюда вина?

— Так уж случилось, позаботился.

Близкая молния осветила расплывшуюся в довольной улыбке физиономию Балора.

— Э, немалая мудрость для такого коротышки.

— Там возьми, у переднего колеса.

Под телегой было недостаточно места, чтобы Балор мог сидя выпрямиться, но до маленького бочонка он добрался. Вскоре он вернулся и, распростирая винный аромат, растянулся рядом с Фосуллом.

— Боюсь, все вокруг затопит, и вода хлынет в наше убежище, — промолвил Балор.

— Чтобы этого не случилось, я вырыл канаву вокруг телеги.

— Ох, до чего ж ты умный. Глоток вина?

Фосулл кивнул:

— Да. Сейчас это не помешает.

Но когда он выпил, голову заполнили черные думы. Это не весенний дождичек, это яростный ливень. Утром раскисшая дорога быстро просохнет, но все недавние следы дождя смоем безвозвратно. Искать фургон, увозящий Вилкена, станет куда труднее.

За что, гадал Фосулл, боги послали ему подобное испытание?

Шалаш Разери протек, когда гроза уже пошла на убыль. Что ж, убежище даже превзошло его ожидания, он почти не промок. Молнии сверкали все дальше, гром гремел все тише, уходя вместе с ливнем, и предводитель джатти принялся обдумывать свой следующий шаг.

Он может покинуть это место сразу же после того, как дождь полностью прекратится, но это казалось неразумным. Дорога сейчас превратилась в море грязи, и любой путник его веса и габаритов в лучшем случае потратит массу сил, чтобы преодолеть такую преграду.

Лучше уж подождать, пока солнце не подсушит немного землю, и двинуться дальше, скажем ближе к полудню. Если преследуемый фургон тоже попал в грозу, он задержится по крайней мере на столько же. Тяжелая повозка завязнет в раскисшем грунте поглубже, чем великан.

Да, это самое мудрое решение. Удовлетворенный своими рассуждениями, предводитель джатти погрузился в безмятежный, хоть и несколько сыроватый сон.

У Конана болели поясница и ребра. Ему выпадали и более умелые противники, но вряд ли кто был сильнее Дэри.

Стоящий на полу фургона у тюфяка Конана салыный светильник оплывал, ленивая струйка дыма поднималась от него к промокшему насквозь, потемневшему полотняному потолку.

Дэйк и Крэг быстро уснули, так же как большинство остальных. Впрочем, лежавшая недалеко от Конана Тэйли не спала.

— Тебе больно? — спросила она глухим шепотом.

— Немного. Терпеть можно, — так же тихо ответил он.

— Где болит?

Конан показал. Великанша слегка привстала. Хотя двигалась она медленно и осторожно, фургон весь затрещал. На мгновение она застыла, но никто не проснулся. Она села рядом с лежащим на спине Конаном.

— Ляг на живот, — сказала она.

— Зачем?

— Мой народ владеет искусством врачевания руками. Возможно, я смогу облегчить твои страдания.

Конан пожал плечами и перевернулся на живот.

Тут же он ощутил на себе руки Тэйли. Ладони ее нежным касанием скользнули вниз по его поянице и застыли там, где боль была наиболее острой.

Прошло несколько мгновений, и Конан ощутил, как руки Тэйли теплеют на его голой коже. Вскоре ему показалось, будто плоть его каким-то образом согревается изнутри — мышцы наливались теплом от ее касаний. Это не жгло его, но он никогда бы не поверил, что простое наложение рук может так повысить температуру.

Тепло было успокаивающим, если не более того, и Конан расслабился под чуткими пальцами великанши.

Он не мог сказать, как долго она прижимала ладони к его телу, время будто остановилось для него. И когда она отвела руки, боль уменьшилась, — действительно, она почти полностью исчезла.

Конан сел и повернулся к великанше, что с улыбкой глядела на него. Даже сидя она была гораздо выше киммерийца.

— Я больше не чувствую боли, — шепнул Конан. — Это какая-то магия?

— Возможно, — сказала она. — Я не могу сказать. Меня научила моя бабушка. Она говорила, что любой может овладеть этим искусством, так что я думаю, что если это и магия, то вполне естественного свойства. — В голосе ее проступала печаль.

Каким-то образом Конан почувствовал, что она боится и нуждается в поддержке, несмотря на свои размеры; его охватило внезапное желание обнять эту женщину. Лицо его было на уровне тяжелых грудей

Тэйли; он подался вперед и прижал к себе великаншу.

Она не противилась; ее руки, такие же мощные, как его, обвили плечи Конана.

— Я очень страшусь того, что может случиться с моими братом и сестрой, — говорила она, сжимая Конана в объятиях столь крепких, каких ему не доводилось испытывать ни с какой другой женщиной. — И не меньше я боюсь того, что сделает этот злодей со мной.

Конан, плотно прижатый к этим огромным грудям, вынужден был повернуть лицо в сторону, чтобы сказать:

— Не беспокойся, Тэйли. Я найду способ освободить нас.

Но, лаская и утешая ее, Конан ломал себе голову над тем, как же выполнить свое обещание.

Когда над деревней расцвело безоблачное небо, Дэйк вылез на козлы фургона, дабы обозреть землю, лежащую перед ним. Безбрежные моря грязи растлались там, где вчера была невозделанная земля, поля же после ночной грозы оказались затопленными. Дэйк понял, что фургон не проедет и двух пядей, прежде чем завязнет в трясине. Придется им подождать несколько часов, пока солнце хоть немного не высушит путь.

Пока остальные пробуждались ото сна, Дэйк и Тро приготовили завтрак. Хозяин сообщил свое решение относительно дальнейшего путешествия. Вилкен сказал:

— Но раз мы завязли, почему бы тебе не призвать демона, чтобы он вытащил нас отсюда?

Крэг рассмеялся:

— Дурачина! Демон — это просто иллюзия.

— Крэг! Придержи язык, или я оторву его!

Дэйк с ненавистью глядел на своего помощника. Идиот раззвонил о том, что лучше было держать в тайне. Хотя для невольников это вряд ли имеет значение, Дэйк не сомневался, что то же самое Крэг ляпнет и в месте, полном возможных противников. От Крэга больше нет никакой пользы, двух мнений тут быть не может. Что-то с ним нужно решать, и в самое ближайшее время.

Дэйк и Крэг отправились проверять дорогу, ведущую из деревни. Когда они вылезли из фургона, Конан обратился к пленникам:

— У меня нет никакого желания явиться в Шадизар рабом. Мы должны постараться сбежать.

— Много раз мы пытались, — сказал Панхр. — Без всякого толку.

— Пробовали вы все убежать одновременно?

— Да, — тихо произнесла Тро. — Даже все трое, это безразлично.

— Теперь нас восемь, — сказал киммериец. — Иногда силу побеждают числом.

Трое старых пленников глядели на него с большим сомнением.

— Что нам терять?

На это ответил Саб:

— Дэйк разозлится и накажет нас.

— Как он узнает?

— Он всегда знает, — сказал Панхр. — Мы крепко привязаны к нему магией.

— Тогда вы можете сказать, что я заставил вас попытаться, — предложил Конан.

Заговорщики по одному вылезли из фургона, дорогу прокладывал Конан. Он пробирался через густое месиво, прочь от повозки и Дэйка с Крэгем.

Не более чем в десяти шагах от фургона на пути киммерийца встал непреодолимый барьер. Ничего

не появилось в чистом утреннем воздухе, но Конан будто уперся в нечто, более всего напоминавшее стену из гигантских лучных жил. Преграда вибрировала под его руками и отталкивала прочь; с великим трудом он сделал еще два шага, и стена отпихнула его так, что он не смог устоять на ногах и, упав на спину, проскользил туда, откуда начал борьбу.

— Встаньте рядом со мной и жмите, — скомандовал Конан остальным беглецам.

Когда все восемь пленников уперлись в невидимую преграду, она будто бы прогнулась и сопротивление ослабло. Величайшими усилиями они продвинулись на восемь шажков, но потом вынуждены были остановиться. Медленно, но верно магическая защита отпихивала их к фургону, пока они не вернулись туда, где натолкнулись на стену.

Тлеющая ярость Конана вспыхнула жарким пламенем. Выхватив меч, он вновь кинулся на преграду. Может, удастся прорубить себе путь...

К изумлению его и его спутников, киммерийцу удалось прошлепать по хляби добрых пятнадцать шагов, по меньшей мере втрое больше, чем преодолели они общими усилиями. Конан шел с поднятым мечом, хотя и не пользовался оружием. Когда он почувствовал, что растягивающаяся преграда вновь останавливает его, то издал бессловесный гневный возглас и прорвал силу, что пыталась отбросить его назад.

Заклятие уступало!

Конан сделал еще пять шагов, ярость его способствовала успеху. Он разрушал проклятие колдуна!

Но как только гнев его угас, невидимая рука вцепилась в киммерийца и опрокинула навзничь. Конана оторвало от земли и понесло, будто камень, брошенный проказливым божеством. Перелетев

через уставившихся на него спутников, он проехал по грязи, вздымая зловонную жижу, и наконец остановился у самого фургона.

Только поднявшись на ноги и вытерев руки и ноги, он смог задуматься о происшедшем. Он был так близок к тому, чтобы сбросить проклятие, в этом нет никакого сомнения! Что же случилось?

В это мгновение вернулся Дэйк со своим псом Крэг, и на смуглом лице Конан разглядел сначала испуг, а затем облегчение.

— Хотел покинуть нас, не правда ли, Конан? Ах, да неужели ты еще не понял, что это напрасная трата времени и сил? Лучше побереги свою прыть для тех боев, что я обеспечу тебе по дороге в Шадизар. Мое заклятие непобедимо.

Конан молча сдирал с себя липкую грязь.

— Тем не менее я здесь хозяин, и за попыткой бросить мне вызов должно последовать наказание.

— Излей на меня свою злобу, — вымолвил Конан. — Я заставил рискнуть остальных.

Дэйк взглянул на своих невольников, затем снова на Конана:

— Да, это на тебя похоже. Пытаешься решить любую проблему грубой силой. Что ж, ладно. Получай же за это.

Маг повернулся к Крэгу:

— Накажи его. Но никаких повреждений, ты понял?

Крэг ухмыльнулся.

Дэйк вновь обратился к Конану:

— Встань смиренно и дай Крэгу покарать тебя, глупый варвар. И запомни этот урок: тщетно противиться моей воле.

Сначала Крэг дал Конану пощечину, киммериец же, не будучи в состоянии ответить или даже уклониться, лишь с презрением взирал на обидчика. Хотя

он понимал, насколько это неразумно, он не смог удержаться от насмешки:

— Это все, на что ты способен, пес? Комары жалят больнее.

Конан видел, как потемнела, налившись злобой, бледная физиономия блондина. Крэг отвел ногу в тяжелом ботинке, чтобы нанести следующий удар.

— Поосторожней, Крэг, — вымолвил Дэйк. Голос его был мягок. — Если ты изувечишь его настолько, что это помешает боям, то и тебе отойдется той же мерой.

Похоже, угроза поумерила ярость Крэга, и он опустил ногу, готовую нанести удар. Он сделал шаг вперед и кулаком заехал Конану под ложечку. Удар оказался мощным, и даже упругие мышцы не смогли полностью отразить его. У Конана перехватило дыхание, колени его подогнулись. Он не упал, но сумел устоять, лишь собрав в кулак всю свою волю.

— Я способен причинить тебе боль и не калеча, варвар.

Ухмылка Крэга становилась все шире, в то время как он доказывал правоту своих слов.

Глава семнадцатая

Когда фургон наконец пополз по все еще размякшей земле, Конан лежал на своем тюфяке, а Тэйли пыталась облегчить ту новую боль, виной которой был Крэг. Киммериец был весь в синяках, но пинки и затрещины нанесли куда больший урон его самолюбию, нежели телу.

Пока Тэйли умирала боль, рядом сел Панхр. Он вертел в руках одну из своих пеньковых веревок, разматывая и заматывая ее тугими кольцами.

За холстиной, что скрывала козлы, Крэг правил быками, рядом с ним сидел Дэйк, и сидящие внутри старались приглушать голоса.

— С нами он поступил так же, — говорил Панхр. — Тро, Саб и я ощутили кулаки Крэга на собственных шкурах. Ему это доставляет удовольствие

— Я тоже заметил, — сказал Конан, ощущая, как пульсирует боль под горячими ладонями Тэйли.

— Лучше уж не злить его, — добавил Саб.

Конан попытался пожать плечами, — нелегкое дело, когда лежишь лицом вниз.

— Взбешенный человек часто теряет контроль над собой. Думал заставить его расстараться, так чтобы все это побыстрее кончилось.

— Это храбро с твоей стороны. Он мог искалечить тебя, — сказал Орен.

— Я утешался тем, что Дэйк тогда и его накажет.

— Рискованное дело, — заметил Панхр.

— Вся жизнь — сплошной риск, дружище.

— Ладно, в конце концов, теперь мы знаем, что сломить чары Дэйка невозможно, — сказала Тэйли.

Конан решил было поведать своим товарищам по несчастью, к какому выводу относительно этого он пришел, но сразу же передумал. Хотя он чувствовал, что может им доверять, но у Дэйка, возможно, есть способы заставить их отвечать на вопросы. Этот ку-десник очень хитер и опасен. А поведать о том, что им не известно, его товарищи не смогут. Так лучше для них. И для него самого.

Но Конан почувствовал, что заклятие *может* быть разрушено.

Пусть Конан не обладал хорошими манерами, но мыслил вполне здраво и был способен свести концы с концами. Каждая его успешная попытка противиться колдовскому порабощению связана с сильнейши-

ми вспышками ярости. И каждый раз, когда гнев его утихал, вновь сгущались чары. Последний раз он был совсем близок к тому, чтобы сбросить заклятие, и, пожалуй, именно радость близкого освобождения настолько притупила гнев, что все кончилось неудачей.

Такое знание дорогого стоит. Меч — грозное оружие, но в дюжину раз важнее знать, как использовать его. Вооруженный этим новым пониманием происходящего, Конан обдумал план, которым в недалеком будущем поделится с остальными. Он полагал, что если все они разъярятся, как он сам, то, несомненно, смогут преодолеть магический барьер и сбежать. Боги знают, что у них есть на то полное право.

Лучше рискнуть, когда Дэйка не будет поблизости, ибо ничто не сможет помешать колдуну восстановить заклятие, а ярость не может пылать вечно. Будучи же вне досягаемости чар Дэйка, сильная рука сможет метнуть копьё или камень и навсегда покончить с угрозой нового порабощения.

Это простой план, но чаще всего именно простые решения ведут к наибольшему успеху.

Итак, Конан ничего не расскажет о своем открытии, во всяком случае пока не расскажет. Он подождет. До Шадизара еще недалеко, и, пока лишь Дэйк и его трусливый пес надзирают за пленниками, подходящий момент не заставит себя ждать.

Не в долготерпении заключалась сила Конана, но он знал, что иногда другого выхода просто не существует. Он дождется своего часа, а потом будет действовать.

Фосулла начали раздражать бесконечные сетования его попутчика. Рыжий толстяк непрерывно влиял в себя новые порции вина, и его болтовня стала просто невыносимой.

Сам Фосулл больше не отдавал должного содержанию телеги, ибо дальнейшее опьянение полностью отвлекло бы его от основной задачи. Гроза сделала то, чего он так боялся: смыла большую часть следов фургона. Тут и там попадались остатки самых глубоких борозд, но и эти едва заметные отпечатки были редки и не без труда различались даже опытным глазом. Бормотание Балора только отвлекало Фосулла, и он с величайшим трудом сосредоточивал внимание на дороге.

Варг обдумал несколько вариантов своих дальнейших действий. Он может бросить эту телегу и на своих двоих продолжить преследование. Тогда продвижение его к цели будет куда медленнее и опаснее. Еще можно вонзить копьё в сердце толстяка, выбросить труп и продолжить поездку в одиночестве. Только может случиться, что по дороге кто-нибудь узнает телегу и заинтересуется, почему ею правит этот измазанный грязью коротышка. Фосулл не испытывал ни малейшего желания отвечать на подобные вопросы.

Или стоит пока оставить все как есть, делать вид, что внимаешь болтовне толстяка, пока пьяные бредни вновь не перейдут в бессознательные стоны, а это, несомненно, не за горами.

В конце концов Фосулл решил, что последнее лучше всего. Пользы от Балора все же больше, чем вреда, в минуту просветления он даже сообщил о скором приближении к деревне Элика. А там, возможно, кто-нибудь видел фургон и сможет направить варга по нужному пути.

Итак, пока солнце припекало сырую землю, Фосулл продолжал править груженной вином телегой, выискивая при этом остатки следов фургона похитителей его сына.

Прямо перед Разери быки тащили по дороге открытую повозку. Шаман племени джатти умерил шаг, чтобы не обгонять телегу и, оставаясь незамеченным, проверить ее обитателей. Повозка была нагружена бочками, наполненными, судя по доносящемуся аромату, вином. На козлах сидели два маленьких человека; один из них явно ребенок, закутанный в хламиду с капюшоном. Скорей всего отец с сыном, везущие свой товар в какую-нибудь деревню.

Вообще-то Разери шел быстрее телеги, но, прежде чем обгонять ее, он решил убедиться, что она не представляет ни малейшей угрозы. Мотивы великана были вполне просты: любой движущийся навстречу скорей всего притормозит, чтобы обменяться приветствиями с обитателями этой телеги, и у Разери будет время скрыться, возникни у него такое намерение. Всегда хорошо иметь выбор. Скоро ему снова придется расспрашивать маленьких людей: ведь дождь смыл все следы большого фургона, увозящего его детей. Он надеялся обнаружить деревню на развилке дорог, дабы не пуститься по ложному пути.

Держась на расстоянии, достаточном, чтобы метнуться на обочину в случае остановки телеги, шаман и предводитель джатти следовал за парой маленьких людей.

Через какое-то время тот, что был покрупнее, сполз с козел и скрылся из виду на дне телеги. Разери обеспокоился, что его заметили, но повозка не замедлила ход; и, судя по всему, страхи великана оказались напрасны.

Тот, что поменьше, — несомненно, ребенок, судя по размерам, — продолжал гнать быков вперед.

В нескольких часах езды от деревни западная дорога из Офира переходила в более широкую —

на Шадизар. Когда фургон подъехал к развилке, солнце уже подсушило мелкие лужи, образовавшиеся в колеях. Крэг обратил внимание хозяина на то, что впереди даже клубится пыль.

Дэйк, погруженный в полудрему, встрепенулся и обнаружил, что это действительно так. Отдаленную перспективу скрывало облако пыли. Одновременно Дэйк заметил, что после слияния с путем на Офирский перевал вся главная дорога усеяна следами колес, сапог и сандалий.

— Ого, — промолвил Дэйк, — впереди, и совсем близко от нас, богатый караван.

Крэг взглянул на своего хозяина:

— Откуда ты знаешь?

Дэйк объяснил:

— Ты же сам указал мне на то облако пыли.

— Да, конечно, но... как же можно отличить пыль богатого каравана от пыли, что поднимают погонщики свиней?

Тупица, что тут еще говорить. Дэйк вздохнул:

— Пошевели мозгами. Перед нами следы по меньшей мере дюжины повозок да втрое большего числа пеших путников. Разве это похоже на следы убогих крестьян? А следы свежие, оставлены после дождя, и ведут они с Офирского перевала. Вывод прост.

— Действительно, но ведь там может быть и множество крестьян, разве нет?

Дэйк снова вздохнул. Что толку объяснять такому?

— Разве не знаешь, что Офирский перевал кишит разбойниками, грабящими случайных путников?

— Ну и что?

— Как ты думаешь, какое сопротивление этим негодям может оказать даже целая куча грязных крестьян или пастухов?

— Думаю, не особое.

— Значит, у этого каравана есть вооруженная охрана, раз он полез на перевал. Скорее всего наемники, а возможно, и регулярная армия. Такие же солдаты стоят денег; следовательно, то, что они охраняют, имеет какую-то ценность.

Лицо Крэга можно было уподобить утреннему небу, озаренному первыми лучами солнца.

— А-а-а. Теперь вижу.

Немногим лучше слепого, подумал Дэйк. Козел быстрее бы летать научился.

— Погоняй, — скомандовал Дэйк. — Хочу посмотреть, что за народ в этом караване.

И тут же Крэг принялся понукать быков.

Солнце перевалило высшую точку, когда Фосулл, все еще правящий телегой пьяного в стельку Балора, доехал до поворота к деревне Элика. Варг бы и знать этого не знал, не попадись ему навстречу местный житель, приближающийся к тому же повороту с другой стороны.

— Хо! — окликнул его путник. — Это разве не винная телега Балора?

— Да, — отозвался Фосулл, — именно так.

— А где же сам Балор?

В этот момент Фосулл порадовался, что не прикончил пьяницу.

— Эх, вон он, спит в телеге.

Крестьянин рассмеялся:

— Вернее сказать, нализался своего товара, могу об заклад побиться.

— Именно так. Скажи мне, дружище, не попался тебе где-нибудь поблизости большой фургон?

— О, ты не о Дэйке с его уродами?

Сердце Фосулла заколотилось.

— Да, похоже, о нем.

Мужчина уныло покачал головой:

— Представление у него было интересное, но я поставил последний медяк на то, что Дэри побьет Дэйкова чемпиона. Кто знал, что варвар окажется столь проворен?

— Случаем не знаешь, где сейчас может быть Дэйк и его спутники?

— На дороге в Шадизар, — сообщил прохожий, махая в сторону, откуда шел сам. — В четырех или пяти переходах отсюда.

В Фосулле разыграл охотничий инстинкт, и он ощутил, как внутри похолодело. Всего в нескольких переходах!

— Еще один вопрос, дружище. Здесь мне повернуть, чтобы попасть в этот самый Шадизар?

— Нет, это прямо, чесать и чесать.

Фосулл было ухмыльнулся, но, тут же вспомнив, что вид его зубов может вызвать по меньшей мере некоторое недоумение, в последний момент сжал губы.

— Благодарю тебя. Ладно, пора нам ехать.

— Разве ты не собираешься завернуть в Элику и сгрузить там несколько бочек?

— Конечно, но... э-э... на обратном пути, через пару дней.

С этими словами Фосулл протянул вожжами по бычьим спинам, и телега со скрипом рванулась вперед. У Балора против такого выбора не возникло никаких возражений, ибо сейчас для окружающего мира он был не живее хладного трупа. А если позже он все-таки очнется и будет недоволен, что ж, они всегда могут расстаться. Тем или иным образом.

Разери наблюдал за встречей телеги и крестьянина с выгодной позиции, ближе, чем можно было надеяться. Невдалеке от поворота у самой дороги,

подобно ограде, рос жесткий кустарник. Соблюдая предельную осторожность, дабы поменьше веток трещало под его огромными ступнями, великан сумел притаиться всего в нескольких шагах от телеги и мог слышать обрывки разговора между возницей и пешеходом.

По голосу стало ясно, что быками правит вовсе не ребенок. А крошечный зеленый просвет в сероватой коже — да вовсе и не коже, сообразил Разери — на руке маленького человека окончательно убедил предводителя джатти: возница — варг!

В то время как телега покатила вперед и стала удаляться, а крестьянин начал спускаться с холма по другой дороге, Разери обдумывал новость.

Разумеется, приятно узнать все о фургоне того, кого называют «Дэйк», но что, во имя Созидателя, делает *варг* так далеко от дома?

Когда Разери счел, что телега отъехала на достаточное расстояние, он вылез из кустов и продолжил свой путь.

Известно, что варги, как и джатти, не оставляют своих жилищ и не странствуют среди маленьких людей. Хотя, рассуждал Разери, ведь самого-то его нужда заставила. И у варга могли быть подобные же причины оказаться на дороге в Шадизар, следуя за теми, кто украл троих джатти...

Ага!

Тут Разери осенило.

Путник сообщил, что именуемый Дэйком — хозяин уродов. Тот, кто представляет «странности». Маленьким людям и джатти должны казаться странными. Почему бы варгу тоже не быть таковым?

Этот Дэйк забрал с собой и варга.

Что же до бойца-варвара, о котором говорил крестьянин, Разери не сомневался — это Конан, а это подтверждает сразу возникшее подозрение о том,

что бывший пленник в заговоре с похитителями детей. И они всего в нескольких часах ходу!

Разери мрачно усмехнулся. Тяжелый фургон должен быть медленней телеги с вином или самого Разери. Возможно, к ночи Разери и этот неизвестный варг уже достигнут свою добычу.

Шаман и предводитель джатти машинально вертел пальцами древко своего копья. История подходит к концу, и дорога вскоре залется кровью тех, кто начал все это. А еще кровью варга-другого в придачу, это не составит большого труда.

Через час после встречи с крестьянином Фосулл почувствовал, что его преследуют. Стараясь ничем не обнаружить тревогу, варг, делая вид, что проверяет дрыхнувшего Балора, напряг все свои чувства.

Фосулл успел заметить лишь загоревшую дочерна кожу преследователя, когда тот метнулся под укрытие придорожных деревьев, но и этого хватило, чтобы понять, что он слишком велик для человека-не-с-болот.

Вернувшись на козлы, Фосулл обдумал свое открытие. Это был джатти, вот в чем дело. Никакой человек-не-с-болот не может быть таким большим. Но... почему же он преследует повозку с вином?

И преследует ли он именно повозку с вином?

Да, нет сомнений, что джатти следует за телегой, но это ли его истинная цель? Джатти не слишком часто покидают свою деревню и почти всегда втроем, вчетвером, чтобы поймать случайных путников из числа людей-не-с-болот. Почему же здесь, так далеко от дома, оказался один-единственный джатти?

Тут Фосулл припомнил следы, что он увидел, когда впервые обнаружил колею фургона. Там были джатти, в той же повозке, что и его сын.

Нет сомнений. Кто-то из великанов идет выручать своих.

Фосулл улыбнулся, на этот раз во весь свой острозубый рот. Ладно. Возможно, удастся обратить это себе во благо. А если нет, то хотя бы попытаться добыть кусок мяса для общего котла. Если он и Вилкен поспешат, мясо не успеет протухнуть.

Приятная мысль.

Глава восемнадцатая

Первым знамением того, что они догоняют караван, были тыловые стражники, что с поднятыми пиками вились вокруг, разглядывая фургон Дэйка. Вряд ли этот отряд можно было назвать внушительным, но солдаты были прекрасно экипированы, руки и ноги их были защищены прочной кожей, поверх тонких ворсистых рубаш они носили блестящие, смазанные кольчуги, а на широких поясах болтались круглые щиты из нескольких слоев сыромятной кожи. У каждого в ножнах на левом бедре покоился короткий меч, в руках же они держали тонкие копья с обоюдоострыми наконечниками, более подходящие для всадника, нежели пешего, но достаточно легкие и короткие, чтобы свободно орудовать ими. Все были обуты в прочные, добротные сапоги. Дэйк, кому время от времени приходилось иметь дело с подобными вещами, сразу увидел, что хозяин этих людей не скупится, когда речь идет об амуниции.

— А ну стой, погонщики. Куда торопитесь?

Дэйк вежливо ответил на вызов, прозвучавший из уст того, кого он принял за вожака шестерых стражников, — приземистого, кривоногого малого с рыжими волосами, красной рожей, да еще косоглазого.

— Мы направляемся в Шадизар.

Косой посмотрел на своих людей, потом снова на Дэйка.

— Ну, это похоже на правду, коли уж ты едешь по Шадизарской дороге. С какой целью?

Дэйк отвечал все так же спокойно, но уже менее вежливо:

— По делу.

— Какому такому делу?

Далеко не бесконечное терпение колдуна почти иссякло.

— Моему делу, пехотинец, моему, а не твоему.

Косой, похоже, был совершенно ошеломлен. Он поморгал, какое-то время переваривая ответ Дэйка, согнал невидимую мошку и почесал подбородок.

— Что ж, как бы то ни было, мы обязаны осмотреть фургон.

— На каких основаниях?

Косой ухмыльнулся и покачал своим копьем:

— Да на том, что ты мишенью станешь, если попробуешь нам помешать, понял?

Злобная усмешка исказила лицо Дэйка.

— Что ж, раз вам так хочется, проверяйте.

Косой запыхтел и через плечо ухмыльнулся своим людям; те закивали. Он вновь посмотрел на Дэйка:

— Случаем, женщин у тебя там нет?

— Так уж случилось, что есть! Трое.

— Слышите, парни? Бабы!

Ответом ему был радостный гогот и похабные шутки.

Когда рыжий воитель решительно направился к задку фургона, Дэйк перегнулся на козлах и через скрывающую пассажиров холстину тихо сказал:

— Конан, там, сзади, сейчас полезет уродливый коротышка. Оглуши-ка его. Только постарайся не убить. — Рядом с Дэйком радостно оскалился Крэг.

— А вам, остальным, там, на дороге, еще пять болванов. Когда Конан вырубит одного, вы поспешите туда и схватите остальных. Они вооружены, так что поберегитесь копыя или меча. Хочу получить их живьем, если получится.

Дэйк понимал, что рискует, но весьма незначительно. Он будет очень удивлен, если пятеро не пустятся наутек при одном виде тех, кто появится из фургона. Тэйли одна способна перепугать до смерти большинство мужчин; в сочетании же с прочими... да уж, лишь истинный храбрец отважится сразиться с ними.

Там, за фургоном, исходящий похотью косой потянулся ко входу.

Следы фургона были совсем свежими, но на дороге, судя по всему, недавно было куда более оживленное движение. Фосулл несколько раз останавливал свою винную телегу и слезал, дабы осмотреть различные колеи и следы; он сделал вывод, что здесь прошло множество телег, лошадей, пешеходов незадолго перед шестиколесной повозкой. Что до последней, то ее следы были глубже остальных, а колеса имели характерные выбоины и насечки, уже хорошо знакомые Фосуллу.

Такая толпа усложнит выполнение задачи, думал Фосулл, вставая с земли и отряхивая колени. Зря он это делал, ибо с ладоней осыпалась высохшая грязь, обнажив зеленую подкладку. Действительно, его маскировка местами почти стерлась, и заметить это Балору не позволяло лишь постоянное опьянение.

Фосулл гадал, как умудряется этот толстяк доставлять куда-то свой товар, столько времени тратя при этом на его уничтожение?

Влезая обратно на телегу, Фосулл украдкой посмотрел назад в надежде обнаружить признаки свое-

го огромного преследователя. Он не увидел джатти, но по-прежнему чувствовал его присутствие где-то поблизости, — да не было никаких оснований верить в то, что великан бросил слежку. Еще одна проблема, но ее можно будет решить во вторую очередь. Главное же — догнать фургон и вернуть сына. Он подсчитал, что повозка опережает его не более чем на пару часов и вполне возможно настичь ее к закату.

А на задах телеги безмятежно похрапывал пьяница.

Разери вовсе не считал себя равным варгу следопытом, но все же он был достаточно сведущ, чтобы понять: цель его совсем близко. Все свежее были следы колес, хотя различать их стало труднее из-за большого движения по этой дороге.

Ладно. Это не имеет значения. Во всяком случае пока они видны.

Другой вопрос, что делать с варгом. Едва ли маленький зеленый зверек сумеет запутать погоню. Конечно, примитивного коварства варгам не занимать, но, по мнению джатти, ума им обычно не доставало. Разумеется, нельзя утверждать, что варг, правящий телегой, это обязательно обычный варг. То, что он так далеко забрался и умудрился одурочить по крайней мере одного маленького человека, свидетельствовало о чем-то превышающем примитивный разум. Хотя Разери не был склонен преувеличивать способности животных.

Джатти подождал, пока телега не отъехала настолько далеко, что казалась не больше точки, которую можно накрыть большим пальцем, и только потом вышел на дорогу из своего укрытия между каменных глыб. Варг то и дело озирался, украдкой глядя на дорогу позади себя, — вполне вероятно, что тварь эта почуяла слежку. Не то чтобы Разери

был слишком обеспокоен возможным столкновением с одним-единственным варгом, вооруженным тем же оружием, что и сам джатти; однако лучше оставить себе открытыми как можно больше путей. Знание — сила, это ясно даже полоумному.

Разери шагал за удаляющейся телегой, один за другим перебирая варианты своих дальнейших действий, пытаясь предугадать любое возможное развитие событий, чтобы всегда иметь достойный ответ. Разери знал, что случай благоволит к тому, кто наготове. И был уверен, что способен предвидеть любую случайность.

Когда открылся задний вход в фургон Дэйка, Конан был наготове. Более того, он жаждал излить свою ярость на любого хоть чуть ее заслуживающего, а из разговора между солдатом и Дэйком он услышал достаточно, чтобы понять: человек этот нагл и вместе с тем слишком назойлив. Конечно, он предпочел бы броситься на Дэйка, но, потерпев здесь неудачу, чувствовал, что выплеснуть свой гнев на кого-то еще все же лучше, чем совсем ничего. Так этого идиота волнуют женщины, верно?

Дверь широко распахнулась на смазанных петлях, и ухмыляющийся рыжеволосый мужчина заглянул в темноту фургона.

Конан прыгнул, и ухмылка исчезла.

— Митра! — только и успел выпалить пришелец, прежде чем на него набросился киммериец.

Конану схватка показалась досадно короткой. Он взмахнул кулаком и обрушил его на левый висок негодяя. Стражник рухнул бесчувственной грудой в дорожную пыль.

Кром! Он мог бы и посопротивляться.

Из фургона посыпались все прочие обитатели, дабы накостылять оставшимся воякам. Первым, ос-

калив зубы, неся Вилкен, следом за ним Панхр, Орен, Морья, Тро, Саб, и, наконец, последней, но далеко не самой безобидной появилась Тэйли.

Конан сообразил, что Дэйк и ему не запретил участвовать в драке, и с этой мыслью ринулся вслед за прочими. Зловеще усмехаясь, он обогнул фургон; из груди его рвался бессловесный победный клич.

В этот момент Дэйк решил выпустить своего красного демона.

Ошеломленные рожи пяти оставшихся солдат являли собой достойное зрелище. Как один они развернулись и кинулись наутек, весьма резво для людей, обремененных легким снаряжением.

Вилкен метнул свое копьё, угодившее одному из беглецов в незащищенное сухожилие под левым коленом; парень споткнулся и растянулся на земле.

Панхр бросил аркан, опутавший второго стражника. Петля затянулась на лодыжках, и бедолага тоже рухнул как подкошенный.

Быстроногий Конан догнал третьего, толкнул его в спину обеими руками, и тот понесся с такой скоростью, что не смог удержаться на ногах. Он упал, покатился и, лежа на спине, завизжал о пощаде.

Четвертый пал, стиснутый с обеих сторон женщиной-кошкой и четвероруким Сабом; он вопил, взывая к самым разнообразным богам.

Последний свернул с дороги, но был окружен Тэйли, ее братом и сестрой. Великанша легко обогнала вояку, и он, обнаружив, что бежит прямо к ней, отшвырнул копьё и протянул руки в мольбе о пощаде.

Конечно, Конан понимал, насколько грозными могли показаться он и его спутники, но все же почувствовал отвращение от того, как легко досталась победа. Кто бы ни платил этим шестерым, он, несомненно, зря потратил деньги.

— Тащите их сюда, — приказал Дэйк. — Чую, мы произведем определенное впечатление на караванщиков, когда доставим их тыловую стражу связанной, будто стадо свиней для бойни.

И вот уже другие стражники шагали перед фургоном Дэйка. Но их изумление при виде товарищей, связанных так, что только ноги оставались свободными для ходьбы, было таково, что они ни малейшим движением не помешали всему сборищу достичь самого ядра каравана.

Караван оказался так богат, как и предполагал Дэйк. В центре его находились фургоны, крытые белыми и красными полотнищами. Один из фургонов оказался даже больше, чем Дэйков. Ароматы благовоний и специй мешались с резкими запахами людского и конского пота. Дэйк слышал приглушенные женские голоса, доносящиеся из большого фургона. Хозяин уродов готов был поспорить, что чем бы ни были нагружены эти фургоны, цена за это на главном шадизарском базаре будет немалая.

Шеренга вооруженных людей числом не менее трех десятков опасливо выставила копьё. Некоторые стражники творили магические жесты, охраняющие от проклятий и дурного глаза.

— Эй, там, что это за чертовщина? — подал голос рослый стражник.

Позади плененных солдат Дэйк встал на козлах и произнес самым внушительным голосом:

— Я желаю говорить с вашим хозяином!

Незамедлил появиться и надменно приблизиться к фургону Дэйка высокий, величественный человек, облаченный в чалму и мантию аквилонского шелка. На ногах у него были сапоги, выделанные из кожи больших пустынных ящериц. Он носил густую, ухоженную бороду, черную, но уже подернутую сединами; нос же его, будто клюв, загнулся под глазами

стальной голубизны. Жестокая и надменная физиономия — вот что разглядел Дэйк, сразу ощутив богатство и силу человека. Именно таким лицом должен обладать тот, в ком так нуждался хозяин уродов.

Превосходно!

— Я хозяин этого каравана и людей, с которыми ты поступил столь дурно, — глубоким баритоном произнес человек. — Кто ты таков, чтобы подобным образом шутить с моими слугами?

Дэйк, имевший опыт в общении с богатыми людьми, знал, когда следует пригрозить, а когда и польстить. Теперь в голосе его проступила угодливость:

— Я? Я ничтожнейший Дэйк, хозяин уродцев, о могущественный повелитель. Я следую в Шадизар, чтобы отыскать там покровителя для самого невероятного собрания чудес, какое только видел человек. Я думал лишь показать, сколь недостойны эти так называемые стражники человека столь явного величия.

Хозяин каравана свирепо уставился на скрученных стражников:

— Что ж, их несостоятельность вполне очевидна. — Затем он добавил: — Хозяин *уродцев*?

Дэйк протянул руку за покрывало и щелкнул пальцами. И тут же из задней двери снова полезли его невольники, встречаемые изумленными возгласами всего каравана.

— Убедись сам, мой повелитель... э-э?

— Кэйпья, — представился, завершив фразу, хозяин каравана. — Но вовсе не повелитель, а всего лишь простой... купец.

— О, человек, который в большей степени *заработал* свое богатство, нежели унаследовал его.

Кэйпья улыбнулся, показав крепкие зубы:

— Именно так, друг мой Дэйк. — Он смотрел на приближающихся уродов: коллекция Дэйка явно

произвела на него впечатление. — Внушительное собрание. Никогда мне не выпадало подобного зрелища, даже на Верховном Празднестве в Шадизаре. Уникальная коллекция.

— Именно так, — подтвердил Дэйк, улыбаясь под стать собеседнику.

— Они должны собирать огромные толпы.

— И они даже больше того, чем кажутся с первого взгляда, добрый купец. — Дэйк изо всех сил постарался, чтобы слова «добрый купец» прозвучали как «мой повелитель». — Ведь именно они усмирили шестерых стражников, и, должен признать, это не потребовало чрезмерных усилий.

— О! Еще интереснее, — вновь улыбнулся Кэйпья. — И ты говоришь, что ищешь покровителя?

— Одним словом, да.

— Мой фургон оснащен некоторыми удобствами, друг мой Дэйк. Возможно, ты пожелаешь присоединиться ко мне, дабы разделить толику недурственного вина, недавно мною приобретенного. Мы сможем обсудить дела, что послужат нашему... обоюдному благу.

Радость Дэйка была безмерна. Встреча с этим караваном оказалась подарком судьбы почти невероятным. До Шадизара еще несколько дней пути, а у него уже есть покровитель, в этом он ни на мгновение не сомневался, осталось лишь обговорить условия.

Отвечая, он постарался придать своему лицу максимально льстивое выражение.

— Отчего же, разумеется, я буду счастлив, друг мой Кэйпья.

Про себя он усмехнулся. Дэйку еще не попадался купец, способный его перехитрить, и вряд ли Кэйпья станет исключением.

Вот она, первая остановка на пути к богатству!

Глава девятнадцатая

Конану совсем не понравилось, что Дэйк, похоже, спелся с хозяином каравана. Две блохи, оседлавшие крысу, — вот на кого они походили, и киммериец чувствовал, что два негодяя уже сговорились. Возможному бегству это совсем не поможет. Правда, если ему удастся сбросить Дэйково заклятие, сквозь стражу эту пробиться будет достаточно просто. Меч его при нем, а недавний опыт подсказывал, что маленькая армия купца больших опасений не вызывает. По сравнению с разношерстным сборищем горных разбойников у этих вид был куда более грозный, но Конан сразу распознал в них бездельников, чья внушительная оболочка скрывает пустоту. Прокладывать путь в гуще подобных вояк, конечно, не совсем безопасно, но слишком беспокоиться об этом не стоит. В конце концов, Конан сделан из материала потверже, чем какой-нибудь горный бандит. И он не намерен сокрушать их всех, только одного или двух, непосредственно вставших между ним и свободой.

Что до остальных пленников, особенно детей, тут могут возникнуть осложнения, но Конан все же решил не оставлять их в плену у Дэйка. Если не считать первого обмана Тэйли, она доказала свою дружбу, заботясь о его ранах, да и по-иному утешая его в ночи. Конан простил великанше ее коварство. Теперь она поняла, что значит быть невольником, а он был достаточно великодушен, чтобы не лишать раскаявшуюся женщину последней надежды. Нет сомнения, что она никогда не бросит своих младших брата и сестру, а раз уж он должен взять троих, то с таким же успехом можно прихватить и всех прочих. А кроме того, ему все больше нравились его товарищи по несчастью; если забыть об их не-

обычной внешности, они куда более приятные люди, нежели Дэйк и его дворняжка. Панхр — ужасный урод, но сердце у него доброе; Крэг — парень с виду хоть куда, но злоба проела все его нутро. Понять это — тоже хороший урок.

Конан шагал рядом с фургоном балаганщика, в воздухе клубилась пыль, что вздымали люди, животные, повозки, движущиеся впереди; пыль оседала на потной коже и затрудняла дыхание. Остальные невольники чувствовали себя немногим лучше, за исключением разве одной Тэйли, которая была настолько высока, что большая часть дорожной пыли оседала, прежде чем долететь до ее глотки. Что бы хотелось сейчас Конану, так это искупаться в горячем источнике. С тем же успехом можно пожелать себе дворец из золота, чего уж там мелочиться.

Крэг правил фургоном и выглядел весьма раздраженным. Вероятно, он обижался, что остался побоку, в то время как Дэйк пьет и закусывает с купцом. Хорошо. Малейшее недовольство Крэга как бальзам на раны Конана. Вот бы этот жалкий лакей во злобе своей вонзил нож в спину своему хозяину. Всякое ведь случается.

Раз уж Дэйк засел в некотором отдалении, наступило идеальное время для побега, вот только день по-прежнему светел, и такая попытка будет слишком уж очевидной. Конан не сомневался, что ему вполне по силам расправиться с часовым или двумя, но это будь он свободен, а сейчас прежде всего необходимо разрушить заклятие, так что Крэг вполне успеет всадить ему в спину копье или позвать для этого одного из стражников купца. Ведь Конан сейчас всего лишь наименее ценный экземпляр в порабощенной коллекции, а потому разделяются с ним без особенных сожалений.

Итак, в ожидании подходящего момента киммериец тащился по пыльной дороге. Рано или поздно момент этот наступит, и тогда Конан должен быть наготове.

Сообразив, что произошло, Фосулл был весьма огорошен. Действительно, ему и в голову прийти не могло, что похитители его сына присоединятся к скопищу фургонов, движущихся впереди. Он мало знал о привычках людей-не-с-болот и полагал, что большая группа странников — это просто знакомые, следующие в одном направлении. Во имя левого яичка Зеленого бога, все это так запутано!

— Г-г-где мы?

Бросив взгляд назад, Фосулл обнаружил, что Балор героически пытается сесть, одной рукой таща себя за голову.

— На дороге. Кроме этого, ничего сказать не могу.

Толстяк умудрился принять сидячее положение. Он огляделся по сторонам:

— Н-но мы же далеко за деревней!

— Мы останавливались там сегодня утром, — соврал Фосулл. — Разве ты не помнишь?

— Мы останавливались?

— Конечно. Ты продал два бочонка вина, а потом продул все деньги на тараканьих бегах.

— Нет!

— Именно что да.

Балор застонал и принялся трясти головой, а потом застыл, сжимая черепушку обеими руками.

— Я ничего такого не помню. Что, я пьян был, что ли?

— Да. Ты выпил дюжину кувшинов вина.

— Всего дюжину? Странно, ведь обычно я не теряю от этого память.

— Это только до бегов. Потом ты выпил еще дюжину.

— А-а. Тогда понятно.

— Похоже, тебе нужно выпить еще чуточку, выглядишь ты неважно.

— Клины клином вышибают, так ведь? Неплохая идея. Как, ты говорил, тебя кличут, малютка?

На этот раз Фосулл не смог сдержать ухмылки. Глаза Балора расширились.

— Боюсь, я хватил лишку, дружище. Что-то не то мне мерещится.

— Вино все лечит, не так ли?

— Ну в самую точку попал. И будь так добр, поведи фургон, пока я поправляю здоровье. В Шадизаре сочтемся. Если я доживу до Шадизара.

С этими словами Балор вновь рухнул на дно телеги и потянулся к маленькому бочонку.

Но главная проблема оставалась. Добыча Фосулла начала обрастать огромной толпой того же народа, и теперь совсем в другом свете выглядела возможность получить назад сына и воздать справедливую кару врагам. Может, отложить возмездие и просто вернуть сына?

Сейчас Фосулл отстаёт не более чем на час, и вскоре уже стемнеет. Там, на болотах, ночь для варгов — добрый друг, и Фосулл не думал, что здесь окажется иначе. Под покровом темноты можно делать много такого, что никогда не выйдет под палящими очами солнца. Особенно когда никто о тебе даже не подозревает.

Правда, по его следу рыщет этот проклятый джатти; он знает о существовании Фосулла. Варгу совсем не улыбалось быть зажатым между бесчисленным множеством людей-не-с-болот и джатти. С великим что-то нужно делать, здесь нет никаких сомнений. И делать поскорее.

И вдруг Фосулла озарило, будто молния сверкнула в густом тумане. Мысль была столь ошеломительна, что он чуть не грохнулся с телеги. Идея расцвела, будто поганка после дождя: вот она еще невидима, а вот уже здесь. Это казалось совершенно невероятным, это потрясало до глубины души. Просто — да, правдоподобно — вряд ли, но все же... и все же именно так можно вернуть сына и *одновременно* решить вопрос с джатти.

Фосулл ухмыльнулся, больше не беспокоясь о том, что Балор увидит его заточенные зубы. Он планировал то, чего до него никогда не делал ни один варг, настолько это было отчаянно, но именно это привлекало его. В конце концов, разве не он, Фосулл, храбрейший и умнейший среди всех ему подобных? И разве не именно ему надлежит быть первым?

Да, он решился. Именно так и будет.

Разумеется, он может и жизнью поплатиться, но без риска жизнь имеет мало смысла.

Во имя всех богов, он сделает это!

Когда следы шестиколесного фургона смешались с другими, Разери понял, что на его пути встали новые трудности. Добыча его теперь двигалась в сопровождении многочисленного эскорта ей подобных, и ничего хорошего вождю джатти это не сулило. Конечно, он и раньше принимал во внимание такую возможность, но отбрасывал ее как маловероятную, во всяком случае пока они не достигнут какого-нибудь поселения. И в этом заключался просчет, а Разери был не из тех, кто легко мирится с подобными вещами.

— Прокляни вас всех Созидатель! — в сердцах прошептал великан.

Разери был столь огорчен своей ошибкой, что отвлекся от своей непосредственной цели. Он рас-

суждал, что покуда видит вдалеке телегу с вином, нет большой нужды уделять ей излишнее внимание, но это оказалось еще одним заблуждением.

Из-за чахлого куста, что рос у дороги слева от джатти, вдруг возникла облаченная в капюшон фигура варга, размахивающего своим копьём.

— Стой, джатти!

Разери повернул свое копьё и поднял его, готовый к броску.

— Ты что, спятил, варг, посмеиваясь предомной в одиночку?

Разери был уже готов проткнуть маленькую зеленую бестию. Он отвел назад руку...

— Нет, не бросай, джатти.

Это удивило Разери.

— Почему же?

— Мы отслеживаем одну и ту же добычу.

— Что из того?

— Они забрали моего сына, Вилкеца.

— Кого волнует твое дерьмо?

— Но они также забрали троих ваших.

Разери в очередной раз напомнил себе, что знание — сила. Он чуть опустил руку с копьём.

— Ты видел их?

— Нет, но недавно я видел на дороге их следы, так что они пока еще живы.

— Хвала Созидателю, — воскликнул Разери. Затем добавил: — Так почему же ты остановился и выскочил передо мной, почти уже мертвый варг?

— Я хочу вернуть сына. Ты хочешь вернуть своих. Тех очень много, а нас всего по одному.

— Это правда. Ну?

— Я предлагаю... временный союз.

Разери чуть было не расхохотался, но все же заявление это возбудило любопытство. Он еще немного опустил свое копьё.

— Союз? Джатти с варгом? Ты, должно быть, совсем спятил.

— Каждый из нас способен на то, что никогда не сможет другой. Ты куда более мощный, но я могу прятаться в местах, тебе недоступных. В каких-то вещах ты умнее. Я проворен, а ты силен. Разве вместе мы не скорее, чем поотдельности, добьемся каждый своей цели?

Теперь древко копья Разери вовсе уткнулось в землю. Изумленный, он уставился на варга: «Для животного он рассуждает здраво. Приходится признать, что здесь я просчитался».

Варг тоже опустил копье и ухмыльнулся, обнажая свои мерзкие зубы.

— Ну что, обдумываешь мое предложение?

— Нет. Я уже обдумал его. В нем есть смысл, хотя я и не расположен тебе доверять.

— Достаточно ли будет слова вождя варгов не причинять тебе вреда, пока наши люди не окажутся на свободе?

— Ты вождь варгов?

Маленькое зеленое существо вытянулось, елико возможно, в полный рост.

— Собственной персоной. Фосулл, так я зовусь.

— Да уж, закопай меня в козлиное дерьмо. Я Разери, шаман и предводитель джатти.

— Итак, у нас перемирие?

Разери помедлил мгновение. При необходимости ему недолго раздавить в лепешку этого варга. Между тем маленькой бестии не откажешь в логике, отрицать это невозможно.

— У нас перемирие.

— Хорошо, тогда отправимся, Разери, и отыщем способ вернуть своих.

— Веди, Фосулл.

Разери был не вполне готов повернуться незащищенной спиной к варгу, но вот потрясен он был вполне. Способность мыслить у варга оказалась далеко за пределами всего того, что было когда-либо известно джатти о варгах. Он недооценивал этих маленьких зеленых зверьков, причем изрядно.

Неужели все эти чудеса никогда не кончатся?

Дэйк ощущал, как действует на него несомненно превосходное вино, но от этого мысль его лишь становилась быстрее. По существу, сделка была заключена, осталось обговорить последние детали. Он чувствовал, что ему удалось отхватить себе львиную долю. В обмен на изрядную помощь и протекцию купца Дэйк предоставляет ему четверть прибылей от показа и прочего использования уродцев. После уплаты всех текущих расходов, разумеется. А в тот день, когда Дэйк не сможет скрыть в свою пользу пятидесяти процентов прибылей, он проплывет голым по улицам Шадизара с вонючим козлом на плечах.

— А что же относительно вопросов скрещивания?.. — спросил Кэйпья весьма осторожно.

— Что ты имеешь в виду, мой компаньон?

— Не можем ли мы.. э-э... организовать просмотр?

Дэйк скрыл улыбку глотком вина из резной деревянной чаши. Возможно, этот купец умнее, чем кажется. Его предложение просто превосходно.

Так Дэйк и сказал, получив в ответ радостный кивок.

— И я должен сказать, что идея этого... цирка, как ты назвал его, огромного круга, заполненного увеселениями, имеет некоторое достоинство. У меня есть собственность в Арэнджуне, а также несколько небольших владений на юго-востоке, в соседнем

Хауране; и все это можно обратить в меньшие подобия этого самого цирка, если ты сможешь произвести достаточное число твоих диковин, дабы населить и их.

— Не бойся, добрый друг, это уж всенепременно. Я, видишь ли, человек не без некоторых... магических способностей, что обеспечат все, что я пожелаю.

— Превосходно. Я предвижу долгое и выгодное сотрудничество, Дэйк, мой дорогой друг.

— Так же, как и я. Давай же выпьем за твое здоровье.

— И за твое.

И компаньоны выпили до дна.

Кэйпья поставил свою чашу и дважды хлопнул в ладоши.

Движущийся фургон лишь слегка качнулся, когда под навес вступила девушка, чьи прелести слегка скрывали красные шелка.

— Это одна из моих рабынь, — сообщил купец. — Пользуйся, как пожелаешь.

— Ты щедрый хозяин! Возможно, ты захочешь насладиться... посещением одной из моих наиболее привлекательных пленниц? Это было бы той малостью, что я могу тебе предложить.

Глаза купца зажглись похотливым блеском.

— Э-э, да. Великанша, младшая сестра, она напомнила мне одну из моих дочерей. Думаю, нам с ней есть о чем поговорить.

Дэйк ухмыльнулся по-свойски:

— Несомненно, несомненно. Итак, вечером, когда фуруны остановятся, я пришлю ее тебе на усладу.

— Ты благородный человек.

— Не более, чем ты сам.

Двое вновь обменялись улыбками, но оскал Дэйка оказался пошире.

«Ага, — подумал он. — Ты обнаружил слабость, мой новый партнер. Я уж не забуду, что тебя тянет на детей».

Не то чтобы Дэйка хоть на йоту волновала судьба девочки. Он бы уже давно и сам ею воспользовался, да только случая подходящего не было. Возможно, он уделит ей внимание, прежде чем отошлет девчонку в фургон купца.

Дэйк улыбался, и улыбка его выражала многое.

Глава двадцатая

Ночь зажгла звезды, крошечные оконца в темном своде небес, за которыми — свет. Горбатый прибывающий месяц омывал землю бледно-серебряным светом, рождая холодные тени жутких очертаний. Вдали от жилища человеческого, лишь кострами нарушая покой ночи, караван расположился на ночлег; животные паслись рядом.

Выйдя из фургона по зову естества, Конан возвращался, впитывая в себя виды и запахи лагеря и окружающего вечера. Будь он свободен, чувствовал бы себя здесь как рыба в воде. Безмятежная ночь не влечет, будто суетливый город; нет здесь трактиров, где можно выпить или побаловаться с девкой, но в ночи есть своеобразная прелесть.

По дороге к фургону Конан заметил невдалеке серый блик под яркой луной, нечто движущееся в укрытии чахлой поросли низкорослого кустарника.

Хотя немногие из людей обладали столь острым зрением, но и глаза Конана не смогли проникнуть сквозь кусты настолько, чтобы точно распознать находящееся внутри. Фигура, что метнулась в зарос-

лях, была маленькой, будто принадлежала ребенку, но Конан чувствовал, что прячется там и другое, большее существо, хотя и не мог точно сказать, каким образом чувствует это. Он бы исследовал все это, но был вынужден подчиняться магическим приказам: сделать свои дела и вернуться в фургон; чары были слишком сильны, чтобы позволить ему удовлетворить досужее любопытство.

Внутри же появились более насущные проблемы.

В углу фургона безмолвно рыдала Морья. К ней припала Тэйли; страдающий взор ее был направлен поверх головы вошедшего Конана. Дэйк собирался отправить девочку к купцу, дабы усладить его извращенные чувства, и никто из пленников не мог воспротивиться этому. Бессильная ярость переполняла фургон: все здесь будто бурлило от надвигающейся беды.

Конан тихо сказал женщине-кошке:

— Попроси у Дэйка разрешения покинуть фургон. Когда выйдешь, осторожно посмотри на самый большой куст из тех, что растут примерно в тридцати шагах слева. — Тро взглянула на него озадаченно. — Кто-то прячется там, и мне бы хотелось знать, кто именно.

Она кивнула и двинулась к переду фургона, дабы через занавесь обратиться к Дэйку.

Когда кошкозадая ушла, Конан повернулся к Тэйли.

— Мы не можем этого позволить, — срывающимся голосом проговорила она. — Она ведь совсем еще ребенок!

Конан кивнул:

— Возможно, нам удастся что-нибудь предпринять.

Ее взгляд, полный надежды, тронул юное сердце киммерийца.

— Что же?

Он принялся рассказывать ей о своей вере в то, что достаточно мощная ярость способна разрушить заклятие.

В это мгновение Дэйк просунул голову в фургон и прервал их.

— Я отправляюсь насладиться щедростью моего нового благодетеля, — сообщил он. — Сочная бабенка в красных шелках ожидает моих ласк. — Он бросил взгляд на все так же плачущую Морью: — Крэг вот-вот придет за тобой. Прекрати разводить нюни... нет, погоди, можешь продолжать. Если я не ошибаюсь, это добавит перцу тому наслаждению, что ты доставишь Кэйпье.

Он оглядел всех прочих:

— Остальные сидите тут тихо, пока я утром не вернусь. — С этими словами Дэйк удалился.

— Конан?

Киммериец посмотрел на великаншу:

— Подожди немного.

Тут вошел ухмыляющийся Крэг:

— Пойдем-ка, большая малышка. Сегодня ты узнаешь, каково это — быть женщиной.

Тэйли бросилась за сестрой, которую Крэг повел из фургона, но будто бы ударилась о невидимую стену. Посылаемая Дэйком боль пронзала каждого, кто попытался бы остановить Крэга.

Вернулась Тро.

— Конан! — хрипло воскликнула Тэйли.

— Твои страхи мне понятны, — сказал он, — но подожди еще чуть-чуть. — И он обратился к женщине-кошке: — Ну?

— Там два человека. Один очень маленький, размером с Вилкена. Другой как Тэйли, даже больше.

— Отец! — одновременно воскликнули Вилкен и Орен.

Конан усмехнулся. Хорошо. Чем больше неразберихи, тем лучше. Он обратился к остальным невольникам:

— Давайте сюда поближе. Думаю, мы сумеем освободиться от чар Дэйка. И мы должны поспешить, если собираемся освободить Морью.

— Кто-то похожий на кошку нас заметил, — сказал Фосулл.

— Возможно, нет, — возразил Разери. — Иначе бы здесь такой крик поднялся.

— Необязательно, если это тоже пленник, как остальные. Мне кажется, среди них свободна только эта образина с соломенными волосами. И чернявый, разумеется. Дэйк.

— Решительно странно, что ни она, ни варвар не попытались сбежать. Мы вообще не видели, чтобы они удалялись от фургона. Что же препятствует тому, чтобы просто взять и уйти?

Варг покачал головой:

— Не знаю. Это, как ты выразился, решительно странно.

Разери поразмыслил над этим. Затем сказал:

— Ладно. Оба, этот Дэйк и блондин, ушли, а та девочка, что была с последним, — это моя дочь, Морья! Сначала мы должны освободить тех, что в фургоне, а затем отправимся за ней.

— Согласен. Я скорее проскочу незамеченным. Ты оставайся наблюдать, а я проберусь к фургону.

— Это кажется разумным.

Фосулл сделал глубокий вдох, выдох и направился к фургону, где был заточен его сын.

Под остроконечным балдахином, что покрывал устланную подушками повозку, Дэйк откинулся на толстом пуфе и позволил смазливой рабыне налить

себе новый кубок превосходного вина. Он сделал глоток изумительной влаги, затем улыбнулся девушке. Она робко улыбнулась в ответ, мерцающие тут и там свечки осветили привлекательное личико.

— Я хочу увидеть, какова ты под этими шелками, — сказал Дэйк. — Сбрось их.

Девушка повиновалась, и колдуна увиденное не разочаровало. Ее смуглая кожа была без единого изъяна, груди тяжелы, бедра широки, — одним словом, тело, созданное для мужского удовлетворения, так оценил девушку Дэйк.

— Подойди ближе, — с ухмылкой проговорил он.

Конан ощущал, как во всех остальных, точно так же как и в нем самом, начинает бурлить до того лишь теплящийся гнев. Быть рабами, повиноваться каждой прихоти Дэйка — это было невыносимо!

Для варвара, привычного к простым чувствам, было не сложным делом заставить кого-то взорваться гневом. Но если Конан и думал, что ярость прочих меньше его собственной, он быстро понял, что ошибается.

Панхр, казалось, был разъярен до белого каления, глаза его расширились, губа отвисла, обнажив длинные клыки.

Тро и Саб буквально тряслись, подвижные подобным чувством, глубоко из горла женщины доносился тихий рык, четверорукий сжимал в тугие кулаки все свои руки.

Вилкен, брызжа слюной, вновь и вновь затягивал какую-то песнь; Конан не понимал нечленораздельных звуков, вырывающихся из глотки карлика.

Тэйли просто уставилась на то место, где в последний раз видела свою сестру, но лицо ее пылало, а шумное дыхание становилось все чаще.

Даже мальчик-великан, Орен, казалось, сбрасывает оцепенение, что навалилось на его тело.

Конан чувствовал, как гнев копится, будто нечто материальное, сам воздух вокруг них сгустился в темную силу, как если бы фургон наполнялся черным дымом.

Это росло и росло, все сильнее и сильнее, пока Конан не понял, что может прорваться... или умереть.

— Пора! — возопил он. — Пора!

Фосулл был уже совсем рядом, когда фургон вдруг треснул, будто дыня, шмякнувшаяся о твердую землю. Задняя дверь отлетела в сторону и сорвалась с петель, когда вперед ринулся огромный варвар...

За варваром следовал другой мужчина, — нет, это был юный джатти с бессвязным воплем на устах...

Полотняная стена затрепала под клыками чело-века-волка, и он с воем прыгнул в образовавшееся отверстие...

Спереди фургона показались женщина-кошка и человек с четырьмя руками; оба рухнули на землю и тут же вскочили...

Вилкен — *Вилкен!* — рассек полотно своим копьем и прыгнул вперед, во весь голос выкрикивая Песнь Последней Атаки.

Великанша, встав во весь рост, раздирала крышу обеими руками; тяжелое полотно разрывалось, будто пряжа. Женщина оглушительно призывала кого-то по имени Морья!

Фосулл застыл, ошеломленный этим яростным взрывом, не в состоянии понять, что говорить или делать.

— Сюда! — донесся громогласный призыв Разери.

Фосулл повернулся и увидел, что беглецы также услышали этот рев.

— Отец! — услышал Фосулл голос Вилкена. — Я знал, что ты придешь за мной!

Фосулл обернулся и увидел своего сына. Мимолетная улыбка скользнула по его лицу.

— А как же, парень. Но я собирался повернуть это с меньшим шумом! Нам нужно смываться, быстро!

— Это что, *джатти* с тобой?

— Поговорим об этом позже. Твои спутники не менее необычны.

— Правда, отец. Правда.

Фосулл побежал туда, откуда доносился голос Разери. Шум от фургона, должно быть, поднял на ноги весь караван — народ взволновался, слышались изумленные возгласы, — и план улизнуть тайком срывался. Лучше всего побыстрее смыться прямо сейчас, и копье тому, кто встанет на дороге!

Дэйк стонал под умелыми руками и губами обнаженной рабыни, когда вдруг почувствовал, будто что-то лягнуло у него в голове. На мгновение он решил, что причиной тому испытываемое им наслаждение, но сразу стало ясно, что дело вовсе не в этом.

Его пленники ускользали из-под контроля!

Колдун вскочил с подушек и с проклятием оттолкнул изумленную женщину.

— Г-г-господин?

— Тише, женщина! Где моя одежда?

В то время как Дэйк шарил по сторонам в поисках мантии и сапог, он ощущал, как с каждым мгновением теряет власть над своими уродами. Что же случилось? Еще никогда его заклятие не было сломано! Как это может быть? Не Кэйпья ли виной

тому? Мог ли Дэйк не заметить его скрытого колдовства? Было ли это предательством со стороны купца?

Дэйк торопливо оделся и прыгнул с фургона. Ему необходимы ответы, и немедленно.

Снаружи царила суматоха. Люди окликали друг друга во тьме, спотыкались, изрыгая проклятия, пытались определить, что же происходит, и все время попадались под ноги Дэйку, мчащемуся к своему фургону и на бегу зовущему Крэга.

Во имя Семи Преисполен, что же случилось?

Конан неся во всю прыть и все же не мог обогнать Тэйли, бегущую перед ним. Заклятие сломлено, они свободны, но киммериец держал меч наготове на случай, если на пути ему повстречается Дэйк. Возможно, колдун способен вернуть все назад, и Конан рассчитывал угостить его холодной и острой сталью, прежде чем маг сможет собрать свое умение.

Впереди Тэйли громогласно звала сестру... и получила ответ — Морья издали подала голос.

Бегущий варвар потерял великаншу из виду, когда она завернула за скопище фургонов. Он яростно размахивал мечом.

Двое явно недооценили стремительность Конана. Удары их мечей оказались слишком медленны, и звенящая песнь палаша киммерийца слилась со звуком головы, летящей с шеи левого стражника, и руки напавшего справа, отрубленной по локоть.

Схватка лишь чуть задержала Конана, и, в то время как один из напавших зашелся в крике, а голова второго лишь пыталась сделать это, киммериец уже неся дальше.

Он обнаружил Тэйли как раз в тот момент, когда она настигла Крэга. Блондин отпустил Морью и

попытался вытащить свой длинный кинжал, когда Тэйли бросилась на обидчика. Открытой ладонью она врезала Дэйку по физиономии и расквасила ему нос; он завертелся волчком, полетел кувырком и распластался на земле.

Конан прекрасно знал, что от такого удара парень лишился сознания, если вообще не отдал концы.

— Тэйли!

Великанша обернулась и обнаружила устремившегося к ней Конана.

— С ней все в порядке, — сообщила Тэйли. — Они только успели дойти до фургона купца.

— Хорошо. Давай скорее сматываться отсюда.

Тэйли и Морья, кивнув, последовали за Конаном.

Они свободны, но что в этом толку, если их прикончат оставшиеся стражники. Даже с такими олухами, как эти, но в достаточном количестве, справиться будет совсем не легко, а Конан не был готов умереть, во всяком случае сразу после обретения долгожданной свободы.

И они побежали догонять остальных, уже скрывшихся в ночи.

Глава двадцать первая

Поистине странное сборище покидало под луной пределы купеческого каравана. Конан при помощи острого зрения женщины-кошки и чутких ноздрей человека-волка вел четырех великанов, двух зеленых карликов, а также четырехрукого прочь от надвигающейся бойни.

Они миновали небольшую телегу, где сидел, покачивая головой, толстый человек. Когда он под-

нял свой мутный взор и увидел проходящий отряд, до Конана донеслись стоны и бормотание о чем-то вроде излишне выпитого вина.

С самого начала киммериец не сбавлял шага, ибо не знал, преследуют ли их, и если так, то когда началась погоня. Как правило, преследовать кого-то в темноте вовсе не безопасно, и, несмотря на почти полную луну, было неразумно двигаться так быстро по незнакомой местности. Первым порывом Конана было свернуть с дороги и следовать далее по ровному плоскогорью — случись погоня, обнаружить их здесь было бы вовсе не легко.

Он не сомневался, что Дэйк пожелает вновь захватить их всех. В конце концов, именно они были его средством к существованию и моментально лишили его всего. Кроме того, Дэйк должен быть разъярен до безумия. Ведь Конан нанес удар по его могуществу, нашел-таки лазейку в казалось бы непроницаемых путях; несомненно, это главный удар по самолюбию колдуна.

— Осторожно, — слышался голос Тро. — Впереди откос.

Конан перестал думать о погоне и вгляделся во тьму. Действительно, слева он увидел впадину. Он взял вправо, чтобы обогнуть ее.

— Я ничего не вижу, — заметил Орен.

— Это потому, что ты туп, слепая скотина, — сказал Вилкен.

— Э, да ты сам хуже собачьего дерьма!

— Замолчите, — донеслись одновременно голоса Разери и Фосулла.

Конан усмехнулся и вновь зашагал в ночи.

Хорошо все-таки, что магические способности Дэйка были низшего порядка, ибо, окажись иначе, он испепелил бы все в поле своего зрения.

Сидя на земле у ног хозяина, Крэг обеими руками держался за свой обезображенный нос. Кровь уже не текла, но смазливая физиономия никогда больше таковой не будет.

— Вставай же, дурачина! Мы должны отправиться за ними!

Крэг вцепился в колесо фургона, у которого он развалился, и кое-как поднялся на ноги.

— В темноте?

— Да хоть в свете геенны огненной, если понадобится!

Дэйк повернулся к ожидающему поблизости Кэйпье:

— В чем тут проблема? Ведь ты теперь сам получаешь четверть прибылей от сбежавших.

— Да, и мне бы хотелось их отыскать. Разбойников здесь можно не опасаться. Мы можем оставить дюжину людей присматривать за караваном, а вдвое больше отправить в погоню.

— А сам ты примешь участие?

Кэйпья ухмыльнулся:

— О да. Охоты я не чужаюсь. Разделяюсь и с клыкастыми кабанами, и с мускусными быками. А люди умирают куда легче этих обоих.

Дэйк кивнул, хотя про себя вовсе не согласился с последним утверждением. Вепри и дикие быки, возможно, свирепы, но они не обладают человеческим коварством, не кидают они копий и мечами не машут. Хотя ему достаточно приблизиться к беглецам, и они вновь окажутся в его власти. На этот раз он будет бдителен, пока они не окажутся надежно заключены в подходящем месте и с надлежащей охраной. Побег их был просто случайностью, все из-за того, что Дэйк отвлекся с этой девчонкой-рабыней.

— Когда мы сможем отправиться?

— Думаю, в течение получаса.

— Хорошо.

В то время как люди Кэйпья готовились в путь, Дэйк в своем фургоне тоже не сидел без дела. У него было еще несколько заклинаний, что могли пригодиться, когда он пойдет по следу, и Дэйк осторожно упаковал необходимые колдовские орудия. Если понадобится, он способен вызвать жабий дождь или демона, но вряд ли это сильно подействует на его рабов, ведь они знали обо всей призрачности этих земноводных и красного гиганта.

В том, что он вернет беглецов, у колдуна не было никаких сомнений. Пешие, безо всяких припасов и снаряжения, — настигнуть их лишь вопрос времени. Он уж позаботится о том, чтобы не нанести вреда ценным экземплярам, покуда не опутает их колдовской сетью, но не все они одинаково ценны. Конан-варвар, например, уже исчерпал себя для Дэйка. Этот человек слишком опасен. Именно он во время побега убил одного стражника и тяжело ранил другого; чем скорее киммериец подохнет, тем лучше.

Через час Конан сделал остановку, достаточную, чтобы лучше познакомиться со своими новыми спутниками. Тэйли объяснила своему отцу, каким образом они оказались в плену, сняв тем самым бремя вины с Конана.

Киммерийца вовсе не обрадовала новая встреча с предводителем джатти. Он бы с удовольствием вонзил в великана свой клинок, но сейчас Разери куда менее опасен, чем Дэйк и его новый приспешник.

Фосулла Вилкен представил как своего отца.

Конан не сомневался, что, оказавшись в их положении, он также бросился бы выручать своих детей, — никто из достойных называться людьми не поступил бы иначе. И все же, будь у него выбор,

он предпочел бы оказаться как можно дальше от этого сборища.

Но выбора у него сейчас не было. Правда, он мог бы оставить их и, как можно дальше обойдя караван, продолжить свой путь в Шадизар. Хотя этот купец, Кэйпья, видимо, занимает там немалое место; город, надо полагать, тоже достаточно велик для человека, желающего в нем затеряться. Конан сможет оставаться там месяцы и годы и ни разу не встретить купца или его наймитов. Конан, однако, был не из тех, кому нравится все время быть начеку, ожидая, что Кэйпья все же обнаружит его. Это будто острый камешек в сапоге, что докучает до тех пор, пока его не вытащишь. И пока Конан не решит, как же ему поступить, лучше оставаться здесь: это место ничем не хуже других.

— Мы не можем привести их в наши жилища, — сказал Разери.

— Согласен, — кивнул в ответ Фосулл.

Конан покачал головой:

— Дэйк уже знает, где живут ваши люди. А вы там обретете подмогу. Так что рассуждения эти бессмысленны.

— Этот Дэйк, рассказал ли он остальным? — спросил Фосулл.

— Вряд ли, — сказал Панхр. — Он никогда не выдаст курицу, несущую золотые яйца.

— Что ж, в таком случае нам достаточно убить его и его помощника, чтобы никто не обнаружил наших поселений, — сказал Разери.

Конан осмотрел весь отряд:

— У нас один меч, три копья, два из которых слишком коротки, и моток веревки. Вряд ли этого вооружения достаточно, чтобы победить двадцать или тридцать хорошо вооруженных солдат, пусть и недостаточно обученных.

— На нашей стороне внезапность, — возразил Фосулл.

— Помимо неравенства в силах, — продолжал Конан, — ваши проблемы останутся даже в том случае, если вы убьете Дэйка и Крэга.

Разери посмотрел на Конана, и выражение его лица вовсе не понравилось киммерийцу.

— Я не понимаю, — сказала Тэйли.

— Мы знаем о вашей деревне, — объяснил Конан. Рукой он обвел Тро, Саба и Панхра.

— Ну и что из того? — удивилась великанша.

— Они не джатти, дочь моя.

— И не варги, — добавил Фосулл.

Тэйли встала лицом к лицу со своим отцом:

— Отец, именно благодаря Конану мы обрели свободу. Именно Конан помог мне освободить Морью. И только Конан по-настоящему сопротивлялся Дэйку.

— И все это не делает его джатти, дочь моя.

— Так ты собираешься прикончить его и всех остальных за преступление не быть джатти? — Она повернулась к Фосуллу: — Или варгом?

— Преступление в том, что они знают, как отыскать нас.

— Мы что, собираемся прятаться сами до конца дней своих и детям наших детей завещать? Людей не-с-болот становится все больше, они распространяются все дальше, и неминуемо придет день, когда они натолкнутся на наши жилища.

— Возможно. Смерть тоже неминуема, но по возможности стараешься отдалить ее.

Пока отец с дочерью пререкались, Конан как бы между прочим вытащил меч. Это не ускользнуло от взгляда Разери, и великан потянулся за копьем.

— Тогда решим прямо сейчас, кто останется жить, а кто умрет, — сказал Конан.

Разери схватил свое оружие и застыл в угрожающей позе; точно так же поступили и Фосулл с Вилкеном.

Панхр, Тро и Саб напряглись, готовые к нападению или защите.

— Нет! — крикнула Тэйли.

Разери даже не взглянул на нее.

— Это необходимо, дочь моя.

— Эти люди стали моими друзьями, — сказала она. — Если вы убьете их, убейте и меня.

— Попридержи свои чувства!

— Нет, я останусь с ними.

Орен и Морья встали бок о бок с Тэйли.

— Она права, отец, — сказала девочка. — Они и наши друзья.

— Вы все спятили, — покачал головой предводитель джатти.

— Что скажешь, Вилкен? — осведомился Фосулл.

— Я не противлюсь тебе, отец, но для обычной скотины они действуют неплохо.

— Послушали бы лучше своих детей, — сказал Конан. — Если сложится не по-вашему и мы уцелем, то вы уж точно умрете, и без всякого толку.

Конан небрежно поигрывал мечом, готовый, однако, при необходимости пустить его в дело. Он имел возможность убедиться, что кости у джатти чрезвычайно крепки, но нет сомнений, что острие меча способно пронзать их плоть, и киммериец намеревался проткнуть сердце Разери, как только тот оторвет от земли древко своего копья. Великан мощен, но киммериец куда проворнее. Он собрал для прыжка всю свою силу.

Разери, казалось, замолчал на целую вечность. Затем он сказал:

— Есть у нас снадобье, что вызывает забвение; оно покрывает туманом память о недавних событиях.

Если мы переживем столкновение с Дэйком и его бандой, согласитесь ли вы четверо выпить эту настойку?

Конан посмотрел на мужчину с волчьей мордой, на женщину с чертами кошки и на четверорукого. Каждый из них кивнул. Так или иначе, но он стал их вожаком, и они доверяют ему.

Конан вновь повернулся к Разери:

— Если ты представишь доказательства, что твое снадобье не просто обыкновенный яд, мы обсудим это.

— Сначала я сам выпью его, — сказал Разери. — Этого будет достаточно?

— Да, вместе с твоим словом, что настойка лишь затуманит память.

— Я даю вам слово.

— Очень хорошо. Но почему же, имея подобное зелье, ты раньше не давал его попавшим к тебе и не отпускал их на свободу?

— Я не доверял этому снадобью. Кто знает, может, со временем память возвращается.

— Но теперь ты все же намерен довериться ему?

— Предпочтя это схватке с собственными детьми? Да!

Конан кивнул:

— Если уцелеем, ладно.

Тут подал голос Панхр:

— Слушайте!

Конан наострил уши, но не услышал ничего такого, что могло привлечь внимание человека-волка.

— Приближаются люди, — объяснил Панхр. — И лошади.

— Нам лучше идти, — сказал Конан. — Обсудить все это мы сможем и позже, а вот для обороны это место совершенно не годится.

— Согласен, — произнес Разери.

Фосулл обратился к сыну:

— Отправляйся вперед и найди подходящее место. Быстро!

Вилкен мигом скрылся в темноте, остальные двинулись следом.

— Следы, господин, — сообщил стражник.

С высоты своего великолепного жеребца Дэйк узнал косоглазого, что остановил его на дороге.

Хозяин уродов обернулся к купцу:

— Я думал, ты выпустил кишки этому негодяю за его никчемность.

— Да, так бы я и сделал, но, несмотря на явный недостаток мозгов, он наш лучший следопыт.

— Какая жалость.

— Разве не всегда так бывает? Почти невозможно сыскать идеального помощника.

Дэйк бросил взгляд на Крэга, что все никак не мог оставить в покое свой расквашенный нос. Да, во имя всех богов, это чистая правда.

Купец спросил:

— Что говорят нам эти следы?

Косой вернулся к двум своим людям, склонившимся над землей, и тоже принялся изучать размякшую почву. Спустя некоторое время он встал и приблизился к своему хозяину.

— Их всего десять, господин. Четверо большие и тяжелые, один даже больше великанши. Двое очень маленькие, — возможно, к той зеленой лягушке присоединилась еще одна такая же. Остальные нормальных размеров.

Дэйк задумался. Итак, появился еще один великан и еще один из племени карликов. Интересно. Возможно, они обладали некоего рода снимающими заклятиями и освободили остальных. Едва ли, Дэйк очень в этом сомневался. Будь они достойными

внимания колдунами, то скорее всего предпочли бы нанести побольше вреда, нежели просто смыться. Удивительно, что, выслеживая его, они так далеко забрались. Они на редкость упорны. И это тоже немаловажно.

Очень странно, что они действуют заодно, ведь, судя по словам Вилкена, эти два племени ненавидят друг друга. И это может оказаться плохим признаком.

Ладно же. Тут уж ничего не поделаешь. Все равно он не намерен поворачивать назад, похоронив тем самым все мечты о богатстве. В самом худшем случае он вернет себе хотя бы нескольких уродов, а это все же лучше, чем ничего.

— За ними, — сказал Дэйк. — Они не могли уйти далеко. Если судьба на нашей стороне, мы настигнем их при свете наступающего дня.

И они поскакали вперед.

Глава двадцать вторая

Через несколько минут Вилкен уже вернулся к спешащему ему навстречу отряду и докладывал отцу.

— В том направлении нет ни одной возвышенности, — говорил он. — Земля плоская как блин, а в кустах там едва ли кролик спрячется, не то что мы все. Но если мы повернем на юг, то к рассвету успеем дойти до скалистых разломов.

— Мы опережаем погоню не более чем на полчаса, — заметил Конан. — В темноте они движутся медленнее, ибо вынуждены искать наш след, но нет сомнений, что с первыми лучами солнца они понесутся во весь опор.

— Есть у тебя какие-нибудь предложения? — осведомился Разери.

— Да. Движемся к холмам. На каменистой земле наши следы будут не так заметны. И если мы поспешим, то там сможем приготовить несколько сюрпризов, что замедлят погоню.

Лучших предложений ни у кого не оказалось, так что все согласилось с планом Конана, каким бы призрачным ни казался успех.

Разери чувствовал, что держит ситуацию под контролем: все выходило так, как он и рассчитывал. Одна из главных задач, освободить детей, была решена. Другая часть его миссии — уничтожить тех, кто узнал местонахождение деревни джатти — тоже близка к завершению. Своей дочери он сказал лишь часть правды. Смерть, конечно, стараешься отдалить насколько возможно, но если только эта смерть не служит высшей цели. За уверенность, что никто не узнает, как отыскать его народ, Разери был готов заплатить любой монетой, пусть даже собственной смертью.

Конан должен умереть, так же как и трое уродцев, так же как и те, кто похитил его детей. Ежели этого не случится в близящемся бою, значит, произойдет после.

Возможно, и существуют снадобья, заволакивающие память, но, даже если и так, Разери из племени джатти ничего о них известно не было. Разумеется, он знал, как сварить дюжину ядов из обыкновенных трав, листьев или цветов, и он приготовит надлежащее зелье для тех из уцелевших в бою, кто так или иначе должен умереть.

Он дал слово, это верно, однако обещание, данное врагу, мало что значило в этической схеме Разери. Убереечь свой народ — вот что самое главное, остальное мелочи. Он шаман и предводитель, в этом его высший долг, и не важно, во что это обойдется.

Нужно только продержаться достаточно долго, чтобы обеспечить безопасность своего народа, а Разери считал себя достаточно умным, чтобы избежать прямого столкновения с Конаном и уродами до того, как убедиться в том, что уничтожены все представляющие опасность.

Фосулл бы ушел вместе с Вилкеном, будь он уверен, что так ему легче вернуться домой. Хотя он не доверял ни одному из своих спутников, за исключением собственного сына, он видел в них лучшую защиту в случае возможного нападения. А в суматохе схватки они с Вилкеном всегда смогут сбежать. Он уже смочил наконечник своего копья соком ягоды *элит*, быстродействующим ядом, что поражает жертву в течение нескольких ударов сердца. Обычно охотник не пользуется этим ядом, ибо мясо убитого существа становится несъедобным, но, когда вопрос стоит о жизни или смерти, важнее дышать, чем есть.

Пока отряд пробирался сквозь редешую тьму к скалам, Фосулл решал, кого из возможных врагов первым насадить на копье, дойди до этого дело. Разери был сильнее и, вероятно, наиболее опасен — Фосулл видел джатти, за сто шагов пронзающего варга копьем, — но и Конана сбросить со счета невозможно. Он на редкость проворен, судя по нащепываемым на ходу рассказам Вилкена, силы он тоже более чем незаурядной. Нельзя забывать и о великанше, способной прикончить варга одним пинком или ударом кулака. Могут быть опасны и мальчишка с девчонкой-джатти, но они все же менее остальных сведущи в этом деле. Ничего не известно и о волкоглаве, женщине-кошке и четырехруком. А ведь незнакомый враг куда опаснее того, о котором знаешь многое. Кто может сказать, на что способна эта троица? Ночью он сам стал свидетелем невероятных

возможностей их глаз и ушей, и уже одно это заставляет задуматься.

Фосулл столь глубоко погрузился в раздумья, что чуть не полетел, споткнувшись о камень. Осторожней, болван! Не хватало еще сломать ногу, обдумывая, как взять верх над таким количеством врагов.

Фосулл понимал, что перемирие, заключенное с Разери ради спасения Вилкена и детей джатти, окончено. Если вся эта компания умрет и отправится прямиком в Зеленую Преисподнюю, Фосулла это нисколько не беспокоит. Если же они ускользнут от преследователей, Фосулл посмотрит, как будут развиваться события, дабы действовать с минимальным риском. Жаль будет погубить такую прорву мяса; с другой стороны, вряд ли можно рассчитывать, что им удастся дотащить его на себе, прежде чем оно протухнет. Пусть уж лучше Разери со своими детьми помрет и протухнет здесь, нежели останется жить, чтобы снова убивать варгов.

В конце концов, прежде всего следует думать о своих.

Конан первым добрался до скал и тут же принялся искать способы задержать погоню. Нечто вроде звериной тропы вилось среди небольших валунов и уходило в расщелину шириной в два шага между отвесными стенами красноватого камня.

Когда первые лучи восходящего солнца расцветили небеса, Конан начал взбираться на правую стену, карабкаясь со сноровкой, порожденной долгими мальчишескими упражнениями в далекой Киммерии. Высота каменной стены примерно впятеро превосходила собственный рост Конана, и для него оказалось делом нескольких мгновений достигнуть вершины.

В утреннем свете он смог разглядеть вдалеке людей и коней, все еще отстающих примерно на полчаса.

Конан огляделся по сторонам.

— Эй, Конан! Что там у тебя? — донесся голос Панхра.

Киммериец склонился вниз и обнаружил своих спутников, стоящих в расщелине.

— Сюрприз для друзей, что спешат за нами. Ты можешь взобраться сюда вместе со своей веревкой?

— Да.

Когда Панхр достиг вершины, Конан уже подтаскивал валуны к кромке скалы. На самом краю он установил в шатком равновесии груды больших камней, подперев ее с одной стороны мелкими осколками.

— Хватит ли длины, чтобы протянуть веревку вниз и через тропу?

— Хоть дважды.

— Отмерь...

Панхр так и сделал, а Конан вытащил меч и обрубил тонкую пеньку. Он обвязал несколько подпирающих каменных осколков и опустил конец веревки в расщелину, держа ее так, чтобы она своим весом не выдернула подпорки.

— Эй, внизу, вам лучше пройти вперед и свернуть с тропы, — крикнул Конан.

Еще какое-то время Конан с Панхром подтаскивали все новые и новые камни к краю скалы и укладывали их вплотную друг к другу и к основной куче. Дважды небольшие обломки скатывались вниз, угрожая нарушить общее равновесие, но оба раза Конан или Панхр ухитрялись остановить обвал.

— Они вот-вот будут здесь, — сообщил Конан, посмотрев в сторону преследователей. — Давай-ка спустимся и приготовимся к встрече.

Сказано — сделано. На дне ущелья Конан обмотал веревкой скалу, притаившуюся в глубокой тени, и натянул остаток через ущелье, на высоте около

пяти. Если повезет, человек или конь не заметят препятствия, пока о него не споткнутся.

Вернулся Вилкен с сообщением от своего отца.

— Тропа уходит вверх, в скалы, — сказал он. — Там, выше, еще один участок ровной земли, а затем начинается предгорье. Отец говорит, что, если мы заберемся туда, верхом нас преследовать будет уже невозможно.

Конан кивнул:

— Отлично. Если нам удастся задержать их здесь, то пешком они нас не догонят.

Панхр свернул в кольцо остаток своей веревки и перекинул моток через плечо.

— Что, если они решат объехать эти скалы и таким образом избежать ловушки?

— Мы должны заставить их двинуться прямо сюда, — сказал Конан.

— Каким же это образом?

— Вы сейчас идете к остальным. А я останусь приманкой для погони.

Панхр кивнул, волчьи черты его физиономии не выражали никакого чувства.

— Будь осторожен, Конан. Готов биться об заклад, все остальные нужны Дэйку живыми, это так же верно, как то, что тебя он желает видеть только мертвым.

— Не о чем беспокоиться, приятель. Когда приходит нужда, киммерийцы быстры как ветер. Скоро я к вам присоединюсь.

Когда Вилкен и Панхр ушли, Конан, стараясь не задеть натянутую веревку, вернулся ко входу в ущелье и там остановился.

Долго ждать ему не придется.

Дэйк и Кэйпья скакали в самой гуще отряда, со всех сторон окруженные пешими и конными солда-

тами. Рассвет застал их у скопления холмов и огромных валунов.

— Лошадям здесь не пройти, — сказал купец. — Нам лучше объехать вокруг. Скорей всего они направляются к тем предгорьям.

— Разве они не могли спрятаться в скалах, надеясь, что мы проедем мимо?

— Маловероятно. Наш разведчик заметил бы отсутствие следов с другой стороны, и беглецы оказались бы в ловушке. У нас достаточно людей, чтобы окружить скалы, а несколько стрелков в удачных местах поразят любого, у кого хватит ума рискнуть выбраться отсюда. Надо быть полным идиотом, чтобы спрятаться здесь.

— Боюсь, ты принимаешь желаемое за действительное, — сказал Дэйк.

Кэйпья уже было послал человека, дабы передать идущим впереди приказ обойти скалы, как вдруг Дэйк услышал истошный вопль:

— Вон они!

Дэйк привстал в стременах. Кричал косой следопыт, идущий впереди.

А дальше, прямо у кромки скального разлома, стоял Конан. Дэйк увидел, как варвар, вдруг заметив приближающуюся колонну, повернулся и побежал в ущелье между двумя каменными стенами.

— За ними! — пронзительно крикнул Кэйпья.

Четверо скачущих впереди всадников, вздымая облака пыли, бросились в погоню. За ними следовали первые ряды пехотинцев — медленнее, однако со скоростью, весьма внушительной для легковооруженных солдат.

Крэг, явно жаждущий принять участие в избиении, пришпорил своего скакуна и кинулся вдогонку за всадниками.

Дэйк бросил взгляд на Кэйпью, тот улыбнулся в ответ. Уж они-то не так глупы, чтобы самим рисковать в заварухе, когда для этого есть наемные бойцы.

Кэйпья развернул коня и крикнул тем пешим и конным, что замыкали строй:

— Вперед! Живо!

И, лишь оставшись в самом тылу, Кэйпья и Дэйк слегка пришпорили коней и не торопясь поехали следом за своей армией. Люди получили приказ схватить уроков живыми, но варвар был настоящей дичью, и тому, кто принесет его голову, был обещан внушительный кошель серебра. Нет никаких сомнений, что душа Конана вскоре присоединится к душам его предков, если учесть, сколько людей всей душой стремятся к этому.

Дэйк и Кэйпья подъехали ко входу в ущелье, когда первый всадник достиг его середины. Конана видно не было.

И тут у Дэйка появилось нехорошее предчувствие. Он поднял глаза и увидел сваленные на правой вершине камни. Внимание колдуна привлекла залитая солнцем скала. И — что же это? — не веревка ли свисает в этом освещенном солнцем пятне? Как здесь очутилась веревка?

Почти сразу Дэйк осознал угрозу.

— Стоять! — заревел он. — Это ловушка!

Слишком поздно. Он смотрел на веревку, когда она вдруг натянулась. Кто-то уже споткнулся о нижний конец, и верхний выдернул обломки скалы, что подпирали груду.

Дюжины камней величиной с человеческую голову и больше — четверо, пятеро больше — посыпались на пешех и всадников. Люди могли идти только вперед или назад, воцарилась паника и неразбериха. Те, что возглавляли строй, пытались повернуть назад.

Один из передних всадников во весь опор погнал своего скакуна, но лишь для того, чтобы попасть под летящий камень, выбивший человека из седла и вдребезги разбивший ему голову. Конь без седока убежал.

Дэйк видел все происходящее так, будто время замедлилось и все вокруг движется, как сироп, застывший на холоде.

Двух пехотинцев раздавило одним большим обломком: послышался звук, будто собака разгрызает мелкие кости.

Еще два всадника, оказавшись под каменным градом, пали вместе со своими несчастными скакунами. Дэйк никогда не слышал, чтобы лошадь так визжала.

Косой отыскал выступ, что уберег его от камнепада, но осколок валуна, шлепнувшегося рядом, пронзил его шею. Когда он выдернул осколок величиной с кинжал, хлынула кровь, и бедолага упал, орошая красным землю вокруг себя. Удача косого убегала вместе с алой жизненной влагой.

Крэг, вступивший в ущелье вместе с прочими, прыгнул с коня и побежал назад вдоль стены, противоположной той, откуда сыпались камни. Боги, что покровительствуют дуракам и слабоумным, должно быть, переключили свое внимание с косого на Крэга, ибо последний в результате не получил ни единой царапины.

Когда пыль улеглась, Кэйпья и Дэйк подсчитали урон: шестеро погибли, двое изранены настолько, что долго не протянут, еще трое искалечены, но может, и выживут. Убито три лошади, а одна была ранена так серьезно, что ее пришлось тут же прикончить.

Одним ударом их маленькая армия уменьшилась на треть.

— Да сгноят тебя заживо все боги! — крикнул Дэйк Конану, который, несомненно, был уже слишком далеко, чтобы услышать это проклятие. Но когда они поймают его, Дэйк сдерет с варвара кожу и будет сыпать на раны соль, пока негодяй не сдохнет, визжа от боли в ужасной агонии!

Но прежде необходимо поймать его.

Глава двадцать третья

— Сработало? — спросила Тэйли.

— Да, сработало, — отозвался Конан.

— Скольких прикончил? — осведомился Разери.

— Я не останавливался, чтобы посчитать их.

Отряд находился уже у самого предгорья, и пока не было видно никакой погони.

— Возможно, ты справился со всеми, — предположила Морья.

— Думаю, это маловероятно, — сказал Фосулл.

— А может, теперь у них не хватит сил продолжать погоню, — вступил в разговор Орен.

Панхр, Тро и Саб переглянулись. Затем Панхр сказал:

— Дэйк пойдет за нами, даже если останется в одиночестве. Достаточно ему приблизиться на несколько шагов, и он сможет использовать свои чары.

— Мы уже раз сломили его заклятие, — сказал Вилкен. — Что помешает проделать нам это снова?

— Тогда он отвлекся, — возразил Панхр. — А если поймает нас снова, то уже позаботится о надежной охране. Мало толку разорвать узы лишь для того, чтобы тебе выпустили кишки. Кроме того, есть у него и другие заклятия.

— Я не боюсь жабьего ливня или фальшивого демона, — объявил Вилкен.

— Это не единственные его чары, — тихо проговорила Тро. — У него есть и другие, и они вполне реальны.

— Вот именно, — подтвердил Панхр. — Конечно, большинство годится только для балагана. Дэйк способен превращать вино или другие жидкости в чистую воду с помощью зеленого порошка. Но есть у него и заклинания, жгущие плоть, а еще он может создавать слепящие вспышки света. Мы сами все это видели.

— Превращение вина в воду принесет ему мало пользы, — сказал Конан, выразительно поглаживая свой меч.

— Это очень опасный враг, — снова заговорила Тро. — Он пойдет за нами хоть на край света, прежде чем признает свое поражение. Мы его хорошо знаем.

Конан кивнул:

— Что ж, пусть так. Давайте-ка поищем место, где преимущество будет на нашей стороне, и навсегда покончим с этой угрозой.

Послышались беспокойные возгласы, но Конан тут же оборвал их:

— Я не намерен провести остаток жизни, постоянно оглядываясь в страхе увидеть Дэйка или кого бы то ни было. И поскольку Разери с Фосуллом не собираются вести нас туда, где можно найти помощь, то дадим же врагу напасть на нас и победим или проиграем, как уж получится.

— Даже если твоя ловушка прихлопнула половину отряда, мы по-прежнему в меньшинстве, — напомнил Панхр.

Конан осмотрел своих спутников, задерживая взгляд на каждом.

— Дэйк угрожает нам всем. Те, кто хорошо знает его, утверждают, что он никогда не прекратит своей охоты. Магические способности позволяют ему сломить волю самого сильного человека. Ему также известно, где живут джатти и варги. Если он потеряет наш след, что помешает ему отправиться прямо на болота и затаиться там, выжидая? Шестеро из вас в конце концов все равно вернутся туда, разве не так?

Никто не смог возразить ему.

Первым нарушил молчание Разери:

— Да, Конан прав. Мы должны прикончить Дэйка и его пса, если желаем спокойной жизни себе и своему роду.

— Мы все можем умереть, — проговорил Саб.

— Разве благородная смерть не лучше жизни в неволе, когда ты не более чем покорная игрушка в руках колдуна? — спросил его Конан.

Тро и Саб обменялись мимолетными взглядами. Кошкозада чуть заметно кивнула.

— Да, — сказал Саб. — Мы остаемся с вами.

— Как и я, — добавил Панхр.

— Я тоже согласен, хотя можно было отвести их на болота, чтобы там их прикончили мои воины, — подал голос Фосулл.

Разери кивнул:

— Дэйк должен умереть. Чем раньше, тем лучше.

— Они вынуждены будут оставить лошадей, чтобы преследовать нас в горах, — сказал Конан. — Если мы отыщем место, где сможем успешно защищаться, преимущество будет на нашей стороне. Так пойдемте же.

Хотя Конан не был ни самым старшим, ни, вероятно, мудрейшим, остальные согласились с его лидерством. Он был проверен в бою, и все присутствующие знали это. Конан вовсе не был уверен,

что способен одержать победу над преследователями, но предпочитал выяснить это с оружием в руках. Выбор был прост: победа или поражение, жизнь или смерть, и коли результат будет удручающим, значит, так тому и быть. Драться, покуда хватит сил, уж этому Конан обучен, и вряд ли человек может пожелать лучшего испытания, нежели устоять или пасть в бою.

Пока они взбирались все выше, Разери про себя усмехался. Все идет так, будто он сам управляет событиями. Как только Дэйк, Конан и все уроды умрут, он сможет праздновать победу. Не важно, как это случится. В бою или от яда, но случится это *обязательно*, и очень скоро.

Фосулл обнаружил, что мысль о предстоящей битве вовсе не внушает ему отвращения. Люди-не-с-болот сильнее, но и целиться в них куда удобнее. Разумеется, с такими друзьями ему следует держать ухо востро, но лучше что-нибудь делать, чем вечно бродить тут в поисках дороги домой. С ним боги или нет, но все же они благоволят ему, это Фосулл знал точно. Разумеется, его богам досюда слишком далеко, они там, где варги и джатти, но нет сомнения, что у людей-не-с-болот есть несколько других в этих горах, и они призовут их. Да и пропитанным ядом копьем в ближнем бою не промахнешься, разве что какой-нибудь бог отклонит его. Если вождь варгов метнет свое оружие, по крайней мере один враг умрет *обязательно*.

Вернувшись, Крэг направил коня к Дэйку. Выглядел блондин неважно, ибо весь был покрыт красной пылью.

Дэйк посмотрел на грязного помощника:

— Да?

— Они в горах. Тропа каменистая, крутая и узкая даже в самом начале. Лошадям там не взойти.

Дэйк глянул на Кэйпью, дремавшего в седле. Купец тут же очнулся:

— Что? Что это?

— Вскоре нам придется оставить лошадей, — сказал Дэйк. — Продолжим погоню на своих двоих.

Кэйпья небрежно махнул рукой:

— Я в седле не родился. Способен идти так же быстро и далеко, как и любой другой.

— В этом я не сомневался.

— Через несколько часов стемнеет, — сказал Кэйпья. — Несомненно, им придется остановиться. У моих людей есть факелы. Так что мы сможем идти и таким образом настигнем их.

— Ты искусный охотник, — заметил Дэйк.

— Да. Добыча редко убегает от меня.

Крэгу Дэйк сказал:

— Возвращайся на тропу и прикажи солдатам привязать лошадей и разбить лагерь. Мы сможем оставить несколько человек смотреть за животными до нашего возвращения, с любезного позволения Кэйпьи разумеется.

Купец кивнул, выражая свое полное согласие. Крэг развернул своего коня и ускакал.

— Скоро они будут в наших руках, — проговорил Кэйпья. — Захватим, будто визжащих кабанов.

— Разумеется. Но мы должны принять все меры предосторожности. Кабаны не обрушивают камни на своих охотников.

— Я понял тебя.

Когда послеполуденное солнце начало клониться к закату, Конан и его спутники нашли то, что им требовалось. Тропа вилась все выше и выше, пока

не довела беглецов до места, где животные, что протоптали этот путь, время от времени сворачивали, проложив еще более крутую дорожку. Эта совсем уже узенькая тропинка требовала величайшей осторожности при восхождении; более того, взбираться по ней можно было только по одному. На вершине этого уклона был плоский скалистый выступ размером примерно с избу или даже небольшой трактир. Немало требовалось сил, чтобы с тропы вскарабкаться на этот выступ, — там, где с легкостью проберется горный козел, человеку пройти куда труднее. Стоя внизу на тропе, хороший лучник достал бы стрелой до этого уступа, но с величайшим трудом.

Конан взобрался на каменную площадку и исследовал ее. Над ним гора круто брала вверх и через несколько сот пядей заканчивалась гребнем. Не было сюда никакого другого пути, разве что взобраться на гору с другой стороны, но вряд ли какие бы то ни было преследователи пойдут на это. Нет, Конан залез сюда единственно возможным способом, если кто-то не отрастит себе крылья или не пожелает потратить день или два, чтобы добраться до противоположного склона. Учитывая то, что атакующие будут вынуждены карабкаться сюда гуськом, опасаясь любого неверного шага, чтобы не покатиться вниз, лучшего места беглецы отыскать не могли.

Конан вновь спустился на тропу.

— Скоро наступит ночь, — сказал он. — И там, наверху, мы разобьем лагерь. — Он указал на каменный выступ.

Возражений не последовало.

— Я погляжу, не удастся ли поймать несколько кроликов или еще какой-нибудь мелкой дичи, — продолжил киммериец. — Вы же все взбирайтесь на уступ. Можете там пособирать большие камни на случай прихода непрошенных гостей.

Все полезли наверх, а Конан отправился посмотреть, что он сможет предложить им на ужин.

Маленького костерка оказалось вполне достаточно, чтобы обжечь двух кроликов и трех сусликов, коих удалось раздобыть Конану, и, хотя вряд ли это можно было назвать роскошной трапезой, урчание в пустых животах беглецов все же унять удалось. По склону струилось несколько горных ручейков, и по дороге они смогли утолить жажду, но и дичь оказалась более чем желанной.

Трапеза в основном была завершена. Разери направился к самому краю утеса, дабы облегчиться. По другую сторону выступа сидели и тихо беседовали Фосулл с Вилкеном. Панхр показывал близнецам джатти разнообразные трюки со своей веревкой. Тро и Саб затаились у склона.

Тэйли высосала из кости мозг и швырнула ее в огонь. Конан сидел рядом, дожевывая последний хрящик доставшейся ему порции кролика.

— У меня не было времени поблагодарить тебя за наше бегство и за спасенную честь моей сестры, — проговорила великанша.

— Не стоит.

— Нет, все это твоя заслуга.

Ночная прохлада заставила ее поежиться.

— Тебе холодно?

— Немного.

Конан придвинулся и обнял Тэйли, насколько руки хватило. Она великанша, но она еще и женщина, и она ведь изгоняла боль из его тела. А он может хотя бы согреть ее.

Прижавшись к нему, она проговорила:

— Мой отец желает твоей смерти не меньше, чем смерти Дэйка.

— Вот как?

— Он убежден в том, что никто и никогда не должен узнать тайну джатти.

— Но как насчет этой настойки забвения, о которой он говорил?

Она пожала плечами:

— Я никогда не слышала ни о чем подобном.

Конан взглянул туда, где облегался Разери.

Казалось, Тэйли только сейчас осознала смысл его сказанного.

— Он шаман и, конечно, знает множество растений, мне неизвестных. И он ведь дал слово.

Ее верность отцу была замечательна, но Конана эта последняя тирада вовсе не успокоила. Невольно он вспомнил, что Разери готов был запытать его до смерти во имя исповедуемого им «бытописания». Насколько можно доверять честному слову такого человека? Доверившись Тэйли, он очутился в клетке, и хотя с тех пор они многое пережили вместе и Конан чувствовал, что теперь ей можно доверять, то же самое можно ждать и от Разери.

Люди, слишком серьезно относящиеся к своему долгу, могут быть очень опасны, уж это Конан выучил хорошо.

Что-то нарушило некрепкий сон киммерийца. Костер давно погас, оставив после себя лишь мерцающие угли и легкий дымок. Дыхание ночи остудило скалу. Насколько мог видеть Конан, никто на площадке не шевелился. Он сел.

Низкие, тяжелые облака скрывали луну и звезды, воздух был тих.

Что же разбудило его?

Тут далеко внизу, на тропе, сверкнула крошечная рыжая искорка. Приглядевшись, он заметил еще несколько подобных вспышек и понял, что это горящие вдалеке факелы. До них было еще несколько пово-

ротов тропы, возможно около часа ходьбы, но они неуклонно приближались.

Конан привстал и потряс за плечо Тэйли.

— Что?

— Непрошенные гости подходят. Смотри.

Он услышал, как сзади зашевелились другие беглецы, разбуженные его тихим обращением к Тэйли, а возможно, неким природным чувством опасности, что пробудило самого киммерийца.

К ним подошел Панхр:

— Они или слишком отважны, или слишком глупы — пробираться ночью в этих горах. Тропа очень опасна.

Тро подошла к краю их лежища и уставилась в темноту. Какое-то время спустя она вернулась.

— Слишком далеко, чтобы сказать наверняка. По меньшей мере пятнадцать пеших. Может, и больше.

— Похоже, в твой капкан попало меньшинство, — заметил Панхр.

— Хотелось, чтобы побольше.

— Что теперь? — спросила Тэйли.

— Мы ждем.

— Может, посчастливится и они пройдут мимо, не заметив нас, — сказала Морья.

— Тогда мы сможем вернуться тем же путем и похитить их лошадей, — добавил ее брат.

— Нет, — сказал Разери. — Мы выбрали это место для битвы. Нам бы лучше обнаружить себя, а, Конан?

Киммериец был того же мнения.

— Взобраться сюда в темноте практически невозможно, так что им придется дожидаться рассвета. Между тем, когда они приблизятся, мы сможем обрушить на них еще один каменный ливень.

На площадке валялись обломки скалы, но большинство из них были или слишком малы, или слиш-

ком велики; тем не менее каждому хватило по несколько глыб размером от кулака до головы. Стараясь двигаться как можно тише, они собирали камни.

— Когда я скамандую, начинайте как можно быстрее метать свои булыжники. Если не увидите ничего другого, цельтесь в факелы. Приберегите по несколько камней до рассвета.

Конан держал в правой руке обломок чуть больше своего кулака, в другой был наготове камень поменьше. Если повезет, они размоют несколько черепов или хотя бы сбросят с тропы троих-четверых преследователей. Им на руку любой урон в стане врага.

Они наблюдали, как противник взбирается выше и выше. Конан понимал: что бы ни произошло, это не должно затянуться. Ведь у них очень мало еды и почти нет воды, а долгая осада быстро истощит и то и другое. Все должно быть кончено за день, самое большее — за два.

Тем или иным образом.

Глава двадцать четвертая

Факельщик, карабкающийся прямо перед Дэйком, хрюкнул и внезапно повалился с тропы головой вперед. С воплем он полетел вниз по склону. Факел его догорал на тропе. Что это?..

Тут же Дэйк сообразил, что доносящиеся до него тяжелые удары и глухие шлепки рождает нечто падающее сверху и скатывающееся вниз. Нечто тяжелое, к примеру камни.

— Они над нами! — завопил Дэйк. — Всем укрыться!

Увы, легче скамандовать, чем найти здесь хоть какое-то укрытие. Гора круто вздымалась вверх, и

ничего здесь не было, кроме пыли и голых скал. С другой стороны тропы склон был еще круче, и прыжок туда грозил неминуемым падением, серьезными увечьями или смертью.

За спиной Дэйка раздалось проклятие солдата, которому камень угодил в ногу. В свете оставшихся факелов колдун увидел белеющую кость вдребезги разбитой конечности.

Те, кто нес эти факелы, должно быть, сообразили, что источники света делают их еще более уязвимыми мишенями, ибо горящие головни немедленно упали на тропу или полетели в стороны; ко всеобщему замешательству прибавилась кромешная тьма.

— Идиот! — взвизгнул Кэйпья, отталкивая человека, что повернулся бежать и налетел прямо на купца. — Я высеку тебя, четвертую, я тебя... ап!

Прочие кары, что готов был обрушить купец на голову несчастного, остались в тайне, ибо камень величиной по меньшей мере с голову Кэйпьи шмякнулся как раз на эту часть его тела. Череп раскололся, будто яйцо под ударом кулака.

Источнику грядущего богатства Дэйка этого хватило вполне.

— Прокляни вас Сэт! — завопил в темноту Дэйк.

Он сунул руку в поясную суму и вытащил свою Бутылку Молний.

— Закройте глаза!

И тут же Дэйк произнес два из трех слов магической формулы и откупорил бутылку. Из нее вылетела молния, он швырнул ее прямо вверх, затем выкрикнул слово, завершающее заклинание.

Конан глядел, как несколько факелов падают вниз по склону. Он был весьма доволен первой атакой. Несомненно, камень вполне подходящее ору-

жие, когда правильно им пользуешься. На таком расстоянии он лучше мечает...

Среди доносящихся снизу воплей раненых и охваченных паникой людей он расслышал знакомый голос.

— Закройте глаза! — вот как звучал этот слабый крик.

Разве это не Дэйк? И разве Панхр, Тро и Саб не говорили что-то о слепящем заклятии?

Конан едва успел отвернуться и закрыть глаза, как невероятно яркий свет опалил его даже сквозь сомкнутые веки. И отраженного от стены света этого хватило, чтобы все побелело и пятна заплескались перед сомкнутым взором киммерийца.

Белая вспышка пропала так же быстро, как появилась, и когда Конан открыл глаза, он вполне мог различать окружающие предметы, хотя пятна все еще мелькали перед ним.

Остальным повезло меньше.

— Во имя Зеленой Богини, я ничего не вижу! — выкрикнул Фосул.

— И я! — слышался голос Разери.

Почти все остальные также были ослеплены: кто-то не услышал предупреждения, другие услышали, но не сразу поняли, в чем дело. Лишь четырехрукий видел так же, как и Конан, потому что двумя из своих ладоней закрыл глаза.

Конан швырнул еще один камень, Саб тоже, а потом они поспешили убедиться в том, что никто из их товарищей не движется к краю пропасти, рискуя переступить роковую черту.

— Стойте на месте, — приказал Конан. — Мы с Сабом отведем вас от края.

Дэйк осознал, что каменный дождь прекратился. И когда последняя пара камней прокатилась на из-

рядном от него расстоянии, он также осознал, что молния его так ослепила беглецов. Это лишь временная потеря зрения, дело минут, и скорее всего ему не хватит времени, чтобы собрать своих воинов и погнать их на приступ. Даже если бы он знал, куда их гнать, похоже, не просто будет взобраться туда и схватить его невольников. Во всяком случае в темноте.

Кто-то подполз к нему.

— Дэйк?

Крэг. Какие бы боги ни благоволили этому дураку, он, кажется, все еще не лишился их опеки.

— Это они? — спросил Крэг.

— Если только горные кролики и сурки не устроили этот камнепад.

— Что нам теперь делать?

— В данный момент — ничего.

— Свою атаку они закончили. Скоро наступит утро. Когда мы сможем их видеть, мы решим, что с ними делать.

— А-а.

Рассвело. Дэйк осторожно высунулся из-за скалы, за которой укрылся, и посмотрел вверх: над ним нависал уступ, очень похожий на нос корабля. Хотя под таким углом он не мог никого увидеть, Дэйк готов был поставить золотой солон против медяка, что его добыча скрывается на вершине этого выступа.

Лезть за ними — чертовская задача. Туда ведет лишь узенькая тропка, усеянная галькой и настолько крутая, что достаточно одному поскользнуться, чтобы все попадали вниз. У Дэйка не было ни малейшего желания карабкаться туда, навстречу камням, что, несомненно, посыплются оттуда.

Ситуация не из приятных. У него оставался еще один козырь, но использование его влечет за собой изрядную долю риска. Среди его неиспытанных за-

клиний было одно, выигранное в кости у некоего опустившегося чародея, говорившего, что он из Зингары. Игрок утверждал, будто это заклинание способно поднять быка на любую высоту, да хоть бы и на Луну. Тогда это показалось Дэйку изрядным преувеличением, но два из других выигранных у неудачливого чародея заклинаний сработали именно так, как было обещано, и одно из них было именно тем связывающим заклятием, что давало Дэйку власть над пленниками.

Даже если это заклинание работает, был у него еще один недостаток: им можно воспользоваться лишь однажды. Зингарский колдун говорил, что здесь требуется магия невиданной силы; она высасывает колдовскую энергию со всей округи и сгорает в этой энергии, будто мотылек в пламени.

Сумей Дэйк подобраться достаточно близко, он снова наложил бы на этих негодяев связывающее заклятие; однако он не испытывал ни малейшего желания взмывать вверх и становиться мишенью для их камней и копий.

Нет, заклинание — вещь хорошая, но только если отвлечь внимание беглецов и остаться незамеченным. Будь они заняты чем-то другим, он смог бы использовать эту магию и застать их врасплох.

При условии, разумеется, что зингарский колдун не соврал.

Вновь укрывшись за скалой, Дэйк вытащил из сумки приспособление для этого трюка с воспарением в небеса. Это была маленькая птичка, вырезанная из какого-то черного и тяжелого дерева; на груди у нее были выгравированы письмена, что давали ей силу. Если магия эта достаточна, чтобы поднять быка, ее тем более хватит для Дэйка и его слабоумного помощника. Нужно лишь отвлечь жертву так, чтобы самим оставаться незамеченными.

Ладно. Может, и получится.

Дэйк ухмыльнулся. Прежде чем солнце достигнет зенита, все у него получится.

— Что ты видишь? — спросил Разери.

Конан отпрянул от края скалы. В одной-двух пядях от него пролетела стрела, но, увлекаемая собственным весом, упала вниз. На таком расстоянии стрела менее опасна, чем комариный укус, тем не менее они стреляют.

— Почти никого не видно, — сказал киммериец. — И поскольку они могут видеть камни, летящие на них, нет смысла расходовать наши запасы.

Слепота, поразившая отряд, оказалась временной, как и уверял их Панхр, и теперь все они могли видеть не хуже, чем прежде. Все же Конан держал их подальше от края, чтобы засевшие внизу не смогли разглядеть, сколько беглецов прячется на уступе.

— Думаешь, они рискнут атаковать? — спросил Орен, казалось довольный таким поворотом дела.

— Кто может сказать? Я бы на их месте не стал. Я бы подождал и голодом выманил нас отсюда. Впрочем, они не знают, есть ли у нас вода и пища, да и у них самих, возможно, немного того и другого.

— Итак, мы ждем? — подал голос Фосулл. — Мне это не нравится.

— Мне тоже, — сказал Конан. — Но иногда лучшая тактика заключена в выжидании. Это может вынудить наших врагов совершить какую-нибудь дурацкую ошибку и удержит от таковой нас самих.

— И сколько же?.. — начала Тэйли.

Ее прервал какой-то влажный, шлепающий звук. Потом донесся еще один шлепок, еще один, и тут же воздух наполнился источниками этого шума.

То были обрушившиеся ливнем жабы.

Может, они и были иллюзией, но в момент падения казались вполне реальными. Жаба шлепнулась прямо на шею Конана, и он скинул ее. Во имя Крома, чего надеется достичь Дэйк этим идиотизмом?

Внизу девять человек, коих еще можно было погнать на приступ, глядели на Дэйка как на помешанного.

— Ты хочешь, чтобы мы карабкались по этой крутизне навстречу камням, что, несомненно, полетят оттуда? Вот ведь дурацкая идея!

— Да уж, — сказал другой. — Не смогут же они оставаться там вечно. Почему бы нам просто не разбить лагерь пониже и не подождать, пока они сами спустятся вниз.

Дэйк покачал головой:

— Нет, я не намерен ждать. Я *уже* начал штурм. Смотрите!

Девять человек уставились в небо над выступом: оно потемнело от грязных комочков, летящих на скалу. Один из комков сорвался и устремился вниз.

— Ты атакуешь их жабами?

— Вот именно, а вас поведет туда демон. Следите!

Маг сотворил заклинание, и перед ними возник гигантский красный демон.

Девять человек отпрянули, взывая к своим богам.

— Если ты можешь послать *это*, — вымолвил один, — то какая нужда тебе в нас?

Возразить Дэйку было нелегко, но и распинаться перед ними времени не оставалось.

— У меня есть на то причины.

— Возможно, приятель, но наш хозяин мертв, и я не помню, чтобы он оставил тебя за командира. Даже с твоим дрессированным демоном такой штурм

будет самоубийством! — Откуда вдруг у них появились такие познания в военной тактике? Дэйк недоумевал. До сих пор они казались куда менее сообразительными. Ладно. Все это не важно. Они пойдут на штурм, нравится им это или нет. Он специально собрал их вместе, чтобы всех охватило связывающее заклятие. Дэйк никогда не пытался охватить этими чарами девятых одновременно, но, раз они все в пределах досягаемости, нет причин, чтобы заклинание не сработало.

Дэйк быстро произнес нужные слова, стараясь при этом не ошибиться.

— Эй, что это? — испуганно начал один. — Что ты?..

До конца выразить свое беспокойство он не успел. Дэйк уже завершил свое заклинание, ощутил, как чары его удерживают девятых, и произнес:

— Молчать, тупицы!

Тут донесся голос Крэга:

— Жабы больше не падают.

— Не важно.

Повинуясь мановению руки Дэйка, демон неуклюже полез в гору. Будучи всего лишь иллюзией, он легко преодолевал крутизну. Разумеется, демон являл собой ужасающее зрелище, но абсолютно безобидное, и те, наверху, прекрасно это знали.

— Вы, все девять, отправляйтесь и захватите тех беглецов, сейчас же!

Вопреки своей воле, девять солдат начали восхождение.

— Приближается красный демон, — сообщил Панхр.

— Нам следует опасаться его? — спросил Фосулл.

— Нет, отец. Это иллюзия.

— Зачем же тогда Дэйк послал его? — вслух удивился Конан. — Ведь он знает, что нам это известно.

— Возможно, чтобы скрыть тех, кто идет за ним, — сказал Саб. — Посмотрим.

Все они подошли к краю скалы и уставились вниз. Неровная цепочка пехотинцев взбиралась по тропе.

— Готовьте камни, — сказал Конан.

— Туда, — приказал Крэгу Дэйк. — Шевелись!

— Что мы собираемся делать?

Следуя по тропе, парочка прошла очередной поворот.

— Повернись так, чтобы я мог оседлать тебя, свинячья задница, — скомандовал Дэйк.

Крэг посмотрел озадаченно, но повернулся. Сжав в руке деревянную птицу, Дэйк вскарабкался на спину своего помощника. Свободной рукой он обхватил грудь Крэга и сжал коленями его бока.

— Я не понимаю.

— Мы собираемся подняться на гору.

— Не выйдет, если ты думаешь, что я смогу доставить тебя туда.

— Заткнись, идиот. Чтобы вознести нас, я использую магию. Когда почувствуешь, что становишься легче, правь руками к вершине. Старайся держаться поближе к склону, чтобы нас не заметили. Мы внезапно обрушимся на них сверху.

— А-а.

Дэйк произнес начертанные на птичьей груди письмена, направляя энергию в Крэга. Какое-то время казалось, что ничего не происходит.

— Действует! — воскликнул Крэг.

— Разумеется действует, дурачина. Разве я не предупреждал?

Несмотря на эту тираду, сам Дэйк был поражен до глубины души, когда ступни Крэга оторвались от земли и оба они поплыли вверх, будто пара сцепленных пузырей в кружке эля.

— Держись ближе к склону!

Крэг повиновался и стал подниматься, отталкиваясь от склона кончиками пальцев, точно как человек, плывущий по дну водоема.

Что ж, выходит, старый колдун не соврал. Каких только чудес не бывает.

Четверо из девяти нападавших были отброшены камнями, направленными мускулистой рукой Кона-на, но остальные увернулись от таких же снарядов, пущенных спутниками киммерийца.

— Это все? — спросил Фосулл, метнув камень. Обломок упал совсем рядом с нападавшими и, никого не задев, покатился вниз.

— Похоже на то, — сказал Разери.

— Я не заметил Дэйка, и Крэга тоже не видно, — заметил Конан.

— Возможно, ночью они спустились вниз, — предположила Тэйли.

— Почему-то это кажется совершенно невероятным.

— В любом случае рисковать собственными шкурами они бы не стали, — сказал Панхр.

— Несомненно, эти солдаты храбры и безмозглы одновременно, — проговорил Разери, когда один из его камней угодил нападавшему прямо в грудь и скинул его вниз.

— Или околдованы, — добавила Тро.

Дэйк не знал, как долго магия будет удерживать их в полете. Он надеялся, что достаточно, чтобы застать врасплох беглецов. Он утешался знанием

того, что, если чары иссякнут, они окажутся совсем невысоко над покатым склоном и в случае неожиданного падения тело Крэга смягчит удар.

Они уже изрядно возвысились над уступом, с которого их жертвы обрушивали на головы несчастных каменный дождь. Теперь они плыли почти горизонтально, направляясь туда, где окажутся прямо над выступом.

— Осторожней, осторожней.

Внизу красный демон уже взобрался на скалу и бессильно там огрызался. Конан и его спутники не обращали на него никакого внимания, швыряли камни прямо сквозь эту иллюзию и даже ходили сквозь демона туда и обратно. Дюжины испаряющихся жаб все еще прыгали вокруг, хотя они, как и беспомощный демон, вскоре должны были исчезнуть.

— Двигай туда, вон к тому большому валуну на заднем крае уступа.

Крэг сделал, как было велено. Достигнув валуна, он изо всех сил вцепился в него. Дэйк соскочил с его спины. Этого оказалось достаточно, чтобы Крэг тут же улетел в небеса, если бы не держался за камень. Но даже так ноги его устремились вверх.

— Э-э-эй!

— Заткнись! — прошипел Дэйк.

— Н-н-но я ничего не вешу!

— Я скоро позабочусь об этом. Оставайся здесь, пока я не захвачу остальных.

— Н-н-но...

— Тихо, я сказал!

Дэйк быстро направился к уродам и этому проклятому варвару. Все они сгрудились у самого края, нагнувшись, дабы удержать оставшихся солдат. Еще несколько шагов, и он окажется достаточно близко, чтобы наложить свое заклятие...

Какое-то неведомое чувство предупредило Конана об опасности. Он повернулся и увидел, как сзади к ним приближается Дэйк!

— Сзади! — крикнул Конан. — Разбегайтесь!

И Конан тут же отпрыгнул в сторону, прочь от остальных.

Дэйк все приближался, скороговоркой бормоча на языке, Конану не известном. Охваченный паникой Орен подобрал и швырнул в наступающего чародея камень, но это оказался голыш едва ли больше пальца на ноге.

Дэйк выпалил последнее слово своего заклинания, и невидимая магическая сеть опустилась на уродов. Лишь Конан оказался вне действия чар.

— Замрите! — приказал Дэйк тем, кого он только что поработил. И они покорно обратились в живые статуи.

К несчастью, приказ Дэйка не смог остановить брошенный Ореном камень. Осколок был совсем невелик, но летел быстро и с силой, заехал магу прямо в рот. Два передних зуба сломались, а губа была разбита в кровь.

Дэйк вытер свой изувеченный рот. Ерунда. Мальчишка дорого заплатит за это. Потом, после того как Дэйк заколдует Конана и заставит спрыгнуть его с этого утеса навстречу смерти!

Дэйк повернулся к своей последней жертве. Конан обнажил меч и отбежал как можно дальше, но все это его не спасет. Дэйк снова начал свое заклинание. На четвертом слове магической формулы, которая должна поработить варвара, Дэйк обнаружил, что исковерканный рот не в состоянии произнести его. Он выплюнул кровь и осколки зубов, но нечем было закрыть брешь в челюсти, дабы выговорить нужное слово!

Конан взмахнул мечом, полный решимости с оружием в руках предстать перед своим богом. Если он поспешит, то, возможно, успеет обрушить на Дэйка острую сталь, до того как заклятие полностью опутает его. Он глубоко вздохнул, увидев, как человек, стоящий напротив, плюется кровью. Киммериец поднял меч и с диким воплем ринулся на врага.

Дэйк потерял голову от страха. Уклонившись от удара, он обернулся к своим плененным уродам.

«Взять его! Уничтожить его!» — пытался сказать колдун. Но изо рта вылетало: — «Фяфифо! Уфифофефо!»

Никто из уродов не двинулся с места.

— Ну-у-у-у! — завизжал Дэйк.

Что-то здесь не так, сообразил Конан. Бросившись на врага, он намеренно потерял равновесие, чтобы по инерции достичь цели даже околдованным. Только вместо того, чтобы опутывать его чарами, Дэйк просто отступил в сторону.

Конан очутился на самом краю скалы. Он чуть не упал вниз и вынужден был выпустить меч, чтобы сохранить равновесие. Клинок соскользнул к краю и упал, но, пролетев всего несколько пядей, вонзился в землю.

Киммериец повернулся к своему врагу.

Дэйк пятился, вытащив из-за пояса длинный нож.

Почему не подействовало заклинание? Ведь маг, несомненно, был достаточно близко. И зачем он вытаскивал нож, имея в своем распоряжении куда более могущественное оружие?

Конан усмехнулся, найдя единственно возможный ответ. Что-то *неладно* с магией Дэйка!

— Что, хозяин, твои силы на исходе?

Дэйк продолжал пятиться.

Конан пошел на него — на полусогнутых ногах, широко раскинув мускулистые руки.

Дэйк сделал выпад, нацелив острие в сердце Конана...

Конан увернулся, заехав Дэйку в плечо тыльной стороной руки. Дэйк отлетел в сторону, но успел полоснуть кинжалом и рассек грудь киммерийца...

Конан с готовностью принял удар, ибо в результате получил возможность обрушить кулак на грудь Дэйка со всей силой, на которую был способен...

У Дэйка перехватило дыхание, он с шумом выпустил воздух, забрызгав варвара кровью с разбитых губ. Балаганщик выронил кинжал...

Конан обхватил согнувшегося пополам Дэйка и поднял его над головой. Он повернулся и сделал три молниеносных шага к краю уступа...

— Не-ет! — визжал Дэйк. — Не-ет!

Конан согнул свои мощные руки и ноги, а затем выпрямился и подбросил Дэйка высоко над собой...

И через край уступа.

— А-а-а-а-а-а-а!

Долго падал колдун-недоучка, прежде чем шмякнуться о плоскую скалу. Вопль оборвался, будто отрезанный острым как бритва лезвием. Тело покачилось по склону, долетело до нижней тропы и скрылось из виду.

Четверо солдат, что все еще держались на крутом склоне, содрогнулись и уставились на тех, кто стоял на краю уступа. Внезапно все четверо будто бы решили, что их ждут неотложные дела в каком-то совсем другом месте, ибо все они стремительно бросились вниз, на тропу, и там тоже не задержались.

Конан обернулся к своим спутникам. Смерть Дэйка освободила их от заклятия. Некоторые кинулись к нему с поздравлениями.

— По-по-помогите!

Тут Конан заметил Крэга, парящего в воздухе там, где выступ смыкался с горой.

Распуская веревку, туда направился Панхр.

Крэг поднимался вверх, будто пушинка над горячим пламенем.

Человек-волк бросил веревку. Петля обхватила плечи Крэга, но тот опрометчиво ухватился за веревку, и аркан затянулся на шее.

Крэг судорожно ловил ртом воздух, но все же ухитрился обеими руками вцепиться в петлю и чуть ослабил ее.

Ветер начал сдувать Крэга в сторону от горы и уступа. Конан мог видеть, как напрягается, чуть ли не отрываясь от земли, Панхр. Киммериец кинулся на помощь человеку-волку и тоже ухватился за веревку. Но и теперь она рвалась из рук, натянувшись до предела.

— Опустите меня! Опустите меня!

Конан и Панхр упирались изо всех сил, но лишь чуть-чуть подтянули к себе летящего. Теперь он парил над самой крутизной, рискуя упасть к самому подножию горы.

— Разери, нужна твоя помощь, — позвал великана Конан.

Но в тот момент, когда джатти направился к ним, магия, удерживающая Крэга в воздухе, вдруг испарилась. Крэг, до того напоминавший птичку на привязи, стал вдруг тяжелым, как наковальня. На лице его было написано изумление, когда он со свистом пролетел мимо них, размахивая руками в тщетной попытке обрести хоть какое-то равновесие. Это было ошибкой; правда, Конан не думал, что, вцепившись в веревку, Крэг сильно поможет себе, столь велика была скорость падения. К чести Панхра и Конана, они пытались вытянуть свою ношу, хотя для Крэга, наверное, было бы лучше, оставь они все как есть.

Послышался влажный хруст, когда Крэг повис на своем конце бечевы. Конан и Панхр обменялись

взглядами, а все остальные смотрели на человека, подвешенного за шею над пропастью.

Панхр по-волчьи оскалился.

Глава двадцать пятая

Те, кто пробыл в неволе у Дэйка больше других, первыми побежали убедиться в том, что он действительно мертв. Конан подошел, когда Панхр уже сдирал с тела пожитки и осматривал их.

— Помимо фургона и монет, запертых там в железном ящике, он мало чего добился своими злодеяниями, — заметил Саб.

— Теперь ему и подавно ничего не светит. Надеюсь, многие жертвы проводят его через Сумрачные Земли к преисподней — добавила Тро.

— И что же вы собираетесь делать теперь, на свободе? — спросил Конан.

Тро, Саб и Панхр обменялись взглядами.

— Наверное, вернемся и потребуем себе Дэйков фургон. Ему он больше не понадобится, и, похоже, никто не станет оспаривать наше право собственности. В нем мы сможем отправиться туда, где наше обличье не будет столь необычно, — сказал Панхр. — Добро пожаловать с нами, приятель. Часть фургона по праву остается твоей.

— Нет, вряд ли. Я пойду своей дорогой. Можете забирать фургон и деньги. — Конан поднял глаза на гору. Четверо джатти и двое варгов все еще спускались по склону. — Скажите мне, неужели вы думаете, что существует такое место?

Человек-волк, женщина-кошка и четырехрукий одновременно пожали плечами.

Панхр взглянул на Конана:

— Кто знает? Рассказывают об острове в Западном море у берегов Черных королевств, где мирно уживаются самые необычные существа. Наверное, туда мы и отправимся посмотреть, вдруг это не сказки. Дэйковых денег хватит, чтобы добраться дотуда. Если потребуется, мы даже сможем нанять себе охрану. Уродам со стражей будут докучать куда меньше, чем без таковой.

Тут наконец подошли джатти и варги.

— Он в самом деле мертв? — спросил Вилкен.

— Да. Мертвее быть не может.

— Отлично.

— И теперь у нас нет общих дел, — сказал Конан.

— Нет, не совсем, — проговорил Разери.

Конан поднял глаза на великана.

— Ты и все эти по-прежнему знают, где отыскать джатти.

— И варгов, — добавил Фосулл.

— Когда мы спустимся на равнину, я приготовлю настойку забвения, — продолжил Разери. — Выпив зелье, вы сможете отправляться на все четыре стороны.

Конан взглянул на Панхра, на Саба, на Тро. Они были согласны, хотя сам он не был особо расположен лишаться собственной памяти.

— Ладно. Мы пойдем с вами до того места, откуда начали восхождение.

Разери улыбнулся, обнажив свои крупные белые зубы.

В зарослях кустарника неподалеку от того места, где были привязаны давно убежавшие лошади купца, Разери собрал корни растения *чу*, листья кустарника *хемин* и горькие млечные стебли травы *пок*. Вкусившего любое из них ждала смерть; для

выпившего отвар из всех трех смерть становилась абсолютно неизбежной. Единственный глоток такого варева свалит быка. Разери намеревался угостить каждого из посторонних полной чашей.

Вернувшись туда, где остальные разожгли вечерний костер и жарили кролика, джатти вновь улыбнулся. Все-таки он куда умнее любого из этих маленьких людей, не говоря уж о варгах.

Конан наблюдал за тем, как Вилкен и Орен обмениваются секретами мастерства. Варг показывал свою ловкость в обращении с копьем, а мальчик-джатти демонстрировал, как лучше швырять камни. Удивительно, как быстро эти двое помирились и нашли общий язык. Если бы не их вожди, кто знает, может все они научились бы жить в мире?

В то время как Разери приближался к костру, Конан шагнул к Панхру, жующему, сидя на корточках, кроличью ногу.

— Ты знаешь, как действуют какие-нибудь магические фокусы Дэйка?

Тыльной стороной ладони Панхр вытер жирный рот.

— Да. Некоторые. Я бы не смог вызвать жабий дождь или демона. Ослепить тоже никого не могу, и летать не умею, но зато знаю, как пользоваться зеленым порошком.

Конан внимательно посмотрел на Панхра, тот ухмыльнулся в ответ.

— Да, я тоже не доверяю великану.

Конан похлопал Панхра по плечу:

— Хорошо.

Целый час Разери варил свое зелье в котелке, сделанном из чашеобразного шлема одного из пав-

ших солдат, а затем остудил варево до нужной температуры. Позаимствовав в ранцах мертвецов металлические кружки, он наполнил их темной смесью, оставив в самодельной кастрюле почти половину зелья.

Именно Панхр взял кружки, чтобы раздать остальным, именно он, повернувшись спиной к Разери, исподтишка всыпал в каждую кружку по щепотке зеленого порошка.

Как только зелье попало в руки Конана, Тро, Саба и Панхра, Разери провозгласил:

— Выпейте же и забудьте!

Конан и остальные переводили взгляд с кружек и друг на друга. Киммериец посмотрел на великана, что по-прежнему стоял у огня.

— Чего вы опасаетесь? Разве я не дал слово, что это не принесет вам никакого вреда, за исключением того, что вы забудете, как найти джатти?

— Да, ты говорил именно так, — ответил Конан.

Он взглянул на густую, бурую жижу, что плескалась в металлической кружке, и на его глазах содержимое заискрилось, так что тускло блеснул металл. По-видимому, это и было превращением в воду.

Наклонившись, Тэйли подобрала пустую кружку и опустила в котелок:

— Я тоже выпью это, отец, дабы показать им, что ты говорил правду.

— Нет!

Разери выхватил кружку из рук дочери.

— Ты боишься, что дочь твоя выпьет зелье, предназначенное для нас?

Свирепый взгляд Разери обжег Конана, затем остальных.

— Конан сказал за нас всех, — проговорила Тро.

Такая злоба исказила лицо Разери, что, казалось, он сейчас закричит или накинется на них. Но он удержал себя в руках, яростная гримаса исчезла.

— Нет, подобных страхов я не испытываю. Хотя я предпочел бы сохранить свои воспоминания, смотрите же!

С этими словами он поднес кружку к губам, наклонил ее и осушил единым глотком.

Фосулл подскочил к костру, подхватил кружку и зачерпнул ею пойло.

— Никто не сможет посрамить варга, — сказал он.

И заглотил содержимое почти так же быстро, как Разери.

— Ух, ну и мерзость, — поморщился он. — Теперь ваша очередь, люди-не-с-болот.

Конан кивнул, глядя на своих товарищей. Они выпили.

Тут же Разери отвернулся и принялся отчаянно рыгать.

— Что это? — спрашивал Фосулл. — Что это?

Джатти закончил опустошать свой желудок, затем повернулся к остальным.

— Отец?..

— Зелье было отравлено, — проговорил Конан.

— Отец!

— Именно так. И я опасался их требования, чтобы я выпил первым, а потому заранее проглотил масла вьюна *брилл*, дабы смазать желудок, так чтобы ни одна капля не впиталась. Но для них уже все кончено: яд уже проник во все поры, и смерть их — дело нескольких ударов сердца. Вновь спасена тайна племени джатти.

Казалось, зеленая кожа Фосулла потускнела втрое. С булькающим звуком он пал на колени.

Поскольку он куда меньше Разери, счел Конан, яд действует на него быстрее.

— Ты отравил *меня*? Мы же союзники!

— Возможно ли быть глупее тебя, варг? — проговорил Разери. — Ты всего лишь животное. Ты бы убил меня при первом удобном случае.

— Правильно, джатти. Так бы я и сделал. — Слабая усмешка исказила его лицо. — Впрочем, я не погружусь в долгий сон в одиночестве.

И с этими словами он метнул свое копьё.

Разери увернулся, и копьё лишь слегка поцарапало ему руку. Он прижал к порезу ладонь и потер рану, чтобы остановить крошечный ручеек крови.

— И опять ты не прав, варг. Тебе составят компанию лишь эти маленькие люди!

Вилкен уронил свое копьё и кинулся поддержать умирающего отца.

Когда он заключил его в объятия, Фосулл принял считать вслух:

— ... Три... четыре... пять...

— Что он делает? — спросила Тэйли.

— ... восемь... девять... десять!

— Яд повредил ему рассудок, — сказал Разери.

— Нет, — проговорил Фосулл, оскалив заточенные зубы в болезненной гримасе. — Я лишь хотел увериться, что тебе не удастся выжать *мой* яд из *твоей* раны, прежде чем он подействует.

— Что?!

— Именно так. Сок ягоды *гилт*. Увидимся в преисподней, джатти!

Разери убрал ладонь от крошечной ранки и увидел, что края царапины почернели. Ноги его подкосились, и он тяжело осел на землю.

— Я умираю, но мне удалось сохранить тайну джатти! Вы все выпили мой яд и скоро отправитесь за мной!

Тэйли опустилась на колени рядом с отцом и обняла его.

— Отец!

Конан покачал головой:

— Нет, Разери. Вероломство не сослужило тебе добрую службу. То, что мы выпили, — не более чем вода, в которую твоё ядовитое зелье превратилось благодаря магии Дэйка и обходительности Панхра.

Услышав это, Разери в ужасе выпучил глаза.

Фосулл повалился на землю и умер.

Мгновением позже вслед за варгом последовал Разери.

— Сожалею, что все так кончилось, — сказал киммериец Тэйли.

Они соорудили огромный погребальный костер, на котором, приветствуя наступившую ночь, ярко пылали останки Разери и Фосулла.

— Он сам навлек на себя эту участь, — вымолвила Тэйли.

— Что ты теперь будешь делать?

— Теперь я предводитель джатти, — сказала она. — Я должна вернуться и заботиться о своем народе.

— А как же насчет нас?

— Вы не хотите нам зла. Идите своей дорогой.

— А что с варгами?

— Возможно, мы с Вилкеном заключим перемирие. Слишком много наших сородичей умирает неизвестно зачем. Должен быть какой-нибудь выход.

Конан кивнул.

— А что ты, Конан?

— Я направляюсь в Шадизар. После долгого и трудного пути я, похоже, близок к цели.

— Желаю тебе счастья.

— Спасибо.

Но когда Тэйли отошла к погребальному костру, на котором пылал труп ее отца, Конан усомнился насчет Шадизара. После всех невероятных приключений заделаться обычным вором — это кажется несколько... да, несколько скучноватым.

ХОВЯНИ ТУМАНА

роман

Когда некому больше доверять,
лишь меч остается надежным другом.

Пролог

За десять миллионов лет до рождения первого человека на месте будущей границы между Коринфией и Заморой расстилалась великолепная панорама гор. По прошествии многих миллионов лет горы эти станут называться Карпашскими. Самая величественная вершина, словно укутанная в ледяные одежды, будет наречена, когда появятся существа, владеющие речью, горой Турио.

Однажды холодным зимним утром внезапный мощный взрыв потряс землю до самых недр, и верхушка горы поднялась в воздух. Камни, раздробленные в пыль, образовали черные грозовые тучи, закрывшие лик солнца. На расстоянии двухдневного перехода от исковерканной горы светящаяся, извергающаяся лава пожрала все на своем пути. Грозная сила разрушения уничтожила сотни тысяч животных, выжгла край огненным дыханием, из смертельных объятий которого не смогло вырваться ни одно живое существо.

Далеко-далеко от вулкана звери останавливались и застывали, будто замороженные звуками, с которыми гора изрыгала собственное нутро и затмевала небеса клубами дыма и пепла.

Это был рев, способный по своей мощи соперничать с громоподобным криком некоего могущественного бога.

Через миллион лет кратер, образовавшийся в результате титанического взрыва, превратился в озеро, которое по своим размерам скорее напоминало море.

Еще через десять миллионов лет шрамы этого катаклизма почти сгладились временем и стихиями — ветрами и дождями, снегом и солнцем. Однако, несмотря ни на что, громадное озеро в кратере по-прежнему оставалось таким же глубоким, а вода в нем была ледяной и чистой.

Посредине огромного озера, о существовании которого знали лишь немногие из смертных, на лазурной поверхности воды плавал ковер из ветвей и листьев своеобразных водорослей, не росших больше нигде в мире. Водоросли сплелись настолько плотно, что способны были удерживать огромное строение, где разместились бы тысяча человек. Какой-нибудь любопытный мог много часов шагать от центра дворца в поисках кромки острова, но безуспешно. Местами толщина ковра заметно уменьшена хищниками, которыми кишели холодные и темные глубины озера. В результате любого неверного шага смельчак мог бы провалиться под воду и стать желанной добычей голодных тварей, поджидающих свою жертву около ловушек. Даже если бы человеку удалось избежать подобных зыбучим пескам ловушек, он все равно находился бы в опасности, так как хищные гадины обитали также и среди крепких стеблей живого ковра, — чудовища, поллюбившие вкус человеческой плоти.

В центре этого полурукотворного строения, в недрах приземистого, но весьма обширного замка, проживал некто известный под именем Абет Бласа, или Даймма Серого, которого называли также Хозяином Тумана.

В уступчатой крыше замка несколько больших проемов, заделанных листами чистейшего кварца.

Солнечный свет беспрепятственно заливал покои чародея, однако туман постоянно окружал Даймму и его престол из резного дерева и слоновой кости. Да и сам колдун, казалось, не человек вовсе, а всего лишь серая тень. Бесплотный призрак, такой же прозрачный, как серая мгла, его постоянная и верная спутница.

В клубящемся тумане появилось существо, которое на земле могло бы сойти за человека. Некогда предки этой твари населяли подземный мир, но посредством колдовского искусства Хозяина Тумана были извлечены из мрачных глубин, из холодной бездны черных колодцев, где долгие века обретались. Даймм называл их зелкаями и благодаря своему мастерству смог сделать из них верных слуг. Зелкаи почти утратили свою звериную сущность. На суше они могли принимать обличье человека, но в воде вновь становились полурыбами, полуящерами.

Зелкая звали Клег, говорил он, певуче растягивая слова, словно играя на каком-то струнном инструменте.

— Я здесь, мой Повелитель.

Расплывчатый силуэт колдуна плавно развернулся. Даймм внимательно смотрел на слугу, для которого он, в полном смысле этого слова, являлся богом.

— Расскажи мне о результатах похода.

— Мой Повелитель! В шести днях хода сотворенных вами выючных животных поднимаются чащи Лесного народа. Мы удостоверились — то, что вы ищите, находится там.

Колдун чуть подался вперед. Лицо его будто засветилось внутри, приняв на мгновение более резкие очертания. Похолодев, Клег почувствовал, как страх сковал мышцы.

— Ты принес это?

— Нет, мой Повелитель. Воины Лесного народа могучи и бдительны. При попытке заполучить то, что вы ищете, погибло четверо ваших слуг. Лишь двое из них остались в живых, и мы едва смогли спастись бегством.

Даймм откинулся на спинку трона, дерево и слононая кость были видны Клегу сквозь прозрачное тело Хозяина Тумана.

— Ты же силен, как трое обычных мужчин, Клег.

— Да, мой Повелитель. Но лесные воины так проворны и сильны, что мы не смогли их одолеть.

Какое-то время чародей сидел молча.

— Ты уверен, что Лесной народ обладает тем, что мне нужно?

— Уверен, мой Повелитель.

— Тогда их проворство и сила не имеют никакого значения. Я должен получить то, что желаю. И ты обязан либо умереть, либо исполнить мою волю. Иди и собери своих братьев. Дюжину, сотню — столько, сколько нужно. В твоём распоряжении все мои слуги.

— Ваше слово — моя жизнь, — сказал Клег, кланяясь и пятясь к выходу.

«В самом деле, — подумал Даймм, провожая взглядом зелкаю. — Твоя жизнь и жизни сотни тысяч таких, как ты, — ничто по сравнению с тем, чем я должен обладать».

Даймм поднялся и поплыл по огромному помещению. Туман повсюду сгустился вокруг колдуна, обтекая его, будто бы само призрачное тело Даймма порождало серый сумрак.

Пятьсот лет назад Даймм был молодым, терпеливым учеником. Он странствовал, побеждал себе подобных и стал чересчур самоуверен. В один роковой день он решил потягаться силами с Чародеем

из Кофа — сморщенным, беззубым стариком, слава о котором, как легкомысленно полагал Даймм, намного превосходит его истинную мощь.

Даймм ошибся. Возможно, Чародей из Кофа был и беззуб, но чары его сыграли роковую роль в судьбе Даймма. Старик погиб в тяжелой схватке, но перед смертью наложил проклятие на дерзкого юнца. Лежа при последнем издыхании, старик улыбнулся.

— Сейчас ты тверд, как сталь атлантов, не пропускающая удара вражеского меча, — промолвил он. — Но с этого дня все будет по-другому. Твое тело перестанет быть плотью, оно превратится во мглу, и ты навечно останешься туманным облаком.

Старик умер, Даймм же не придал никакого значения предсмертным словам колдуна. Много раз проклинали его убитые им чудесники, их проклятия не имели никакой силы. Он, Даймм, выследил чародеев Круга и Квадрата. Он одержал победу над трусливыми провидцами Турана, разгромил темнокожих заклинателей Зембабве. Смерть еще одного мага значила для него всего лишь еще одну победу.

Но так было только сначала.

Через месяц после поединка Даймм развлекался с пышногрудой красоткой. Он в очередной раз обнял ее и...

Рука прошла сквозь ее тело!

Даймм убежал тогда от женщины, убедив себя в том, что это был обман чувств вследствие избытка вина и плохого освещения, некоторое время ему казалось, что так оно и есть. Но вскоре проклятие старика стало обретать полную силу. Тело Даймма становилось все более призрачным, хотя иногда он снова обретал плотскую оболочку.

Даймм посвятил все свое время тому, чтобы попытаться найти спасение от страшного недуга. Он употребил все свои знания, все доступные средства.

Но все было напрасно. Все больше и больше времени ему приходилось проводить в образе существа, созданного скорее из пара, нежели из плоти. Проходили дни, порой недели, прежде чем он вновь обретал материальную оболочку. Большая часть его заклинаний по-прежнему имела силу, а когда ему необходима была вещественная рука, он прибегал к помощи одного из своих слуг, используя его в качестве дублера, но плотских удовольствий теперь для него более не существовало. Он не мог наслаждаться ни едой, ни питьем, ни женщинами.

Впрочем, пятьсот лет — это долгий срок, и в результате непрерывных поисков спасение стало казаться таким реальным. Часть лекарства удалось добыть в одной из священных пещер Стигии. Еще одну часть слуги доставили ему из разрушенного храма на острове Сиптаха. Лазутчики Даймма рыскали по Черным Королевствам — Кушу, Дарфару, Кешану, Пунту, а также по холодным землям Ванахейма и Асгарда. Не существовало непреодолимых препятствий, ни одна страна не могла быть слишком далекой, никакая цена слишком высокой, если появлялась надежда приобрести необходимое.

Наконец Даймму удалось заполучить почти все составные части вожаемого лекарства — кроме одной. А последняя часть, в которой заключалось теперь спасение Даймма, находилось практически в его собственном царстве. Он не пожалел бы ничего, чтобы получить это, то, в чем он так нуждался. Конец его мучениям был совсем рядом, оставалось, может быть, каких-то несколько дней до того, чтобы вновь обрести плоть. На пути к этому он не остановился бы ни перед чем, пусть даже пришлось бы разрушить целое царство!

Его раздумья были прерваны сквозняком, который внезапно поднял его с трона и отнес немного в

сторону. Кто-то оставил открытой дверь или окно, он будет наказан смертью за свою оплошность. Но скоро настанет конец подобным унижениям, и горе тогда тому, кто осмелится встать у Даймма на пути.

Глава 1

Узкая горная тропа была усеяна острой галькой, но молодой человек, карабкающийся по ней вверх, обладал проворством и силой. Он был из Киммерии, и дети в его горной стране учились ходить и карабкаться по кручам одновременно. Киммерийца звали Конан. Косые лучи заходящего солнца отражались в его голубых глазах, мужественное лицо обрамлено мохнатой черной гривой, ниспадающей на широкие мускулистые плечи. На спину Конана была накинута дубленая шкура волка, на нем были надеты короткие кожаные штаны, обут он был в сандалии с ремнями, обтягивающими сильные икры. После заточения в гигантском лабиринте подземных пещер, где он со своими тогдашними спутниками десятки раз подвергался смертельной опасности, Конан наслаждался вольным простором, всей грудью вдыхая прохладный горный воздух.

Киммериец направлялся в Шадизар, где он надеялся заняться прибыльным там ремеслом вора. До их краев дошли слухи, что с помощью сильных рук, ловкости и острого лезвия можно неплохо прожить в Шадизаре. А если к этому прибавить быстрые ноги и немного везения, то наверняка такой, как Конан, сможет стать богатым. Киммериец был молод, но уже довольно опытен, что давало ему право считать, что пора бы добавить к своим достоинствам еще и богатство.

Путешествие отнимало у Конана больше времени, чем он предполагал затратить на такой переход, боги продолжали возводить на пути молодого киммерийца препятствия. Конана пытались сбить с пути колдуны и чародеи, одолеть чудовища. Он прошел пустынные края, некогда принадлежавшие давно умершей женщине-зомби Туанне и злой ведьме — хозяйке пещер Чунте, где его любовный пыл был более чем удовлетворен.

Теперь Конан продолжал свой путь и был счастлив тем, что остался один. Вдруг он услышал какой-то шум, раздававшийся на расстоянии нескольких шагов, там, где тропа резко сворачивала направо.

Шум был еле слышный, едва уловимый даже для острого слуха киммерийца, но Конан, привыкший к подстерегающей его опасности, тотчас же остановился и вынул из ножен висевший у него на боку древний меч из голубоватой стали. Рукоять тяжелого и прочного клинка была обмотана простым сыромятным ремешком. Меч достался Конану в схватке с ожившей мумией великого воителя давно уже минувших лет. И теперь киммериец тщательно ухаживал за благородным оружием, с помощью точильного камня поддерживая клинок острым как бритва.

Схватив меч двумя руками, как это всегда делают воины-монахи, которых Конану довелось как-то повстречать в одном горном храме, киммериец пошел по тропе, стараясь ступать так аккуратно, чтобы ни один камешек не хрустнул под его ногами. Он был достаточно опытным для того, чтобы не рисковать так глупо. Его богом был Кром, и от своего бога при рождении Конан получил жизнь и волю, все остальное — дело рук человеческих. И если в критической ситуации не удавалось должным образом воспользоваться даром бога, бесполезно звать его на помощь.

Вжавшись в каменную стену, вдоль которой вела тропа, Конан медленно продвигался вперед. Дойдя до конца стены, Конан быстро шагнул вперед, держа меч таким образом, чтобы быть готовым в ближайшую секунду поразить врага.

Прямо впереди, где гора была несколько разрушена, тропа значительно расширялась. Конан увидел, что в глубокой расщелине, спиной к камню, стоит полуобнаженная женщина с длинным копьём в руке. Она окружена пятью драконами размером в человеческий рост. Шестой дракон лежит недалеко от развернувшейся сцены, в луже собственного гноя и крови. В его лапах был зажат лоскут материи, который, по-видимому, являлся некоторое время назад дополнительной частью одеяния женщины, которое сейчас состояло лишь из набедренной повязки.

Казалось, этот кусок тряпки стал чересчур дорогим трофеем для гигантского ящера.

В голове Конана пронеслись его недавние приключения, и первое, что пришло ему на ум после осмысления происходящего, было: «Еще одна баба! Только не это!»

Зеленовато-серые чешуйчатые драконы стояли на задних лапах, опираясь на длинные хвосты, у них были заостренные морды и желтые глаза; судя по всему, у этих тварей боковое зрение было отличным. Ближайший к Конану почувствовал присутствие чужака и повернул голову. Киммериец стоял настолько неподвижно, что тварь снова перевела взгляд на женщину. Впрочем, чудовище заметило вжавшегося в камни варвара. Тварь издала шипение, обращая внимание остальных ящеров.

Киммериец задумался о том, насколько проворны эти уроды. Интересно, успеет ли он при желании повернуться и удрать? Но Конан тут же отбросил эту мысль: тропа за поворотом довольно крутая, к

тому же все равно надо спасать женщину. Бросив на несчастную взгляд, Конан увидел кровавые царапины на ее плече, оставленные, видимо, подыхающей тварью, заметил киммериец также и как округло плечо и упруга грудь воительницы. Тело женщины было гораздо более мускулистым, чем у большинства изнеженных городских красавиц. Конан залюбовался на то, как двигались напряженные мышцы под загорелой кожей. Несмотря на свое решение некоторое время избегать женщин, он почувствовал, что эта незнакомка вызывает его любопытство.

Дракон, первым обнаруживший варвара, вновь зашипел, и двое чудищ, покинув свой пост, двинулись к Конану.

— Лучше тебе бежать, чужестранец, — вдруг произнесла женщина спокойным голосом. — Это же корги — охотничьи псы пайлов.

Конан понятия не имел, кто такие корги и пайлы. Он ответил женщине:

— Я иду на юг. Видимо, эти... э... корги попытаются не пропустить меня.

— Да, чужестранец.

— Ну тогда я сумею разобраться с псами, как бы они ни выглядели, — проговорил Конан, поудобнее перехватив рукоять меча. И крикнул драконам:

— Ко мне, шавки!

Нет смысла ждать, пока корги сообразят, что к чему. Киммериец поднял меч и прыгнул вперед, атаковав ближайшего дракона, прежде чем тот успел пустить в ход свои острые зубы длиной с человеческий палец. В холодном вечернем воздухе раздался легкий свист клинка. Меч опустился на башку зверя и расколол череп, словно полено. Брызнула кровь, и тварь рухнула на острые камни, тут же испустив дух.

Конан резко скользнул влево, навстречу второму коргу, который готов был напасть. Монстр с шипе-

нием ринулся на варвара, нацелив страшные когти. Но челюсти зверя, вместо того чтобы сомкнуться на шее киммерийца, щелкнули в воздухе, поскольку воин успел в последний момент увернуться. Клинок обрушился на чешуйчатую плоть, но, так как у Конана не было времени как следует прицелиться, острая сталь лишь вырвала из бока зверя кусок величиной с кулак. Чудовище взвыло и попятилось назад, гневно размахивая толстым хвостом.

Конан внутренним чутьем ощутил приближение третьего дракона. Зверь двигался на удивление быстро. Как бы ни был проворен киммериец, состязаться в скорости с драконом он не мог. Прыгнув, тварь сбила варвара с ног. Падая, он не смог удержать меч, и оружие упало на землю в метре от схватки. Киммериец, по-кошачьи согнувшись, быстро вскочил на ноги, превратив падение в прыжок. Но третий корг напал на него прежде, чем воин успел схватить меч. Жуткие клыки сверкнули в нескольких сантиметрах от лица. Конан занес могучий кулак, надеясь садануть дракона как следует по шее и сбить дыхание. Пока чудище не откусило ему руку.

Неожиданно дракон взвизгнул, зашатался и повалился мордой вниз, к ногам киммерийца.

Из спины зверя торчало копьё. Женщина пожертвовала единственным оружием, чтобы спасти свирепого варвара. Что ж, благородный поступок всегда в чести!

Конан нагнулся, подхватил клинок и бросился на помощь отважной женщине. Та уже успела разыскать где-то увесистый булыжник и швырнула его в одного из чудовищ, что крутились поблизости. Булыжник угодил прямо в лоб. Дракон опрокинулся на спину и завыл, как воеет кот, брошенный в костер.

Раненный Конаном корг попытался ускользнуть от занесенного меча, но в следующую секунду кли-

нок распорол зверю горло. Дракон рухнул, испустив дух так же быстро, как и его предшественник.

Но два корга еще оставались в живых.

Дракон, что стерег женщину, бросился и схватил её прежде, чем та успела нагнуться за следующим камнем. Тварь приподняла женщину над землей, и Конан понял, что он ничего уже не успеет сделать. Дракон раскрыл пасть, собираясь откусить женщине голову, но отважная незнакомка успела изо всех сил ткнуть чудовище пальцем в глаз.

Бросив женщину, корг прижал лапы к поврежденному глазу, приплясывая на месте от боли. Конан, воспользовавшись смятением врага, резким движением пронзил зверя насквозь. Если у ящера размером с человека может быть удивленный вид, то именно с таким видом корг падал на землю, в то время как дух его находился уже на пути к Серым Странам, чтобы присоединиться там к духам умерших собратьев.

Дракон со здоровенной шишкой на лбу пришел в себя и обнаружил, что остался один против двоих соперников. Женщина схватила камень и запустила его в корга, попав гадине в живот, Конан же шагнул по направлению к ящеру с занесенным над головой окровавленным клинком. Дракон решил, по-видимому, что с него достаточно, развернулся и бросился бежать. Женщина швырнула еще один булыжник вслед удирающему монстру, но промахнулась. Тварь быстро скатилась вниз по горной тропе.

В намерения Конана совсем не входило гнаться за зверюгой. Он сделал пару шагов вслед улетающему монстру, взмахнул мечом и разразился самой отборной бранью. Но едва лишь ящер скрылся из виду, Конан спокойно повернул назад.

Теперь вниманием киммерийца полностью завладела незнакомка. Она подошла к мертвому коргу, вытащила из лап хоть и порванную, но еще вполне при-

годную безрукавку, надела ее, перевязав тоненьким ремешком. Конан с сожалением наблюдал за процессом одевания. Женщина была довольно красивой и казалась легкой и изящной, несмотря на хорошо развитую мускулатуру. Киммериец почувствовал, что эта деваха все больше и больше ему нравится.

— Я обязана тебе жизнью, чужестранец, — проговорила она и улыбнулась.

Конан показал мечом на копье, торчащее из убитого зверя:

— Я обязан тебе тем же. Считаю, что мы квиты.

— Договорились. Меня зовут Чин, я колдунья Лесного народа.

— А я — Конан, из Киммерии.

— Приятно встретиться, Конан с вершины мира.

— Ты слыхала о Киммерии?

— Приходилось... Край моих предков лежит лишь в одном переходе отсюда. Я приглашаю тебя быть нашим гостем, отдохнуть и разделить с нами трапезу.

Вообще-то Конан особо не любил всяких там компаний, в его планы не входило также задерживаться в здешних местах, но эта женщина, которая разила драконов с таким спокойствием, заинтриговала киммерийца.

— Ладно, отдохнуть немного можно. Потом двинусь дальше...

— Тогда пошли. Лучше найти укромное место для стоянки до того, как стемнеет. Ночной переход в этих горах может быть очень опасным.

— Да и при свете дня путешествие здесь мало похоже на увеселительную прогулку, — бросил Конан, взглянув на трупы чудовищ.

— На холмах с наступлением темноты встречаются существа, по сравнению с которыми псы пайлов напоминают домашних щенков.

Пока они брели по горной тропе, Чин рассказывала Конану о пайлах:

— Эти существа похожи на людей, но на самом деле они — отдаленные родичи коргов. В их жилах течет теплая кровь. Но все-таки это кровь ящеров. Они населяют пустыню в двух днях пути от моей рощи. Пайлы охотно пожирают людей, если им удастся кого-нибудь поймать.

Конан задумался.

— А можно ли попасть в Шадизар, проскочив селения пайлов?

— Да, можно обогнуть пустыню.

Конан не испугался бы даже самой отчаянной сечи, но переход по пустынной местности, населенной людоедами, да еще с ручными драконами вместо собак. Нет, надо подумать о сохранности собственной шкуры!

Он не стал спрашивать у Чин, что она делала одна в таком опасном месте. Зачем совать нос не в свое дело! Но женщина сама завела разговор на эту тему.

— Всю последнюю ночь я искала одно растение, которое растет на холмах. Это своего рода поганка, мы используем гриб в своих таинствах. Грибы растут только на лепешках диких горных козлов. Сейчас, к сожалению, козлов становится все меньше и меньше, так как они — желанная добыча для пайлов. Если, конечно, нет человеческого мяса.

Конан хмыкнул. Таинства и обряды, с его точки зрения, были еще одной разновидностью магии. Киммериец же предпочитал не соваться в мистический бред.

— Мне удалось отыскать достаточно грибов для нашего следующего истинного видения. — С этими словами Чин открыла небольшую кошелку, привязанную у нее на поясе, и показала Конану несколько маленьких, пахнущих плесенью грибов. — Долж-

ным образом приготовленный и освященный отвар позволяет человеку увидеть своего бога.

Конан скептически пожал плечами. По его мнению, запросто можно было пожить без подобного рода прибабахов. Киммериец больше думал о том, как он будет наслаждаться в Шадизаре. Множество радостей ожидает удачливого вора, каковым Конан намеревался стать: хорошее вино, вкусная еда и красивые телки. Пусть жрецы заботятся о богах, а для человека есть масса других приятных вещей.

Когда солнце уже почти коснулось горизонта, Конан и Чин поднялись на широкий утес, возвышающийся над тропой. Конан никогда не видел, чтобы женщина лазила бы по горам так же хорошо, как это делала Чин. Когда она взбиралась вверх по скале, то была похожа на паучиху, так верны были движения пальцев ее рук и ног.

На утесе Конан и Чин отгородили место для ночлега, выстроив пирамиду из камней, так, чтобы ни одно живое существо не смогло приблизиться, не разрушив преграды. Чин наломала сухого кустарника, росшего на склоне скалы; с помощью кремня и куска железа, которые у киммерийца были всегда с собой, он высек огонь и разжег костер. У варвара нашлись также мех с водой и несколько полосок сушеной бельчатины. Он разделил свою скромную трапезу с Чин, когда ночь накрыла землю своим темным саваном.

Костер давал мало тепла, а ночь выдалась холодной. Конану пришлось на ум предложить Чин разделить с ним его плащ из волчьей шкуры. Но Чин лишь рассмеялась, ответив, что это совершенно не нужно.

Вероятно, подумал Конан, она отказалась потому, что каким-то образом угадала его истинные намерения, — женщины умеют чувствовать такие вещи,

хотя, как они это делают, Конан совершенно не понимал. В своих странствиях Конану не приходилось встречать мужчину, притязающего на понимание женской души. Хотя нет, был один, говоривший, что точно знает, чего хотят женщины, но он к тому же думал, что мир круглый, как мяч, и что сам он может летать, размахивая руками, как птица крыльями. Он пал жертвой собственной глупости: сиганул с крыши самого высокого здания в своем селении — башни высотой в десять человеческих ростов — и разбился. Что и говорить! Настоящий безумец! Будто свинья, налакавшаяся вина.

Интересно, думал Конан, возможно ли вообще понять женщин?

С этими мыслями киммериец заснул.

Глава 2

Наступило морозное утро, косые лучи солнца падали на вершины холмов, окрашивая в розово-желтые цвета утес, на котором спали Конан и Чин. Северянин проснулся бодрый, но с ощущением некоторой скованности в мышцах, которая была следствием того, что ему пришлось провести ночь на твердом каменном ложе.

Чин проснулась, когда Конан уже развел костер и грел замерзшие руки.

— Хорошо спалось? — спросила она.

— Да как всегда.

Разделив остатки сушеного мяса и запив его водой из меха, они спустились со скалы. Конан был снова поражен проворством женщины. Она двигалась, словно снежная обезьяна, ни разу не поскользнувшись на спуске.

Конан, не будучи человеком завистливым, отметил ловкость Чин.

Та улыбнулась:

— Там, откуда я родом, нам очень часто приходится совершать восхождения и спуски. Но признаюсь, что я слабейшая из тех, у кого к этому настоящий дар. Если б я не была колдуньей, мне бы пришлось стать простой охотницей.

Конан удивленно промолчал. Если эта женщина лазила по скалам хуже своих соплеменников, то как ловки должны были быть ее собратья? Вероятно, они смогли бы соперничать в проворстве с киммерийцами.

Когда солнце уже поднялось в зенит, Конан спустился вслед за Чин к земной долине, видневшейся вдаль. Казалось, какой-то бог испытывает особую привязанность к изобиловавшим вокруг оттенкам зеленого, изумрудного и оливкового.

Тропа, извиваясь и поворачивая, плела свой серпантин по склону горы. Запутанный ее извивами, Конан увидел лес только тогда, когда он оказался у них фактически перед глазами. Некоторое время Конан гадал, не лишился ли он слуха, так как из леса не доносилось ни единого звука.

Через мгновение киммериец нашел ответ на этот вопрос: лес на самом деле находился гораздо дальше, чем ему казалось. Деревья только по своим пропорциям напоминали обычный дубняк, величина же их в три, а то и в четыре раза превышала самое высокое дерево, виданное когда-либо Конаном. О, Кром, эти деревца, раз в пятьдесят превышающие человеческий рост, должно быть, касаются своей кроной крыши мира.

Когда Конан и Чин приблизились к исполинской роще, Конан увидел, что на ветвях построены дома — целая деревня, воздвигнутая будто в небе.

Некоторые строения располагались не выше девяти пядей над землей, некоторые — значительно выше. Казалось, что в этом странном лесу нет никакого подлеска, почва голая, а земля лишь немного прикрыта ковром из опавшей листвы. «Интересно, — подумал Конан, — под деревьями ничего не растет оттого, что ветви не пропускают лучей солнца и капель дождя? Или это дело рук человеческих?»

Если бы у Конана было полдюжины братьев его комплекции, то все они, взявшись за руки, не смогли бы обхватить самое маленькое из этих древесных исполинов. Любое, даже очень большое дерево из тех, что киммериец встречал раньше, казалось тоненьким прутиком рядом с этими гигантами.

— Это моя роща, — сказала Чин.

— Твой народ живет на деревьях?

— Да. Там мы рождаемся, живем и умираем.

— Теперь я понимаю, что ты действительно кое-что смыслишь в лазании.

— Для земного жителя у тебя это тоже здорово получается. Особенно учитывая, какой ты... большой. У нас нет ни одного мужчины с тебя ростом.

Разговаривая, они подошли к одному из исполинских деревьев. Конан посмотрел на его крону. Мощные ветви отходили от ствола, теряясь из виду где-то в поднебесье. Кора дерева была гладкой на ощупь, красноватого цвета, местами отслоившаяся, в трещинах виднелась древесина более светлых оттенков. Листья странного дерева, длинные, трехконечные по форме, размером с человеческую ладонь, были темно-зеленого цвета, почти черного, и казались будто воцелеными.

У подножия дерева с помощью Чин Конан разглядел дупло — величиной со щит, обтянутое кожей. Чин торцом копья постучала по этому своеобразному барабану, который издал протяжное гудение —

таким образом дав знать о своем приходе соплеменникам. Через пару минут с нижних ветвей к их ногам что-то упало.

Конан тотчас же выхватил меч, готовый нанести удар по непонятному предмету. Чин остановила его, сказав, что предмет не представляет собой опасности. Конан убедился в этом, пока Чин еще говорила. Непонятный предмет при ближайшем рассмотрении оказался сплетенной из гибких лоз веревочной лестницей, которая представляла собой толстый канат с узлами, для того чтобы хвататься за них руками. Конан вложил клинок в ножны.

— А если враг придет и постучит в барабан?

— У каждого Лесного жителя — своя собственная песнь, — ответила она. — Двух похожих не существует. Стража знает их все. И пусть попробует чужак сунуться к нам.

Конан согласно кивнул. Нападение на племя, живущее на деревьях, представляло бы трудную задачу. Дюжина мужчин с топорами может работать целый день, чтобы срубить хотя бы одно дерево, а град стрел, копий и камней, сыплющихся сверху, сделает такую работу невозможной. Ввиду отсутствия подлеска Лесному народу не страшен пожар, ведь для того, чтобы поджечь ствол, потребовался бы очень большой костер. Натренированный взгляд воина позволил Конану должным образом оценить защиту лесовиков.

— Поднимаемся? — спросила Чин.

— Только после тебя.

Его любезность была вознаграждена, когда он снизу любовался ногами Чин, карабкающейся вверх по лестнице.

Когда Конан и Чин взобрались наверх, их приветствовала невысокая плотная женщина. Это была одна из стражниц Лесного народа. В одной

руке у нее было копье, в другой — обсидиановый кинжал длиной в предплечье киммерийца. Лук и колчан, полный стрел, стояли прислоненные к стволу, рядом с ними в корзине из лоз лежала куча камней, камни — величиной с человеческую голову. Конан еще раз убедился, какой «теплый» прием может здесь встретить непрошенный гость.

Киммериец шел следом за Чин по толстой ветви, как по тропинке, без труда удерживая равновесие. Кора была состругана, и его босые ноги ступали по совершенно гладкой поверхности.

Впереди Конан увидел большое здание, построенное прямо на ветви, по которой он шел. Это строение поднималось ввысь, соединяясь там с несколькими верхними ветвями. Строительным материалом же послужила древесина гигантского дерева. Ветви разной длины были связаны лозами. Эта человеческая постройка выглядела как огромное осиное гнездо или улей. У входа в здание стояли две женщины, одетые как Чин. Каждая из них была так же мускулиста и держала в руках короткое копье.

«Снова женщины, — подумал Конан. — А где же их мужчины?»

Стражницы кивнули Чин, и та вошла в дом. Конан последовал за ней. Отверстия в крыше давали достаточно света для того, чтобы киммериец мог хорошенько рассмотреть убранство комнаты. Вдоль стены стояла низкая лавка, посреди комнаты — резной стул. На стуле, повернувшись к окну, сидела старуха с белоснежными волосами и лицом, изможденным временем и солнцем. На ней была надета мантия разных оттенков зеленого цвета, ясные глаза почти светились в полумраке. Руки у нее были обнажены, и, хотя женщина была стара, под кожей играли тугие мускулы.

— Эй, Вареса! — позвала Чин.

Старуха повернулась на зов и улыбнулась:

— О, Чин! Успешны ли были твои поиски?

Чин потрясла в воздухе мешочком с грибами, которые она показывала Конану:

— Да, хозяйка. Мы снова сможем вызвать богов.

Вареса кивнула:

— Отлично. А то я думала, что в следующий раз мне придется увидеть их уже за Серыми Странами. — Тут старуха перевела взгляд на Конана: — Ты привела гостя?

— Да, хозяйка. Это Конан из Киммерии. Когда меня окружили псы пайлов, он спас мне жизнь.

Старуха улыбнулась:

— Прими мою благодарность, Конан-киммериец. Мне было бы больно потерять свою старшую дочь.

— Чин оказала мне взаимную услугу, — ответил Конан.

— Что я слышу? — улыбнувшись, сказала Вареса. — Мужчина, и не бахвалится.

Конан бросил вопросительный взгляд на Чин. Она же попыталась пояснить:

— В нашем народе мужчины — большие... рассказчики. Порой они приукрашивают свои байки... э... преувеличениями.

— Я еще не видел здесь мужчин, — сказал северянин.

Вероятно, это прозвучало грубовато, но в его родной Киммерии прямота только поощрялась. В некоторых так называемых цивилизованных странах вранье считалось признаком высокой культуры, но прямодушному киммерийцу это было непонятно.

— А, в таком случае... пойди посмотри, — ответила Вареса. — Таир учит Хока «танцу белки». — И она указала на открытое окно.

Конан, движимый любопытством, подошел к окну.

От дома Варесы отходила ветвь, которая через некоторое расстояние значительно сужалась. Ветви соседних деревьев переплетались, образуя сеть из ветвей толщиной с человеческую руку и ногу.

Конан увидел, что по одной из ветвей быстро бежит невысокий, хорошо сложенный мужчина в набедренной повязке цвета морской волны. Он двигался так стремительно, будто бежал по широкой городской улице. Его догонял мальчик лет двенадцати, всю одежду которого заменял лоскут ткани, обернутый вокруг бедер.

Заинтересованный Конан наблюдал, как мужчина подпрыгнул высоко в воздух и опустился почти у самого окончания ветви, там, где она была настолько тонкой, что согнулась под тяжестью человека. Конану показалось, что мужчина вот-вот упадет.

Но... согнутая ветвь выпрямилась, и мужчина, как пружина, подпрыгнул высоко над поверхностью ветви. Еще на взлете он свернулся и сделал в воздухе кувырок вперед, словно акробат, которого Конан еще мальчишкой видел на ярмарке.

Продолжая парить, человек выпрямился, разведя руки и ноги в стороны. Он схватился за ветвь дерева в добрых трех пядях выше той, с которой прыгал, и крутанулся вокруг нее. Одним движением он вскинул ноги вверх и в мгновение ока оказался висящим вниз головой на сгибах коленей, вновь выпрямившись и разведя руки в стороны.

Чуть ниже мужчины то же самое проделывал мальчик. Он тоже сворачивался калачиком, вертелся и распрямлялся. Внезапно они встретились в воздухе. Ладони мужчины оказались на запястьях мальчика, и так они стали раскачиваться взад-вперед, пока мужчина, согнувшись, не подбросил мальчика вверх над собой. Мальчик приземлился на ветвь и

уселся на ней. Через мгновение мужчина оказался сидящим рядом с мальчиком.

— Мужчину зовут Таир, а мальчика Хок, — объяснила Чин. — Это второй ребенок моей матери и самый младший.

— Это твои братья?

— Да.

— В опасную игру они играют. А если бы Таир промахнулся и не смог бы поймать мальчика?

— Пока он летел бы вниз, он наверняка успел бы зацепиться за одну из многочисленных веток, — пожав плечами, ответила Чин.

— А если нет?

— Жизнь полна опасности, не так ли? — Конан согласно кивнул. Ведь далеко не каждый киммериец доживал до зрелого возраста. Выживал сильнейший.

— Пошли, — позвала Конана Чин, — ты поделил со мной в горах еду и питье, я же приглашаю тебя воспользоваться нашим гостеприимством.

Клег вообще не любил далеко уходить от воды, а особенно ему была ненавистна эта сухая песчаная местность, которую люди называли пустыней. Клегу с его отрядом предстояло пересечь лишь короткий участок пустыни, принадлежавший ящерам, далеко не центральный, и поэтому Клег рассчитывал, что ему удастся избежать встречи с этими вонючими созданиями и их псами, которая, состоясь она, могла бы закончиться плачевно для Клега и его войска. Великий Мастер приказал Клегу выбрать наикратчайший путь, обход же опасной пустыни занял бы два лишних дня, и Клег повиновался тому, кому нельзя было не повиноваться.

Клег неудобно сидел верхом на *скрате* — глупом и подлом животном, у которого было четыре коротких и толстых ноги, шкура, напоминающая порос-

ший мхом камень, и склонность кусать все, до чего он мог дотянуться. Скраты, травоядные животные размером в половину роста Клега, могли все время проводить, пасясь на пастбищах, если бы им это позволили. Впрочем, они могли накапливать громадное количество жира в своих горбах, которые располагались у них над задними ногами, и неделями обходиться без еды и питья. О, если б мастер дал этим выючным животным приличный нрав и запах, не напоминающий вонь неделю назад сдохшей рыбы.

Клег обернулся и посмотрел на свои войска. Множество его собратьев-зелкаев следовали за своим вожаком — некоторые верхом на скратах, некоторые пешком, и все, как и сам Клег, чувствовали себя весьма неуютно в этом чужом сухом краю. Он бы предпочел находиться сейчас в родных холодных водах, в своем настоящем обличье, когда его тело гладкое, длинное и мускулистое, а зубы — острые и длинные, идеально подходящие для того, чтобы раздирать добычу, прежде чем насладиться ею, а потом, разрезая мощными плавниками воду, гоняться за самками...

А, Клег, ты мечтаешь. Мастер сотворил тебя не ради удовлетворения твоих прихотей, но ради служения. Может быть, когда ты принесешь то, что ему нужно, тебе позволят отдохнуть. Сейчас же тебе лучше позаботиться о том, чтобы лучше выполнить задание. Вспомни, что происходит с теми, кто изменяет хозяину.

Клег содрогнулся при воспоминании о последнем Первом слуге, который провалил какое-то задание Великого Мастера. Оставшиеся от Первого слуги ошметки, которые, казалось, продолжают молить о прощении, были скормлены стервятникам.

Нет, мечтай о плавании в темных водах после того, как выполнишь задание, Клег.

Глубоко в камне главной пещеры пайлов Райк прошипел Сайле:

— Ведьма! Что бы ты хотела, чтобы я сейчас сделал для тебя?

Царица пайлов возлежала на горе меховых подушек, ее тело было прикрыто полупрозрачным красным платьем из газа. Давным-давно пайлы были покрыты чешуей, но в течение миллиона лет постепенно видоизменились и теперь стали похожи на людей. У них не было волос, уши маленькие, но кровь — теплая. Потомство рождалось живым и вскармливалось молоком матери. Сайла же своим обликом походила на самую настоящую красотку: широкие бедра, тяжелые и упругие груди, тонкие губы и кошачьи зрачки только подчеркивают ее экзотическую прелесть.

Сайла улыбнулась:

— То, чем ты занимаешься сейчас: лежи и ничего не делай. Занимайся своим обычным делом.

Она наблюдала, как он замирает от ярости. Сайла прекрасно знала, как рассердить Райка. Он был сильнейшим из пайлов, бесстрашным перед лицом врага, но в ее руках он становился ребенком.

— Сайла...

— Да, муженек, ты прав. Лесной народ силен и хорошо защищен на своих насестах. Конечно, будь у нас талисман леса, мы бы тоже смогли заполнить нашу пустыню роскошной растительностью, а не жить в пустыне.

— Ты лежишь на подушках, завернутая в тончайшие шелка, и жалуешься на жизнь.

— Я — Царица и имею право на роскошь. Но немногие из наших соплеменников могут позволить себе такое.

— Да, я бы осчастливил их, если бы отправил на верную смерть под большие деревья ради твоих амбиций.

— Наверняка есть другой путь.
— Наверняка есть, но ни один пайл не нашел его за тысячу лет.

— Певцы бы вечно славили тебя, если бы этим пайлом стал ты.

Он стоял, пристально глядя на гобелен, сотканный Седьмой Царицей пайлов более двенадцати столетий тому назад. Картина изображала Стака, Первого Царя, ведущего огромную армию пайлов против людей в битве при Аризане. Певцы все еще слагают песни об этой битве, в которой люди были изгнаны из царства пайлов. Увы, это было давным-давно, и численность пайлов уменьшается, а людей становится все больше и больше.

— Да, — сказал наконец Райк. — С таким волшебным средством мы могли бы двинуться к центру Великой пустыни, подальше от людей, и восстановить былую мощь.

— И этот план мы придумаем с тобой вместе — ты и я.

Она чуть сдвинула ноги, и теперь сквозь ткани, прикрывающие ее, Райк мог любоваться прекрасным телом Сайлы. Она улыбнулась, это была улыбка примирения.

Райк глубоко вдохнул, выдохнул и сделал движение к ней.

— Наверно, так и будет, ведьма. — Когда он говорил это, его голос был еле слышен.

Она рассмеялась:

— Да, муженек, иди к своей шлюхе.

Еда, разложенная перед Конаном, была обильной и сытной. Он обводил глазами предложенные ему яства: плоды, мясо, хлеб, сыры и несколько деревянных кувшинов с вином; от приготовленных блюд поднимался пар.

— Я думал, здесь опасно разводить огонь, — удивленно сказал Конан, пережевывая очередной кусок.

— Мы обкладываем наши очаги камнями, как это делают люди, живущие на земле. Наши деревья живые, и поэтому вероятность того, что кора загорится, меньше, чем когда речь идет о мертвых и сухих дровах, используемых для строительства на земле.

Конан прожевал кусок хлеба и запил его стаканом красного вина.

— Значит, ваш народ проводит на деревьях все время?

— Большую часть жизни. На землю мы спускаемся для прохождения испытания. И потом, только на земле можно достать нужные для приготовления снадобий растения, камни, необходимые в строительстве. Большую часть того, что нам необходимо, нам дают деревья. Мы довольны своей судьбой.

— А откуда взялись эти исполинские деревья?

— Они здесь были всегда, — ответила она.

Когда она говорила это, в ее голосе что-то изменилось, и Конан понял, что она лжет. Существовала какая-то тайна, связанная с этим лесом.

Да ладно. Это не его дело. Он отдохнет здесь и отправится дальше.

Его ждал Шадизар.

Глава 3

Неожиданно для самого себя Даймм почувствовал, что вновь обретает тело.

Это произошло, как всегда, неожиданно. Последний раз такое случилось много лет назад, поэтому

в первый момент Даймм был ослеплен и оглушен нахлынувшими на него чувствами. Вот уже кожа покрылась мурашками в прохладном воздухе, сгустившаяся мгла превратилась в мышцы и кости. Даже прыщик на пальце был желанным гостем. Колдун ликовал — он снова становился человеком!

Неизвестно, сколько будет продолжаться это блаженство. Поэтому Даймм хотел успеть ощутить столько плотских удовольствий, сколько это возможно.

— Жрать дайте! — раздался из тронного зала его рычащий голос, заставивший вскочить стражников-зелкаев. — Все что угодно, лишь бы можно было почувствовать вкус. Мои лечебные иглы! Привести сюда эту ведьму Сег! Согрейте зал! Живее! Живее!

Зелкаи ринулись исполнять приказания. Они были хорошо натренированы и четко знали, что ни единое мгновение столь желанной перемены не должно быть потеряно.

В ожидании исполнения слугами его желаний Даймм стоял и наслаждался, потягиваясь, похрустывая суставами и напрягая мышцы под кожей. Его ноги чуть вздрагивали от непривычной нагрузки. Босые ступни ощущали ледяной холод пола. Даймм с наслаждением прислушивался к каждому удару сердца, к каждому вдоху и выдоху. Боги! Ни один человек никогда не ценил свое тело, как Даймм в эти минуты.

Один из зелкаев ворвался в зал, неся поднос с тарелкой дымящейся ухи, которую в этот момент как раз готовила для себя охрана, горкой фруктов и лепешками из водорослевой муки. Слуга знал, что его расторопность будет оценена Хозяином Тумана, и награда может быть более чем существенной.

Даймм схватил пищу обеими руками. От запаха у него закружилась голова. Дымящаяся уха обжи-

гала горло, но, глотая слезы боли и удовольствия, он продолжал поглощать кусок за куском и глоток за глотком. Какое восхитительное чувство! Осознать пищу, чувствовать вкус, запах, тепло!

Другой слуга вбежал в помещение, протянул Даймму набор длинных игл. Быстрым движением чародей вонзил одну из них — иглу «По» — себе в запястье, перекрывая выход энергии «Ци». По руке немедленно растеклась горячая боль. Но даже эта обычно не самая приятная, болезненная процедура была удовольствием для человека, долгие годы лишенного всяческих ощущений.

Затем в зале появилась Сег в накинутом на голое тело плаще из тюленьей кожи.

— Ко мне, живей! — закричал Даймм. Женщина вздрогнула и сделала движение сбросить плащ.

— Оставь! Я хочу ощущать тебя и твою одежду!

Сег повиновалась. Уже двадцать лет Даймм не мог быть с нею, но за это время она не стала менее привлекательной. Та же кожа цвета слоновой кости, те же волосы — вороново крыло, те же манящие, чувственные формы.

— Живее! — рявкнул Хозяин Тумана.

В прошлый раз он превратился в туманное облако раньше, чем сумел закончить начатое. Нельзя было допустить повторения такой неудачи.

— Поторапливайся! — сказал он, повалил Сег на пол и рухнул сверху.

Зелкай-охранники демонстративно смотрели в потолок.

Клег остановил свой отряд в нескольких часах пути от гигантского леса. Зелкаям на пути встретилась свора охотничьих псов пайлов — этих мерзких прямоходящих рептилий. Но, к счастью, ящериц было немного, и они не стали связываться с зелкаями.

Несомненно, они бросились сообщить о встрече своим хозяевам, но за это время отряд уже вышел за территорию земли пайлов.

Одна проблема была решена, но оставалась другая, куда более сложная: как раздобыть талисман, столь нужный Великому Мастеру. Клег знал, что этот талисман является главной святыней Лесного народа и обитатели гигантской рощи не расстанутся с ним добровольно. Пусть у Клега в десять раз больше бойцов — все равно лобовая атака на сильно укрепленные позиции обречена на провал.

Нет, тут нужно что-то придумать, заставить Лесной народ отвлечь все свои силы на что-нибудь на то время, пока Клег будет похищать талисман. В конце концов, Клег не стал бы Первым среди зельщиков, если бы не его находчивость и сообразительность. Ничего, он что-нибудь придумает. Ведь если поход окончится неудачно — Клегу не сносить головы. Получить талисман или умереть — другого выхода у Клега не было.

Чин должна была уйти, чтобы подготовить назначенную на вечер церемонию. Она оставила Конана в компании ее братьев — Таира и Хока. Их встреча была достаточно дружеской, хотя киммерийца немало удивило хвастовство обоих братьев.

— А, тот самый великан варвар... — сказал Таир.

Встав рядом с ним, Конан с удивлением отметил, что его собеседник был действительно очень невысокого роста. Он едва доходил Конану до середины груди; даже Чин была выше него на целую ладонь.

— Я, к слову будь сказано, самый высокий среди Лесного народа, — продолжил Таир. — Да и в длине кое-чего мне здесь нет равных, — он хихикнул и подмигнул киммерийцу.

— Упражняйтесь во вранье без меня, — бросила им Чин и исчезла в ветвях.

Проводив ее взглядом, Таир и Хок предложили Конану прогуляться по деревьям. Каждое из растений-великанов было соединено с другими при помощи висячих мостов из лозы и лиан. Таир, по его словам, построил самые длинные и высоко подвешенные мосты, в основном самолично, воспользовавшись лишь незначительной помощью отдельных соплеменников.

Конан улыбнулся. Хвастовство и вранье были настолько явными, что даже не обижали его. Таир явно не мог рта раскрыть, не приукрасив себя. Когда же он замолкал, за дело брался младший брат.

— Ты видел, как я прыгал? — дернул Конана за рукав Хок. — Брат говорит, что я прыгаю лучше всех моих ровесников и лучше многих из тех, кто на много зим старше меня. А уж он-то зря не скажет.

Конан кивнул, стараясь не рассмеяться.

Оказалось, что селение на ветвях мало чем отличалось от любой нормальной деревни. Все было на своих местах: дома, небольшие загончики, в которых были заперты какие-то жующие листья животные. На толстых ветвях были разбиты настоящие грядки. Вокруг ствола одного из гигантских деревьев была сооружена большая платформа, на которой могли бы разместиться с полсотни человек. Наверное, место для чайных ритуалов, подумал Конан. Бог его родной Киммерии, Кром, жил на вершине древнего утеса. Интересно, каких богов создали себе люди, живущие на деревьях?

Конан и его спутники подошли к одному мосту, на который свалилась откуда-то сверху тяжеленная ветка, изрядно продавив подвесное сооружение. Четверо мужчин возились на мосту, безуспешно пытаясь сбросить ветку.

— Я сильнейший во всей нашей роще, — сказал Таир. — Сейчас я покажу этим слабакам, как надо сбрасывать ветки.

Он выпятил грудь и направился к соплеменникам. На мосту закипела перепалка. Похоже, те четверо вовсе не жаждали принять помощь Таира. Ведь если ему удастся сделать их работу, то в каком же неприглядном свете предстанут они сами. Конан только улыбался, глядя на все это.

Наконец Таир добрался до ветки и попытался одним движением поднять ее. Но даже когда он напряг все мышцы и уперся покрепче, злополучная ветка не сдвинулась с места.

Конан подошел к покрасневшему от натуги Таиру и негромко спросил:

— Тяжелая?

Таир оторвался от работы и вздохнул:

— И не говори. Если уж я не смогу ее сбросить, значит, это никому не под силу.

— Дай я попробую.

— Ты, конечно, мужик здоровый, но ведь сила — то не всегда в росте.

— Конечно.

— Ну ладно, можешь попробовать.

Конан расставил ноги пошире и крепко обхватил ветку. Напрягшись, он почувствовал, как она зашевелилась, и понял, что сможет скинуть ее с моста, хоть и не без труда. Тут его взгляд упал на Таира, наблюдавшего за киммерийцем с плохо скрываемым волнением. Еще бы, если Конану удастся сделать эту работу, то рухнет авторитет Таира как самого сильного человека в гигантской роще.

Киммериец пораскинул мозгами и понял, что такой поворот будет очень болезненным для Таира. В конце концов, подумал Конан, для него самого

достаточно осознания своей силы, а Таиру нужно подтверждение своей славы.

Конан сделал резкий выдох и отпустил приподнявшуюся ветку. Таир тоже вздохнул и облегчением.

— Очень тяжелая штука, — сказал Конан.

Таир согласно кивнул.

— Те четверо не смогли сбросить ее, ты тоже. Мне удалось лишь пошевелить ее.

— Ну? — недоверчиво произнес Таир.

— Может быть, мы вдвоем сделаем то, что не удалось четверым?

Губы Таира расплылись в улыбке.

— А почему бы и нет?

Таир, встав рядом с Конаном, вцепился в ветку. Киммериец старался не тянуть слишком сильно, чтобы его помощник чувствовал свою долю веса и не раскрыл обмана. Ветка дрогнула, покачнулась и наконец полетела вниз. Освободившись от лишней нагрузки, мост резко качнулся вверх, что лишь добавило радости стоявшим на нем.

Таир повернулся к своим соплеменникам и довольным голосом сказал:

— Видели, что могут настоящие мужчины? Ладно, знакомьтесь: это Конан, пришелец из далекой северной страны. И он мой друг.

Таир еще несколько минут похвалялся перед своими приятелями дружбой с черноволосым великаном, затем, захватив Хока, друзья продолжили свою прогулку.

Конан понял, что на этот раз его голова помогла рукам не нажить врага и обрести друга. Настроение у него было отличное.

Сайла встала с ложа, на котором спал беспорядочным сном измученный любовными утехами Райк. Она улыбнулась сама себе, выпивая колдовское сна-

добье, которое должно было обезопасить ее от последствий тех самых утех. Сейчас было не время для того, чтобы обзаводиться детьми. Не сейчас, когда она взялась за дело, которое превратит ее из хозяйки клочка пустыни в повелительницу огромной империи. Этому делу следовало отдаваться целиком. Сайла вовсе не собиралась упустить хоть одно из наслаждений, которые могло предоставить ее будущее положение. А уж толк в наслаждениях и удовольствиях она знала. Особенно в некоторых.

Когда пайлам удавалось захватить в плен человека, для всего народа людей-ящеров наступал праздник. Не было для них ничего вкуснее, чем человечина, правильно выдержанная и приготовленная. Частенько перед тем, как отправить очередную жертву в котел, пайлы держали ее некоторое время в специальной клетке, чтобы откормить и сделать мясо более ароматным при помощи особого продуманного питания. Сайла на правах Царицы имела доступ к пленникам.

Одна мысль, пришедшая Сайле в голову, сначала напугала ее. Но со временем Царица пришла к убеждению, что имеет право на кое-какие удовольствия. Райк, разумеется, оставался в неведении. Лишь самые доверенные слуги знали о тайнах Царицы, да и то лишь немногие. На самом деле Сайла занималась с пленными тем же, чем она занималась в постели со своим мужем. Законы пайлов запрещали это, но Сайла ощущала себя Царицей, для которой никакие законы не писаны. Мужчины отличались от самцов пайлов. Они по-другому пахли, двигались, а еще... некоторые части их тела были заметно внушительнее. Сайле нелегко было решиться на такое впервые. Она не была уверена, что выдержит такое вторжение в свое тело. Однако она не только не разочаровалась, а,

наоборот, получила больше удовольствия, чем от близости с Райком или с людьми из пайлов, которых она знала как любовников.

Увы, не так уже часты были пленники-люди, и недолго они жили в клетке, прежде чем отправиться в котел. Большинству из тех, кто отваживался на переход через пустыню, хватало ума обходить стороной владения пайлов. Так что в плену оказывались лишь отчаянные смельчаки или путешественники, даже не знавшие о существовании племени людей-ящеров. Но если пайлам удастся увеличить свою численность, найти место, где их не будут беспокоить, пока они вновь не наберут сил, тогда люди будут попадаться к ним в плен куда чаще. И добиться этого было делом ее личной гордости. Райк силен, но глуп. Сайла знала, что при старании она сможет заставить его плясать под ее дудку в этом деле, как это было всегда раньше.

Сайла снова улыбнулась. Жизнь — отличная штука для того, кто знает ее цену и умеет жить.

Глава 4

Ночь накинула черное покрывало на долину и укутала своим плащом гигантские деревья. В темной листве перекликались птицы и не умолкали цикады. Ночные бабочки и москиты кружились вокруг чадающих факелов, освещавших большую платформу, виденную Конаном днем.

Чин пригласила киммерийца на церемонию — ожидалось богатое угощение и много вина. Киммериец никогда не упускал случая поучаствовать в застолье и решил, что может отложить до утра продолжение своего путешествия.

Чин предупредила его, что лишь старейшины с каждого дерева и их жены будут участвовать в церемонии. Только для них хватит волшебного напитка, приготовленного из собранных Чин грибов. Остальным жителям гигантского леса придется подождать более удачного похода за волшебным снадобьем, чтобы принять участие в Лицезрении.

Когда Конан и Чин появились на платформе, там уже находились человек сорок. Участники вечеринки пели песни под сопровождение деревянных флейт и небольших барабанов. В одном углу Конан заметил множество скрученных и аккуратно уложенных веревок, но, прежде чем он успел спросить об их предназначении, Чин сказала:

— Мне нужно поприветствовать маму и принять участие в ритуале заклинания. Ты не растеряешься один в незнакомой компании?

Конан рассмеялся:

— В тот день, когда киммериец не найдет чем занять себя на дружеской вечеринке, солнце откажется показаться на небе.

Чин исчезла в толпе, а Конан направился к большому столу, уставленному кушаньями и напитками. Попробовав несколько мясных и овощных блюд, а также отведав разного вина, киммериец пришел к выводу, что Лесной народ изрядно преуспел как в кулинарии, так и в виноделии.

В центре стола стояла большая деревянная бадья с темным густым красным вином. Пожалуй, за всю жизнь Конану едва ли доводилось попробовать напиток вкуснее этого. Киммериец зачерпнул второй ковш прекрасного вина и подумал, что на земле есть, право, места куда менее пригодные для того, чтобы приятно провести время, чем эта странная деревня в гигантских кронах.

Вскоре Чин вернулась. Конан широко улыбнулся ей.

— Церемония скоро начнется, — сказала девушка, — может быть, ты хочешь поучаствовать?

— Спасибо за приглашение, но не стоит. Твой народ готовит замечательную еду и не менее замечательные вина. Я не думаю, что полупьяный чужестранец будет желанным гостем на вашей священной церемонии. Кстати, вон то вино, по-моему, особенно сильно ударяет в голову.

— Какое-какое?

— Вон то, в деревянной бадье. — Конан махнул рукой в сторону стола.

— Ты пил это вино?

— Ну да. Два ковша. И надо сказать, что было сильное искушение добавить к ним еще один. Но я побоялся, что не хватит всем приглашенным.

— Слушай, Конан, как зовут твоего бога?

— Моего? Его имя — Кром. Могучий воитель, живущий на Скале Героев. А почему ты спрашиваешь?

Чин положила руку на его могучее плечо и улыбнулась:

— Потому что в вине, которое тебе так понравилось, и было разведено волшебное снадобье, необходимое для таинства Лицезрения.

Некоторое время Конан моргал, переваривая полученную информацию, а затем осторожно спросил:

— И что из этого?

— Если снадобье подействует на тебя так же, как на нас, то вскоре у тебя будет возможность встретиться со своим богом.

Конан уставился на нее:

— А есть какое-нибудь средство против твоих поганок?

— Боюсь, что нет.

Конан призадумался. Встретиться с Кромом? Вообще-то он особо не торопился. Это всегда успеется.

Под покровом ночи Клег почти вплотную подобрался к большим деревьям и теперь внимательно наблюдал за тем, что на них происходило. Похоже, на одном из гигантских стволов отмечали какой-то праздник, множество народу пело и плясало на большой платформе, на высоте двадцати человеческих ростов. Отряд зелкаев остановился в получасе ходьбы от рощи. Талисман, как полагал Клег, находился на том самом дереве, где шел праздник. Так показал под пытками захваченный в прошлом набеге пленник. Что ж, пожалуй, застолье сыграет Клегу на руку. Под покровом темноты несколько зелкаев скрытно заберутся по стволу этого гиганта, используя специальные перчатки и сапоги из шкуры и зубов братьев-акул. Большая часть отряда должна поднять шум, атаковав другой конец рощи. Тем временем Клег попытается похитить талисман. Конечно, часть охраны на своих постах будет трезвой, но, когда вокруг столько выпивших людей, внимание даже того, кто не пригубил ни капли, притупляется, хотя бы от зависти.

Решено. Он сам и еще двое зелкаев попытаются похитить талисман, пока остальные отвлекают внимание Лесного народа.

Клег поспешил к своему затаившемуся в темноте отряду. Еще час-другой на перегруппировку — и можно начинать.

Конан неожиданно проснулся. Болела голова, хотелось пить. Что же такое произошло...

Ах да, вспомнил он. Вино, снадобье...

Осмотревшись, Конан увидел, что находится на платформе, а вокруг него лежит или сидит еще пара

дюжины обитателей рощи. Конан даже не мог точно сказать, сколько он проспал. Но похоже, снадобье Чин действовало на киммерийцев не так, как на ее соплеменников...

— Эй, Конан, — раздался громкий, низкий, полный неистовой силы голос.

Конан обернулся.

На другом конце платформы возвышался исполин, на две головы выше Конана. Крепко сложенный, одетый в меховые сапоги и волчью шкуру. Его голый торс маслянисто поблескивал в неверном свете факелов. Лицо незнакомца обрамляла широкая борода, в жутковатой улыбке показались два ряда белоснежных зубов, черные космы выбивались из-под бронзового шлема, украшенного парой длинных изогнутых рогов. Это был истинный воитель, человек, внушивший бы трепет любому смертному.

Конан вскочил на ноги.

— Кто меня звал?

Великан рассмеялся:

— Ты меня не узнаешь?

Конан почувствовал, как в животе словно лопнули кишки. Неужели это возможно? Но ведь ОН здесь — прямо перед глазами...

— Кром, — тихо вымолвил киммериец.

— Собственной персоной, мой мальчик. Подойди-ка сюда, посмотри, что я сотворил.

Конан облизнул пересохшие губы. Не каждый день удастся встретиться с богом.

— Что тебе от меня нужно?

— Ничего, малыш. Что ты можешь мне предложить? Ты же еще сосунок!

Кровь в жилах Конана закипела от гнева. Глаза сверкнули стальным холодным блеском.

— Ни один человек еще не называл меня сосунком!

— Так то люди, пацан.

Конан расстегнул ремень и, сняв меч, аккуратно положил оружие на платформу рядом с собой.

— Что ты надумал? — спросил Кром.

Конан поднял полусогнутые руки и сделал шаг вперед.

— Я докажу тебе, что ты ошибаешься, — прохрипел киммериец.

Кром снова разразился смехом:

— Ты что, драться со мной решил? Ты осмелишься сразиться с богом?

— А то нет. Мы, киммерийцы, мало на что не осмеливаемся.

— Похоже, я дал тебе чересчур много храбрости, но недодал ума.

— Возможно, — процедил Конан, приближаясь к великану.

— Ну что ж, Конан из Страны Дураков. Иди сюда, померяйся со мной силой.

Конан кивнул. Не самая худшая смерть — в поединке со своим богом. Едва ли можно найти более достойного противника.

Конан напряг все мышцы, сделал два быстрых шага вперед, бросился на Крома... и рухнул вниз с платформы.

Последнее, что услышал киммериец, летя на землю в полной темноте, — это громоподобный смех. А последнее, что пришло ему на память, — это то, что Кром был известен своей любовью к грубым шуткам и розыгрышам. Что ж, разыграть Конана ему удалось в полной мере.

Клег направил основные силы отряда в дальний конец рощи. Своему заместителю он вручил горящую свечу, закрытую от ветра стеклянным колпаком с отверстиями внизу и сверху.

— Когда пламя дойдет до второго кольца, начинайте атаку. Побольше шумите. Кричите, бейте копьями о щиты, зажигайте тут и там огни. В общем, делайте что хотите, лишь бы привлечь побольше внимания. Но не раньше, чем пламя дойдет до второго кольца, чтобы у нас было время подобраться поближе к цели.

— Будет исполнено.

Вместе с двумя самыми ловкими бойцами Клег направился к намеченному дереву. Весь отряд был одет в черное, поэтому, если не нарушать тишину, шансов быть обнаруженными немного.

Все трое надели акульи зубастые перчатки и сапоги и полезли вверх. Острые зубы вонзались в кору, как клыки в мясо, давая возможность продвигаться выше и выше. Главное — добраться до нижних ветвей, а там дело пойдет легче.

Подобравшись вплотную к толстому суку, на котором стоял охранник, Клег знаком приказал одному из своих товарищей двигаться с той стороны, где стражник явно заметит его.

— Эй, кто там? Это ты, Джайво? Вечно ты со своими шуточками, — раздался голос охранника. Не получив ответа, он явно забеспокоился: — Да кто там, наконец?

Стражник поднял копье и прицелился в приближающуюся тень. Но было уже поздно. Клег успел подняться по другой стороне ствола и в этот момент обрушился на часового со спины. В руках селка сверкнул острый как бритва обсидиановый кинжал, в долю секунды распоровший горло человека. Стражник не успел издать ни звука и рухнул вниз. Шум от удара тела о землю был громче, чем предполагал Клег, но все равно недостаточно заметен, чтобы привлечь внимание тех, кто был наверху.

— Живее, — сказал Клег, — у нас мало времени. Его спутники безмолвно кивнули и полезли дальше вверх по ветвям.

Конан очнулся от ощущения того, что его голова вот-вот разорвется, и обнаружил, что висит в воздухе, привязанный за ногу веревкой. Едва он успел осознать все это, как кто-то наверху стал вытягивать веревку.

Извернувшись, Конан ухватился за веревку руками, подтянулся и начал карабкаться вверх. Через несколько мгновений он уже вскарабкался на платформу.

За другой конец веревки держались Таир, Чин и еще два человека. Таир вздохнул:

— Да не дает мне соврать Зеленая Богиня, ты не легче, чем та ветка, с которой мы разбирались сегодня днем.

Конан выглядел смущенным.

— А как, как я там оказался? Я припоминаю. Я видел... самого Крома! Да! А потом решил побороться с ним.

Чин сказала:

— Это снадобье часто вызывает потерю ориентации. Поэтому все, кто участвует в церемонии, надевают спасательный трос, — и показала на свою лодыжку.

К ней была привязана одна из тех веревок, которые Конан видел в углу платформы. Вот зачем они были нужны. Хорошо придумано.

— Ты ведь не знал этого. Вот я и привязала тебя, пока ты спал.

— Я твой должник, — сказал Конан.

— Ну и как встреча с богом? Удачно?

— Я думаю, это было... поучительно, — ответил Конан и подумал, что стоило бы поостеречься вы-

зывать на поединок бога, будь то наяву или в бреду. Особенно такого шутника, как Кром.

Неожиданно откуда-то снизу донеслись завывания и грохот.

— Что это?.. — начал Конан.

— В роще чужие! — крикнула Чин. — На нас напали. Это наверняка опять зелкаи!

— Зелкаи? — переспросил Конан, но не получил ответа.

— К оружию! — закричал Таир. — К оружию!

Конан схватил с платформы свой меч. Он не знал, кто такие эти зелкаи, но если будет бой, то он найдет своему клинку применение.

Клег наблюдал, как люди на платформе рванулись на шум, поднятый его отрядом. Похоже, один из них был чужаком среди Лесного народа — высокий, крепкий парень, с черной гривой волос и с тяжелым мечом в руках. Но сейчас это уже не имело значения. Талисман, за которым Клег долго охотился, был всего в нескольких шагах от него, охраняемый лишь двумя женщинами-стражницами.

Клег кивнул своим товарищам. Выхватив по паре обсидиановых кинжалов, они бросились друг за другом по узкой ветке.

Стражница увидела приближающихся зелкаев. Одна из них метнула копьё, которое проткнуло горло первого из нападавших. Но в предсмертном усилии тот успел метнуть оба ножа. Лишь один из них достиг цели, ранив стражницу, но секундного замешательства хватило второму зелкаю на то, чтобы наброситься на обеих женщин. Нападающий и одна из стражниц упали вниз. Вторая женщина успела схватиться за сук одной рукой, но подбежавший Клег ударом сапога по пальцам заставил ее расслабить хватку. Стражница со стоном полетела вниз.

Подбежав к центральному сооружению, Клег клинком разрубил церемониальный узел, удерживающий дверь закрытой.

Внутри находилась одна большая корзина. Клег так же быстро разделался и с тем узлом, который запирает ее. Открыв корзину, предводитель зелкаев увидел талисман.

Это было зерно, твердое, в форме глаза, размером с небольшое яблоко, теплое на ощупь. Посмотрев на него секунду, Клег опустил талисман в мешочек, висевший у него на поясе, и поспешил к выходу. Он потерял двух бойцов здесь, еще больше погибнет, изображая атаку на рощу, но это уже не имело никакого значения. То, за чем он сюда пришел, было у него в руках.

Опуская вниз узловатую веревку, Клег заметил прижавшуюся к толстой ветке тень. Так, за ним следили.

Неожиданным броском Клег оказался рядом с таинственным силуэтом. Оказалось, что это мальчишка, подросток, дрожащий от страха. Удар рукоятки кинжала — и парень упал без сознания. Убивать его Клег не стал. Во-первых, у него можно было кое-что выведать. А главное, если на обратном пути его отряду встретятся пайлы, мальчишка может оказаться ценным товаром, возможно даже платой за безопасный проход по чужой территории.

Клег был сильнее обычного человека, поэтому ему не составило труда взвалить мальчишку на плечо и спуститься с ним вниз.

Оказавшись на земле, предводитель зелкаев поторопился к назначенному месту, где он должен был встретиться со своим отрядом.

Пока что все шло гладко. Даже слишком гладко, но Клег был не из тех, кто искушает судьбу, преждевременно торжествуя победу.

Глава 5

Конан ринулся вслед за Таиром туда, где раздавался шум боя. Несколько раз киммериец терял равновесие на узких ветках, но все же ему удавалось удержаться и не упасть. По пути к ним присоединялись все новые мужчины и женщины с оружием в руках. Наконец они добрались до крайних деревьев в дальнем конце рощи.

Обитатели осажденных деревьев сбросили на землю десятки горящих смоляных комков, и в их свете можно было рассмотреть, что происходит внизу. Конан рассмотрел с десятков мечущихся внизу теней, ведущих себя странным образом. Атакующие кричали, швыряли вверх камни, потрясали копьями, но в общем лишь шумели, не предпринимая никаких реальных действий. Сначала они показались Конану людьми: привычного роста, с руками, ногами и головами, они даже кричали голосами, похожими на человеческие. Но было в их движениях, во всем облике что-то нечеловеческое, чужое. Зелкаи — так, кажется, назвал их Таир.

Таир проскользнул дальше других по тонкой ветке, занес копьё для броска, но замер в нерешительности, внимательно присматриваясь к тому, что творилось внизу.

— Что они делают? — спросил он, повернувшись к Конану. — Они что, с ума посходили?

Действительно, было чему удивляться. Вся эта возня ничем не грозила обитателям деревьев. В то же время несколько зелкаев уже лежали на земле неподвижно, пронзенные копьями, пущенными сверху.

— Может быть, они отвлекают нас? — предположил Конан.

— Интересно, от чего?

— Может, стоит поймать одного из них и порасспросить его?

— Отличная идея, Конан.

Таир сбросил вниз аккуратный моток веревки и полез по ней раньше, чем она успела размотаться. Никогда еще Конан не видел, чтобы человек карабкался с такой скоростью. Паук, перебирающийся по своей паутине, вряд ли смог бы сделать это более ловко и быстро. Не тратя времени на дальнейшие сравнения, киммериец сиганул вниз вслед за Таиром.

Заметили ли атакующие спустившихся приятелей, или же это входило в их первоначальные планы, но в тот миг, когда Конан коснулся земли, зелкаи перестали шуметь и, развернувшись, бросились в темноту.

Прижав меч к боку рукой, Конан бросился вслед за ними. Если по ловкости лазания он и уступал Таиру, то на земле его длинные ноги давали ему преимущество. В два прыжка он обогнал своего друга и начал нагонять последнего из убегающих зелкаев. Тут киммериец подумал, что остановить убегающего нужно, не убивая его. Но как? Ударом меча по ноге? Пойдет!

Звездный свет уже отразился от занесенного для удара клинка, но тут убегающий почувствовал, что над ним нависла опасность. Что предупредило его: инстинкт, периферическое зрение, четкий слух или другое, неведомое человеку чувство? Этого Конан не знал. Но как бы то ни было, намеченная жертва в последний момент оглянулась и успела отпрыгнуть в сторону.

Удар пришелся мимо цели, и Конан даже слегка потерял равновесие. Отвлечшись, киммериец не заметил торчащего из-под земли корня и, зацепившись за него ногой, на полной скорости перешел с бега

на полет. Уже в воздухе Конан успел произнести ругательство, впервые услышанное им от отца, когда тот, работая в кузнице, заехал молотком себе по руке.

Судьба улыбнулась убежавшему селку лишь на секунду — наверное, для того, чтобы затем повернуться к нему спиной. Увидев споткнувшегося киммерийца, он попытался свернуть в сторону, но, засуетившись, не выбрал вовремя направления и в результате лишь застыл на месте.

Конан всем своим немалым весом налетел на замершее в ужасе существо и сбил его с ног. Вместе они пропахали по земле еще несколько пядей. Причем киммериец ехал сверху, словно мальчишка на санках.

Остальные зелкаи, не замедлив бега, скрылись в темноте.

Мгновение спустя к Конану и его пленнику подбежал Таир.

— Я, конечно, лучший акробат во всей роще, — восхищенно сказал он, — но такой прыжок — это что-то бесподобное. Ты просто обязан научить меня таким штучкам.

Конан посмотрел на лежащего без чувств зелкаю, затем на Таира и решил не выдавать себя.

— Это-то? А, чепуха! У нас в Киммерии так любой ребенок может.

— Ну что, понесли этого бедолагу наверх, а там уж и допросим его?

— Давай, — ответил Конан.

Вдруг до его слуха донесся шум множества шагов. Конан выставил вперед меч и приготовился к бою. Но оказалось, что это были не приятели пленного зелкаю, а спустившиеся вниз жители рощи. Один из бегущих крикнул:

— Священное зерно! Они похитили зерно!

Стоя вновь на большой платформе, Конан внимательно слушал рассказ Чин.

— Деревья в нашей роще — самые большие в мире. Но так было не всегда. Двадцать поколений назад одна из наших шаманок сумела создать заклинание, заставляющее деревья расти втрое, вчетверо больше, чем обычно.

Конан кивнул, но ничего не сказал и лишь просительно посмотрел на пустую корзину у ног Чин. Девушка продолжила:

— Но этого было недостаточно. Эта земля могла бы вдоволь напитать таких великанов. Тогда та шаманка — ее звали Джинд — придумала еще одно заклинание, которое вложила в особое зерно. Это зерно питает энергией все растения вокруг себя.

Опять магия, недоверчиво подумал Конан. Он не особо любил такие штучки, предпочитая оставаться в стороне от всякого рода колдовства.

— Без этого зерна наши деревья скоро засохнут и умрут.

Печально, мелькнуло в голове Конана. Но он все равно предпочел бы не вмешиваться в это дело.

Неожиданно Таир прервал рассказ Чин, запыхавшись вынырнув из темноты.

— Ты не видела Хока? — спросил он.

— Нет, — ответила Чин и посмотрела на Конана.

— Я... его видел последний раз в самом начале церемонии.

— Он должен быть в детской, — сказала Чин.

— Должен, но его там нет, — мрачно промолвил Таир.

— Пусть барабанщики пробьют общий сбор. Мальчишка, наверное, спрятался где-нибудь во время всей этой заварухи, — сказала Чин.

Но даже когда замолкло последнее эхо последнего удара барабана, когда были обысканы все де-

ревья, Хок не появился. Не нашли и его тела под деревьями. На лице Чин отразилось смешанное чувство гнева и горя.

— Вместе с источником жизни нашего леса зелкаи похитили и моего младшего брата.

Солнце безжалостно палило отряд зелкаев, упорно, не останавливаясь преодолевавших песчаную равнину страны пайлов. Клег не чаял добраться до прохлады видневшихся впереди гор как из-за изнуряющей жары, так и из соображений безопасности. Пока что, правда, ему и его отряду сопутствовала удача. Еще немного везения, и они без лишних приключений доберутся до дома, выполнив приказ Повелителя.

Но эта безмятежность была нарушена: на гребне недалекого бархана показался отряд пайлов, вооруженных пращами и дротиками.

Сосчитав противников, Клег понял, что отряд пайлов лишь ненамного превышает по численности его группу. Тогда Клег приказал зелкаям остановиться.

Он ожидал немедленного нападения. Но к его удивлению, пайлы не торопились ввязаться в бой, суливший множество смертей с обеих сторон. Пайлы в свою очередь остановились. Клег счел это хорошим знаком.

Некоторое время спустя от группы пайлов отделилась одна фигура. Вокруг бедер этого человека-ящерицы был обмотан красный пояс — видимо, знак его положения командира. И то хорошо, подумал Клег, ведь для зелкая все пайлы были на одно лицо.

Один из зелкаев поднял копье и замахнулся, чтобы метнуть его в приближающегося пайла.

— Не вздумай, — рывкнул на него Клег, — может быть, удастся договориться с ними.

Клег направился навстречу пайлу. Не дойдя друг до друга нескольких пядей, человек-рыба и человек-ящер остановились.

— Вы находитесь на территории пайлов, — начал человек-ящер. Он странно хрипло произносил слова, но его вполне можно было понять.

Клег не стал отпираться и доказывать обратное.

— Да, так получилось. Мой господин, Великий Мастер, приказал мне выполнить его поручение как можно быстрее. Идти в обход стоило бы нам двух дней пути.

— Попытка пройти по чужой территории обойдется вам куда дороже. Мой Повелитель, его величество Царь Райк, приказал мне оберегать его владения от всяких проходимцев.

— Значит, наш путь не позволят пройти?

— Именно. И учти, что нас больше.

— Действительно, хотя и ненамного. Если завяжется бой, погибнет большинство воинов из обоих отрядов.

— Правда. Это неприятно, но тут уж ничего не поделаешь.

Человек-ящер повернулся и направился к своему отряду.

— Подожди немного, — сказал Клег. — Нет ли у нас другого выхода?

Пайл остановился:

— Я тебя слушаю.

— Нет ли возможности пропустить нас через вашу землю без боя?

— Сомневаюсь.

— А если мы найдем для этого достойную причину?

— Нет ничего невозможного.

Клег повернулся к своим и быстро произнес несколько фраз на родном языке зелкаев, казавшемся

пайлу беспорядочной чередой шипенья и свиста. Один из сторонников Клега спешил, снял с вьючного скрата большой кожаный мешок и побежал с ним к командиру.

Рука пайла дернулась к висевшему на поясе кинжалу.

— Не волнуйся, друг. Это не ловушка, — заверил его Клег. — Подожди немного.

Мешок был положен у ног Клега. Принесший его отступил назад.

— Я слышал, что время от времени пайлы вкушают странные блюда...

— Ну уж не рыбу и не мясо рыбомордого. Еще не хватало жрать всякую мерзость, — ответил человек-ящер.

Клег кивнул. Он тоже это знал и ничего не имел против.

— Подожди, — сказал он, развязывая мешок и вытряхивая оттуда потерявшего от духоты сознание мальчишку, похищенного в гигантской роще.

Глаза пайла заблестели.

— А, человек...

— Именно. По правде говоря, нам он не то чтобы очень нужен. Может быть, вы возьмете его себе?

Человек-ящер моргнул:

— А взамен мы даем вам возможность беспрепятственного прохода по нашей территории.

— Я как раз подумал об этом.

— Не очень-то большой, этот человечек.

— Это правда. Но другого у нас с собой нет. Но ты прикинь, какой у нас с тобой выбор. Твои и мои воины будут сражаться храбро. Большинство из них погибнет. Вы можете победить, но это будет дорогой победой. И если ты выживешь только для того, чтобы принести твоему Царю весть о том, что боль-

шая часть его отряда погибла, будет ли это для него радостным известием?

— Конечно нет.

— А если ты, наоборот, вернешься с этим вкусным мальчишкой для общего праздничного стола — не будет ли это большей честью для умелого командира?

Пайл оглянулся на свой отряд и сказал:

— В том, что ты говоришь, есть доля правды, но не забывай, что пайлы — умелые и храбрые воины. Мы могли бы победить вас и захватить мальчишку.

— Храбрость пайлов не подвергается сомнениям, — сказал Клег, — но все же победить нас будет нелегко.

Человек-ящер кивнул:

— Да, люди-рыбы — достойные противники. — Он еще раз посмотрел на мальчика, а затем растянул губы в ужасной гримасе.

Клег сначала подумал, что это угроза или оскорбление, но быстро сообразил, что пайл всего лишь улыбался.

— Мы, пайлы, сегодня проявляем великодушие в честь приближающегося Праздника Луны — пропускаем отряд людей-рыб, случайно оказавшихся на нашей территории.

— Вы великодушны и мудры, — сказал Клег.

— Это и требовалось подтвердить.

— Если тебе придется оказаться в моей стране, я буду рад помочь тебе.

— Договорились.

Сделка была заключена, и, по мнению Клега, он сторговался совершенно недорого. Все. Теперь между ним и его целью не стояло ничего, кроме нескольких дней безопасного путешествия. Великий Мастер будет доволен своим слугой.

Глава 6

Даймм поднес к губам чеканный золотой кубок с тонким аквилонским вином. Действительно, жители Аквилонии — непревзойденные виноделы. Из этой страны, с берегов реки Тайбор к югу от Шамара, привозились самые изысканные напитки. А этот кувшин был, пожалуй, лучшим из лучших. Прошло уже несколько часов с тех пор, как Даймм вновь обрел тело, и теперь, насытившись всеми грубыми ощущениями, он собирался вкушать самых изысканных удовольствий. Он улыбнулся. Принюхиваясь к вину и представляя себе, как оно потечет по его телу, давая приятное тепло.

Но этому не суждено было сбыться. Легкий холодок, предвестник превращения, пробрался под кожу.

— Нет!

Кубок упал. Колдун не бросил, не уронил его. Просто он не смог больше удержать его в руках. Не успело еще вино расплескаться по трону, а Даймм, жертва заклатья давно умершего колуна, уже превратился в нечто не более плотное, чем дым.

В гневе чародей изрыгал проклятия, надеясь, что они все-таки достигнут души его мучителя, как бы далеко в царстве мертвых она ни спряталась. Даймм призывал все возможные болезни и напасти, полчища демонов, взывал к ненависти всех великих и малых богов, желая извести душу своего давнего врага.

Неожиданно Даймм обнаружил себя в нескольких шагах от трона и прекратил сыпать проклятиями. Что толку от ругающегося облака? Все это ни к чему. Вся надежда на то, что Клег добудет-таки последний компонент противоядия. Остальные части уже давно ждали своего часа в самой надежной,

хорошо охраняемой комнате замка. Нужен был лишь последний талисман, а затем — тысячи раз повторенное про себя заклинание Даймм произнесет вслух, избавившись наконец от мучительного проклятия.

Где же ты, Клег? Удачи тебе, и торопись, торопись же!

— А что они сделают с Хоком? — спросил Конан.

Таир, собирая все необходимое для долгой дороги, сказал:

— Убьют. Это несомненно. Вопрос только в том — когда и как. Зелкаи — слуги Хозяина Тумана, Абета Бласы, который живет в большом горном озере в шести днях пути отсюда. Они украли Зерно для какой-то его прихоти, и теперь наша роща может погибнуть. А что касается моего брата, — он пожал плечами, — остается надеяться, что мы настигнем их раньше, чем они убьют его.

Конан кивнул, а Таир добавил:

— Помощь еще одного сильного человека могла бы оказаться нам кстати.

— Да, — сказала Чин, подходя к брату, — Конан, ты мог бы оказать нам большую услугу, отправившись с нами.

Конан задумался. Чин спасла его от дракона, но этот долг киммериец вернул незамедлительно. Затем Лесной народ предложил ему свое гостеприимство. Он ел с ними, пил их вино. Конечно, все это не требовало взамен рисковать жизнью. Но в голове Конана еще были свежие воспоминания о годах, проведенных в рабстве, когда ему было столько же лет, сколько сейчас Хоку. Конан ненавидел рабовладельцев и похитителей детей.

— Когда мы отправляемся? — спросил он.

Осмотрев пленника, Сайла пришла к выводу, что он еще слишком молод, чтобы служить ее утехам. С другой стороны, его молодость обещала нежное мясо. В общем, его появление можно было истолковать как доброе предзнаменование. Да и небольшая пирушка накануне похода за талисманом Лесного народа будет нелишней. Пусть воины отведают того кушанья, которого у них со временем будет в избытке. Поход за талисманом был уже почти решенным делом. Сайла смогла втолковать Райку, что главной проблемой пайлов была их малая численность. Зато их дети выросли намного быстрее человеческих. Если к этому добавить влияние волшебного талисмана, то победному распространению пайлов не будет преград.

Стэл — командир отряда, доставившего мальчишку, — стоял перед Райком и в десятый раз повторял, изрядно приукрашивая, историю своей встречи с зелкаями:

— ...и хотя людей-рыб было вчетверо больше нас, они предложили выкуп и запросили пощады. Раз уж Праздник Луны не за горами, я и решил, что закуска нам не помешает, а эти несчастные, случайно набредшие на нашу территорию, пусть катятся на все четыре стороны.

Райк кивнул и похлопал Стэла по плечу:

— Ты все сделал правильно. Я не сомневаюсь, что ты одолел бы их без труда, но твои действия доказывают, что ты умеешь работать не только руками, но и головой. Лучше вкусно поесть, чем хоронить товарищей.

Сайла закатила глаза и тяжело вздохнула. Мужчины есть мужчины. Хвалятся друг перед другом, заранее зная, что девять десятых рассказанного — ложь. И все же Стэл был парень хоть куда: честолюбивый, красивый, сильный. Надо будет как-ни-

будь затащить его в постель. Повязанный общим секретом, он будет верно служить своей Царице.

Пленника поместили в специально выстроенную для таких случаев клетку, откуда он со страхом поглядывал на стоявших вокруг. Похоже, он знал, что его ждало.

Сайла подошла к клетке и улыбнулась мальчику

— Есть хочешь? — спросила она.

Тот не ответил.

— Не бойся, тебя будут хорошо кормить. Праздник Луны — через четыре дня. И ты будешь есть столько, сколько в тебя влезет. Эх, жалко, что ты не достался нам месяц-другой назад. За четыре дня тебя особо не откормишь.

Мальчишка вздрогнул — несомненно, он все знал.

Сайла отвернулась от клетки и собралась уходить. Вдруг словно молния вспыхнула у нее в мозгу: а с какой стати люди-рыбы оказались на ее территории? Наверняка они возвращались из Гигантской рощи, иначе где бы они взяли этого пленника.

Царица пайлов подошла к Царю и Стэлу.

— Я прошу прощения, о великий воин. Хотелось бы знать, люди-рыбы не сказали, какие дела привели их к Лесному народу?

Стэл прошелся голодным взглядом по телу Сайлы. Царь не обратил на это внимания, в отличие от Царицы, заметившей этот взгляд.

— Нет, повелительница, мы не говорили об этом.

— Какое нам дело до этих зелкаев, — вставил Райк.

— Учитывая наши некоторые планы, касающиеся Лесного народа, нам до всего есть дело, дорогой Райк.

— Спроси мальчишку, — со смехом сказал Райк. — Может быть, он тебе скажет, зачем к ним приходили люди-рыбы?

Царь сказал это в шутку, но Сайла с серьезным видом развернулась и пошла к клетке.

— Послушай, мальчик. Ты знаешь, зачем к вам пожаловали люди-рыбы?

Парнишка забился в дальний угол клетки и молчал.

— Говори.

Молчание.

Сайла прикинула: окажись она на месте этого мальчика, стала бы она хоть что-то говорить тем, кто через несколько дней собирается съесть ее. Да ни за что!

— Ладно. Скажешь — можешь быть свободен.

Услышав такие слова, Райк крепко выругался и окликнул жену:

— Эй, Сайла!

Она только дернула плечом:

— Помолчи, муженек.

Мальчишка переводил взгляд с Царя на Царицу.

— Это правда? Если я скажу, вы отпустите меня?

— Клянусь могилой матери, — ответила Сайла.

Мальчик заморгал, прикидывая, стоит ли верить этим словам. Наконец он сказал:

— Они похитили зерно. Я видел, как один из них взял его. Я хотел проследить за ним, но меня схватили.

Сайла уставилась на мальчишку. Зерно? Это ведь и есть волшебный талисман гигантской рощи. Как же этим рыбам удалось то, что пайлы безуспешно пытались сделать уже так долго?

— Именем Великого Дракона! Это правда?

— Да, госпожа.

Сайла гневно посмотрела на Стэла:

— Ты идиот! Ты позволил этим зелкаям ускользнуть и унести истинное сокровище!

— Но, Сайла... — начал Райк.

Царица молча смотрела ему прямо в глаза. Поняв, что произошло, Царь резко повернулся к Стэлу:

— Собирай свой отряд. Возьми столько воинов, чтобы превосходить численность противника. Я сам возглавлю погоню. Ничего, если повезет, мы настигнем их раньше, чем они доберутся до своего озера.

Стэл поспешил выполнять приказание.

— Вам стоит поторопиться, — сказала Сайла мужу. — Если этот колдун с озера наложит лапу на талисман, не видать нам его как своих ушей.

— Госпожа, — раздался из клетки голос пленника. — Вы не забыли про свое обещание?

Сайла даже не посмотрела на него.

— Не смей меня, мальчик. Неужели ты не понял, что никто тебя отсюда не выпустит?

— Но вы же поклялись!

— Я соврала. Можешь обсудить это со своими богами. Благо, ты их скоро увидишь. Через четыре дня.

Клег предвкушал спокойную дорогу, но он не учел того, что всегда оставалось тайной для зелкаев, — погоду.

Вскоре после того, как его отряд дошел до подножия первых холмов, разразилась буря. С одной стороны, Клег радовался влаге, повисшей в воздухе, с другой — его волновало, не замедлит ли буря их продвижения вперед.

Так и случилось. Сначала пурпурные тучи закрыли небо, засверкали молнии, и затем ветер нагнал дождь прямо на холмы. Грохотал гром, первые крупные капли прибили пыль... Вдруг ливень обрушился на путников сплошной стеной. Мир посерел и сузился до нескольких пядей вокруг. Глупые скраты остановились и отказались идти дальше, несмотря

на многочисленные удары кнутом и уколы наконечниками копий.

Клег улыбался. Что ж, если нельзя избежать задержки — стоит насладиться водой. Дождь шел так густо, что можно было бы вдыхать его. Клег с трудом поборол искушение совершить Превращение и рухнуть в какую-нибудь лужу, хоть наполовину погрузив себя в воду.

Клег вспомнил, что впереди им предстояло пересечь множество долин, дно которых теперь наверняка представляло собой ревущий поток. Что ж, после Превращения для зелкаев вода не преграда. А скраты, что же, если глупые звери не хотят идти вперед, они послужат отличной забавой и пищей Превращенным зелкаям. До дома оставалось не так далеко, и остаток пути можно было пройти пешком. Повелитель никогда не подсчитывал точное количество скратов, а по сравнению с приобретенным талисманом потеря нескольких животных и вовсе была пустяком.

Клег, улыбаясь, наслаждался дождем.

Отряд Лесного народа насчитывал около двух дюжин бойцов — примерно поровну мужчин и женщин. Кроме того, у них с собой были звери-следопыты, похожие на больших пятнистых котов. Таких тварей Конану раньше видеть не приходилось. Их держали на длинных веревках по две-три штуки на сворке.

Чин и Таир задали хороший темп, но Конан все равно попросился вперед: киммерийцы не умели так ловко лазить по деревьям, но им не было равных как следопытам. Конан легко искал следы прохождения зелкаев даже на сыпучем песке пустыни пайлов.

Чин и Таир согласились отпустить Конана вперед. Он легко пошел по следу, раскрывавшемуся

перед ним, как раскрывается перед обычным человеком протоптанная тропа.

— Берегись корг! — крикнула ему вслед Чин.

— Спасибо за предупреждение, — ответил Конан.

Отряд пайлов насчитывал около сотни бойцов. Плюс к этому с поводков рвались несколько десятков похожих на драконов корг. Корги с яростью нюхали след зелкаев. Их хозяева почти бегом следовали за ними. Сайла проводила их взглядом до горизонта.

Войдя в свои покои, Сайла улыбнулась. Если охота продлится долго, то ушедшие пропустят праздничное угощение. Печально, конечно, но не для тех, кто остался в пещерах. Особенно повезло ей. Ведь на этот раз Царице достанутся те куски, которые традиционно оставляют Царю. Нужно извлекать выгоду из всех жизненных ситуаций, подумала Сайла, глотая слюнки.

Глава 7

Конан обогнал отряд Лесного народа на полдня к тому времени, когда наткнулся на следы встречи зелкаев и другой группы. К счастью, дожди еще не дошли до этих мест, и следы остались почти нетронутыми. Вон из-за того бархана появились эти незнакомцы. Их следы отличались от следов зелкаев и еще больше напоминали человеческие, хотя острый взгляд Конана быстро обнаружил различия. Видимо, это и были пайлы, хозяева пустыни.

Киммериец, наклонившись, внимательно осматривал следы, читая их, словно книгу. Вот здесь двое

зелкаев вышли навстречу одному из пайлов. Один из них тащил что-то достаточно тяжелое, увесистое — отпечаток лапы резко выделяется на песке. Но возвращался он уже налегке. А вот пайл, наоборот, оставил куда более глубокие следы, направляясь назад, к своему отряду. А вот и этот таинственный груз — след на песке от тяжелого мешка, — наверное, все же легче взрослого человека. Вполне вероятно, что это и был мальчишка. Как бы то ни было, пайл унес мешок с собой.

Конан не учился в обычной школе, не умел читать. Но по следам он читал не хуже, чем другие люди читают по свиткам. К тому же Чин рассказала ему, что зелкаи и пайлы не были в дружественных отношениях между собой. Значит, если при их встрече на территории пайлов не произошла стычка, то скорее всего зелкаи заплатили выкуп за право беспрепятственного прохода.

Как говорила Чин, пайлы любили полакомиться человечинной. Значит, скорее всего Хок был отдан им на съедение в качестве платы за право перехода по чужой территории.

Куда же теперь следовало идти? Зелкаи отправились на восток, к своему озеру, а пайлы — на север. Конан подумал, что Хок теперь в большей опасности, чем раньше. Если зелкаи зачем-то несли его с собой и могли нести до самого своего дома, то пайлы вполне могут сожрать его в любой момент.

Конан сделал выбор. С зерном ничего не случится, даже в руках зелкаев. А мальчишка может погибнуть.

Киммериец положил на следы пайлов палочку в виде стрелы. Под ней он начертил фигурку человека, обозначающую Хока. Под второй стрелой, положенной на след зелкаев, он нарисовал зерно. Когда Таир

и Чин доберутся сюда, они поймут по следам, куда пошел Конан, а по рисунку — почему. Только бы ветер не стер его чертежи раньше, чем их прочтут те, кому они предназначены.

Конан сделал большой глоток из бурдюка с водой, поправил меч на поясе и зашагал на север.

За бурей, в первый раз остановившей зелкаев, последовала другая. За ней еще одна и еще. Клегу и его спутникам ничего не оставалось делать, как ждать.

Там, где их застал очередной ливень, Клег увидел довольно большой пруд, еще недавно бывший мелкой лужицей. Что ж, эта остановка будет более приятной, чем предыдущие.

— Приведите одного скрата, — приказал Клег. Ему пришлось кричать, чтобы перекрыть шум ливня. — Столкните его в этот пруд.

— Но, Первейший... — удивленно произнес один из его подчиненных.

Клег широко улыбнулся, обнажив красивые, крупные зубы.

— Пусть ребята развлекутся — поплавают, а заодно и пообедают. Пойдет?

На лицах зелкаев, как в зеркале, отразилась улыбка Клега.

— Еще бы! — радостно воскликнули они, скаля зубы.

Возвращаясь из кухни, где она обсуждала детали приготовления угощения к предстоящему Празднику Луны, Сайла обратила внимание на какой-то шум, раздававшийся у входа в пещеру. Не мог же Райк так быстро вернуться.

— Что там за шум? — спросила Царица у одной из служанок, шедшей от главного входа.

— Это корги, госпожа.

— Я думала, что Царь забрал их с собой.

— Не всех, госпожа.

Сайла направилась к выходу, чтобы выяснить причину беспокойства животных.

Над пустыней дул влажный теплый ветер. Где-то вдалеке на востоке собирался дождь. К сожалению, над пустыней пайлов дожди проливались редко, и воды никогда не было в достатке.

Старый пайл, присматривавший за коргами, стоял у их окруженного высоким забором загона и кричал на крупных — с человека ростом — ящериц, носившихся из угла в угол:

— Заткнитесь, вы, тупые твари!

— Что случилось, Равл? — спросила старика Сайла.

— Не знаю, госпожа. По-моему, корги что-то учуяли.

— И что ты собираешься делать?

Старик лишь пожал плечами:

— Ничего. Царь приказал держать эту свору взаперти.

— Царя здесь сейчас нет. Я приказываю выпустить их. Пусть поохотятся и разберутся с тем, что их так беспокоит. Да и здесь потише будет.

— Как прикажете, Царица Сайла.

Равл открыл калитку в загоне, и корги рванулись наружу, смешно задрав хвосты для равновесия. Царицу не особенно волновали сторожевые псы. Будь ее воля, ни одной этой твари не было бы и рядом с пещерами. Эти проглоты больше жрут, чем приносят пользы. Только мужчины могут возиться с ними и любить их. Наверное, они и сами недалеко ушли от своих подопечных по уму. Может быть, эта свора, заохотившись, потеряется где-нибудь в пустыне и не вернется... Вот будет славнотто.

Конан издали заметил приближающиеся фигуры и понял, что ему не миновать новой встречи с драконоподобными сторожами пайлов. Юноша выхватил меч и осмотрелся. Никакого укрытия по соседству. Лишь небольшой холм с довольно крутыми склонами, высотой в три человеческих роста. Что ж, это лучше, чем ничего. По крайней мере хоть какое-то преимущество. Прикинув оставшееся в его распоряжении время, Конан полез вверх по склону.

Уже почти у самой вершины он чуть не свалился в хорошо замаскированную яму примерно в его рост глубиной. Края углубления в песчаном склоне были четко очерчены и напоминали Конану нечто подобное, уже виденное им.

Обойдя яму, Конан выбрался на вершину пригорка. Если повезет, одна из ящериц может, не заметив ямы, свалиться туда, и если не поломать ноги, то потратить время на вылезание, дав киммерийцу мгновение передышки.

Конан поудобнее взял меч. Семь тварей. Да, шансы остаться в живых невелики. Но если этому бою суждено стать последним для киммерийца, он постарается подороже продать свою жизнь и предстать перед Кромом с возможно большим количеством поверженных противников у ног. Конан надеялся, что Кром уже забыл их предыдущую встречу, но понимал, что для этого прошло еще слишком мало времени.

С шипением и свистом ящеры подбежали к Конану и полезли вверх, почти не замедлив скорости.

Конан повыше занес меч. Если повезет, одним сильным ударом можно будет достать сразу двоих.

Видимо, какой-то бог был в тот день в добром настроении. Первая из корг, не глядя под ноги, рухнула в яму прямо под тем местом, где стоял

Конан. Тот, даже на пороге смерти нашел силы улыбнуться: тупые твари.

Остальные корги, увидев, что произошло с их вожакom, замедлили шаг и обогнули яму.

Когда первый ящер перевалил через гребень и ринулся на Конана, тот резко шагнул влево и, с силой опустив меч, начисто снес чешуйчатую голову с плеч.

Обезглавленное тело пробежало еще несколько шагов, но уже мимо киммерийца.

Вовремя обернувшись, Конан горизонтальным ударом меча вспорол брюхо еще одной зверюге. Корг, глядя на вывалившиеся внутренности и удивленно моргая, потерял всякий интерес к человеку.

Но оставшиеся были уже тут как тут, подходя к киммерийцу вплотную. Конан поменял стойку и перехватил меч так, как удобнее для ближнего боя. Если повезет, еще одна тварь отправится на тот свет вместе с ним. А может быть, и две...

Неожиданно из ямы донесся стон поверженного чудовища, оборвавшийся так же внезапно, как и начался.

В тот момент, когда еще одна жертва наткнулась грудью на острие клинка, Конан рискнул бросить взгляд в сторону ямы.

Оттуда из-под земли выбиралось нечто. И это существо явно не свалившийся в яму корг.

В этот миг Конан вспомнил, где он видел подобную яму. Обычно они были маленькими-маленькими, и в них сидели в засаде похожие на пауков насекомые, питавшиеся муравьями и мелкими жуками, имевшими несчастье свалиться в подготовленную ловушку.

То, что вылезало из этой ямы, было раза в два больше корги и более всего походило на паука из кошмарного сна какого-нибудь безумного бога. От

черного блестящего туловища отходили клещи толщиной в руку, с крюкообразными жалами, на конце которых сочилась какая-то, скорее всего ядовитая, жидкость. Не меньше восьми ног толкали это чудовище на поверхность.

— Кром!

Быстрее, чем можно было предположить, чудовище выкарабкалось на поверхность и атаковало ближайшую к нему коргу. Раздался треск сомкнувшихся челюстей — и тело ящера, разорванное на две части, рухнуло на землю.

Оставшиеся корги опасно замерли, чем привлекли внимание подземного монстра. К их несчастью, чудовище было больше, сильнее и двигалось быстрее своих покрытых чешуей жертв.

Конан развернулся и бросился бежать. Ему вовсе не улыбалось выяснение гастрономических пристрастий черного чудовища. Пусть оно нажрется ящерами досыта! Ни к чему разнообразить его меню собственной персоной.

На бегу Конан внимательней, чем обычно, глядел себе под ноги.

Клег, не торопясь, вошел в озеро. Дождь продолжался, хотя и не такой сильный, как раньше. Но чем глубже заходил в воду предводитель зелкаев, тем меньше значил для него дождь.

Погрузившись с головой, Клег начал Превращение.

С первым же водяным вдохом на его шее раскрылись жабры. Кости, похрустывая, вытянулись. Ноги удлинились и слились в одно целое. Ступни превратились в вертикальный хвостовой плавник, более длинный в верхней части. Руки прижались в бокам, оставив свободными лишь кисти, превратившиеся в плавники. Из спины тоже вылез большой

треугольный плавник. Глаза Клега округлились и сдвинулись в стороны и назад. Рот растянулся, превратившись в пасть с несколькими рядами острых как бритва зубов.

Через несколько секунд Превращение было завершено. То, что еще недавно было Клегом — человекоподобным существом, теперь превратилось в покрытую чешуей рыбообразную тварь.

Изгибом хвоста Клег направил себя туда, где, как подсказывали ему его новые чувства, ждал свой участи заведенный в воду скрат.

Участь его была предрешена — стать добычей.

Клег ощущал, что где-то по соседству его собратья тоже совершают Превращение и тоже жаждут охоты, но он был первым. Раскрыв пасть, Клег налетел на тушу скрата.

Через несколько мгновений вода в озере превратилась в кровавую жижу, а еще немного спустя от скрата не осталось и следа.

Глава 8

Даймм облаком плыл по тайному покою, где находились его самые большие сокровища, восемь составных частей его спасения. Не хватало всего лишь одного предмета. Ничего, скоро, скоро его слуги принесут ему это недостающее сокровище.

Вновь обрести тело, не бояться почувствовать холод под кожей и превратиться в облако! Лишь только он обретет тело, все в мире изменится. За эти столетия он много постиг и уже не совершит тех ошибок, что раньше. Он всех сметет на своем пути. Его будут называть не Дайммом — Хозяином Тумана, а с дрожью в голосе произносить имя Даймма

Разрушителя. Может быть, имеет смысл провозгласить себя Царем, а Сег позволить стать Царицей. Конечно, пока она не надоест ему. А затем найти себе другую красавицу, затем еще одну и еще... После стольких столетий бездействия ему есть чем заняться. Получать удовольствия, разбивать армии; города и целые страны ожидали покорения и обращения в рабство великим Дайммом Разрушителем. Да, впереди было много приятных дел.

Конан разглядел впереди скальную гряду — несомненно, место жительства пайлов. Трехпалые следы коргов вели прямо к подножию гигантских камней, оброненных некогда над песчаной пустыней каким-то рассеянным богом.

Конан внимательно оглядел скалы. Да, пайлы выбрали себе удачное жилище. На расстоянии получаса ходьбы земля со всех сторон была ровной и почти голой, если не считать отдельных полузасохших кустов. Даже используя их как прикрытие, только при большом везении человек мог подобраться к гряде незамеченным. Для группы и в три-четыре человека эта задача при свете дня становилась неразрешимой, даже если на страже стоял бы полуслепой часовой.

При свете дня, повторил про себя Конан. Тренированный, осторожный человек мог бы пробраться к скалам под покровом ночи, двигаясь с подветренной стороны, чтобы не потревожить сторожевых тварей. В конце концов, пайлы видят в темноте не лучше людей. Рискованное, конечно, дело, но разве Конан не собирался заделаться лихим грабителем в Шадизаре? Вот и повод попрактиковаться.

Укрывшись в тени большого куста, Конан решил не терять времени даром, ожидая темноты. Растянувшись на земле, он тотчас же уснул.

Утолив голод и вновь приняв человекоподобную форму, Клег вылез из воды и внимательно посмотрел на небо. Несомненно, дождь должен был вскоре прекратиться. Тем лучше. Наутро отряд двинется дальше, к родному озеру.

Сайла ворочалась с боку на бок на своем ложе. Множество мыслей носилось в ее голове. Только бы этому недоумку Райку улыбнулась удача! Только бы заполучить этот талисман Лесного народа. Тогда жизнь повернется к пайлам своей лучше стороной. Затаившись, они дождутся того момента, когда станут грозной силой, и тогда мир вздрогнет от тяжелой поступи людей-ящеров. Но это все в будущем, а пока — оставалось довольствоваться немногим.

Сайла сбросила с себя шелковое покрывало, обнажив чувственное тело. Ей был нужен мужчина. Но не из тех, кого можно было найти в эту ночь в пещерах. Конечно, Райк ведь забрал лучших и сильных с собой. И наверняка лишь для того, чтобы насолить ей, которой не были писаны никакие законы и нормы. Ничего не поделаешь, в пещерах остались в основном женщины, дети и старики. Да еще несколько молодых и здоровых парней, полных сил, но неумелых любовников. А сегодня у нее не было настроения обучать юнца всяким штучкам.

Нет, сегодня ей нужен сильный, страстный, умелый мужчина. И срочно, сейчас.

Плохи дела, подумала Сайла. Может быть, молитва Великому Дракону поможет делу? Не заслужила ли Царица подарка от богов?

Сайла перекатилась на живот и крепко прижала к нему подушку. На богов надейся... — пронеслось в ее голове. Вздохнув, Царица стала прикидывать, за кем из юнцов можно было бы послать служанку.

Конан пробирался к скалам тихо, как подбирается к чуткому оленю опытный охотник. Под черным покрывалом ночи даже его острые глаза видели лишь немногие детали вокруг. К счастью, пайлы сами облегчили его задачу.

Подобравшись поближе к небольшому огоньку, Конан увидел, что это коптящий факел, воткнутый в трещину в скале, освещающий вход в пещеру и расположившегося рядом стражника. Прижавшись к земле, Конан внимательно рассмотрел его.

Часовой был похож на человека, причем абсолютно лысого, одетого в подобие какой-то юбки, поддерживаемой перекрещенными на груди ремнями. Цвет кожи было трудно разобрать в неровном, пляшущем свете факела. Тонкое короткое копье дополняло его снаряжение. Не слишком серьезное оружие для ближнего боя, оно было более чем грозным, будучи пущенным из тяжелого арбалета, лежавшего по соседству. Стражник не подавал никаких признаков тревоги, спокойно стоя прислонившись спиной к каменной стене.

Зияющая дыра входа в пещеру больше пугала Конана, чем одинокий охранник. В памяти киммерийца еще свежи были воспоминания о его недавних приключениях в северных подземельях, полных гигантских червей, летучих мышей-вампиров и прочей мерзости. По доброй воле Конан ни за что не сунулся бы в пещеру. Но ничего не поделаешь, он пришел сюда, чтобы освободить Хока, а пайлы вряд ли отдадут парня добровольно.

Киммериец, почти не дыша, подобрался к стене и спрятался за каменным выступом, в двух шагах от часового. За это время тот лишь переступил с ноги на ногу, поудобнее оперся о стену, зевнул и дважды сплюнул. Похоже, бдительность не относилась к числу главных добродетелей пайлов.

План Конана был предельно прост. В правой руке он сжал увесистый булыжник размером больше кулака.левой рукой киммериец перебросил маленький камешек через стражника. Когда тот повернется, чтобы выяснить причину шума, Конан бросится вперед и разможит эту лысую башку.

Непредвиденное обстоятельство чуть не сорвало все мероприятие: стражник и ухом не повел, когда неподалеку от него раздался звук упавшего камня.

Конан подумал, что, видимо, в скалах, источенных ветрами, то и дело раздаются такие звуки и охрана перестала обращать на них внимание.

Второй камень побольше первого был брошен так, чтобы упасть поближе к часовому.

Результат тот же.

Глухие они, что ли, эти пайлы?

Конан подобрал еще один камень, почти такой же, какой он собирался использовать как оружие. Это булыжник грохнулся на землю чуть не под ноги стражнику.

Постояв еще немного в тишине, Конан выскользнул из-за выступа в скале. Если тот лысый чурбан не слышал падения такого камня, то уж звука шагов ему ни за что не уловить.

За шаг до цели киммериец занес камень, но затем остановился, внимательно прислушиваясь и присматриваясь.

Часовой, теснее прижавшись к стене, крепко спал. Конан помахал свободной рукой перед его лицом. Никакой реакции. Киммериец ухмыльнулся. Еще миг — и беспечный стражник уснет еще крепче. Рука, сжимавшая булыжник, резко опустилась.

Внутри скалы вел длинный узкий коридор, освещенный воткнутыми тут и там в стены факелами. Здесь было теплее, чем снаружи. Итак, Конану уда-

лось проникнуть внутрь. Теперь оставалось найти Хока и выбраться с ним наружу.

Нет, решила Сайла, не стоит будить служанку, звать кого-нибудь из юнцов. Игра не стоит свеч. Царица вздохнула, накинула на себя плащ и вышла из спальни. Может быть, прогулка на свежем воздухе успокоит ее. Корги не вернулись, значит, никто не будет шипеть на нее. Отсутствие корг беспокоило старого Равла, но только радовало Царицу. Ничемные, глупые твари.

Она вышла в коридор, и... ее взгляд поймал силуэт человека, крадущегося вдоль стены зала в конце коридора.

Сайла замерла на месте. Главное, чтобы он ее не заметил.

Человек? Внутри пещеры? Откуда?

Сайла хотела было закричать, подняв тревогу, но едва успела зажать себе рот руками. А вдруг это ее неутоленное желание порождает фантомов в ночной тьме? Вполне возможно. Хороша же она будет, переполошив всех вокруг и заставив их ловить порождение собственных грез.

Сайла на цыпочках прошла по коридору и заглянула в зал, ожидая увидеть пустое помещение.

Но он был там. Человек, не замечая ее, продолжал осматривать помещения.

Царица тряхнула головой. Ей в ноздри бил запах человека; ее глаза видели большое мускулистое тело, широкие плечи, сильные руки и ноги; до слуха доносился шорох кожаных сандалий, скользящих по полу. Нет, это не сон.

Но что он здесь делает?

Сайла, затаившись, следила за человеком. В конце концов, какая разница, зачем и как он пробрался сюда. Просто боги слышали ее страстные

молитвы. Даже если это всего лишь сон, Сайла решила насладиться им до конца.

Конан почувствовал, как по ногам подул холодным воздухом. Но ни в одном дверном проеме не появилось никого. Киммериец уже обошел множество помещений, где пайлы крепко спали, уповая на охрану, но Хока ему найти пока не удалось. Оставалось только забираться дальше и дальше в глубь пещеры.

Сайла тихо прокралась в одну из спален и разбудила молодого парня, который, насколько она знала, лучше других соответствовал пословице «Сила есть — ума не надо».

— Царица?

— Тихо! Иди за мной.

Пройдя еще несколько комнат и коридоров, Конан наткнулся наконец на большой зал, в дальнем углу которого стояла клетка.

Свернувшись калачиком на полу, в клетке спал Хок.

Клетка запиралась целой системой засовов и рычагов, до которых было невозможно дотянуться изнутри. Однако открыть их снаружи не составляло труда. Конан протянул руки к ближайшему засову. Лучше не будить мальчишку раньше времени, подумал он. Еще закричит от неожиданности, переполошит всех.

— Стой здесь, — приказала Сайла своему молодому спутнику, сунув ему в руку длинную, толщиной с запястье, дубинку, используемую обычно для того, чтобы сбивать спящих летучих мышей с потолка.

Затем Царица пайлов появилась в дверном проеме зала с клеткой.

— Эй, человек, — окликнула она незнакомца.

При звуке голоса Конан развернулся и выхватил меч.

В неверном свете факелов он разглядел женщину, стоявшую у входа. Она была абсолютно лысой, а ее тело прикрывало нечто напоминающее плащ. Одним легким движением она скинула с себя одеяние и предстала перед взглядом киммерийца обнаженной.

Конан разглядывал ее не без любопытства. Если не считать отсутствия волос на голове, она ничем не отличалась от обычной женщины. Полная грудь, широкие бедра, широко разведенные в приглашающем жесте руки. Она, конечно, из этих людей-ящеров, но от этого она ничуть не менее аппетитна.

Женщина-ящер улыбнулась Конану.

— Пойдем, — сказала она. — У меня для тебя кое-что есть.

Она провела ладонью по животу, по бедрам, затем снова подняла руку до груди.

Конан был не настолько глуп, чтобы по первому же приглашению броситься в объятия чужой женщины в самом логове врага. Но было бы неплохо заставить ее замолчать, подумал он, направляясь к пятящейся к выходу Сайле.

Она была на расстоянии вытянутой руки от киммерийца, когда развернулась и, сверкнув голыми ягодицами, побежала по коридору. Конан непроизвольно дернулся вслед за ней...

В эту секунду мир прорезала красная молния, наполнившая его голову болью. Затем мир погрузился в темноту.

Глава 9

Зелкаи уже готовились продолжать путь, когда в лагерь ворвался перепуганный замыкающий колонну стражник.

— Предводители! Там — люди-ящерицы!

Клег потряс дрожащего стражника за плечи:

— Что за чушь ты мелешь?

Тот с трудом перевел дыхание:

— Целая армия, предводитель! Их там тысячи!

— Идиот! Пайлов не может быть несколько тысяч.

— Ну сотни!

— Эй, кто-нибудь, ткните этого вруна копьём в задницу.

— Дюжины! Клянусь скорлупой яйца, в котором родился.

— Пошли посмотрим.

Клег легко вскарабкался по склону ближайшего холма и раскрыл рот, обомлев от того, что увидел.

Видят боги, этот стражник был прав. Семь или восемь дюжин пайлов с несколькими десятками зубастых драконов на поводках двигались по следам отряда Клега. Что же им было нужно? Ведь отсюда до Каратоса — деревушки на берегу Великого озера — не было ни одного поселения, ради которого стоило бы собирать такое войско. Но маловероятно, чтобы пайлы отважились напасть на укрепленный, обнесенный высоким частоколом Каратос. Нет, у людей-ящериц было что-то иное на уме, и Клег чувствовал, что их целью было не что иное, как его собственный отряд. Шансы противостоять им в открытом бою были, прямо скажем, невелики. Но что смогло так заинтересовать пайлов? У зелкаев ведь нет с собой ничего ценного...

Клег хлопнул себя по лбу: талисман! Но как же они узнали про него? Тут Клег понял, какую оплошность допустил, отдав пайлам мальчишку. Несомненно, это он рассказал им все. Ведь он видел, как Клег украл этот проклятый талисман.

Клег развернулся и поспешил вниз по склону. В конце концов, пайлы двигаются не быстрее зелкаев. Сейчас между двумя отрядами примерно час ходьбы. Если выйти в путь немедленно, то можно будет подерживать это расстояние вплоть до самого озера. А уж там, в зарослях водорослей, ни о каком преследовании и речи быть не могло. Любой, кто вторгся бы на плавучий остров, познал бы на своей шкуре гнев Великого Мастера.

Но если вдруг пайлам удастся сократить расстояние, разделяющее их, последствия такой встречи могут быть самыми печальными для зелкаев. У Клега после боя под гигантскими деревьями оставалась лишь дюжина бойцов. Немного, но все же кое-что, если ими правильно распорядиться. Он собрал вокруг себя подчиненных.

— Нас преследуют люди-ящеры, — сказал Клег. — Их раз в восемь больше, чем нас. Мы не имеем права не выполнить приказ, поэтому я оставляю вас прикрывать меня, а сам пойду вперед.

Это заявление произвело вполне ожидаемый эффект, подняв среди солдат недовольный ропот.

— Да подождите же вы, — повысил голос Клег. — В полудне пути отсюда есть река. Сейчас после дождей она, несомненно, стала полноводнее и шире. Мы дойдем до нее, там вы совершите Превращение и будете ждать врагов в воде.

Бойцы вздохнули с облегчением. Конечно, и на суше они не были неуклюжими увальнями, но в воде никакому пайлу было не сравниться с ними. Разделаться с полудюжиной людей-ящеров не было про-

блемой для любого из зелкаев. К тому же Клег основательно поднял моральный дух своих подчиненных, сказав:

— Разделавшись с ящерами, можете возвращаться домой. А я уж позабочусь о том, чтобы Великий Мастер наградил каждого из вас, как минимум, двумя новыми женами и правом пользоваться лучшими кормушками.

Воодушевленные зелкаи рвались в бой. Да, подумал Клег, путь к их сердцу лежит через желудок, а если этого мало, то через другое место. Пища и самки — вместе это действовало безотказно.

— Тогда в путь, нам еще нужно подготовиться к встрече врага.

Конан проснулся и долго не мог вспомнить ни где он, ни как он здесь оказался. К тому же очень болела голова. Может быть, он вчера слишком много выпил?

Киммериец сел и увидел, что находится в клетке. Рядом с ним сидел Хок.

Ах да. Было дело. Пещера, лысая, но красивая женщина, манящая за собой, а потом — обрушившееся небо.

— Ну, мой дерзкий мужчина наконец проснулся? — раздался голос.

Конан обернулся. Это она, та женщина. Точнее — женщина-ящер из народа пайлов, хотя на вид отличий было немного: только отсутствие волос на голове да синеватый оттенок кожи. Ее тело покрывала большая алая шаль, изящно накинутая на плечи.

Зал был лучше освещен, чем раньше, и когда Сайла направилась к клетке, Конан хорошо разглядел открывшиеся под распахнувшимися складками шали красивые плечи.

— Я вижу, ты находишь меня привлекательной.

Конану ничего не оставалось делать, как молча согласиться с этим заявлением. Когда женщина приблизилась, он рассмотрел ее глаза — похожие на кошачьи, с узкими зрачками. Лицо женщины-ящера вовсе не было некрасивым, хотя Конан больше времени потратил на то, чтобы рассмотреть другие части ее тела, заманчиво обнажавшиеся при движении незнакомки.

— Я — Сайла, Царица пайлов, — представилась она, остановившись на безопасном расстоянии от клетки. — Добро пожаловать в наши пещеры.

— Вы всегда держите гостей в клетках?

— Обычно да. Но ты не бойся, тебя скоро выпустят. Как я могу называть тебя, дерзкий незнакомец?

— Я Конан из Киммерии.

— А что, в Киммерии все мужчины такие высокие и... крупные?

— Вроде нет, а что?

— Значит, я могу считать, что мне особенно повезло, — сказала она. — Зачем ты пришел сюда?

— Чтобы освободить мальчика. — Конан кивнул в сторону Хока. — Зелкаи похитили его.

— Ну, может, мы и сторгуемся.

— У меня нет ничего ценного, кроме меча.

Сайла улыбнулась:

— Да, похоже, мощное оружие.

Конан бросил взгляд на меч, лежащий на полу позади Царицы, но та даже не повернула головы, не сводя глаз с киммерийца.

Что ей от него нужно? — подумал Конан. Он знал, что пайлы едят людей, но жадный огонь в глазах женщины свидетельствовал скорее совсем о другом голоде.

Спокойная речушка, через которую несколько дней назад зелкаи переправились, даже не принимая форму рыбы, сейчас превратилась в ревущий коричневый поток, несущий ветки, коряги и целые деревья. Даже Превращенным зелкаям стоило большого труда удерживаться против течения.

Клег отправил одного из своих подчиненных назад, чтобы тот предупредил остальных о появлении пайлов. До последней минуты зелкаи не будут совершать Превращение, чтобы не терять силы на борьбу с течением и уворачивание от несущихся в непрозрачной жиже острых и тяжелых предметов.

Сам Клег спустился к реке, зашел в воду и попытался совершить Превращение как можно быстрее. Ему стоило большого труда переплыть через реку, и когда он вылез на противоположный берег, оказалось, что его изрядно снесло вниз по течению.

Приняв вновь человекоподобную форму, Клег прошел к самому узкому месту, где, по его мнению, пайлы должны будут попытаться переправиться. Эти скальные жители были никудышными пловцами. Наверняка они попытаются навести какую-нибудь переправу. Какой-нибудь смельчак переплывет реку и протянет за собой веревку, вслед за этим туда перетянут трос потолще. Затем, построив плот (благо, деревьев вокруг было предостаточно), пайлы начнут переправу при помощи троса. Это займет достаточно времени, чтобы Клег успел уйти далеко от реки. К тому же его товарищи не дадут осуществить переправу спокойно. Перерезанный или перекушенный трос будет означать необходимость ловить плот, а то и строить новый. К тому же наверняка некоторое количество пайлов пойдет ко дну не без помощи острозубых приятелей Клега. Да, ящерицы тут задержатся на полдня, не меньше.

Предводитель зелкаев ухмыльнулся и крикнул своим подчиненным, чтобы они прошли вверх по течению и спрятались там в густых кустах у самой воды. Когда противник построит плот, наблюдатель даст сигнал, и тогда Превращенные, полные сил зелкаи понесутся вниз по течению и атакуют. Клег чувствовал, что его план просто великолепен.

Он даже решил не продолжать свой путь немедленно, а посмотреть, как будет реализовано то, что он придумал. Час-другой — это немного, если учесть, что он выиграл в несколько раз больше. Хотя едва ли те, кто переживет переправу, будут в состоянии или настроении продолжать погоню.

Клег выбрал место поудобнее и приготовился посмотреть спектакль, режиссером которого был он сам.

Царица ушла, оставив Конана в клетке вместе с Хоком.

— Они съедят нас! — сказал Хок.

— Может, нет, — возразил Конан. — Царица же намекнула, что можно будет договориться.

— Она все врет. Она уже обещала, что освободит меня, если я расскажу, зачем зелкаи нападали на нашу рошу. Я все рассказал, но она только рассмеялась, когда я попросил ее открыть клетку.

Конан кивнул. Значит, Царице верить нельзя. Хорошо, что теперь он это знает.

— Пока что нас еще не съели, приятель, — сказал киммериец. — Подождем, что будет дальше.

Отбросив с пола несколько камешков, Конан растянулся на освободившемся ровном пространстве.

— Что ты делаешь? — спросил его Хок.

— Собираюсь поспать.

— Как ты можешь! Нам нужно как-то выбраться отсюда!

— Выбраться можно только через дверь, приятель. Когда они придут и откроют ее, тогда и будем выбираться. А пока что я собираюсь отдохнуть.

— Но... как же...

— Если они начнут нас есть — разбуди меня.

С этими словами Конан закрыл глаза и задремал. Мальчишку, конечно, можно понять, но сейчас действительно ничего нельзя сделать. А силы еще ой как понадобятся. Что-то внушало Конану уверенность в том, что Царица еще не была готова отправить его в котел. Нет, у нее на уме что-то другое.

Три служанки, подгоняемые Сайлой, забежали по ее спальне, наводя порядок.

— Свежие подушки! — скомандовала Царица. — И чтоб попышнее. Зажгите благовония. Живее!

Наблюдая за возящимися служанками, Сайла почувствовала, как у нее сладко сводит живот. Да, этот здоровенный мужчина сумеет удовлетворить ее. Его она оставит в живых до возвращения Райка, а если удастся, то и дольше. На ближайший Праздник Луны есть мальчишка, а там — посмотрим. Нет, этого великана она не выпустит, не доведя его до полного изнеможения.

События разворачивались совсем не так, как предполагал Клег.

Для начала люди-ящеры не стали засылать на другой берег пловца с веревкой. Ничего, не велика потеря. Если они собираются строить несколько плотов или вылавливать один и тот же ниже по течению после каждой переправы — тем лучше, это займет у них еще больше времени.

Затем, вместо того чтобы начать валить деревья, пайлы стали распаковывать принесенные с собой

ящики и тюки. Что это? Палатки? Неужели они решили проторчать здесь столько, что потребуется разбить лагерь?

Глядя из своего тайника, Клег ликовал. Он мог возвращаться к своему повелителю почти не торопясь.

Стоп. С чем они там возятся?

Дюжина ящер подтаскивала к тюкам что-то вроде кузнечных мехов. Что?..

На глазах Клега пайлы стали накачивать воздухом... палатки? Нет, это были какие-то кожаные мешки, принимавшие вытянутую яйцеобразную форму.

Надувные плоты! Значит, они не собираются строить плот из деревьев, а рассчитывают переправиться на кожаных мешках.

На мгновение запаниковав, Клег успокоился. Тем лучше! Его зелкаям будет еще легче справиться с заданием. Один удар плавником, один укус — и эти плоты полопаются, как мыльные пузыри.

Это будет настоящей резней, бойней! Нет, это зрелище стоит того, чтобы задержаться и полюбоваться им.

Плоты были почти готовы. За каждый из них взялись по семь-восемь пайлов и потащили их к воде. Клег подпрыгивал на месте от нетерпения. Как ему хотелось быть сейчас со своими товарищами, самому поучаствовать в кровавой потехе.

Но пайлы не стали торопиться спускать плоты на воду. Сначала один из людей-ящеров обошел строй воинов, неся перед собой глиняный горшок. Каждый воин на мгновение опускал в него наконечники копья и дротиков. Что это за ритуал? — подумал Клег.

Глаза предводителя зелкаев стали круглыми от ужаса, когда он понял, что это было.

Наконечники оружия, вынутые из горшка, блестели на солнце красноватой эмалью.

Яд!

Ящерицы начали переправу. На каждом плоту трое-четверо из них взяли за весла, а остальные пятеро или шестеро, занеся над головами копья и дротики, внимательно вглядывались в воду.

Клег вздрогнул. В эти минуты наблюдатель уже наверняка дал сигнал дюжине оставшихся бойцов, и те уже неслись по течению к месту переправы. Чтобы прокусить дно плота, зелкаям придется перевернуться на спину, выставляя кверху незащищенное брюхо. Плоты сидели в воде не глубоко, и, чтобы достать их, зелкаям придется почти показаться на поверхности.

Клег понимал, что ему нужно бежать, выигрывая драгоценные минуты, но он застыл, словно пригвожденный к земле.

Первый плот добрался до середины реки, когда плывущие на нем пайлы, взмахнув руками, метнули копья. Это не спасло их суденышко, пошедшее ко дну в мгновение ока. Но в мутной воде Клег успел рассмотреть три серые тени своих братьев с воткнутыми в брюхо отравленными копьями.

Новые и новые плоты отчаливали от берега. Часть из них шла ко дну, увлекая за собой своих пассажиров, но многим удалось достичь противоположного берега реки.

Наконец Клегу удалось сбросить с себя оцепенение. Как минимум, треть ящеров останется в живых после этого кошмара, при этом все его товарищи навеки останутся в этой реке, убитые отравленными копьями.

Клег просчитался. Теперь он опережал своих преследователей на считанные минуты.

Он рванулся бегом, спасая свою жизнь.

Глава 10

Конан проснулся, чувствуя себя несколько отдохнувшим. Оглядевшись, он увидел настороженно и испуганно глядевшего на него Хока.

— Не бойся, — сказал Конан, — у меня есть план.

— Правда? — Глаза мальчишки округлились.

— Ну да. Когда эти чешуйчатые придут за нами, мы прикинемся смиренными и послушными. Когда же они нас выведут, я разберусь с ними, и мы спокойно отправимся восвояси. Идет?

Мальчик нахмурился:

— Это и есть твой план?

— Правда, просто?

— Скорее уж простодушно.

— Готов выслушать любые замечания и предложения, — пробурчал Конан, начиная злиться на Хока.

— Слушай, а почему бы нам не превратиться в птичек и не улететь отсюда? Или, на худой конец, в белок? По-моему, это не менее реально, чем твой план.

— А ты, однако, не только умный, но еще и разговорчивый не по годам.

— Зато ты при всем твоим росте и силе не производишь впечатление мудреца.

— Ладно тебе... Тихо, кто-то идет.

Хок сжался, услышав приближающиеся шаги.

Вошла Сайла, одна, без сопровождающих.

— Я хочу пригласить тебя в мои покои, дерзкий Конан.

— С радостью приму приглашение, если ваше величество соизволит открыть дверь.

— Безусловно. Для тебя она распахнется настежь.

Конан с трудом подавил улыбку. Все оказалось проще, чем он ожидал.

Царица пайлов подняла сжатую в кулак правую руку и со словами «А это, чтобы гарантировать твое добровольное сотрудничество» швырнула Конану в лицо пригоршню какого-то порошка.

Не успев сообразить, что произошло, киммериец глубоко вздохнул, затем закашлял и попытался прочистить легкие от неизвестного зелья. Но было поздно. Теряя сознание, он успел подумать, что, видимо, выбраться из пещеры будет все-таки достаточно трудной задачей.

Вновь очнувшись, Конан обнаружил себя лежащим на мягких коврах и подушках рядом с Царицей пайлов. Оба были абсолютно раздеты, и при этом Конан чувствовал себя изрядно уставшим.

Царица улыбнулась ему:

— А, мой страстный мужчина проснулся.

Конан тряхнул головой и с трудом вспомнил: она швырнула ему в лицо какой-то усыпляющий порошок, а затем, видимо, перетащила в свои покои.

— Ты был великолепен, — сказала она, дотрагиваясь до его плеча кончиками пальцев, — никому еще не удавалось сделать это лучше.

— Я ничего не делал.

— Не скромничай. Неужели ты ничего не помнишь?

— Я помню только брошенный мне в лицо порошок.

— И потом — ничего? Значит, ты все это делал, не проснувшись. Представляю, как здорово у тебя это получается, когда ты бодрствуешь.

Конан потряс головой, пытаясь понять, к чему клонит Царица.

Сайла повернулась к нему, обняла и на деле объяснила то, что значили ее слова.

Клег на бегу призывал гнев десяти тысяч богов обрушиться на головы людей-ящеров, но при этом у него не было ни малейшего желания остановиться и посмотреть, услышаны ли его мольбы. Сначала он хотел спрятаться от преследователей: ведь одному зелкаю легче найти укрытие, чем дюжине. Но, не зная точно способности пайлов читать следы, он предпочел не рисковать. Оставался единственный союзник — скорость. Тот, кто спасает свою шкуру, бежит быстрее, чем те, кто лишь выполняет приказ.

Клег продирался сквозь дремучий лес целый день, не останавливаясь ни на минуту. Чтобы не сбивать дыхание, он продолжал сыпать проклятиями не вслух, а про себя.

Конан, изрядно уставший, встал с постели наконец-то крепко уснувшей Царицы и нашел свою одежду.

Свой меч он обнаружил под одной из подушек. Несомненно, снаружи спальни поставлена охрана, но ясно и то, что у них строгий приказ не входить без вызова. Если бы сигналом служил крик или шум, часовые уже не раз ворвались бы в спальню.

Конан улыбнулся. Этот визит к Царице вовсе не был неприятным. Киммериец поймал себя на том, что воспринимает Сайлу как обычную женщину, а не как Царицу непонятного народа людей-ящеров.

Приоткрыв дверь, Конан увидел по ее обе стороны двух стражников. Доверительным шепотом киммериец сказал им:

— Ребята, Царица хочет вам кое-что передать...

Часовые переглянулись, а затем снова уставились на Конана. Тот жестом подозвал их поближе, заговорщицки подмигивая. Оба пайла расплылись в улыбках, явно чувствуя себя замешанными в серьезной интриге, и наклонились к Конану.

Киммериец положил им руки на затылки, а затем с силой ударил их головы друг о друга. Раздался треск, словно от упавшей на камень тыквы. Когда Конан разжал руки, стражники рухнули на пол как подкошенные.

Конан побежал по коридору к залу с клеткой.

Проснувшись, Сайла расплылась в улыбке. Ну кто бы мог подумать?..

Но где же он?!

Она вскочила на ноги. Конан исчез! Как ему удалось выбраться?

— Стража! Ко мне!

Никого. Сайла выскочила за дверь и обомлела: оба стражника без сознания лежали на полу.

Великий Дракон!

— Тревога! — застонала Сайла.

Его нужно найти. Немедленно. Еще не хватало, чтобы в окрестностях шлялся мужчина, чьи рассказы о его забавах с Царицей пайлов могли дойти до слуха тех, кому этого знать вовсе не обязательно.

Например, ее мужу.

— Тревога! К оружию!

Конан мчался по пустыне на восток бок о бок с Хоком.

— Но как тебе это удалось? Как ты смог уд- рать? — спросил Хок. — Ты зарубил Царицу мечом?

— Побереги дыхание, приятель.

— Если я буду слушать, то дыхание на собьется.

— Пусть тебе сестра все объяснит. Нет, лучше спроси об этом брата. Таир тебе все расскажет.

Клег прикинул, что если, не останавливаясь, идти всю ночь, то к Каратосу, стоящему на берегу Великого озера, можно выйти на рассвете. А там он уже

будет в безопасности. Хотя деревню населяли в основном люди, попадались там и зелкаи и еще неизвестно откуда взявшиеся существа. Но так или иначе, все они чувствовали себя во власти Великого Мастера и не рискнули бы причинить вред его слугам. Добравшись до озера, Клег сразу совершит Превращение и отправится подводными туннелями в водорослях к замку, сжимая талисман в зубах. Конечно, в водорослях водились такие существа, которые рискнули бы бросить вызов даже Превращенному зелкаю, но их было немного, и ни одно из них не смогло бы догнать зелкаю на открытой воде. Да, несколько часов пути — и Клег будет в безопасности.

Тьма окрасила все вокруг серым и черным. С трудом разбирая дорогу, Клег продолжал двигаться вперед, напрягая последние силы. Отдохнуть можно будет и дома. А задержаться сейчас означало верную смерть.

Когда стало ясно, что ни Конана, ни мальчишки в пещерах нет, Сайла собрала дюжину оставшихся с нею воинов, объявив им, что в их задачу входит найти беглецов.

На чей-то недовольный вздох она угрожающе заметила:

— А если вы их не схватите, я сообщу Царю, что это вы позволили им сбежать.

Солдаты сразу посерьезнели. Они понимали, что как ни поверни, а она — Царица и к тому же крепко держит своего муженька за то место, которое у мужчины самое чувствительное. Значит, случись что, кому он поверит — дело ясное.

— Я сама возглавлю погоню, — заявила Сайла. Она ожидала возражений униженной мужской гордости, но солдаты безмолвствовали. Сайла понимала, что не имеет права поверить им, если, вернув-

шись, они заявят, что Конан мертв. Она должна убедиться в этом своими глазами.

— Мы отправляемся немедленно, — объявила Царица.

Находясь в самом центре своего замка, Даймм вдруг почувствовал, что его первый слуга в опасности.

Усилием воли Даймм погнал себя к двери. Он мог заставить себя медленно передвигаться, но даже легкий ветерок был сильнее его. Итак, Клег в опасности. Если бы он погиб, Даймм почувствовал бы это. Что же случилось с его Первым слугой? Может быть, он не выполнил приказ? Тогда он пожалеет, что не погиб раньше, да и о том, что вообще родился на свет.

Каждый служивший Даймму — Хозяину Тумана, — знал, какое наказание следует за неповиновение или невыполнение приказа. Не похоже, чтобы Клег был одним из забывчивых. Если он не исполнил повеления — его достанут из-под земли, живого или мертвого. Если же он выполнил порученное ему дело, то он будет отпущен в глубину озера с почетом и уважением, не говоря уже о других наградах. О чем еще может мечтать человек-рыба, какой еще благодарности просить у своего бога?

Глава 11

Не успели Конан и Хок убежать далеко, как заметили погоню. Конан выхватил меч, затем остановился.

— Держись у меня за спиной, — сказал он Хоку.

В темноте беглецы увидели приближавшуюся к ним группу, человек в девять. Вдруг лицо Хока расплылось в улыбке.

— Чин!

И действительно, вынырнувшие из темноты оказались отрядом Лесного народа.

Под всеобщие радостные крики Чин крепко обняла братишку. Разжав объятия, девушка повернулась к Конану и сказала:

— Спасибо тебе. Ты спас моего брата.

С этими словами Чин обняла киммерийца. Тот, несмотря на недавние упражнения с Царицей пайлов, почувствовал, что его руки охотно сомкнулись вокруг талии Чин.

Неохотно разомкнув объятия, Чин сказала:

— Мы как раз обсуждали, как подобраться к скалам пайлов, и вдруг увидели вас. Как вам удалось выбраться?

— Царица забрала его с собой, — ответил Хок, прежде чем Конан успел заговорить. — Он не хочет рассказывать, как ему это удалось, но его не было долго.

— Я потом все расскажу, — хрипло пробурчал Конан, — а сейчас лучше будет отправиться в путь.

Чин с сомнением посмотрела на него, помолчала, а затем кивнула:

— Согласна. Таир и остальные продолжают идти по следам зелкаев. Им может понадобиться наша помощь.

— Да и ящеры наверняка организуют погоню, — добавил Конан.

— Что ж, благодаря Конану мы уже сделали полдела, — сказала Чин, взъерошив Хоку волосы, — счастлива снова видеть тебя, братишка.

Клег продолжал идти в кромешной темноте, понимая, что не имеет права останавливаться. Он опережал своих преследователей не больше чем на полчаса. Конечно, они могли даже не знать о его суще-

ствовании, но наверняка, осмотрев мертвых зелкаев и не найдя талисман, пайлы продолжили погоню.

Когда первые лучи рассвета рассеяли ночную тьму, Клег едва передвигал ноги от усталости. Вдруг впереди замаячил полускрытый утренним туманом высокий частокол. До спасительной стены Каратоса было рукой подать.

К востоку от поселка высился черный скальный монолит, жирно поблескивавший в лучах восходящего солнца. Возвышаясь над деревьями и кустарником, этот гигантский булыжник выделялся на зеленом фоне, словно черное родимое пятно на белой коже человека-альбиноса. Этот геологический феномен и дал название поселению. На языке древних жителей этих мест Каратос означало «Черная скала».

Клег бегом направился к деревянной стене. Конечно, войти в воду озера можно с любой точки берега, но неизвестные заросли водорослей таили немало опасностей. Самыми спокойными туннелями, ведущими к замку, были те, которые начинались у поселковых причалов. А кроме того, за стенами уже можно будет не бояться преследования пайлов. Одного-двух людей-ящеров стража, конечно, впустила бы, но никак не вооруженный отряд.

Клег подбежал к небольшой башенке для часового над меньшими из двух ворот поселка:

— Эй, стража!

Толстый бородатый человек в шлеме, больше похожем на котелок, перевесил голову через частокол и уставился на Клега:

— Ну, чего надо? Ты кто такой?

— Клег, Первый слуга Великого Мастера. Мне нужно войти.

Стражник исчез из виду, но через секунду раздался стук тяжелого бронзового засова, и обитая

железом створка ворот повернулась на своих обильно смазанных маслом частях.

— Заходи, Первый слуга.

Клег улыбнулся. Да, в деревне его знали и предпочитали не ссориться, чтобы не навлечь на себя гнев Великого Мастера: если бы он захотел, он легко стер бы с лица земли деревушку со всеми ее обитателями.

Услышав звук задвигаемого засова у себя за спиной, Клег вздохнул с облегчением. Перед тем как залезать в подводные заросли, он найдет место, где можно поспать и поесть. Теперь, вне опасности, он мог себе позволить чуть задержаться.

В пустыне, по которой шел Конан и его друзья, был оазис — зеленый лоскут на бескрайнем песчаном одеяле. К нему-то и направилась вся компания, чтобы переждать самые жаркие часы дня.

Когда все расположились на отдых, напившись и наполнив водой походные бурдюки, Чин отвела Конана в сторону.

— Как бы мне ни хотелось отправиться дальше, — сказала девушка, — нужно подождать до вечера. Пустыня выпивает все соки жизни из тех, кто путешествует по ней под палящим солнцем.

Конан кивнул. Погони пайлов не было видно, а идти по этим выжженным дюнам ночью куда как приятнее, чем по солнцепеку.

— Пойдем, — сказала Чин, кладя руку на плечо Конана, — расскажешь мне, что там Хок лепетал про твой визит к Царице пайлов. Тут есть тихое местечко под цветущим кустом. Нас там никто не побеспокоит.

Конан посмотрел на выступавшую под тонкой рубашкой грудь Чин, на ее загорелые сильные руки и ноги, и на его лице заиграла довольная улыбка. Киммериец почувствовал необходимость дополнить

свой рассказ наглядным показом и посчитал Чин вполне достойным слушателем-соучастником.

— Пошли, — сказал он, не переставая улыбаться.

Следопыт Сайлы легко нашел место, где Конан и Хок встретились с остальными. Теперь число противников сравнялось с количеством воинов-пайлов. Люди-ящеры отправились в погоню, но неожиданно поднявшийся ветер в несколько минут стер с песчаных дюн все следы беглецов и их приятелей.

Сайла упорно вела свой отряд вперед; ее обычно ледяная кровь сейчас кипела от смешанного чувства страха и негодования. Как посмел этот человек исчезнуть? Что произойдет, если когда-нибудь Райк столкнется с ним?

Один из солдат подошел к ней и робко спросил:

— Мы не пойдем к оазису, госпожа?

Царица покачала головой:

— Нет. Мы, пайлы, можем долго идти без воды.

— Прошу прощения, госпожа. Мы — да, но людям нужно...

— Мы минуем оазис и, надеюсь, таким образом обгоним их, а затем устроим засаду.

— А-а, — протянул солдат. — Мудрое решение.

Сайла не сподобилась отвечать на явную лесть. Будь она мудрой, они сейчас сидели бы в своей пещере и варили бы себе человечину, а не вылавливали свой обед по всей пустыне.

Из плавающего на водорослях замка Даймм послал магический призыв, на который откликнулось немало странных тварей, обязанных своим существованием забавам Хозяина Тумана. Из глубины озера поднялись сирены, огненные угри и, наконец, огромный, всепожирающий Харлог.

Сирены были наполовину рыбами, а наполовину напоминали женщин. Их голоса, слившиеся в хор, создавали нечто вроде гипнотизирующих песнопений, притягивающих слушателей, как мед притягивает мух. Попавший в объятия к сиренам был обречен на страшную смерть — сирены были вампирами, питающимися кровью. Дюжина кровожадных созданий появилась на зов Повелителя.

Вслед за ними показались два десятка огненных угрей. Эти змееподобные рыбы достигали роста человека в длину. В каждом из них было не меньше силы и огня, чем в грозовой молнии. Прикоснуться к такой рыбине означало быть испепеленным прямо в воде.

Харлог был единственным в своем роде. Этот склизкий серо-зеленый гигант, вдвое больше быка, мог с равным удовольствием поедать растительную и мясную пищу. Одинаково ловко он передвигался и по земле, и по воде. На вид он напоминал помесь волка, медведя и жабы, если можно предположить такое родство. На Харлога было наложено заклятие — не чувствовать ни боли, ни удовольствия, только голод. Эта амфибия, этот ночной кошмар превосходил силой любое существо в озере и большинство из тех, кто когда-либо ступал по земле.

Даймм направил все эти чудовищные создания к деревне и сказал:

— Идите найдите моего Первого слугу и доставьте его мне.

Они повиновались.

Даймм медленно вплыл в тронный зал. Сирены и угри могут действовать только в озере, зато Харлог, если надо, вылезет и на берег. Да, появление такого чудовища переполошит деревню. Даймм усмехнулся. Харлог будет искать Клега по запаху. В случае необходимости он прогрызет дыру даже в

частоколе, окружающем деревню. Где бы Клег ни был, Харлог найдет его. И горе тому, кто окажется на пути всепожирающего чудища.

Конан приподнялся на одном локте и, улыбаясь, посмотрел на Чин. Как он и предполагал, ему пришлось дополнить свой рассказ о приключениях в спальне Царицы пайлов демонстрацией подобного. Чин с энтузиазмом встретила такой поворот дела.

— Ты меня заинтересовал с первой минуты знакомства, — сказала девушка.

— Ну а теперь?

— А теперь мое любопытство более чем удовлетворено.

— Что будем делать с талисманом? Где нам искать его? — спросил Конан.

Чин села и начала одеваться. Конан с сожалением вздохнул — уж больно хороша была она без одежды. Киммериец подумал, что женщины с сильными мышцами — в его вкусе. Это и красиво и удобно.

— Я настроена на излучение талисмана, — сказала Чин. — Если я окажусь достаточно близко, он сам позовет меня к себе и укажет дорогу.

Это упрощает дело, подумал Конан.

Чин закончила одеваться.

— Надо отдохнуть, — сказала она, — мы отправляемся в путь, как только солнце начнет клониться к западу.

Конан кивнул. Растянувшись на мягкой земле, покрытой палыми листьями, он погрузился в крепкий сон без сновидений.

Клег одиноко сидел в углу небольшой харчевни, неизвестно почему называвшейся «Деревянная рыба». Пожилой хозяин поставил перед ним тарелку с вареным угрем, сырых моллюсков и полную кружку

крэля — крепкого напитка, который с удовольствием пили сородичи Клега. Конечно, люди говорили, что этот напиток пахнет, как выгребная яма, а на вкус напоминает болотную жижу, но зелкаям он казался сладким и освежающим; по крайней мере куда лучше той кислятины, которую люди называли вином.

Клег почувствовал себя гораздо лучше. Впервые за все последние дни у него была еда, выпивка и крыша над головой. Сейчас он поест, прикончит свой крэль, а затем поспит. Потом по холодку он прогуляется по деревушке, поболтает со старыми знакомыми, а наутро с рассветом отправится в путь ко дворцу. Он заслужил отдых, особенно если учесть то, как быстро он справился с заданием. А если даже Повелитель и узнает о задержке, Клег ему объяснит, что не мог рисковать, отправляясь в опасное путешествие под водой усталым и вымотанным.

Клег задумчиво жевал кусок угря. Он был плохо приготовлен: переварен и излишне сдобрен специями. Но ничего. Еще несколько дней — и Клег будет бороздить озеро, ловя этих самых угрей и пожирая их в собственном соку — в только что выпущенной крови. Мысль об этом заставила губы Клега растянуться в улыбке, обнажив два ряда крупных зубов, поблескивающих в дрожащем свете свечей.

Глава 12

План Сайлы — обойти оазис и, обогнав беглецов и их приятелей, устроить им засаду — казался ей самой великолепным. Царица рассчитывала на короткий и кровавый бой, после которого ее сородичам достанется столько человечины, сколько они не видели уже много лет. Тогда ее поражение превратится

в триумф. К возвращению Райка единственный свидетель (и соучастник) ее неверности будет вариться в котле или поджариваться на медленном огне. Да, заполучив столько деликатесного мяса, Царица еще долго сможет тыкать Царя своей победой, особенно если ему не удастся найти талисман.

Путь из пустыни на восток лежал через полосу высоких — чуть не в десять ростов пайлов — дюн, ежедневно, ежеминутно передвигающихся с места на место, меняющих свои очертания под действием ветра. Между дюнами тянулись узкие, плавно изгибающиеся долины, представляющие собой естественные тропы.

Добравшись до дюн, Сайла выбрала самый широкий промежуток между ними и остановилась.

— Здесь, — сказала она.

Подумав, Сайла разделила свой отряд на несколько частей.

— Ты, ты и ты — залезьте на ту дюну и спрячьтесь за гребнем. Ты и ты — укройтесь вон за той глыбой песчаника. Вы четверо — сюда. А ты, ты и ты — за мной, вот сюда.

Дюжина воинов-ящеров расположилась таким образом, чтобы, едва войдя в долину, их противники оказались в окружении.

— Да, особо будет награжден тот, чье копье поразит высокого мужчину, неблагодарно бежавшего от нашего гостеприимства. А если он опять уйдет, я обещаю, что сниму со всех вас шкуры и сделаю из них спальные коврики для корг.

Такое заявление должно было, несомненно, сконцентрировать внимание всех воинов на Конане, а значит, ему вряд ли удастся уйти живым. Что ж. Это уже немало.

В красноватых лучах заходящего солнца пайлы заняли свои позиции и приготовились ждать.

Конан вместе с отрядом Лесного народа быстро шел по пустыне. Он хорошо отдохнул за день, его бурдюк был полон водой, к тому же рядом шла красивая девушка. Впереди, в неясном свете луны, показались какие-то волноподобные холмы.

— Это дюны, — сказала Чин, — значит, пустыня скоро кончится. К утру мы уже будем недалеко от цели.

Киммериец внимательно разглядывал приближающиеся дюны, чувствуя, как какой-то холодок пробегает по его спине.

— Не нравится мне это, — сказал он.

Чин удивленно посмотрела на Конана:

— Я тебя не понимаю.

— В темноте можно чувствовать себя спокойно, если находишься на открытом месте, как здесь, в пустыне. А в этих дюнах мы увидим лишь узкий коридор да два ближайших склона.

— Ну и что?

— А то, что мы до сих пор не видели погони пайлов.

— Спасибо Зеленой Богине. Они, наверное, отказались от этой затеи.

— Хорошо, если так. Но мне что-то не верится, чтобы эти ящеры просто так позволили нам уйти.

— У тебя есть доказательства твоих предчувствий?

Конан только пожал плечами.

— Пайлы прекрасно понимают, — сказал он, подумав, — что на равнине нас врасплох не застать. А здесь они запросто могут устроить нам засаду.

— Зря ты все это накручиваешь. Слишком маловероятно, чтобы пайлы поджидали нас в дюнах.

— Маловероятно, но не невозможно.

— Что ты предлагаешь?

— Идти в обход.

— Вот так идея. Обойти дюны — это же несколько часов ходу. Придется еще полдня, а то и больше плестись по жаре.

Конан вздохнул. Ну почему он должен проводить большую часть жизни, споря с женщинами? Им, наверное, просто нравится отстаивать свою точку зрения. Вот и сейчас: неужели не понятно, что лучше несколько часов попотеть под солнцем, чем навечно оставить свои кости в этой раскаленной пустыне? Промолчав и не дожидаясь, что еще скажет Чин, Конан затянул потуже перевязь с мечом и зашагал к коридору между дюнами, внимательно глядя по сторонам.

Одинокий стражник, стоявший ночную смену у главных ворот Каратоса, умирал с тоски. Это было более чем простительно. Ведь последний раз реальная угроза извне его частокола была еще при жизни деда нынешнего часового. Каратос находился в некотором роде под покровительством Хозяина Тумана. Этого было достаточно, чтобы многочисленные шайки бандитов, для которых и частокол не был бы серьезной преградой, обходили его стороной, не испытывая желания проверить могущество Дайммы. А для какого-нибудь Царя с большой армией и собственным колдуном на службе эта деревушка в далеком медвежьем углу представляла мало интереса. Хотя, по мнению задумавшегося стражника, были здесь и свои ценности — хорошенькие девочки, запас разных вин да немного золотишка. Все-таки маловато, заключил он, чтобы стоило гнать сюда и кормить по дороге целое войско.

Не в первый раз прокручивая в голове эти мысли, стражник ничуть не удивился, когда в его поле зрения попал одинокий человек-ящер, приближающийся по лесной дороге к главным воротам. Не только

удивление не посетило его голову (ибо он за свою жизнь видел множество самых разных созданий, появлявшихся по каким-то своим делам в Каратосе), но и ни капли тревоги не закралось в его сердце. Еще бы, этот стражник начал свою службу еще безусым юнцом, а сейчас уже длинная седая борода спускалась на его грудь. И за все эти годы единственный раз его жизни угрожала опасность — когда пьяный крестьянин швырнул в него подгнившей дыней. И промахнулся. В общем, седобородого стража не ввело в изумление или ужас приближение пайла.

— Эй, стража, — раздалось из-за стены.

— Ну, чего тебе? — ответил охранник. — Зачем пожаловал?

— Мне нужно кое-что передать одному из зелкаев.

Человек-ящер держал в руках копьё, но это не насторожило стражника. Он нажал на бронзовый рычаг, отодвигавший засов калитки.

Пайл обернулся и что-то крикнул в сторону леса на каком-то незнакомом стражнику языке.

— Что-что?.. — переспросил охранник, но оборвал фразу, увидев, как минимум, два десятка человеко-ящеров с копьями в руках, бегущих к воротам. — Ничего себе!

Он попытался снова повернуть рычаг. Тот почти не поддавался. Плохи дела!

— Сюда, — раздался голос.

Поглядев вниз, стражник увидел, что первый пайл уже пролез за ворота и заклинил копьём механизм запора. В следующий миг пущенное из-за частокола копьё воткнулось в грудь часового. На мгновение все его тело пронзила острая боль, а затем наступила пустота.

Уже теряя сознание, стражник успел подумать: наконец-то здесь хоть что-то случилось.

Клег проснулся, когда за окном его комнаты сгустилась ночная тьма. Он потянулся, встал, вылил себе на голову кувшин воды, предназначенной для умывания, и, освежившись таким образом, открыл дверь в коридор. Он решил еще раз перекусить перед тем, как покинуть харчевню. Спускаясь по лестнице, Клег бросил взгляд за окно. Темнота была не абсолютной. Яркие звезды проткнули покрывало ночи тысячами серебряных иголок. Почти полная луна ярким фонарем висела над крышами. Легкий ветерок принес с озера влагу и запах водорослей. Настроение у Клега было отличное... пока он не посмотрел вниз.

Там по узкой улице между кожаной лавкой и харчевней сновали какие-то тени. В свете луны и торчащего над входом в харчевню факела острому взгляду Клега не составило труда определить, что это были не люди и не зелкаи.

Это были пайлы.

Клега забила мелкая дрожь, но не холодный ночной ветер, дувший из окна, был тому причиной.

Пайлы! Но как же они оказались здесь? Стража не стала бы пропускать в деревню вооруженный отряд. Может быть, они перелезли через частокол? Или выломали ворота?

Какая разница, Клег? Гораздо важнее, зачем они здесь. Или за кем? Они пришли по твою душу, в этом можешь не сомневаться.

На секунду Клег поддался панике. Две дюжины пайлов прочешут деревню в мгновение ока и найдут его.

Непроизвольно рука Клега потянулась к мешочку на поясе, в котором лежало зерно. Если пайлам удастся отобрать у него талисман, а он сам при этом останется жив, то, видимо, смерть от копья пайла покажется Клегу благом по сравнению с тем, что

сделает с ним в гневе Великий Мастер. Нет, надо выбираться отсюда!

Как бы ни были опасны ночью подводные пути, там, в озере, его шансы будут куда выше. Пайлы могут разрушить не только этот частокол, но и каменную стену, но скорее солнце не взойдет на небо, чем они научатся плавать достаточно хорошо, чтобы поймать зелкая в воде.

Клег стал осторожно спускаться по ступенькам.

Внизу раздались громкие голоса:

— Эй, мы ищем одного из людей-рыб! Есть у тебя такие? Отвечай, а не то получишь копье в живот!

— Т-т-там, на-в-верху, — раздался дрожащий голос трактирщика.

Клег замер. Черные Глубины! Он в ловушке!

Молодой пайл, тот, на которого Сайла уже положила глаз и ждала, пока он станет чуть постарше, скатился по песчаному склону и подбежал к Царице:

— Они идут.

Сайла кивнула:

— Именно так, как я и предполагала. Итак, ты знаешь, что надо делать?

— Да, Царица! — ответил юноша и бегом бросился вверх по склону, чтобы занять позицию рядом с еще двумя воинами. Сайла не торопясь полезла за ним. Она планировала посмотреть на бой с гребня дюны. Число противников было примерно равным числу ее солдат, но у пайлов было преимущество внезапности. Кроме того, они нападали с разных сторон, окружив отряд Лесного народа. Жаль, что ни по зрению, ни по слуху пайлы не превосходили людей.

Не так уж важно, если даже погибнут все ее солдаты. Главное — добиться своей цели. Посмотреть

кровавое зрелище — тоже не плохое удовольствие. Увидев кровожадную улыбку на лице Сайлы, самые свирепые из ее предков-рептилий пришли бы в восторг. С этой страшной улыбкой Царица продолжала карабкаться по сыпучему песку склона дюны.

Конан отделился от остальных и пошел чуть правее отряда. Может быть, Чин права и его подозрения беспочвенны? Может, он и вправду ведет себя как ребенок, боящийся темноты и привидений. В конце концов, его меч был с ним... Но после встречи с Кромом Конан еще больше убедился в том, что полагаться только на силу все же не стоит. Лучше все внимательно осмотреть и продумать. А не то расшибешь башку. Ведь не каждый раз друзья подстрachуют тебя, привязав веревку к ноге.

Конан аккуратно ставил ногу на песок, чтобы он не очень осыпался под его весом. Ветер дул в спину и нес множество песчинок, вливавшихся в открытые части тела и проникавших под одежду. Воздух пустыни был сух и безжизнен. Ни разу острое обоняние киммерийца не уловило и намека на специфический запах пайлов, который он помнил по пещерам.

На полпути к вершине очередной дюны Конан заметил три темных пятна у самого гребня. Сначала он принял их за какие-то растения, но, подойдя поближе, понял, что ошибся.

Спиной к нему лежали трое пайлов и внимательно наблюдали за чем-то по ту сторону гребня.

Конан легко догадался, что это «что-то» — отряд Лесного народа, прямиком направляющийся в ловушку.

Конан неслышно вынул меч из ножен и начал подкрадываться к пайлам. За свои движения киммериец отвечал. Но его выдал резкий порыв ветра, донесший до человеко-ящеров его запах.

— Чем это так завоняло? — буркнул один из пайлов.

— Я воздух не портил, — возразил второй.

— Знакомый запах, — вступил в разговор третий. — Да это же человек!

Вся троица резко развернулась.

Красться больше не было необходимости. Конан ринулся вверх по склону, громко крича:

— Пайлы! На вершинах дюн! Пайлы! Берегись!

Ближайший к Конану пайл вскочил на ноги и ткнул копьем в киммерийца. Тот резким движением увернулся от смертоносного наконечника, а выпад человека-ящера перешел в падение. Уронив копье, он с руганью и стонами покатился вниз по склону.

Второй пайл не успел еще поднять оружие, как меч Конана наискось расколол ему голову. Сухой песок жадно впитал струю крови.

Третий противник вознамерился убежать, но действовал недостаточно быстро. Острие меча Конана вошло ему в спину, проткнув сердце. Конан ногой сбросил с клинка мертвое тело, покотившееся вниз, в сторону предупрежденного Конаном отряда.

Киммерийцу не понадобилось много времени, чтобы оценить обстановку: предупрежденные об опасности, его друзья лезли вверх по склону, чтобы занять более выгодную позицию. Несколько пайлов, завывая и потрясая копьями, неслись к ним. Один из воинов Лесного народа уже приволакивал ногу: посланный врагом дротик попал ему в бедро. В свою очередь один из пайлов наградил Лесной народ жалобным стоном, получив копье в живот.

Конан ухмыльнулся. Обычный бой, безо всяких причуд, — само милое дело. В этом он толк понимал. Издав нечленораздельный боевой клич, он бросился вниз по склону, высоко подняв меч.

Глава 13

Клег прикинул возможные варианты действий. Можно было спуститься вниз, туда, где его поджидали пайлы, — почти верная смерть. Лестница в харчевне одна, следовательно, оставалось попытаться спрятаться — пожалуй, не более вероятно, чем отрастить крылья и улететь — или выпрыгнуть из окна на булыжники мостовой и переломать себе ноги, если не убиться насмерть.

Не очень-то веселая перспектива.

Клег выхватил из-за пояса длинный кинжал и решил принять бой, пролив перед смертью столько крови ящеров, сколько успеет. Тогда Великий Мастер, спустившись за душой Клега в Серые Страны, увидит, что тот до последнего храбро сражался, стремясь выполнить волю своего повелителя.

Неожиданно раздался громкий треск, и все здание харчевни зашаталось, как во время землетрясения. Снизу донеслись испуганные крики, звуки падающей, ломаемой мебели и всеобщей неразберихи.

Что это еще такое?..

Клег с кинжалом в руке осторожно спустился по лестнице.

Перегнувшись через перила, он увидел пролетевший через весь зал стул, а за ним — тело пайла... без головы.

Внизу творилось что-то невообразимое.

Спустившись еще чуть пониже, Клег вздрогнул от ужаса.

Восточная стена харчевни частично обрушилась, образовав огромный пролом. По обломкам металась с полдюжины пайлов, наносивших яростные удары копьями по ввалившемуся в пролом чудовищу.

Этот монстр казался помесью жабы и медведя. Но какой же он был огромный! В гигантской пасти

торчали острые, как иглы, клыки, плоские и отточенные, как топоры, резцы, переходившие в глубине в плоские коренные зубы. В этот момент чудовище лихо хрустнуло чем-то, словно человек косточкой вишни. Клега чуть не вырвало, когда он понял, что это была голова пайла.

Уколы копий, похоже, особо не беспокоили чудовище. С неожиданной для такой махины скоростью оно вдруг дернулось вперед и откусило ногу еще одному несчастному.

Человек-ящер дико заорал, но крик, как и копья, нисколько не подействовал на скользкую серо-зеленую тварь, сжевавшую ногу, словно корова — пучок сена.

Клег понял, что у него есть шанс бежать. Пайлам сейчас не до него. Он вздохнул и бросился к выходу.

Пайлы и вправду не обратили на него внимания. Зато, Клег успел это заметить, за его рывком внимательно проследили красные глаза чудовища.

Неожиданная догадка молнией мелькнула в голове Клега: этот монстр пришел за ним!

Несомненно, эта зверюга не была союзницей пайлов. Может быть, ее послал Лесной народ?

Клег добрался до двери и выскочил на улицу. Из собравшейся около харчевни толпы до него донесли обрывки фраз:

— Да что там такое?..

— ...с ума сойти, какой шум...

— ...сам зайди, придурок!

Клег налетел на одного человека из толпы, чуть не сбив его с ног и не упав сам. С трудом удержав равновесие, он бросился бежать. Если эти ненормальные собираются зайти в харчевню — пожалуйста. Ему от этого только лучше. Может быть, новая пища отвлечет чудовище или хотя бы задержит его.

Нет, у Лесного народа не может быть таких чудовищ в подчинении. Остается один вариант — монстра прислал Великий Мастер. Но зачем? Чтобы помочь Клегу? Или чтобы сожрать его? Может быть, талисман спокойно переживет путешествие по озеру в желудке этого кошмарного зверя? А Повелителю в общем-то безразлично, кто доставит ему это сожровище.

Клег не знал ответов на все эти вопросы, но и вовсе не собирался подождать появления чудовища, чтобы обсудить с ним ситуацию. Да, этот приятель не из тех, с кем можно потолковать и найти разумный компромисс.

Предводитель зелкаев со всех ног побежал к причалам. Только бы добраться до воды, а там он спасен!

Вдруг мелькнувшая в его голове мысль заставила его резко остановиться. Если Великий Мастер послал этого монстра за ним, то почему бы ему не привлечь к этому делу и остальных — тех, кто сейчас поджидает Клега в озере? Так что соваться туда сейчас было бы опрометчиво. Далеко не уплынешь.

Клег свернул в узкий переулок между кузницей и полуразвалившимся храмом. Нет, прежде чем бросаться в поджидающую тебя пасть наподобие той, что прогрызла стену харчевни, стоит все хорошенько обдумать.

Сайла была вне себя от ярости. Подумать только — западня рассыпалась прямо на ее глазах. Кто-то поднял тревогу! Неожиданность — главный козырь пайлов — пропала. Теперь Лесной народ оказался выше ее воинов. К тому же куда-то запропастились те трое, которые должны были начать атаку с этой самой дюны.

А, вот один из них. Боги, он падает вниз по склону, безмолвно переворачиваясь и кувыркаясь! А за ним — нет! — вновь тот самый великан варвар! Он стоит на гребне дюны. Нет, вот он уже несется вниз, размахивая мечом, и врзается в самую гущу боя.

В темноте падали на песок мертвые тела — люди и пайлы. Раздавался звон скрещенного оружия и стоны раненых. И над всем этим — взлетающий вверх и опускающийся вниз меч Конана. Удар, еще удар. Еще...

Пайлы явно терпели поражение. Все их преимущества рассыпались, как песчаный замок. Вот еще один солдат Сайлы рухнул, почти надвое рассеченный этим яростным человеком. Через секунду еще один замолчал навеки, сраженный копьем одного из обитателей гигантских деревьев. Царица с ужасом смотрела, как люди одерживали победу над ее солдатами.

Когда Конан погнался за последним из ее воинов, Сайла сообразила, что и ей самой угрожает опасность. А не захотят ли победители обыскать местность вокруг?

Смешанное чувство ярости, унижения и страха охватило убегающую вниз по склону Царицу пайлов.

Что же теперь делать?

Убегающему пайлу не удалось уйти далеко. Меч Конана пропел в воздухе короткую песню смерти и снес голову бедняги с плеч. Человек-ящер рухнул на песок, окрасив его кровью.

Киммериец осмотрелся, с трудом успокаивая кипящую в жилах кровь. Нет ли поблизости еще пайлов, желающих поскорее отправиться на тот свет?

Ничего... Жаль.

— Конан, ты цел?

Он увидел направляющуюся к нему Чин.

— Да. А как остальные?

Вдвоем они начали осмотр. Копья пайлов на смерть поразили пятерых. При этом на песке осталось около дюжины трупов людей-ящеров.

— Поищем тех, кто остался в живых? — спросил у сестры Хок.

— Нет, — ответила Чин. — Незачем тратить силы и время. У нас другая цель. Что скажешь, Конан?

Киммериец был занят тем, что с помощью точильного камня вновь доводил до совершенства лезвие своего клинка. Оторвавшись от этого занятия, Конан ответил:

— Да, пойдем вперед. Я не думаю, что эти нас снова побеспокоят. Прежде чем Царица соберет новый отряд, мы будем уже далеко за границей их территории.

Наскоро похоронив своих убитых и перевязав раненых, отряд покинул поле боя.

Проплывая по залам замка, Даймм вновь и вновь обдумывал ситуацию. Выходило, что больше сделать ничего нельзя. Оставалось только ждать. Его посланцы найдут Клега во что бы то ни стало и принесут талисман. Подождать после пяти веков пытки — что такое несколько дней? Но Даймму казалось, что впереди — вечность. Если бы он имел тело, его заклинания обладали бы иной силой. Он уже давно сам разыскал бы этого Клега. Но в виде облака ему нельзя оказаться за стенами замка. Малейший ветерок навсегда унесет его прочь от спасительного лекарства. И никакие чары уже не помогут.

Эта беспомощность бесила его. Нет, мир содрогнется, когда месть Даймма коснется его. За

века страданий будет заплачено реками крови и горами трупов. Те, кто считал свое тело чем-то неотъемлемым, рассчитаются за это перед тем, кто был лишен этого пять столетий. Даймм даже не мог думать о том, что он будет делать дальше, отомстив миру. Сначала месть, жестокая, страшная месть.

С чего начать? Ну, для начала неплохо будет уничтожить всех хотийцев — соплеменников проклятого колдуна, на смертном одре пославшего свое страшное заклятие Даймму.

Хозяин Тумана почувствовал себя лучше, обдумывая детали предстоящего пиршества смерти и разрушения.

Скоро. Очень скоро...

Клег понял, что оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, деревня кишела пайлами, жаждавшими убить его и забрать талисман. Спасением от них было бы броситься в озеро и плыть к замку. С другой стороны, за ним уже охотится монстр, да скорее всего и не один, посланный Великим Мастером. Простому зелкаю не понять то, чем руководствуется в своих решениях Повелитель. Кто знает, какие намерения он вложил в этих чудовищных тварей. Так что в воде может быть даже более опасно, чем в деревне.

Прислонившись к стене, Клег взвешивал и подсчитывал все «за» и «против». Что лучше: опасность известная или неизвестная? Решать нужно было скорее. Это существо могло в любую минуту найти его. А если не оно, то пайлы. Может быть, так повезет, что одновременно на него навалятся обе опасности. В таком случае шансы остаться в живых более чем призрачны.

Что же делать? Давай, Клег, решай же!

Глава 14

Царица Сайла не из тех, кто легко поддается отчаянию. Даже потеряв всех своих солдат, кроме одного — от сильного удара он потерял сознание, и его сочли мертвым, — она не собиралась прекращать преследование. Отряд Лесного народа тоже потерял почти половину солдат. Их осталось всего пятеро, не считая Конана и мальчишки. Семь против двоих — такое соотношение исключало открытое нападение, но Сайла рассчитывала что-нибудь придумать.

Она еще не знала, каким образом ей удастся умертвить Конана, но в том, что такая возможность представится, она не сомневалась.

Вместе со своим единственным воином — безусым юнцом Блэдом, она на почтительном расстоянии следовала за отрядом Конана. Ничего, в лесных зарослях можно будет подобраться поближе. Может быть, удастся перебить их по одиночке, постепенно выравнивая силы. Что-нибудь да случится, верила Сайла, ей еще повезет.

Клег наконец решил. Какие бы опасности ни подстерегали его в воде, озеро было его родным домом, да и сам он был куда лучше приспособлен к бою в Превращенном виде. Это существо из харчевни, конечно, сильнее и страшнее любого из зелкаев. Что на суше, что в воде. Но, судя по его форме, оно не может быть таким же быстрым. А что касается других — не так уж много тех, кто решится напасть на несущегося на всей скорости зелка. Лучше уж быть вдвое больше и иметь на вооружении всю силу мышц и целую пасть зубов, чем быть застигнутым на суше, имея лишь кинжал да слабые руки и ноги. В конце концов, он не поплывет к замку кратчайшим

путем. В зарослях полно других туннелей. Пусть попробуют схватить!

Решено.

Клег немедленно отправился к озеру. Несмотря на то что ему приходилось идти, озираясь и прячась в тени домов, он почувствовал себя гораздо лучше. Только бы добраться до порта, нырнуть в воду, а там уж рукой подать до острова с замком.

Подойдя поближе к причалам, Клег расстегнул пояс с закрепленным на нем мешочком с талисманом и обмотал его вокруг шеи. Пояс был сделан из эластичного материала, который будет плотно обхватывать гладкое его тело под водой. Повелитель, создавая себе слуг, продумал даже такие мелочи.

Лишь несколько шагов отделяли Клега от воды. он в последний раз проверил, хорошо ли держится у него на шее пояс и крепко ли к нему привязан тот драгоценный мешочек. Клег легко подкинул его на ладони и не ощутил ставшей уже привычной за эти дни тяжести.

Что это такое? Не мог талисман никуда деться. Клег завязал мешок самым надежным узлом... С чувством надвигающейся паники Клег дрожащими руками развязал веревку и сунул в мешочек руку.

Талисмана не было.

Толпа, стоявшая у входа в таверну и внимательно следившая за раздающимися изнутри звуками, была немало удивлена, когда, снеся половину стены, на улицу выбралось кошмарное чудовище.

Одним из стоявших в толпе был угловатый, похожий на подростка человек по имени Шейхан. В былые годы он был сильным и ловким, любил приключения, но сейчас в Каратосе его звали Шейха-

ном-свинарем. Один из богатых людей деревни нанял его, чтобы присматривать за свиноматками да боровами, но оно давало возможность заработать на хлеб и вино (особенно на вино), что все-таки лучше, чем умирать с голоду или — еще страшнее — от жажды.

Когда кошмарное создание вылезло из-под обломков харчевни, толпу как ветром сдуло. Не было исключением и Шейхан. Он, чьи лучшие годы остались давно в прошлом, рванулся прочь так резво, что мог бы дать фору любому юноше. К сожалению, любопытство оказало ему плохую услугу. Желая рассмотреть демона или кого там еще, Шейхан бежал, не глядя под ноги, и через несколько шагов, наступив на что-то круглое и твердое, поскользнулся и растянулся среди улицы.

Толпа растаяла, как дым на ветру, и Шейхан обнаружил себя лежащим на мостовой, в опасной близости от чудища, которому ничего не стоило проглотить его целиком, если бы оно только этого захотело.

— Митра, помоги мне!

Шейхан за двадцать последних лет ни разу не был в храме Митры, не пожертвовал туда ни медяка, но сейчас он был готов все отдать любимому богу, лишь бы тот согласился оказать ему эту маленькую услугу.

Чудовище, страшнее и уродливее, чем что бы то ни было, виденное Шейханом в жизни, безо всякого интереса оглядело лежащего перед ним свинаря, затем развернулось и потрусило вниз по улице в направлении порта.

Шейхан собрался с духом и сел.

— Будь благословен, о Великий Митра! Я твой должник навеки!

Проследив взглядом за удаляющимся монстром, Шейхан решил посмотреть, что же так коварно подкосило его.

Что это за странная штукавина в форме глаза? Что-то вроде косточки... только от какого же огромного плода?

Шейхан сунул зерно в карман. Может, оно чего-нибудь да стоит. Надо будет показать его Старому Талою — продавцу овощей. Вдруг он и купит эту штуковину. Кто знает, может, она и потянет на кружку вина, а то и на две.

Прежде чем вокруг вновь собрались любопытные, Шейхан направился к своей хижине рядом со свинарником, на ходу мысленно представляя, как он будет рассказывать друзьям о том, что с ним случилось. Он скажет так: «Я видел чудовище, которое в щепки разнесло «Деревянную рыбу». Оно подошло ко мне вплотную, но я твердо стоял и смотрел ему прямо в глаза. Тогда оно поджало хвост и убежало».

Что ж. Это было почти правдой.

Рассвет окрасил розовым безоблачное небо, наполнив воздух легким светом.

Прошедшие дожди уничтожили все следы зелкаев, но когда Конан и его друзья вышли на берег реки, они наткнулись на картину, подтвердившую верность взятого ими направления.

На берегу шумного потока лежали трупы пяти или шести зелкаев. Один — в том виде, в котором видел их Конан под деревьями, другие — в виде больших, вдвое длиннее человека, рыб с сильным телом, мощными зубами и длинными плавниками. И те и другие были облеплены жужжащими мухами. В воздухе чувствовался запах яда. То, что оружие, поразившее зелкаев, было отравленным, подтверждало и отсутствие пернатых стервятников и мохна-

тых падальщиков вокруг трупов. Лишь безмозглые мухи тысячами валялись вокруг них.

— Эй, смотрите сюда! — крикнул Хок.

Конан подошел к подростку и посмотрел туда, куда тот указывал пальцем. На высохшей грязи отпечатались хорошо знакомые следы. Пайлы.

Что ж, не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что здесь пайлы вступили в бой с зелкаями и, похоже, уложили по крайней мере часть из них.

Чин подошла к Конану и встала рядом.

— Там дальше по течению — тела нескольких пайлов, — сказала она.

— А на том берегу, если не ошибаюсь, еще следы наших приятелей-ящеров.

— У тебя хорошее зрение.

— Не жалуюсь. Ладно, пора приниматься за дело. Нужен плот. Вон видишь, кто-то уже переправился. — Конан показал на деревянную платформу, вытащенную на противоположный берег чуть ниже по течению.

Чин сказала:

— Похоже, это делали наши. Значит, Таир все еще впереди нас.

— Надо постараться догнать его.

— Ты не думаешь, что в реке еще остались эти чудовища? — спросила Чин, кивая в сторону одной из рыб.

— Вряд ли. Даже если кто-нибудь из них и выжил, с какой стати им тут оставаться.

Постройка плота заняла меньше времени, чем предполагал Конан. Жители Гигантской рощи отлично управлялись с деревьями и лозой.

Переправа прошла без приключений.

— Еще день пути — и мы доберемся до деревни на берегу озера, — сказала Чин, когда они высади-

лись на противоположном берегу. — Так мне рассказывали. Сама я там никогда не была.

— А дальше?

— Хозяин Тумана живет в замке на плавучем острове из водорослей. Никто, кроме созданных им слуг, еще не возвращался оттуда.

— Значит, будем надеется, что нам удастся перехватить зелкаев раньше, — заметил Конан.

Сайла и Блэд сосчитали найденных на берегу мертвых пайлов. Их было не меньше дюжины. И только Дракон теперь знает, сколько их унесло течением. Райка среди погибших не было. Сайла не была уверена в том, радоваться ей при этом или печалиться. Пока Блэд оплакивал погибших товарищей, Сайла обдумывала ситуацию: если бы знать, что ее муж погиб, — можно даже прекращать погоню и возвращаться домой. Отбыв положенный траур, она станет полноправной Царицей и будет наслаждаться всеми удовольствиями и привилегиями единоличного властителя пайлов.

Но если Райк жив, есть шанс, что он узнает о Конане. Сайле и раньше с трудом удавалось выбраться из щекотливых ситуаций. Ее спасало то, что главный свидетель обычно оказывался в котле или на вертеле прежде, чем до Райка доходило допросить его. А уж с котелка супа какой спрос? Теперь другое дело. Пока живы оба — Конан и Царь пайлов — Сайла в опасности.

— Нам нужен плот, — сказала она Блэду. — Сооруди что-нибудь. И побыстрее.

— Слушаюсь, Повелительница.

— Я не могу помочь тебе в этой тяжелой мужской работе, — сказала она, улыбаясь. — Но когда мы переправимся, я найду способ отблагодарить тебя за столь верную службу, верный мой Блэд.

Надо покрепче привязать его к себе, подумала Сайла. Юный Блэд во все глаза глядел на нее.

— Мне не нужны никакие награды, госпожа.

Сайла выскользнула из пропыленной походной одежды и предстала перед Блэдом обнаженной.

— Но одну ты все же получишь. И прямо сейчас, если поторопишься.

Где же талисман?

Этот вопрос горел в голове Клега. Как он мог потеряться? Когда? Где?

Возвращаясь обратно к трактиру, он вновь и вновь прокручивал в памяти весь прошедший день. Когда он ложился спать, талисман еще был на месте. Как же развязался узел? И когда же зерно выпало из мешочка?

Когда он спускался по лестнице? Или когда он увидел чудовище? Или когда?..

Стоп. Он налетел на какого-то зеваку, когда выскочил из харчевни, чуть не сбив этого придурка с ног.

Да! Точно! Наверняка талисман выпал при ударе.

Может быть, в темноте никто не заметил его. В конце концов, штука непримечательная — коричнево-серое, почти круглое с удлинненными концами зерно, выглядящее как огромная фруктовая косточка.

Но при свете дня кто-нибудь может заметить зерно.

Клег поспешил к полуразрушенному трактиру, не забывая при этом пробираться узкими переулками и прижиматься поплотнее к стенам домов. Рассвет срывал спасительный покров темноты, и не следовало забывать, что наверняка не все пайлы погибли в пасти чудовища. Хотя, если бы они оставались в поселке, местные власти давно подняли бы тревогу.

Значит, основная часть их отряда затемно выбралась из города. Но на всякий случай следовало быть начеку — ведь и один пайл может оказаться очень опасным.

Предводитель зелкаев пересек узкую улицу, быстро пройдя мимо пожилого мужчины, высыпавшего корм в загон для свиней. Старик удивленно посмотрел на Клега, но тот даже не оглянулся и не замедлил шага.

А где же чудовище? — подумал Клег. К счастью, за все это время оно больше ему не встретилось, хотя Клегу не очень верилось, что пайлы или кто-нибудь еще сумели уничтожить монстра.

Нет, все это становилось слишком сложным и запутанным. Нужно было найти талисман, и чем быстрее, тем лучше!

Шейхан внимательно проводил взглядом удаляющегося зелка. Станные дела творятся в деревне, подумал он. Чего стоит одно это чудовище в трактире. Потом шатающиеся по ночам люди-ящеры и люди-рыбы. Не к добру все это. Ну да ладно, главное — не вмешиваться в чужие дела.

Всыпав в кормушку последнюю порцию отрубей, Шейхан решил, что пора пойти позавтракать, в смысле промочить горло. Как раз сейчас в трактир должен зайти козий пастух. Может быть, удастся его раскрутить на кружку вина за рассказ о том, что случилось ночью.

Да, надо захватить эту штуковину, косточку не косточку, и попытаться загнать ее старине Талою. Может, и удастся выручить пару медяков.

Шейхан похлопал себя по карманам. Здесь нет, и тут. Ну, наверное, где-нибудь выронил. Да и ладно. Это зерно, наверное, ничего не стоит. Иначе кто бы его выкинул на дорогу...

Глава 15

Клег не мог вспомнить худшего дня в своей жизни. Когда Повелитель застукал его с горничной или когда он сам уронил со стены замка тысячелетний ковер, вознамерившись вытряхнуть из него пыль, — все это было ерундой по сравнению с сегодняшней ситуацией.

Наконец он добрался до полуразрушенного трактира. Чудовища, к счастью, нигде не видно. К несчастью, талисман тоже куда-то исчез. Наверное, кто-нибудь (или что-нибудь) подобрал его...

Первые лучи солнца осветили деревушку. Клег понял, что больше не может оставаться здесь, рискуя попасться на глаза пайлам. Они пару раз мелькали между домами, но, к счастью, не заметили Клега.

Предводитель зелкаев устало прислонился к полуобвалившейся стене «Деревянной рыбы». Что делать? Вернуться к Великому Мастеру без талисмана означало долгую мучительную смерть. Не вернуться — будет еще хуже. Клег понимал, что куда бы он ни спрятался, хозяин рано или поздно найдет его, и тогда смерть будет втрое мучительней, если такое вообще возможно. Даймм создал зелкаев из рыб, сделал их более сильными и ловкими, чем люди, правившие большей частью земли. Так неужели он не сможет найти одно из своих созданий и в гневе раздавить его как муху?

Нет, все эти варианты не улыбались Клегу. Единственным способом спасти свою шкуру было найти талисман. Но как? Не мог же он расспрашивать каждого встречного, не видел ли тот волшебное зерно, талисман, украденный у Лесного народа? А вдруг пайлы уже подобрали зерно?

Клег потряс головой. Ну почему именно он оказался втянутым в эту историю? Все, чего он хотел

от жизни, — это иметь побольше самок и вдоволь рыбы. А все эти колдовские дела... Нет, он, конечно, сделал все, что мог. Неужели Великий Мастер, кто все знает, не видит этого и не оценит стараний Клега?

С другой стороны, а не входит ли все это в испытание надежности и верности, устроенное Повелителем своему Первому слуге?

Клег снова тряхнул головой. Ну почему я?

Уже ближе к вечеру Конан и его спутники наконец встретились с отрядом Таира. Лесной народ радостно встречал тех, кто остался в живых, и искренне сожалел о погибших во время пути.

Конан отошел в сторону и принялся рассматривать огромную черную скалу, словно случайно заброшенную богами эту лесную равнину. Вскоре к нему подошли Чин и Таир.

— Каратос находится как раз за скалой, — сказал Таир, — единственный из зелкаев, выживший после боя на переправе, нашел там убежище.

— Мы тоже видели следы этого сражения пайлов с зелкаями.

— Пайлы, видимо, тоже охотятся за зелкаями. Им тоже удалось как-то проникнуть за частокол, окружающий поселок.

— Значит, и нам тоже нужно попасть туда.

Таир кивнул:

— Тут дело непростое. Там, в деревне, случилась какая-то заварушка. Теперь стража на воротах усилена и получила приказ никого не впускать в поселок. Даже такому смелому и сильному воину, как я, будет невозможно пройти за ворота.

Конан пожал плечами:

— Значит, нужно просто найти другой способ попасть внутрь.

— Частокол вокруг Каратоса не был пробит не единожды с тех пор, как его установили. Хотя попытки были, правда очень давно.

— Вовсе не обязательно ломиться сквозь стену, — сказал Конан. — Я вот думаю, а не слабо ли тебе перелезть через нее?

Таир расплылся в улыбке и хлопнул Конана по могучему плечу:

— Клянусь Зеленой Богиней, ты просто шутишь. Чтобы я — да не смог залезть на какой-то плетень!

— А остальные?

— Ну, положим, они не столь ловки и проворны, как я, но не думаю, чтобы деревянная стена представляла для них серьезное препятствие. Ведь, в конце концов, частокол — это не что иное, как ряд стволов деревьев без веток.

— Значит, нужно найти неохраемое место и перелезть через стену под покровом ночи.

— Отличная идея. А тебе мы сбросим сверху веревку.

— Я думаю, что и сам смогу перелезть, — сказал Конан и подумал, что скорее умрет, сорвавшись со стены, чем позволит затаскивать себя на веревке. У Лесного народа было не больше пальцев на руках и ногах, чем у киммерийцев, хвостов у них тоже не было. Если им удастся забраться на частокол, то, разрази его гром, Конан тоже должен суметь сделать это.

— Я отправлю разведчиков, чтобы выбрать подходящее место, — сказал Таир. — А пока давайте-ка поедим и расскажем друг другу о наших приключениях. У меня много всего накопилось.

Конан ухмыльнулся. Да уж, рассказ предстоял занимательный. И откуда у этих людей столько хвастовства?

Недовольно скривившись, Сайла впилась зубами в плотный корень, из которого брызнула ей в рот сладковатая жидкость. Не королевская, прямо скажем, диета. Но ничего не поделаешь, нельзя терять времени на охоту за мясной пищей. Так можно упустить этого проклятого Конана.

Сидя рядом с ней, Блэд улыбался во весь рот. Как же мало ему было нужно для счастья! С тех самых минут у переправы этот юнец принадлежал ей и душой и телом. Как же они примитивны и однообразны, эти мужчины! Просто смех.

— Говоришь, они устроили привал?

— Да, госпожа. Они сели пообедать и болтают друг с другом.

Сайла проглотила эту информацию с таким же отвращением, как и очередной кусок безвкусного корешка. Все ее планы относительно убийства Конана рассыпались в тот миг, когда его компания встретила с другой группой себе подобных. Теперь людей было не менее двух десятков, и, стоило Блэду сделать один неверный шаг, Царица могла остаться совсем одна. Не то чтобы она очень привязалась к своему юному спутнику — в конце концов, все пайлы немногим отличаются один от другого, — просто сейчас ему не было никакой замены — ни как мужчине, ни как помощнику в деле. — Деревня недалеко? — спросила Сайла.

— Да, Царица. Рукой подать.

Что же задумал Лесной народ? — ломала она себе голову. И где этот идиот, ее муж? Вряд ли он полез в озеро, чтобы добраться до плавучего острова. А значит, он где-то в деревне. Но что там можно делать столько времени?

— Пойди последи за людьми, — приказала Царица своему спутнику. — Если что-то изменится — немедленно сообщи мне.

Улыбка слетела с лица Блэда. Несомненно, он был не в восторге от перспективы валяться в кустах, в непосредственной близости от многочисленных противников, рискуя получить нож в спину. Но Сайла знала, чем приободрить его.

— Я буду ждать тебя, — со вздохом сказала она.

— Слушаюсь, ваше величество, — довольно рывкнул Блэд и скрылся в зарослях.

Сайла только покачала головой. Нет, мужчин по жизни ведут явно не мозги.

Ночь застала Клега грустно сидящим в углу портового кабака, тордо именовавшего себя «Светлой надеждой». Было в этом названии нечто издевательское. Ни света, ни надежды отродясь не бывало внутри этих стен.

Клег склонился над кружкой крэля и исподлобья осматривал помещение. Грязная, обшарпанная комната была затянута дымом. Два десятка посетителей — в основном из самых низов здешнего общества — толпились у стойки или сидели за заплеваными столами. Тут же вертелись готовые обслужить их дешевые шлюхи. Тут и там по стенам были развешены рваные рыболовные сети, видимо для украшения. Да, гнусное местечко, подумал Клег, зашедший сюда только потому, что рассчитывал — его здесь никто искать не будет.

Клег хлебнул из своей кружки и прислушался к тому, как за соседним столиком свинарь и пастух громко что-то доказывали друг другу.

Никто из посетителей, даже подвыпившие портовые грузчики, не привязывался к Клегу. Все хорошо знали, что зелкай сильнее нормального человека даже на суше, да и к тому же свирепеют по малейшему поводу.

— Нет, ты послушай, — донеслось до Клега из-за соседнего столика, — я тебе расскажу, как задушил волка собственными руками!

— Нет, нет, нет, я это уже сто раз слышал! Лучше я расскажу тебе про чудовище в трактире!

Пастух опрокинул в рот остатки вина, взял новую свою шерстяную куртку и направился к выходу, заявив своему собеседнику:

— Знаешь, иди-ка ты со своими баснями...

— Да ты что! Я тебе правду говорю! Я ведь своими глазами видел, как это страшилище проломило стену, словно паутину. Оно вылезло на улицу и оказалось прямо передо мной. Представляешь, стою я лицом прямо к его морде — и никого рядом. Ну тут я себе и говорю: «Спокойно, Шейхан. Ты же мужик! Веди себя как положено». Я уставился ему прямо в глаза, и чудовище не выдержало моего взгляда. Оно развернулось и бросилось наутек!

— Да я бы тоже рванул куда подальше, увидев твою рожу в первый раз, да еще и на трезвую голову, — захохотал пастух, обрадовавшись своей шутке.

— Ах, ты не веришь! Да там полно народу было. Только они все разбежались, как курицы от хорька, а я твердо стоял на ногах и встретил демона взглядом. Нет, попадись он еще раз, я тебе докажу, что не вру!

Это заявление вызвало еще один взрыв хохота.

Клег даже пожалел, что не слышал начала разговора. Если он все правильно понял, этот старик был в толпе у «Деревянной рыбы», когда Клег выскочил оттуда. А может быть, он видел талисман? Клег покачал головой. Слабая надежда. Утопающий хватается за соломинку. И все же...

Дождавшись, когда пастух уйдет, Клег встал и подошел к одиноко сидящему свинарю. Несмотря на то что тот был сильно пьян, в его глазах про-

мелькнул страх, когда к его столику подсел человек-рыба.

— Чем могу?

— Я тут услышал часть твоей истории, — сказал Клег. — Человек такой храбрости достоин всяческого уважения. Ты, кстати, что пьешь?

— Как что? Что подешевле, самое кислое.

Клег обернулся и подозвал официантку:

— Эй, кувшин лучшего вина для моего храброго друга.

Лицо свинаря приняло выражение безграничного подобоострастия.

— Как вы добры, господин. Вы, конечно, из этих, из зелкаев, и все такое, но я... это... нет, я вас всегда уважал, вы понимаете?

Клег нетерпеливо кивнул.

— Расскажи, что там такое случилось. Ведь об этом только все и говорят.

— Говорят? А этот болван не хотел верить ни одному моему слову. Ой, господин, это было страшное зрелище!

Старик принялся пересказывать то, что Клег и без него знал, а затем перешел к собственным домыслам, не забывая при этом прихлебывать принесенное вино.

— Ну вот я и говорю: стою я, значит, перед этой уродиной...

Неожиданно гул голосов, стоявший в комнате, стих. Клег поднял голову, чтобы посмотреть на причину всеобщего замешательства, и обомлел. В дверях харчевни стоял человек-ящер.

Свинарь, ничего не замечая вокруг, продолжал расписывать свой подвиг все новыми деталями, но Клег уже не слушал его.

Войдя с улицы, пайл не сразу привык к неровному свету коптящих жировых ламп. Но как только его глаза прочистятся от набежавших из-за дыма

слез, ему ничего не будет стоить высмотреть среди посетителей единственного зелка.

Клег сжал рукоять кинжала. Один на один он сумеет постоять за себя. Главное — напасть неожиданно. Пайл прошел от двери внутрь помещения в полной тишине, если не считать пьяного бормотания бахвалящегося свинаря. За первым человеком-ящером показался второй, затем третий.

Это меняло соотношение сил.

— Мы ищем одного из зелкаев, — громко объявил человек-ящер.

Половина посетителей резко повернулась и уставилась на Клега.

Пайл поймал общее движение, присмотрелся повнимательней и расплылся в улыбке:

— А, ну наконец-то!

Но что бы еще ни собирался пайл сказать Клегу или сделать с ним, этому не суждено было осуществиться. С грохотом рухнула одна из стен трактира, полетели вниз лампы, разливая горящий жир по полу и столам. Посетители повскакивали со своих мест и увидели, как в проем вваливается жабоподобное чудовище, о котором только что рассказывал пьяный свинарь.

Сам же герой, который, по его словам, в этот момент должен был приступить к охоте за чудищем, лишь взглянув на него, упал в обморок.

Троим пайлам было не под силу противостоять паническому бегству трех десятков мужчин и женщин. Толпа просто вынесла их через дверь, спасаясь от чудовища и от пожара.

Клег сгреб в охапку отключившегося свинаря и потащил его вслед за остальными. Бросив взгляд назад, он с ужасом увидел, что чудовище почти настигло его. Клег рванулся бежать изо всех сил, петляя по грязным улицам поселка.

Глава 16

Время и непогода изрядно подпортили частокол вокруг Каратоса. И хотя для обычного человека он все еще представлял серьезное препятствие, Конан сравнительно легко вскарабкался по подгнившему стволу. Там, где дерево более успешно сопротивлялось гниению, его подтачивали другие враги — черви, термиты, птицы. Конан рассудил так: если жители поселка рассчитывают на частокол как на свою основную защиту, то они и впрямь живут в Стране Дураков.

Несмотря на всю свою ловкость, киммериец двигался медленнее, чем Лесной народ. Эти люди залезали вверх по стволам не хуже муравьев, передвигаясь быстро и уверенно, словно по давно знакомой широкой садовой дорожке.

Наконец Конан присоединился к остальным.

— Ну а теперь что? — спросила Чин.

— А теперь мы отправляемся на охоту за зелкаями, — ответил Конан. — Небольшими группами, человека по два-три, чтобы не привлекать внимания.

— Я пойду с тобой, — вставила Чин.

— Ничего не имею против. Если какой-нибудь из патрулей обнаружит противника, пусть лучше вызовет подмогу.

Отряд разделился и вошел в странно тихую деревню.

Конан вел Чин узкими переулками по направлению к предполагаемому центру. И так, если бы он был зелкаем, куда бы он отправился?

Конечно, к воде, а затем к тому колдуну, который его послал. В таком случае, судя по тому, что рассказывала Чин, погоню можно было считать законченной. Конану вовсе не улыбалась перспектива пополнить ряды тех, кто безвозвратно сгинул в глубинах

озера. Жизнь роши висела на волоске, но, когда речь заходила о его собственной жизни, юный киммериец рассуждал весьма прагматично. В мире полно других деревьев, пусть и не таких больших, на которых вполне приспособится жить Чин и ее племя. А что касается Конана из Киммерии, то такой, насколько ему известно, был один в целом мире, и он всячески рассчитывал прожить насколько возможно дольше.

Вдруг Конан резко остановился и принялся.

— Что случилось? — спросила Чин.

— Что-то горит.

— Разумеется. Сотня очагов, раз в пять больше ламп и свечей, — сказала она. — Ты в лесу и пустыне отвык от запаха человеческого поселения.

— Нет, здесь явно горит что-то большое. Ты еще и прислушайся.

Чин наклонила голову:

— Я слышу только шум ветра с озера и каких-то ночных птиц... подожди... Голоса.

Конан кивнул. Он давно уже слышал эти голоса, а кроме них — треск большого огня.

Осмотрев внимательно нависшие над деревней тучи, Конан показал пальцем на оранжевые сполохи на одной из них.

— Что это? — спросила Чин.

— Тучи отражают огонь. Пойдем посмотрим, что горит.

Когда киммериец и его подруга подошли к источнику пламени, там уже собралась большая толпа — человек сто. Горел дом, и, видимо, уже давно. Конан увидел, как огненные языки потянулись к крыше соседнего дома.

Дюжина пожарных безо всякого успеха выплескивала в пламя ведро за ведром. Жар был слишком силен, и большая часть воды не долетала до горящих поверхностей, расплескиваясь по камням мостовой.

В нескольких шагах от пожарников стоял человек в пастушьем плаще и разглагольствовал, не обращая ни к кому в отдельности:

— Клянусь Митрой, старина Шейхан был прав! Эта тварь и вправду запросто проламывает стену. А уж мерзость какая! Я только по нужде вышел, прихожу — а там такое творится! Полна комната ящериц, зелкаев, все орут, и еще эта тварь жрет все подряд.

Конан подошел поближе к пастуху:

— Говоришь, зелкаи?

— Ну да, один-то был. Это точно! Сидел тут рядом со стариной Шейханом. Здоровый такой, вроде тебя. Угостил старика вином, а тут эта тварь как вломится. Ну этот, с жабрами, схватил Шейхана — и деру!

— Куда?

Пьяные глаза пастуха уткнулись в грудь Конану, затем поднялись вверх.

— Ну ты и здоровый детина!

— Куда побежал рыбомордый?

Пастух покачал головой:

— А я почему знаю. Тут такое творится, а я не нанимался следить за этим ублюдком.

— Давно это было?

— Да нет. Как пожар начался.

Конан повернулся к Чин.

— А что за чудовище, про которое он все время твердит? — спросила девушка.

Конан пожал плечами:

— Какая нам разница! Наше дело — искать зелкаев. Пойдем, я думаю, здесь не так много народу таскает на себе старых пьяниц. Далеко он его не утащит. Найдем!

Уходя, они заметили, как пламя перекинулось на соседнее здание. Толпа охнула от ужаса.

— Царица, люди уходят!

Сайла вырвала себя из состояния дремоты:

— Что?

— Они направляются к деревне, — сказал Блэд.

— Ты же сказал, что ворота закрыты.

— Так и есть. Они и не идут к воротам.

Сайла покрутила головой, стряхивая остатки сна.

— Пойдем, покажешь мне.

Блэд и Царица успели как раз вовремя, чтобы увидеть лесовиков и Конана, перелезающих через частокол.

— Дерзко, — заметила Сайла.

— Что будем делать, госпожа?

— То же, что и они. Если они могут это сделать, то почему бы и нам не последовать их примеру.

Так оно и получилось. Конечно, это заняло у этой пары куда больше времени и сил, но в конце концов Сайла и Блэд перелезли через частокол, изрядно изорвав одежду. Правда, к этому времени ни Конана, ни его приятелей уже не было видно.

На мгновение Царицей овладела паника. Если ее муж жив, то скорее всего он где-нибудь в поселке. А местечко не столь большое, чтобы быть уверенной в том, что Конан и Райк никогда не встретятся здесь. Нужно найти киммерийца немедленно. Но где он может быть?

— Госпожа, смотрите — огонь!

Действительно, над одним из кварталов поднимались клубы черного дыма, из-под которого пробивались языки пламени. А не привлечет ли огонь точно так же и внимание киммерийца?

— Пойдем туда, — сказала Сайла.

Клег в панике бежал, взвалив на плечи пропахшего свиньями мертвецки пьяного старика. Теперь сомнений не оставалось — чудовище приходило за

Клегом. Но как же оно нашло его? Хотя если его послал Великий Мастер — это для него просто пустяк. Все происходящее еще раз убедило Клега во всемогуществе его Повелителя.

Нужно найти талисман и доставить его в замок. И сделать это нужно как можно быстрее. В маленьком поселке, окруженном частоколом и водой, долго не продержишься, если за тобой охотятся неизвестно сколько пайлов, да еще и эта мерзкая тварь.

Тю! Что там еще?

Клег нырнул в глубокую тень прохода между двумя домами и внимательно присмотрелся к двум фигурам, появившимся в свете торчащего у двери факела. Это были взрослый мужчина и мальчишка, одетый так, как одевается Лесной народ. И хотя все люди были Клегу на одно лицо, он не мог отделаться от ощущения, что это тот самый подросток, которого он отдал пайлам в качестве платы за проход по их мерзкой пустыне.

Нет, решил про себя Клег, это невозможно. Тот парень уже давно сварен и съеден охотими до таких штук пайлами.

Да это и не важно. Гораздо важнее, что оба они — обитатели той самой Гигантской рощи. А раз здесь появились эти двое, значит, с ними пришли и другие их соплеменники. И пришли они сюда, чтобы найти его, Клега, в этом нет никаких сомнений.

Черные Глубины! Мало ему двух врагов, так получи еще и третьего! Этого только ему не хватало.

Он развернулся и побежал по проходу, чтобы не встречаться с новыми преследователями. Надо выбраться в какое-нибудь более-менее тихое и безопасное место, привести в чувство пьяного свинаря и вытащить из него все, что он знает. Если, конечно, старик знает хоть что-то полезное. Изрядно попетляв по переулкам и дворам, предводитель зелкаев обна-

ружил конюшню, в стойлах которой не было никого, если не считать двух изможденных, больных лошадей. Внутри конюшни царил темнота — хоть глаз выколи. Клег положил старика на ворох сена и стал соображать, чем можно привести его в чувство.

В углу конюшни он обнаружил кожаное ведро, использовавшееся в качестве поилки для животных. Набрав воды из колодца, Клег плеснул в лицо старику. Никакой реакции. Тогда он вылил ему на голову целое ведро. Это подействовало.

— Эй, прекрати! Сдурел, что ли? Митра тебя подери.

Клег подождал, пока старик протрет глаза.

— Ты кто? — спросил свинарь.

— Не помнишь? Я угощал тебя вином.

— А, да, в «Светлой надежде». Человек-рыба. Слушай, а почему здесь так темно? Ничего не видно.

— Сейчас это неважно. Вспомни лучше чудовище, напавшее на тебя предыдущей ночью.

— Слушай, у меня сердце болит. Мне срочно нужно промочить глотку.

— Потом. Если поможешь мне — ставлю бочонок вина.

— Что? Бочонок?

— Когда ты увидел чудовище, не обратил ли ты внимание на что-нибудь еще?

— Еще? В смысле?

— Ну, например... зерно. Размером так, скажем, с кулак?

— А, припоминаю. Что-то такое было. Я его подобрал, хотел даже продать Старому Талою, но...

— Что — но?

Даже в темноте Клег увидел, как изменилось лицо старика: опухшие глаза прищурились, губы скривились в ехидной улыбочке.

— Выкладывай все про зерно!

— А штучка-то, пожалуй, дорогая, да?

— Я уже сказал, что ставлю бочонок вина, если ты поможешь мне найти его.

— А может, одного бочонка-то и маловато будет? Как насчет двух?

— Идет. Два.

— А три? Что скажешь?

Ярость охватила предводителя зелкаев. Тут на каждом шагу тебя поджидают враги, а этот вонючий свинарь начинает цену набивать. Схватив старика за воротник, Клег легко приподнял его, оторвав от пола, а второй рукой выхватил нож и приставил острое клинка к горлу Шейхана.

— А что ты скажешь, если я сейчас голову отрежу? Если зерно у тебя — выкладывай его, да поживее.

— Н-н-нет! Не-не убивайте меня! У меня... у меня его нет...

Клег слегка надавил на рукоять ножа, и под острием появилась капля крови.

— Стойте! У меня... оно... у меня было. Но я его... Я его потерял!

— Где?

— Н-н-не з-з-знаю. Оно еще было... когда... когда я кормил утром свиней. А потом оно куда-то делось!

— Где свинарник?

— Рядом с домом мясника. Через две улицы от мельницы.

Клег отпустил старика, который с трудом удержался на подогнувшихся ногах.

— Это правда? Ты уронил его в хлев?

— Да, да. Я уверен, что потерял его там.

В душе Клега загорелся луч надежды. Неужели наконец-то удастся разыскать проклятый талисман!

— А как насчет моего вина? — спросил, чуть очухавшись, упорный старик.

Клег внимательно посмотрел на свинаря. Нет, нельзя его отпускать, еще разболтает всем вокруг.

— Вино? Ах да. Оно же у тебя за спиной.

В тот миг, когда старик оглянулся, Клег схватил его за волосы и одним взмахом кинжала перерезал горло. Кровь забила фонтаном, руки Шейхана последний раз взлетели к шее, пытаясь зажать страшную рану. Но было поздно. Он упал, продолжая корчиться и дергаться.

Клег заметил, что в конюшне стало светлее. Он бросил взгляд в окно и увидел, что тучи освещены снизу неровным оранжевым светом. Так, значит, пожар не погасили. Даже не обернувшись на умирающего, Клег бегом бросился прочь из конюшни.

Черные Глубины! Поддеревни объято пламенем!

Нужно немедленно бежать в свинарник, пока пожар не добрался туда.

Увидев, как очередное объятое пламенем здание подкосилось и рухнуло прямо на частокол, который тоже немедленно загорелся, Конан понял, что они с Чин попали в серьезную передрыгу.

Он схватил девушку за руку:

— Нужно выбираться из деревни.

— Что?

— Против огня мы бессильны. Скоро весь поселок будет полыхать, как стог сена. Мы тут заживо изжаримся!

Бегавшие вокруг них местные жители тоже осознали опасность. Конан увидел, как четыре человека рванулись к главным воротам по центральной улице деревни. Не успели они пробежать и сотни шагов, как одно из самых высоких зданий рухнуло прямо на них, перегородив улицу сплошной стеной огня.

Все больше домов горело вокруг, все выше к небу летели языки пламени. Стало нестерпимо жарко.

Казалось, огонь врывается в легкие вместе с каждым вздохом.

Со всех сторон доносились крики и стоны тех, кто видел, как вспыхивает его дом. Ужас охватил всех, когда стало ясно, что путь к воротам отрезан, и даже частокол встал на пути к спасению сплошной огненной стеной.

— К озеру! — крикнул Конан. — Нужно пробираться к озеру.

— Там опасно!

— А здесь — верная смерть! Бежим!

Они рванулись в сторону озера, где уже начинали дымиться пропитанные смолой доки и причалы.

Конан увидел несущегося в ту же сторону пайла, а за ним, почти рядом, — Таира и Хока. Какая бы вражда ни стояла между ними — она подождет. Здесь все было как в царстве зверей: перед огнем все равны и спасаются вместе.

Глава 17

Сайла поняла, что у нее не остается времени на беспокойство о том, где ее муж. Следовало подумать о том, как не поджариться самой. Огонь подступал все ближе и ближе. Пылала уже вся деревня!

— Госпожа, сюда!

Сначала Сайла доверилась Блэду, который, как ей показалось, знал, куда бежать. Вдруг она заметила просвет в стене огня и остановилась, крикнув:

— Бежим туда!

— Там вода, озеро, госпожа!

Она поняла его опасения. Пайлы почти не умели плавать — в пустыне для этого мало возможностей.

Но с другой стороны, как там ни жарко — это все равно не раскаленный очаг пожара.

— Ничего, у озера найдем что-нибудь, на чем можно плыть. Бежим! Живее!

Со всех сторон слышался вой огня, треск горящего дерева, грохот обрушивающихся стен и крыш. Тут и там раздавались стоны несчастных, которым не удалось увернуться от очередного огненного обвала.

Сайла не знала, что было причиной этого кошмара, но какое-то внутреннее чувство уверяло ее, что в этом замешаны ее враги.

Царица едва увернулась от рухнувшего чуть не на ее голову пылающего бревна, поднявшего целый столб искр. «Потом будешь искать причины, дура, — мысленно обругала она себя, — сейчас главное — выбраться отсюда».

Проплывая по одному из многочисленных коридоров замка, Хозяин Тумана вдруг почувствовал, что тяжелеет и сгущается. Что? Неужели вновь подарок судьбы? Так скоро? Надолго ли?

С этой мыслью он принял форму человека и грохнулся на пол.

Чудо! Нет сомнения — это доброе предзнаменование: ведь давно уже это не случалось так часто.

Никого из слуг рядом не оказалось, а ведь нужно так много успеть: поест, выпить, ощутить тело женщины... Даймм ринулся по коридору, наслаждаясь даже самой возможностью передвигаться самостоятельно и уверенно. Пробегая мимо толстой пластины кварца, вставленной в окно в форме летучей мыши, он невольно остановился, чуть не упав с не привычки к таким резким переменам скорости. Вернувшись к окну, он внимательно посмотрел наружу.

Кварц был немного матовым, но все же сквозь него можно было рассмотреть кое-что. Обычно из

этого окна был виден Каратос, но только днем. Слабые огни деревни не пробивали так далеко ночную тьму. Но сегодня Даймм ясно разглядел стоявшую на берегу озера деревню. Вернее, то, что от нее осталось.

Даже на таком расстоянии зарево ярко полыхало на фоне черного неба.

Даймм внимательно смотрел на далекий пожар. За пятьсот лет он повидал множество сел и городов, уничтоженных ветрами, водой, огнем или колдовством. Его уже трудно было удивить. Подумаешь, какой-нибудь пьяный крестьянин опрокинул на пол лампу — вот тебе и сгорела деревня. Все это уже тысячи раз бывало на свете.

Но все же, наблюдая за пожаром, Даймм улыбался. Он много повидал на своем веку, но были вещи, которые ему никогда не надоедали. Ужас жителей деревни был бы отличным зрелищем. Знаю, что отсюда не слышны их жалобные крики и не видны их обезумевшие от боли и страха глаза! Да, некоторые зрелища никогда не надоедают.

Вдруг лицо колдуна скривилось в недовольной гримасе. Этот болван, предводитель зелкаев, наверняка попрется через деревню на обратном пути. Хорошо, если он уже прошел через нее. Если же он только добрался до пылающего поселка, то у него хватит ума не лезть в пекло, а переждать, пока все кончится. Конечно, задержка — дело неприятное, но в данном случае — вполне объяснимая. Но что если Клег оказался в деревне именно сейчас, рискнул сгореть вместе с драгоценным грузом, спасением от висевшего над Дайммом заклятия?

Нет, не может быть, только не это!

Даймм сломя голову бросился в тронный зал. Ничего, он пошлет на поиски Клега всех тех, кто находится в его власти. Всех! Сейчас нет ничего важнее!

Ему удалось сделать лишь пять шагов. На шестом Хозяин Тумана вновь превратился в легкое облако, разразившись потоком проклятий.

Клег, предводитель зелкаев, поднявшийся выше всех, обязанных жизнью Великому Мастеру, стоял на коленях в грязи, смешанной с дерьмом свиней, и ковырялся в ней руками.

Свиньи убежали. Клег выбил ногой жерди в изгороди, и животные с визгом бросились прочь от приближающегося огня. Клег и сам опасливо озирался по сторонам. Но не столько пожар тревожил его, сколько проклятое чудовище, которое могло появиться в любой момент.

Ближайший дом уже задымился. Лишь считанные минуты отделяли его от момента, когда он вспыхнет, присоединившись к бегущему морю огня.

Клег понимал, что у него остается мало времени. Пламя почти наверняка уже окружило его. Оно приблизилось настолько, что Клег почувствовал на своей коже его горячее дыхание. Он лихорадочно продолжал копаться в навозе, уповая на то, что старик не соврал. Оно должно быть здесь. Должно!

Громкий треск пламени возвестил о том, что вспыхнул соседний дом. словно удар раскаленного кулака оглушил Клега.

Он плашмя упал в жидкую грязь, затем перевернулся на спину, покрывая себя слоем влажного навоза. Но это могло дать ему лишь несколько мгновений передышки. Нужно бежать. Еще немного — и смерть неминуема.

Ничего не поделаешь, талисман потерян.

Клег встал и сделал два шага, пытаясь найти проход в огне. Вдруг его нога встала на что-то твердое.

Он наклонился и пошарил в грязи. Рука нащупала привычную форму. Неужели?

Зерно!

Клег, улыбаясь, вытащил талисман из навоза. Наконец-то!

Зажав в кулаке драгоценную ношу, он бросился в узкий коридор, еще не перекрытый огнем. Скорее, к озеру! Чутье безошибочно вело зелка к воде. Огонь полыхал со всех сторон, но Клег был уверен, что сумеет добраться до спасительной прохлады озера.

Конан привел Чин, Таира и Хока к берегу озера. Вместе с ними подбежали и рухнули лицами в прибрежный ил, по соседству с несколькими небольшими лодками, еще около дюжины местных жителей.

Конан бросился к лодке, в которой свободно разместились бы шесть человек.

Ему преградил путь здоровенный детина.

— Это мое! — сказал он и повернулся к лодке, чтобы столкнуть ее в воду.

— Да там еще на полдюжины людей места хватит! — запротестовал Конан.

— Еще чего. Времени нет! Проваливай отсюда, пока жив! — Человек выхватил из ножен длинный кинжал.

— Ты прав, на это у нас времени нет, — согласился Конан.

И молниеносным ударом киммериец отсек руку, державшую кинжал, а заодно и голову, оказавшуюся на пути клинка. Заметно уменьшившись в росте, детина рухнул в ил, как мешок с дерьмом.

— В лодку! — приказал киммериец.

Таир, Чин и Хок повиновались.

Рядом с ними вспыхнул просмоленный причал, превратившись в огненную стрелу, воткнувшуюся в озеро.

Конан столкнул лодку из ила на воду и в последний момент запрыгнул внутрь сам.

Таир уже вставил одно весло в уключину, а Хок возился со вторым. Конан командовал: «Отойди» — и сам вогнал весло на место.

Вообще-то, гребля не была коньком выросшего в горах киммерийца, но сила может вершить великие дела. Таиру тоже пришлось освободить место у весла, и Конан один налег изо всех сил, вонзая деревянные клинки в воду, словно сталь в тело врага. Лодка удалялась от пылающего берега со скоростью неторопливого бегуна.

Рухнула, взметнув сноп искр, пылающая стена ближайшего дома, но до их лодки долетело лишь несколько хлопьев пепла.

Не прекращая грести, Конан бросил взгляд на деревню. Сплошная стена огня. Лишь несколько фигур в панике метались по берегу, не зная, куда бежать из огненного ада.

— Водоросли уже близко, — сказал Таир.

Конан кивнул, но ничего не ответил. Между берегом и водорослями было достаточное расстояние. Если даже эти водяные заросли могут гореть, нет никакой опасности, что пламя перекинется на них. А об опасностях, кроющихся на плавучем острове, будем думать потом. Сейчас главное — уйти от огня.

Уверенными гребками киммериец гнал лодку прочь от пылающего берега.

Когда Сайла и Блэд выбрались на берег, там оставалось лишь две маленькие лодки, оказавшиеся единственным спасением для полутора десятков людей. Желавшие сесть в суденышки доказывали свое право при помощи кулаков и пинков ногами. Кое-кто взялся за нож или за кол. И не без основания. Каждая лодка могла вместить лишь четверть-пять человек. Одним пассажиром больше, и она пошла бы ко дну.

— Вперед, Блэд! — не колеблясь, крикнула Сайла.

Воин-пайл, издав боевой клич, кинулся вперед, сжав в руках копьё.

Жители деревни в этот момент меньше всего ожидали нападения пайлов. Дикий, нечеловеческий крик Блэда, долженствующий напугать врагов, достиг своей цели. Застыв на месте, люди смотрели на приближающихся пайлов.

Непосредственно на их пути стоял лишь один человек. Блэд вонзил в него копьё и чуть притормозил, чтобы выдернуть из тела оружие. Сайла обогнала его и прыгнула в лодку, которую Блэд, оставив копьё, столкнул в воду. Впрыгнув в лодку сам, он схватил весло и, стоя на корме, угрожающе помахал им в воздухе, вновь издав боевой клич.

Некоторые из оставшихся на берегу попытались приблизиться к удаляющейся лодке, но трое или четверо ринулись к оставшемуся суденышку, привлекая, таким образом, внимание и всех остальных.

Сайла схватила второе весло и неумелыми, но отчаянно быстрыми гребками погнала лодку прочь от берега.

Увидев это, все люди, кроме одного, бросились к оставшейся лодке и вновь устроили драку за места в ней. Рухнувшая пылающая стена дома похоронила и судно, и дерущихся людей. Раскаленная волна воздуха заставила Сайлу закрыть глаза и закашляться, но даже в этот миг она не выпустила весла, а продолжала грести.

Человек, следовавший за ними, оказался хорошим пловцом. Он двигался быстрее, чем Сайла гнала лодку. Через несколько мгновений он поравнялся с кормой и закричал:

— Подождите! Возьмите меня на борт.

— Блэд! — хрипло бросила Сайла.

Молодой воин вопросительно посмотрел на свою Царицу. В ее глазах он увидел ответ и приказ. Блэд кивнул.

— Давай сюда, хватайся за весло, — крикнул он.

Когда человек подплыл поближе, Блэд поднял весло, а затем с силой опустил его. Заостренный край воткнулся в голову плывущему.

Какой громкий получился удар, подумала Сайла, глядя на погружающегося под воду человека. На этом месте всплыли несколько пузырей, но пловец больше не появился. Отлично. Горящая деревня осталась позади. Царица передала второе весло Блэду.

— Правь к плавучему острову, — приказала она.

Царица пайлов рассчитывала переждать там пожар, а затем возвращаться домой. В этом огне наверняка погибли либо ее муж, либо Конан, а может быть, и оба. В любом варианте ей больше нечего бояться. Хотя и ей самой едва удалось избежать смерти.

Клег резко дернулся, уворачиваясь от падающего бревна. Грязь, покрывавшая все его тело, давно высохла, но все еще давала ему небольшую защиту от жары. Теперь между Клегом и спасительной водой оставалось лишь одно препятствие — сплошная стена огня, пылающих досок и бревен, того, что еще недавно было причалом и доком для ремонта кораблей.

Клег на бегу сунул зерно в мешочек, крепко-накрепко затянув завязки, и повесил его себе на шею, чтобы чувствовать на груди вес талисмана.

Клег, оттолкнувшись от земли изо всех сил, прыгнул сквозь огонь. Языки пламени лишь лизнули его. Но приземлился он не в воду, а на кусок раскаленного докрасна железа — какая-то часть дока, попавшая в огонь, попала ему под ноги. Ноги Клега пронзила острая боль, и на следующем же шаге он

споткнулся — левое колено подогнулось, не в силах держать вес тела, — и упал.

За его спиной взорвалась бочка со смолой, разбросав вокруг огненные брызги. Многие из них настигли Клега. Загорелся сапог. Клег отчаянным движением сбросил пылающую обувь.

Вода была всего в нескольких шагах. Клег заковылял к ней.

Поток горячей смолы хлынул ему вслед. Клег увидел, что еще несколько больших бочек готовы взлететь на воздух. Если они взорвутся одновременно, ему не миновать душа из горящего густого, липкого варева.

Клег то шел, хромая, то прыгал на одной ноге.

В тот момент, когда бочки взлетели на воздух, он уже стоял на четвереньках в прибрежном иле, а когда до воды долетели кипящие огненные шары, Клег уже целиком погрузился в воду и, цепляясь за дно, продвигался дальше.

Он начал Превращение. Через несколько мгновений он сможет не беспокоиться из-за опасностей, что таит суша. Вот он уже стал большой, сильной, быстрой рыбой, которая еще никогда в жизни не была так счастлива, оказавшись в воде.

То, что еще недавно было человеком, скрывало рот в наводящей ужас ухмылке и погрузилось в глубину родного озера.

Глава 18

Конан подвел лодку к плавучему острову. Нос судна ткнулся в берег, точно так же, как на земле.

Все четверо пассажиров вылезли из лодки и с опаской встали на непонятную поверхность. Водо-

росли были очень плотными. Листья переплетались с изогнутыми побегами. Эта субстанция слегка прогибалась и пружинила под весом Конана, напоминая ему болотные кочки, поросшие мхом. Это водяное растение пахло непривычно — чем-то похожим на рыбу.

Еще несколько лодок приблизились к острову, но пристали в стороне от лодки киммерийца. Несомненно, где-то в зарослях есть и другие спасшиеся от огня, но поверхность острова была неровной: она то поднималась небольшими холмами, то опускалась ниже уровня озера, не давая окинуть взглядом большое пространство. Странное местечко, подумал Конан.

Киммериец снова посмотрел на деревню. Сплошная завеса огня. Даже там, где пламя не дошло до воды, жара должна была быть убийственной для всего живого, судя по доносившемуся даже до острова горячему ветру. Видимо, там, в Каратосе, не то что живых не осталось — там и мертвых будет не узнать после пожара.

Да, им повезло, подумал Конан, глядя на взметнувшийся в небо огненный столб. Многие оказались не столь удачливы и расторопны.

Киммериец повернулся к Чин.

— Похоже, наш поход закончен, — сказал он негромко, — если ваш талисман был в деревне, он наверняка уничтожен огнем. Очень жаль.

Ответ Чин удивил Конана.

— Нет, — сказала она, — зерно не сгорело.

Киммериец с недоумением смотрел за тем, как девушка, прикрыв глаза, поворачивает голову то вправо, то влево.

— По крайней мере, один из похитителей жив. Я чувствую, что талисман где-то рядом. Но он удаляется. Он там. — Чин махнула рукой в сторону острова.

— В зарослях водорослей? — спросил Конан, сжимая рукоятку меча.

— Под ними. Значит, зерно по-прежнему у зелкаев. Один из них сейчас плывет под нами, тоже спасаясь от пожара.

Конан кивнул. Ему не очень-то по душе были все эти колдовские штучки Чин. Но по крайней мере, он верил, что она говорила правду.

Киммериец повернулся к Таиру:

— Твоя сестра утверждает, что зерно уцелело. Если мы собираемся получить его обратно, то нам придется продираться сквозь эти мерзкие заросли.

Таир согласно кивнул:

— Еще никто не видел, чтобы Таир испугался каких-то водорослей и их обитателей. Что уж говорить о каком-то колдунишке, управляющем всей этой гадостью. Я хоть до края земли дойду, если это нужно, чтобы вернуть зерно.

— Я тоже, — вставил Хок.

Конан с сомнением посмотрел на уходящие в темноту склоны, образованные бесчисленными растениями. Ладно, подумал он. Раз уж забрался в такую даль — один-два дня ничего не решат.

— Я пойду с вами, — сказал он.

Таир расплылся в улыбке:

— Вот и отлично. Да когда мы вдвоем — что нам все листовые твари. Они и близко к нам не сунутся.

Киммерийцу не удалось скрыть ухмылку. Хорошо, конечно, что Таир не боится. В храбрости ему не откажешь. Но весь жизненный опыт Конана подсказывал ему, что такие заявления нужно делать куда более осторожно.

— Может быть, все-таки дождемся утра, прежде чем продолжим путь, — предложил Конан.

— Согласна, — ответила Чин, — разумное предложение.

Конан снова улыбнулся. Разумное? Едва ли. Разумный человек не стал бы с самого начала вмешиваться во всю эту заваруху. Ну ничего, придет время, и он станет самым разумным и осторожным человеком. Но, видно, не раньше, чем его волосы станут цветом походить на снег с горных вершин.

Если, конечно, он доживет до этих времен.

Царица пайлов со своим молодым воином вылезли из лодки и немедленно стали искать место, чтобы спрятаться. Блэд, как обычно, не сразу понял смысл их действий, а Сайла уже стала уставать от необходимости все растолковывать ему.

— Мы одни, твое копье осталось на берегу. Нам нечем защищаться, кроме кинжалов. Представь, что ты — один из местных жителей, спасшийся от огня в компании себе подобных. Кстати, ты видел другие лодки?

— Э-э, госпожа... Я не обратил внимания...

— Так вот, — продолжила Царица, — ты жалок — потерял все: дом, семью, скот, деньги... С тобой лишь твое горе да гнев. Вдруг ты видишь двух пайлов, один из которых — красивая женщина. Что бы ты делал на месте людей?

Сайла просто физически ощущала, как мысль медленно-медленно проникает в голову Блэда и перерачивается там.

— А, — сказал он наконец, — понятно.

— Это хорошо. А теперь найди место, где можно спрятаться, пока мы не выясним, кто еще обитает на этом вонючем острове.

Блэд осторожно повел свою госпожу к невысокому холму неподалеку от того места, где они высадились. Вдруг у основания склона показалась какая-то фигура. Блэд выхватил кинжал.

— Сайла? Это ты?

Этот голос она узнала бы из тысяч других, как и фигуру. Ее мысли пришли в полное смятение, переросшее в панику. Итак, Царица пайлов встретилась со своим супругом, Царем пайлов.

Блэд опустил кинжал:

— Повелитель!

Сайла заскрипела зубами. На физиономии Блэда, которого она убедила, что Райк мертв, застыла виноватая улыбка.

— Что ты здесь делаешь? — Райк подошел ближе и заглянул в лицо жене.

— Мой повелитель! Как я счастлива вновь видеть тебя!

Сайла оттолкнула обалдевшего Блэда и обняла мужа, крепко прижавшись к нему всем телом.

— Сайла?..

Ее пальцы пробежали сверху вниз по его спине, бедра призывно прижались к его ногам и животу.

— Мой любимый муж, я думала, что ты — да хранит тебя Великий Дракон — мог погибнуть...

— Так оно и было. Но как... как?..

Разум Сайлы работал с лихорадочной быстротой. Нужно было срочно придумать правдоподобную историю. Царица чуть отодвинулась от мужа и, не снимая рук с его плеч, с нежностью — по крайней мере, она рассчитывала, что это выглядит именно так — посмотрела ему в глаза.

— На наши пещеры напал отряд Лесного народа, — еще не зная, что скажет дальше, начала она, боковым зрением наблюдая за Блэдом.

Тот все так же неподвижно стоял раскрыв рот.

— С ними было несколько воинов из какого-то варварского племени. Я таких раньше никогда не видела.

Что ж, это по крайней мере частично похоже на правду. Она раньше действительно никогда не была с мужчиной, подобным Конану.

— Мы отбили атаку и стали преследовать их.

— Кто? Ты лично возглавила отряд?

Сайла вся подтянулась.

— Ты женился не на размазне, Райк.

Царь согласно кивнул:

— Это правда.

— Мы гнали их до реки Тонг, а там наткнулись на следы боя, увидели трупы — зелкаев и пайлов.

— Да, мы вступили в бой во время переправы. Мы победили, но и немало наших воинов осталось на дне реки.

— Я была убита горем, и мне захотелось разыскать тебя. Я ведь даже не знала, жив ли ты.

Видя, что Райк согласно кивает, сопереживая ее вранью, Сайла почувствовала некоторое облегчение.

— Тут такие дела творились, — сказал Царь, — на нас дважды нападало кошмарное чудовище, и... и мы упустили того зелка с талисманом... Я думаю, что зерно все еще у него... А потом — этот пожар.

— А где твои солдаты?

Райк пожал плечами:

— Кто знает? Я сумел добраться до берега один и впрыгнул в лодку. Здесь я пока больше никого не видел. А что с твоим отрядом?

— В живых остались только мы с Блэдом, — Сайла кивнула в сторону юного воина, — он храбрее и доблестнее всех защищал меня.

Райк взглянул на Блэда, который наконец-то сумел захлопнуть рот.

— Как только мы вернемся домой, я его награжу.

Спасена! Скорее всего Конан изжарился в деревне. Если нет — то он мог спастись где-нибудь в

другом месте. В общем, стоит добраться до пустыни — и она его больше никогда не увидит.

— Значит, как только деревня догорит, мы пойдем домой?

Царь нахмурился:

— Конечно нет! Мы ведь так и не получили волшебный талисман. Я уверен, что человек-рыба доставит его своему хозяину в замок. Надо пробраться туда и выкрасть талисман.

— Ты что, сдурел? Колдун же нас в порошок сотрет! Мы против него бессильны.

Райк покачал головой, и на его лице появилось ненавистное Сайле выражение непреодолимого упрямства.

— Большинство наших воинов погибли в этой заварухе. Теперь нам талисман нужнее, чем раньше. Разве ты не помнишь, что ты сама говорила об этом?

— Ну, это когда было... А сейчас... сейчас... совсем другое дело...

— Нет, — оборвал ее Царь, — я все о том же. Мы должны попытаться извлечь хоть что-то полезное из этой катастрофы. Нас осталось слишком мало, и без талисмана нам не выжить.

Сайла в ужасе уставилась на него. О нет! Если Конан тоже добрался до этого острова, то есть шанс, что он встретится с Райком. А если даже нет, все равно связаться с Хозяином Тумана — это безумие.

Пока ее ум пытался найти убедительные доводы против этой затеи, Райк улыбнулся и прижал ее к себе.

— Мне тебя так не хватало. Пойдем найдем место, где можно прилечь поудобнее.

Царь протянул свое копье Блэду и приказал:

— Стой на страже! Нам с Царицей нужно... кое-что обсудить наедине.

Сайла почувствовала, как руки мужа увлекают ее прочь от Блэда, который впервые посмотрел на своего Царя с неожиданной ревностью и ненавистью. К счастью, Райк, занятый своими мыслями и желаниями, не обратил на это внимания.

Боги, неужели все мужчины на свете так глупы!

Царица обернулась и, подмигнув Блэду, приложила палец к губам. Молодой пайл, пылая гневом, отвернулся в сторону.

Ну и ну, подумала Сайла. Еще одна проблема. Только этого не хватало.

Клег, полный сил, плыл в подводных зарослях по хорошо знакомым темным туннелям. Лунный и звездный свет не проникали сюда. Да что там! Даже солнце в зените ни на каплю не прибавляло света этим сумрачным коридорам. Однако Клег легко находил дорогу. Тысячи растений на стенах туннелей излучали неяркий фосфоресцирующий зеленоватый свет. Но даже если бы этот свет исчез, Превращенному зелкаю ничего не стоило сориентироваться в ночной темноте, пользуясь особыми органами чувств. Помимо того, что эти чувства служили ему компасом и картой, они предупреждали его о приближении чего-либо живого на расстоянии, на котором Клег в человекоподобном облике увидел бы это существо в звездном свете.

В этот момент Клег оценил достоинство этого механизма, потому что почувствовал что-то за своей спиной. Это «что-то» было намного больше даже Превращенного зелка и двигалось с не меньшим проворством и скоростью. Даже выбиваясь из сил, Клег не мог оторваться от этого существа. В его голове крепла догадка относительно того, кто следовал за ним по пятам. Наверняка это то самое чудовище, которое уже дважды чуть не настигало

его в деревне. Не зная истинных намерений монстра, Клег вовсе не собирался выяснять их, дав чудищу поймать себя.

Клег понимал, что долго не сможет плыть с такой скоростью. Неизбежно навалится усталость, и придется замедлить ход. Неизвестно, отстанет ли к тому времени преследователь. Что же делать? Плыть до изнеможения? Но это случится задолго до того, как он окажется в спасительных стенах замка. Остановиться, развернуться и вступить в бой? Несмотря на все преимущества его рыбообразной формы, Клег понимал, чем скорее всего это кончится. Да, с таким же успехом можно подождать монстра и попытаться потолковать с ним по-хорошему.

Ну и выбор! Хуже не придумаешь.

Неожиданно в его голове мелькнула свежая идея. Процесс Превращения всегда положительно сказывался на здоровье зелкаев. Мелкие раны вообще исчезали, не оставляя даже шрамов. Видимо, если Клег примет человекоподобную форму, поврежденная нога не будет сильно беспокоить его.

Будучи не в силах оторваться от чудовища в воде, Клег решил, что стоит попытаться убежать от него посуху. Такая махина наверняка с большим, чем человек, трудом будет пробираться по надводной части зарослей. Наверху были опасные места — с болотами, ловушками, засадами. Клег рассчитывал, что сможет даже обернуть все это себе на пользу. Наверняка там больше мест, где можно спрятаться, чем в узком туннеле. В общем, поверхность острова казалась Клегу значительно более безопасной, чем туннель в его толще. По крайней мере сейчас.

Итак, в туннеле есть места, где от него отходят узкие проходы наверх. Нужно найти один из них и свернуть туда, оставив чудовище позади. Может

быть, это не лучший вариант решения вопроса, но все другое казалось Клегу еще более опасным и менее надежным.

Предводитель зелкаев плыл вперед, высматривая путь к спасению.

Глава 19

Даймм, кипя гневом, плавал из угла в угол тронного зала. Проклятье, зелкаи уже должны были вернуться. Что-то им помешало. Этот пожар наверняка как-то связан с ними. Немного поостыв, колдун отказался от идеи направить новых чудовищ на поиски Клега и его сородичей. Сирены и угри сумеют оградить остров и озеро от непрошенных гостей, а Харлог найдет предводителя зелкаев живым или мертвым. За безопасность бесполого чудища можно не беспокоиться — только очень сильный воин сможет обезвредить его, не говоря уже о том, чтобы убить.

Что можно еще предпринять?

Видимо, все разумное и необходимое уже сделано. А посылать на поиски еще армию чудовищных созданий бесполезно. Если Клег жив, он будет прорываться к замку, а если мертв, то Харлог принесет его останки во что бы то ни стало.

За многие годы своих мучений Даймм научился терпению. Он терпел, теша себя мыслями о том, как он отомстит миру за эту пытку. Вот и сейчас разум подсказывал ему, что лучшим выходом из ситуации будет просто спокойно ждать.

И хотя это казалось наиболее разумным решением, Даймму оно было не по душе. Нет, думал он, для Клега будет лучше, если он представит веские оправдания своей задержки. Более чем веские.

Наступил рассвет, а огонь все бушевал в Каратосе, хотя и несколько поутихнув. Становилось понятно, что от деревни мало что осталось — несколько печных труб да каменные фундаменты домов.

Конан проснулся с первыми лучами рассвета и вместе со своими товарищами рассматривал тех, кто так же, как и они, спасся из огня на плавучем острове. Люди — мужчины, женщины, дети — сбились тут и там в группки, глядя на то, как догорают их дома на другом берегу.

— Эй, гляди-ка, кто идет! — ткнул пальцем в сторону Таира.

К ним приближались двое мужчин из отряда Таира. Из группы Чин, похоже, никого не осталось в живых.

Чин и Таир тепло поприветствовали соплеменников. Хок повернулся к Конану и спросил:

— Мы идем в замок колдуна?

— Ну да, собирались же...

— А там опасно?

— Похоже, что так.

Мальчик некоторое время что-то обдумывал, а затем сообщил:

— Ну, надеюсь, что он хотя бы не ест людей.

Киммериец не стал рассказывать Хоку о том, что, по его мнению, любой колдун способен на худшее, чем просто сожрать человека. К чему раньше времени пугать ребенка, рассудил он.

Таир дернул Конана за рукав.

— Ты только послушай, какие сказки рассказывают они, — он кивнул в сторону двух вновь прибывших лесных жителей, — они утверждают, что видели гигантское чудовище, похожее на жабу, женщину-ящера, весьма недурную собой, а кроме того, одного из зелкаев. Вот заливают!

В устах Таира обвинение во вранье выглядело совсем забавным. Но Конана действительно заинтересовало упоминание женщин-ящеров, о чем он поспешил расспросить поподробнее.

— Ну да, симпатичная такая, только кожа синевой отливает, как чешуя, — сказал невысокий смуглый человек. Киммериец припомнил его имя — Стид. Другого, тоже высокого и светловолосого, звали Джуб.

Стид продолжал:

— С нею еще один был. Молодой еще, но здоровый. Сильный, видать, парень. Мы хотели проследить за ними, но огонь скрыл их от нас.

Конан решил, что женщина-ящер наверняка та самая, с которой он встретился в пещере. Встреча была в некоторых отношениях достаточно приятной, но вряд ли женщина пришла сюда за ним, чтобы поблагодарить за прекрасно проведенное время. Нет, Царица пайлов была не из тех, кто прощает покинувших ее постель без позволения. Может быть, она и ее спутник погибли в огне, но в любом случае осторожность не помешает.

Неподалеку от их компании высился небольшой холмик — возвышение, образованное толстыми побегами водорослей. Туда киммериец и направился, чтобы осмотреть окрестности. Влезть на вершину оказалось не труднее, чем карабкаться по склону обычного холма, поросшего густым кустарником.

Стоя на вершине, Конан увидел вдалеке странное сооружение с высокими башнями — видимо, замок. По ровной земле до него было несколько часов ходу. Но, учитывая странную, неправильную поверхность под ногами, переход мог занять добрую часть дня, если, конечно, не считать всевозможные опасности, кроющиеся в толще водорослей и поджидающие непрошеного гостя.

Неподалеку от холма Конан увидел еще несколько групп жителей сгоревшей деревни. Ни пайлов, ни зелкаев нигде не было видно, как, впрочем, и жабоподобных монстров. По крайней мере, это было приятной новостью.

Спустившись с холма, киммериец вернулся к своим друзьям. Здесь его ждала еще одна приятная новость. Оказалось, что Стид и Джуб, спасаясь от огня, не только высмотрели множество врагов, но и успели забраться в уже пылающую лавку мясника. Теперь в распоряжении компании была целая связка сосисок, несколько больших кусков ветчины и даже небольшой мешочек с сухарями. Что ж, подумал Конан, куда лучше отправляться в опасный путь с полным желудком. Натощак можно запросто надеяться на ошибку, а здесь, во владениях колдуна, это вряд ли будет простительно.

Конан довольно жевал копченое мясо и жалел только о том, что под рукой нет доброго кувшина хорошего вина. А так жизнь вовсе не столь плоха. В конце концов, недавно он сумел остаться в живых, встретившись с самим Кромом! Что уж может быть опаснее.

Сайле на завтрак пришлось довольствоваться сырой рыбой, которую сумел добыть Блэд, пользуясь копьем Райка как острогой. Будь ее воля, Царица, конечно, предпочла бы поджарить добычу на огне, но Райк и слышать об этом не хотел. Следовало признать, что в вопросах выживания он не был столь глуп и податлив, как во многом другом.

Воспользовавшись тем, что Царь отошел за куст по нужде, Сайла решила поговорить с Блэдом. Но тот опередил ее вопросом:

— Что все это значит?

— Не будь дураком, Блэд. Он же мой муж!

— Да, подтверждение этому я слышал всю ночь.
— Но я не хочу его.
— Неужели? Судя по звукам, ты неплохо сыграла роль любящей жены.
— Дурак! Я пошла на это, только чтобы усыпить его подозрения. А сыграть желание и удовольствие мне удалось, лишь думая о тебе.
— Правда? — Неподдельное оживление отразилось на лице Блэда.
«Такой молодой, — подумала Сайла, — и такой глупый». Вслух же она сказала:
— Ну конечно же. Ты молод и силен. А он просто старая развалина. Как же можно не предпочесть его тебе?
Лицо Блэда светилось гордостью и самодовольством.
Боги! Как же просто управлять мужчинами.
— Нам предстоит опасное путешествие, — продолжила Царица, — вероятно, Царь не доживет до его конца. Когда мы вернемся домой, как ты думаешь, кого я выберу себе в утешители? — С этими словами она ласково провела ладонью по плечу юноши.
— Госпожа, простите мою глупую ревность...
— Тсс! Царь возвращается. Поговорим позже. Знай только, что я твоя, мой храбрый Блэд.
Исполнив предписанное природой, Райк вернулся к улыбающейся Сайле. Ей было нужно, чтобы оба мужчины действовали так, как она хочет. Удовлетворенный муж ничего не подозревает о ее отношениях с Блэдом, не говоря уже о каком-то там Конане. Если Царь останется в живых, по возвращении в пещеры она намекнет ему о нескромных поползновениях Блэда во время его отсутствия. Бедняга Блэд получит град ножей в грудь, прежде чем успеет хоть слово сказать в свое оправдание.

А если вдруг с Райком что-то случится, то ей нужен будет спутник, способный защитить ее по дороге домой. Блэд вполне подходит для этого. Но не более.

Как бы ни развернулись события, Блэд должен умереть. Он знал о ее вранье мужу, был соучастником ее обмана. Даже если она возьмет его себе в супруги, он никогда не сможет забыть о том, что Сайла способна обманывать и водить шашни с посторонними мужчинами. Он вечно будет подозревать ее в измене. И небезосновательно. Нет, Блэд ни в коем случае не может оставаться в живых. Но умереть он должен не раньше, чем Сайла будет в безопасном месте. А пока — лучше иметь рядом двух защитников, чем одного.

— Мы немедленно отправляемся в путь, — сказал Райк.

— Несомненно, мой господин, — согласилась Сайла.

Когда Царь отвернулся, Сайла, улучив момент, подмигнула Блэду. Лицо молодого воина расплылось в заговорщицкой улыбке.

Существо, преследовавшее Клега, не сбавляло скорости. Предводитель зелкаев почувствовал, что совсем выбился из сил. Нужно было срочно искать выход...

Неожиданно Клег ощутил чье-то присутствие впереди. Через мгновение он с содроганием понял, кто поджидает его. Вернее, поджидают, потому что «их» было несколько. Угри!

Обычно угри обитали в придонном иле, где не представляли опасности ни для кого, кроме несчастных рыбешек, беспечно опустившихся ко дну в поисках пищи.

Однажды, будучи в своем рыбообразном облике, Клег коснулся одного из угрей. Ощущение, испы-

танное им, было не из приятных: все мышцы задрожали, по телу пробежали одновременно жар и холод, на время парализовав огромную рыбу. Силы одного угря было недостаточно, чтобы убить взрослого зелка, но, если чувства не обманывали Клега, впереди его поджидало не меньше полудюжины коварных тварей, а это уже представляло смертельную опасность. Разрядив свою энергию в противника, угорь некоторое время был совершенно беспомощным. Тот, который имел неосторожность связаться с Клегом, был немедленно перекушен пополам, как только его противник чуть-чуть очухался. Но встреча с шестью угрями сразу — это совсем другое дело.

Чудовище, наступающее на пятки, и огненные угри впереди... Если у Клега еще и оставались сомнения в том, стоит ли выбираться на поверхность, то они исчезли, как исчезает пламя свечи под порывом штормового ветра.

Водоросли над Клегом лежали тонким слоем, но отверстий нигде не было видно. Еще несколько мгновений — и чудовище, угри и Клег окажутся в одной точке, а последнему вовсе не улыбалось провести время в такой компании.

Страх помог зелкаю собрать воедино последние силы. Напрягшись, он развил предельную скорость, плывя над самым дном туннеля, задевая его брюшными плавниками. Решившись, он резко направил свое тело вертикально вверх, ткнувшись мордой в крышу туннеля.

Тяжело, словно тупое копьё, он вонзился в затрепавшие водоросли, пронзив их насквозь. Его скорость была такова, что он не только проник на поверхность, но и выскочил из воды больше чем на собственную длину. На поверхность плавучего острова Клег рухнул, забившись, как любая выброшенная на берег рыба.

Предводитель зелкаев немедленно принял свой человекоподобный вид. По крайней мере, здесь он в безопасности от угрей. Кто знает, может быть, они дадут прикурить и чудовищу.

Кожаный мешочек на шнурке по-прежнему висел на шее Клега. Талисман своим весом напоминал о своем присутствии. Не считая шнурка на шее, Клег был абсолютно гол — вся одежда осталась там, где он совершил Превращение в прошлый раз. Но это не очень беспокоило предводителя зелкаев. Сейчас ему было не до приличий, а что касается погоды — предстоящая гонка согрела бы его и в лютый мороз.

Предводитель зелкаев бросился в сторону обители его Повелителя. Убьют угри охотящегося за ним монстра или нет — Клег не собирался задерживаться, чтобы узнать результат этой встречи.

Глава 20

Конан предельно осторожно шел по плавучему острову, ведя за собой пятерых оставшихся в живых лесных жителей. Киммериец всячески старался избегать таких мест, где нагромождение водорослей сильно закрывало бы обзор. Кроме того, время от времени слой водорослей под его ногами начинал прогибаться, и только быстрая реакция Конана спасала его от верной гибели в пастях тех существ, которые наверняка поджидали свои жертвы под этими ловушками.

Неожиданно Чин остановилась и закрыла глаза.

— Зерно, — негромко сказала она, — оно уже не под водой. Оно впереди нас, вон там!

И она махнула рукой вперед по ходу их движения.

Прежде чем Конан успел хоть что-то уточнить, Джуб сорвался с места и бросился вперед, на бегу крикнув:

— Где оно? Я верну его нам!

Он успел сделать лишь несколько шагов, а затем раздался треск разрываемого растительного ковра, плеск воды и раздраженные ругательства провалившегося Джуба.

Конан, стараясь равномернее распределять свой вес, подполз к краю провала.

— Хватай меня за руку! — крикнул он барахтающемуся в воде Джубу.

С трудом придя в себя от неожиданности, Джуб подтянулся, держась за скользкие побеги водорослей, и умудрился дотянуться до протянутой руки киммерийца.

Конан начал отползать от дыры, опираясь ногами и свободной рукой...

Вдруг тело киммерийца пронзила странная боль, никогда не испытанная им раньше. Его словно окатило холодным пламенем. Мышцы одеревенели, став на мгновение бесчувственными, чужими. Киммериец изогнулся в судороге, а потом был отброшен неведомой силой от провала.

Рука Джуба разжалась, и в этот же момент боль отпустила Конана. Из провала еще несколько мгновений доносились стоны, плеск, а затем все стихло. Черная вода скрыла Джуба. Конан лежал словно парализованный, не в силах подняться.

Чин и Таир бросились ему на помощь. Отстранив их, киммериец сам встал на ноги. Хотя удар неведомой силы изрядно потряс его, на теле не было видно никаких ран или поражений.

— Кром! Что это было?

Он снова подошел к провалу и внимательно взглянул в черную воду. В этот момент из глубины

на поверхность всплыло тело Джуба. Таир потянулся, чтобы вытащить его, но Конан перехватил протянутую руку:

— Стой, подожди-ка минутку.

— Он же захлебнется!

— Дотронься до него — и сам погибнешь. Ну-ка дай мне копье.

Взяв протянутое Таиром оружие, киммериец тупым концом копья прикоснулся к плавающему телу. Неведомая сила либо исчезла, либо не действовала через дерево. Просунув копье под кожаный ремень Джуба, Конан поднапрягся и сумел вытащить тело из воды.

Киммериец отложил копье и очень осторожно, одним пальцем, прикоснулся к Джубу. Никаких ударов не последовало. Тогда, осмелев, киммериец перевернул утопленника на спину.

— Он мертв. — Чин произнесла вслух то, что Конан уж давно понял.

— Да.

— Никаких следов — ни ран, ни укусов. Что же это было?

Лицо Джуба было искажено гримасой невыносимой боли.

— Он выглядит, как выглядел старый Кайн, в которого попала молния, — произнес Таир, — только у того еще и лицо почернело.

— Под водой не бывает молний, — возразила Чин.

— Кто знает, что бывает во владениях колдуна, — вздохнул Таир.

Конан тем временем продолжал вглядываться в воду. Наконец он увидел какое-то движение. Размахнувшись, он с силой вогнал копье в воду, вытащив затем на поверхность острова одним движением какое-то существо. За то мгновение, пока копье ка-

салось неизвестной твари, киммерийца опять пронзила непривычная боль, однако намного слабее, чем в прошлый раз.

Все столпились вокруг неизвестного, похожего на змею с руку длиной, существа.

— Эта змея ужалила Джуба? — спросил Хок.

— Пожалуй, это не змея. Это скорее всего угорь, — ответил Конан.

Хотя таинственная тварь и не походила в точности на известных Конану угрей, но это название подходило ей больше, чем любое другое.

— Никогда не слышала про ядовитых угрей, — заметила Чин.

— Я слышал, — ответил Конан, — но, думаю, Джуба не ужалили и не укусили. В этой твари заключена какая-то сила, энергия. Наверное, что-то наподобие молнии. Одно прикосновение к ней может стоить жизни.

Конвульсии вытащенного из воды угря прекратились. Он умер, как умирает на воздухе любая рыба.

— Ну, — подытожил Конан, — колдовская эта тварь или нет, убить ее можно, как любую другую. Главное — не падать в воду, чтобы не дотронуться до нее случайно.

Все в последний раз посмотрели на мертвого Джуба и отправились дальше в путь.

Блэд шел первым, осторожно ступая по незнакомой поверхности и проверяя подозрительные места копьём. Райк следовал за ним, а Сайла замыкала группу.

— Дорогой, не подумай, что я критикую все ради того, чтобы только покритиковать, но...

— Отвяжись!

— ...но что мы будем делать, когда доберемся наконец до этого проклятого замка?

— Доберемся, а потом я что-нибудь придумаю, — отрезал Райк.

— А может, лучше сначала подумать, а потом уже лезть неведомо куда?

— Попридержи язык.

— Неужели ты думаешь, что втроем мы возьмем замок штурмом и отберем у колдуна то, что ему самому позарез нужно?

— Не испытывай мое терпение!

— Я просто спрашиваю и не нахожу ответов на свои вопросы. Я прекрасно понимаю, какая ценная вещь талисман из Гигантской рощи. Но разумно ли будет связываться со львом в его собственном логове?

— Я же сказал, что придумаю что-нибудь. Но сначала нам нужно проникнуть туда, чтобы оценить ситуацию. Все, я больше не хочу говорить об этом. И слышать ничего не желаю.

Сайла зло смотрела ему в спину. Нет, ее муж, оказывается, еще больший идиот, чем она предполагала. Он вознамерился погубить и себя, и ее. Так дело не пойдет. Пожалуй, Блэд и вправду будет более приемлемой кандидатурой. Надо поговорить с юнцом. Он сейчас в таком состоянии, что убедить его всадить Райку в спину копьё будет проще простого. Вдвоем с Блэдом можно будет добраться до дома. А Райк — он в последнее время стал совершенно невыносимым со своим упрямством. Блэд, конечно, более покладист, но он слишком много знает о ней и ее проделках. Ничего не поделаешь, зато он предан ей телом и душой. Придется выбрать меньшее из зол. Всего, наверное, не ухватишь в этой жизни, хотя попробовать стоит.

Впереди раздались странные печальные завывания. В этих звуках было одновременно что-то манящее и отталкивающее. Сайла никогда не слы-

шала ничего подобного. Если бы ей пришлось описать эти звуки, она сказала бы, что они принадлежат одинокому существу, чему-то среднему между волком, выпью и человеком, женщиной. От этого полувоя-полупесни кожа Сайлы покрылась мурашками.

Все трое остановились.

— Что это? — спросила Сайла.

— А я почему знаю? Ты, между прочим, на этом острове ровно столько, сколько и я.

— Может, стоит выяснить? — поинтересовался Блэд.

Райк и Сайла ответили одновременно.

— Нет, — отрезала Царица.

— Да, — поспешил согласиться Царь и добавил: — А вдруг это нам пригодится?

— А вдруг это мы там пригодимся? Например, в качестве завтрака, — поинтересовалась Сайла.

— Я чувствую, как меня притягивает этот голос, — сказал Райк.

Блэд лишь молча согласно кивнул.

— Положим, меня он тоже притягивает, — сказала Сайла. — Это ли не повод насторожиться и держаться от него подальше?

Оба мужчины недовольно посмотрели на нее. Сайла поспешила сменить тон:

— Ну, просто он звучит как какой-нибудь манок для птиц.

— Откуда ты можешь знать это? — огрызнулся Райк.

— Я и не знаю. Просто я думала, что ты собирался идти в замок и найти там талисман.

— Да, это так.

— Ну так надо решить. Или мы отправляемся на поиски талисмана, или шатаемся по болоту в поисках обладателя этой луженой глотки.

Сайла увидела, как переглянулись Райк с Блэдом. Несомненно, обоих мужчин этот голос притягивал сильнее, чем ее.

Царь повернул голову в сторону, откуда доносился голос. В это время Сайла посмотрела в глаза Блэду и отрицательно покачала головой, давая понять, что не считает разумным делом поиски источника этих печальных завываний.

Блэд, хоть и заинтересовался этим звуком не меньше Царя, все понял и нашел в себе силы сказать:

— Ваше величество, может быть, госпожа все же права? Сейчас наша цель — талисман. А исследовать, что это за звук, мы сможем и на обратном пути.

Царь смотрел попеременно то на Сайлу, то на молодого воина. Затем он неохотно кивнул.

— Согласен. Сначала — талисман, — выдал из себя.

Все трое продолжили путь к замку. Сайла не чувствовала никакого удовлетворения от своей победы. Да и какая же это победа — уйти от одной неизвестной опасности, чтобы направиться к другой, еще более страшной.

Хотя Клег и считал своим домом воду, он все же провел немалую часть своей жизни на поверхности острова. Он знал большинство опасностей, скрывавшихся в верхних слоях водорослей, знал и как избежать их. Сейчас эти знания ему оченьгодились. Он старался избегать островков густых зарослей, в которых могли скрываться самые разнообразные хищники, начиная с крысоподобных падальщиков размером с крупную собаку и кончая раками величиной с котелок, чьи клешни могли в одно мгновение отхватить ногу человеку или даже зелкаю.

Кроме того, тут и там попадались замаскированные провалы в толще водорослей, которые Клег мог распознать по легкому изменению цвета растительности под ногами.

Гнавшеся за ним существо, чем бы оно ни было, явно чувствовало себя в воде уверенней, чем на поверхности. Клег шаг за шагом увеличивал отрыв от преследователя. Конечно, добравшись до замка, он будет валиться с ног от усталости, но доберется он туда раньше, чем его неведомый загонщик. Клег нашел в себе силы улыбнуться. Да, он попал в изрядную переделку, но, похоже, все это подходит к концу.

Далекий призыв донесся до его слуха. Клег узнающе улыбнулся — сирены.

Родившись и прожив почти всю жизнь в глубине озера и на его поверхности, Клег отлично знал приманки сирен. У него, как и у всех зелкаев, был почти полный иммунитет к этим завываниям, отчасти — от долгого соседства, отчасти — оттого, что Повелитель создал сирен для того, чтобы заманивать людей, а не зелкаев. То, что вызывало у Клега и его сородичей лишь легкий интерес, служило непреодолимым магнитом для людей. Человека эти завывания приманивали, как цветок пчелу. Жертва понимала, куда попала, только когда ей в горло уже впивались острые, как иглы, клыки размером с палец. В считанные минуты сирена превращала цветущего мужчину в бледную мумию. Клегу доводилось присутствовать при этом зрелище, и он решил, что это, пожалуй, не самая приятная смерть. Давным-давно были времена, когда люди отваживались высаживаться на остров, но те, которым удавалось убежать, увидев страшную участь своих товарищей, больше никогда не возвращались.

Как-то раз в деревенском трактире Клег встретил одного рыбака, пережившего такой кошмар. При одном напоминании об этой истории человек поблед-

нел, начал чертыхаться и сплевывать через плечо. Морские девы — так называл он сирен. От голов до пояса — прекрасные девы, а затем, до хвоста, — рыбы. Клег счел описание достаточно удачным. Вот уж воистину «прекрасные», пока не откроют рот, обнажив хищные клыки.

Эти воспоминания не притупили бдительности Клега, резко свернувшего в сторону, чтобы обогнуть очередную ловушку.

Сирены не внушали ему опасений. Если даже он и наткнется на одну из них — ничего страшного. Сила зелкаев превосходила силу человека и была примерно равна силе коварных плакальщиц. А кроме того, Клегу было известно, что сирены равнодушны к вкусу крови зелкаев.

Предводитель зелкаев привычным движением пощупал кожаный мешочек, висящий на груди. Талисман был на месте. Ничего, скоро все кончится. Повелитель будет доволен.

В эти мгновения Даймм вовсе не был доволен. Из какой-то почти невидимой трещины или щели потянуло холодом. Этого чуть заметного сквозняка хватило, чтобы снести Хозяина Тумана из тронного зала в боковой коридор. Даймм попытался сконцентрироваться и противостоять злобному ветерку, но тщетно.

Гнев переполнял бестелесного колдуна. Пять веков страданий! Ничего, следующие пять столетий он проведет, наслаждаясь мстостью. Мир содрогнется, переживая те же муки, что выпали на долю Даймма Серого. Тысячи, десятки тысяч людей пожалеют, что появились на этот свет. За его страдания заплатят все: люди, животные, птицы, леса и моря — все.

Сила гнева была такова, что Хозяину Тумана удалось остановить свой дрейф по воле сквозняка и

даже доплыть против ветра до своего трона. Такого ему не удавалось уже долгие годы.

Победа не принесла никакого успокоения Дайм-му. В чем она, эта победа! Победить ураган мышин-ного вздоха?

«Ну подождите, — повторял он про себя. — Живите, пока я вновь не обрел тело. А уж тогда — на расстоянии недели пути вокруг не останется ни одной живой мыши! Ни единой живой души!»

Глава 21

По мере того как солнце поднималось выше над горизонтом, а Конан и четверо его спутников продвигались вперед, киммериец все лучше узнавал этот странный остров. Само собой, он стороной обходил любой поросший кустовидными водорослями холм или такую же водорослевую рощу, откуда мог броситься на путников притаившийся в засаде хищник. Присмотревшись, он также понял разницу в цвете между нормальной поверхностью и топкими крышками ловушек. Отличие было едва заметным, но вполне определенным.

К сожалению, все эти петляния и обходы отнимали много времени. Конан уже не был уверен, что им удастся добраться до замка раньше, чем стемнеет.

В полдень вся компания присела перекусить остатками мяса, взятого Стидом и Джубом в горячей лавке.

— Это вы ловко сработали, ребята, — сказал Конан, откусывая кусок ветчины.

— Да, по крайней мере, Джуб погиб не на голодный желудок.

Эти слова были сказаны Стидом с совершенно серьезным видом, а Чин и Таир, вздохнув, согласно кивнули.

Конан, переходя к сосискам, непонимающе пожал плечами. По его разумению, разница была невелика — умереть натошак или наевшись до отвала. Для киммерийца выбор состоял в другом: жить или умереть. Пока человек жив, он найдет чем набить себе желудок. А когда мертв — тут Конан ничего определенного сказать не мог, да и не торопился получить узнать гастрономию загробного мира.

Хок, развлекаясь, ковырялся в водорослевой подстилке острием короткого ножа, выданного ему Таиром. Конан улыбался, глядя на малышку. Как мало нужно ребенку, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

— Как ты думаешь, что нас ждет в замке? — спросила Чин.

Конан пожал плечами:

— А я почему знаю. Если повезет — то ваше зерно на самом видном месте. Если еще больше повезет — плюс к нему кое-что из драгоценностей, не очень нужных хозяину. А может быть, сотню-другую зелкаев. Поживем — увидим. Чего раньше времени голову ломать?

Прежде чем Таир собрался что-то сказать по этому поводу, до слуха всей компании донесся протяжный жалобный вой.

— Что это? — сказал Таир. — Я никогда не слышал ничего столь... прекрасного.

Пожалуй, согласился с ним Конан, эти стенания могут принадлежать лишь одиноким, потерявшим своих друзей красавицам, мечтающим о тех, кто мог бы их утешить. Они ждут любого, но, конечно, предпочтут получить утешение от Конана, как только увидят его.

Таир уже вскочил на ноги, Сид сделал несколько шагов в сторону голоса, и даже Хок потянулся за ними.

— Эй, что это с вами? — спросила Чин.

Конан, не обращая внимания на девушку, пошел вслед за остальными мужчинами.

— Конан! Таир! Стойте!

Что-то в этом печальном голосе показалось Конану знакомым. Но что? Он, наверное, где-то его уже слышал... Неужели он мог бы забыть женщин с такими голосами?

Позади него Чин крикнула:

— Конан! Стой же! Здесь что-то не так! Не ходи к ним.

Вот ведь муха надоедливая, подумал Конан, не замедлив шага. К счастью для него и его приятелей, им на пути не попались участки-ловушки. Через некоторое время Конан увидел небольшое озерцо, на берегу которого полулежали три прекрасные женщины. Красота их тел и лиц не уступала красоте их голосов. Тонкие шеи, пышная грудь, черные волосы, спадающие по плечам на бедра... А дальше... вместо ног — нечто соединенное в одно целое, отливающее зеленоватой чешуей в солнечном свете, ограничивающееся хвостом.

Неважно. Пусть это не женщины, но они совсем близко, и им так нужна его помощь. Их голоса просто умоляли Конана прийти к ним.

Конан улыбнулся и зашагал еще быстрее.

Что-то схватило его за ноги, вцепившись железной хваткой в лодыжки. От неожиданности киммерец упал — к счастью, на мягкие водоросли. Он с недоумением оглянулся.

Чин прижалась к его ногам, умоляюще заглядывая в глаза.

— Пусти!

— Конан, нет! Здесь какой-то обман!

— Отпусти мои ноги! Никаких обманов.

— Нет!

Нет? Что ж, посмотрим. Этой девчонке не удастся задержать его. Высвободив одну ногу, он отвел ее назад и уже готов был изо всех сил ткнуть ей сапогом в лицо...

Эти голоса... Конан вспомнил, где слышал подобный зов!

В подземных пещерах, где он оказался заперт вместе с Элаши — женщиной пустыни — и старым воином Туллом, росли какие-то волшебные цветы, издававшие похожий манящий звук. Пойдя ему на встречу, Конан и его друзья чуть не погибли.

Как же похож был тот зов на стенания этих полурыб-полуженщин!

Кром! Да это же западня!

Конан вскочил на ноги:

— Все, Чин. Я освободился от этих чар. Отпусти меня, нам нужно спасти остальных.

— Ты уверен в себе?

— Быстрее, девочка!

Чин выпустила ногу Конана. Он развернулся и посмотрел на сирен. Женщины-рыбы раскрыли объятия в нетерпеливом ожидании, не переставая петь. Их голоса не стали менее сладкими и манящими, но теперь Конан слышал их словно со стороны, а его мозг был занят другим.

— Хватай мальчишку, а я займусь Таиром и Сидом! — крикнул он Чин и бросился вдогонку за околдованными товарищами.

Сайле так и не удалось поговорить с Блэдом наедине. Этот идиот-муж до самого заката не отходил от них дальше чем на несколько шагов. Не подозревает ли он о ее связи с Блэдом? Нет, не

может быть, он обязательно выдал бы себя. Но как бы то ни было, отлучившись по нужде утром, Райк с тех пор не отходил от нее, по праву супруга беря на себя роль охранника, когда Сайле тоже приходилось отлучаться за куст водорослей.

Царица пайлов стала впадать в отчаяние. Осторожно обходя все опасные места, они рано или поздно доберутся до замка. А это уже верная смерть. Сайла поняла, что если ей не удастся переговорить с Блэдом и втолковать ему свои планы, то, ничего не попишешь, придется самой воспользоваться кинжалом и перерезать Райку глотку.

Лучше бы, конечно, Блэду совершить это убийство. Но если не будет возможности убедить его в этом... Кто-то должен остановить это безумство. Сайла вовсе не собиралась умирать ни сейчас, ни в обозримом будущем.

День склонялся к вечеру. Удлинялись тени от кустов и холмов. Клег намного приблизился к обители своего хозяина. Уже можно было различить стены и отдельные крыши... Он вернется в замок еще до темноты. Он герой, оружие спасения Повелителя. Да, Повелитель будет очень доволен, и щедрость его на награды будет поистине безгранична.

За спиной бегущего зелка все еще слышались завывания сирен. Видимо, водяные девы все еще подманивали свои жертвы. Как только люди попадут им в лапы, стенания стихнут. Кровожадным красавицам будет не до песен, как, впрочем, и их жертвам.

Что до преследователя — Клег уже несколько часов не видел и не слышал его. Все, не видать ему меня, подумал предводитель зелкаев. Вот только доберусь до замка, а там — Великий Мастер быстро отправит чудовище на место, в толщу ила или на дно озера.

Предводитель зелкаев на бегу тешил себя мыслями о почестях и наградах, ожидавших его. Скоро. Очень скоро...

— Стой! — сказал Конан, обогнув Таира и встав на его пути.

Лицо обитателя гигантского леса было похоже на лицо много выпившего человека. Словно в трансе, он глядел мимо киммерийца, не замечая его.

Краем глаза Конан увидел, как Чин схватила Хока. Подросток попытался сопротивляться, но сестра была явно сильнее его. Она пустила в ход так нравившиеся Конану мускулы рук и ног и крепко держала брата.

— Таир, ты должен остановиться. Это ловушка!

Таир по-прежнему не замечал Конана и не слышал его предупреждения.

Киммериец задумался. Как остановить человека, не покалечив его? Конечно, можно схватить и держать Таира, но тогда Стид будет брошен на произвол судьбы.

Конан решил. Сжав кулак, он обрушил этот молот из мышц и кости на Таира, сильно ударив того в солнечное сплетение.

Таир, словно переломившись пополам, опустился на колени, не в силах ни вздохнуть, ни выдохнуть. Обездвижив его на время таким способом, Конан обернулся к женщинам-рыбам и Стиду.

Слишком поздно.

Стид был всего в шаге от ближайшей сирены. То, что произошло в следующий миг, осталось в памяти Конана навсегда. Женщина улыбнулась. Ее улыбка растягивалась все шире и шире, открывая невообразимо огромный рот со множеством зубов, напоминающий пасть огромной кошки или оскал волка. Стид с ужасом уставился на обезобразившее-

ся лицо, но в то же мгновение женщина-рыба бросилась к нему, прижав человека к своей груди и вонзив клыки ему в шею.

Стид попытался освободиться, но безуспешно. Он застонал. Кровь ручьем потекла из зияющей раны на шее, заливая умирающего и жадно лакающего алую струю монстра.

Кром! Выхватив меч, Конан бросился на убийцу Стида. Чудовищное создание было так увлечено своим пиршеством, что даже не заметило приближающегося человека.

Забываясь только о том, чтобы не задеть Стида, Конан размахнулся и обрушил меч на сирену, как дровосек изо всех сил вонзает топор в дерево.

Острая сталь прошла сквозь мясо и кость, оторвав правую руку чудовища от тела.

Раздавшийся воистину нечеловеческий стон потряс слух киммерийца. Отпустив Стида, изуродованная тварь направилась к Конану, извиваясь по земле, и занесла оставшуюся руку для удара, выставив острые когти.

Не сходя с места, Конан перехватил меч и нанес удар сверху вниз. Сверкнувший на предзакатном солнце клинок расколол голову чудовища надвое.

Оно забилося в предсмертных судорогах, становившихся все тише и тише и наконец перешедших в легкое подрагивание. Вскоре утихло и это последнее проявление жизни.

Вторая сирена скользила к Конану по поверхности ковра из водорослей, отталкиваясь хвостом. Киммериец шагнул ей навстречу. Женщина-рыба немыслимым образом поднялась вертикально, балансируя на хвосте, и развела руки в стороны, рассчитывая вонзить когти в человека с обоих боков. Резким прямым ударом меча Конан пронзил ее сердце.

Умиравшая сирена охватила клинок руками. Новые ручейки крови потекли из-под порезанных об острие лезвия пальцев, но предсмертная хватка была такой сильной, что, падая, рыбохвостая вырвала меч из рук киммерийца.

Конан понял, что не успеет освободить оружие, и развернулся к третьей противнице, готовый вступить с ней врукопашную.

Но не успела сирена подняться во весь рост на хвосте, как в ее левый глаз воткнулось копьё, пронзив голову насквозь. Чудовище застонало и рухнуло на спину, схватившись обеими руками за древко копья.

Конан обернулся и увидел Чин. Хок лежал у ее ног, потрясенный происходящим. Киммериец кивнул девушке. Ее рука вновь оказалась тверда, а глаз верен. Еще раз она спасла ему жизнь.

К несчастью, Стиду уже ничем нельзя было помочь. Из рваной раны на шее вытекали последние капли крови. Да если бы он и не потерял всю кровь к этому моменту, вряд ли удалось бы закрыть такую страшную рану.

Закончив осматривать погибшего, Конан вытащил меч из тела чудовища. К нему подошли Чин, Таир и Хок.

— Он?.. — спросил Таир.

— Да, — ответил Конан.

— Кто они? — спросил Хок, показывая на поверженных противников.

Конан покачал головой:

— Не знаю, малыш. Но одно я знаю точно: этот остров — гиблое место для нас. Чем скорее мы отсюда выберемся, тем лучше.

— Надо поторапливаться, — сказала Чин. — Не хватало еще заночевать здесь.

Конана тоже не прельщала такая перспектива.

— Вперед, к замку, — сказал он. — Нам нужно поквитаться с тем, кто напустил на нас этих тварей.

— Да, — согласился Таир, — этим мы и займемся.

Глава 22

В те минуты, когда солнце заканчивает свой путь над миром и уступает место ночным светилам, Клег был настолько близок к замку на плавучем острове, что уже мог разглядеть двух зелкаев, стоящих на страже у ворот. Наконечники их копий сверкали в последних закатных лучах солнца.

Наконец-то! Еще чуть-чуть — и он дома!

Заметив приближающуюся в сумерках фигуру, стражники взяли копьё наперевес.

Этого еще не хватало, взволнованно подумал Клег.

Затем стража узнала его. Охранники расслабились и снова поставили копьё вертикально.

Клег замедлил бег, а затем и вовсе перешел на неторопливый, подобающий его званию шаг.

— Приветствуем тебя, предводитель! — сказал один из стражников.

Клег с достоинством кивнул.

— Как дела у охраны?

Второй стражник, товарищ детства Клега, пользуясь старой дружбой, ответил чуть фамильярно:

— Тоска, братишка.

Клег ухмыльнулся. В конце концов, все зелкаи — братья друг другу. А что касается тоски — это братишка загнул. Этот пост пользовался популярностью у стражи. Еще бы, от этих ворот рукой подать до кухни. Если действовать расторопно и не бояться

рискнуть — можно сбегать туда и поймать пару вкусных моллюсков, а если повезет — то и одну из кухарок. Клег знал все это, потому что одно время и сам ходил в караул и стоял на страже на этом посту.

— Смотри, чтобы веселье не началось, — съехидничал Клег.

Пройдя мимо стражников, он подошел к тяжелым деревянным дверям, бесшумно повернувшимся на хорошо смазанных петлях, и шагнул внутрь.

Факел в стене освещал небольшой тамбур длиной всего в два шага. На другой стене были видны вторые двери. За ними, Клег хорошо это знал, находилась еще одна, меньшая по размеру дверь. Все шестьдесят четыре входа в замок были построены таким образом. Даже в самый ветреный день внутрь не доносилось ни малейшего дуновения. В том виде, в котором пребывал Великий Мастер, он не переносил ветра. И горе было тому, кто забывал об этом.

Клег стал предводителем отнюдь не за отсутствие осторожности. Он подождал, глядя на пламя факела, пока воздух окончательно успокоится, затем прошел во второй тамбур и снова подождал перед последней дверью.

Попав внутрь самого дворца, Клег двинулся по освещенному факелами коридору. Повелитель вряд ли будет здесь: факелы вызывают циркуляцию воздуха, а это тоже не нравится Повелителю.

Невдалеке, в нише в стене коридора, Клег увидел свернувшееся калачиком животное. Это было еще одно творение Великого Мастера. Эти существа походили на помесь волка и обезьяны, причем от первого они взяли тело, а от последней — голову. Повелитель называл их вундами. Вунды не отличались особым умом, но были легки на подъем, быстрее на ходу и могли повторить короткие предложения, сказанные им.

Клег пнул спящего вунда. Тот вскочил и недовольно уставился на него.

— Найди хозяина и скажи ему: ваш Первый слуга вернулся. Понял?

Вунд кивнул.

— Повтори.

Голос вунда напоминал рычание, но слова можно было разобрать:

— Ваш Первый слуга вернулся.

— Отлично. Давай пошевеливайся.

Вунд бросился по коридору вдвое быстрее бегущего зелка. Где бы ни находился Великий Мастер, вунд найдет его. Дворец был огромным, но вунд будет искать хозяина. Своего хозяина и хозяина всего и всех в замке.

Клег же направился к комнате, где Повелитель хранил свои колдовские приспособления и магические предметы. Получив сообщение от вунда, Мастер, несомненно, направится туда. А Клег уже будет ждать его там.

Пламя факелов ровно тянулось вверх, колеблюмое только потоком воздуха, потревоженного движением Клега, направлявшегося на встречу со своим Повелителем.

Харлог упорно рвался к своей цели. Ему была поставлена задача, и он выполнит ее во что бы то ни стало. Найти. Доставить. Сметать все на пути.

Он был голоден, но не останавливался ни на мгновение, чтобы поесть. Тот, кто ему нужен, где-то впереди. Харлог чувствовал его, как он чувствовал водоросли под ногами и воздух вокруг себя. Ему был нужен он, тот, которого приказано найти и доставить.

Харлог смутно понимал, что, настигнув его, он быстро доставит добычу. Тот самый бежал в нужном

направлении, не пытаясь свернуть в сторону. Но никаких указаний на этот случай Харлог не получал. Приказано: найти, доставить, сметать на пути все.

Харлог без усталости двигался вперед, выполняя приказание.

Ночь уже набросила свою звездную сеть на небо, когда Конан и его друзья добрались до замка.

В сотне шагов впереди пара коптящих факелов освещала двойные плотные двери и двух зелкаев, стоявших на страже.

Вряд ли охранники могли увидеть или услышать киммерийца, но он пригнулся пониже, перебегая от куста к кусту, и говорил с остальными шепотом, невольно требуя и от них такой же осторожности.

— Ну что, добрались.

— Да, — сказал Таир, — что будем делать дальше?

Конан прикинул. Напасть в открытую? Вроде бы ничего страшного. Трое против двоих плюс внезапность — шансы очень неплохие. Но где гарантия, что часовые не успеют вызвать подмогу. Тогда из дверей выскочат, как пить дать, два десятка зелкаев. А это соотношение сил направило киммерийцу куда меньше.

Можно попытаться выманить их вперед. Может быть, Чин соблазнит их своими женскими прелестями? Отойдя от дверей на достаточное расстояние, стражники уже не успеют поднять тревогу, когда на них навалятся Конан и Таир.

А может быть, лучше подобраться в темноте как можно ближе и решить вопрос двумя метко пущенными копьями? У Конана была возможность убедиться в умении Чин управляться с этим оружием и не было никаких оснований сомневаться в равной подготовленности Таира.

Но дело повернулось таким образом, что киммериец с друзьями оказались лишенными возможности выбора.

Из темноты выскочило чудовище и бросилось на стражников.

Таир первым увидел его.

— Зеленая Богиня! Ты только посмотри на него!

Конана не нужно было дважды упрашивать.

Существо вдвое превосходило размерами быка. Его гладкая, скользкая кожа отражала в темноте свет факелов. Конан подумал, что скорее всего родная стихия этого монстра — вода, но в то же время его зубы и когти напоминали медвежьи или волчьи. Тяжеленное создание продиралось сквозь заросли прямо к двери.

Стражники, не струсив, опустили копья и бросились навстречу нападавшему, причинив ему не больше боли, чем пара комаров человеку. Один из зелкаев неосторожно оказался слишком близко к смертельным челюстям, которые в один момент перемололи беднягу не хуже мельничных жерновов. Конан только покачал головой. По крайней мере быстрая смерть.

Второй стражник глубоко всадил копьё в тело чудовища. Оно остановилось, сплюнуло остатки зелка и когтистой лапой выдернуло из своего бока копьё, как вытаскивает человек занозу из пальца. Затем оно с неожиданной для такой громадины скоростью рванулось вперед, зацепив когтями зелка. Тот упал, смертельно раненный, истекая кровью. Все его лицо, грудь и живот представляли одну большую рану.

Монстр не обратил никакого внимания на поверженного противника, а занялся дверями, налетев на них всем своим огромным весом. Твердое дерево затрещало от чудовищного удара. Раскрыв пасть и

размахивая лапами, монстр порывался сквозь толстые, окантованные железом створки.

— Смотрите, он жрет дверь, — прошептал Хок, сам не веря своим глазам.

Но именно так оно и было. Конан и сам, остолбенев, смотрел, как чудовище прогрызло в дверях дыру, достаточную, чтобы пролезть внутрь. Когда взорам наблюдателей предстала лишь задняя часть туловища страшного создания, до их слуха вновь донесся треск пожираемого дерева.

— Должно быть, вторая дверь, — предположил Конан.

Через некоторое время чудовище исчезло внутри замка, еще не раз наполнив воздух грохотом и треском.

После этого ночь показалась особенно тихой.

— Я не знаю, что это за тварь, — сказал Конан остолбеневшим Таиру, Хоку и Чин, — но она обеспечила нас проходом внутрь. Если вы, конечно, еще не передумали разыскать свое зерно, то почему бы нам не последовать за чудовищем?

Страх все больше овладевал Сайлой. Ей так и не удалось поговорить с Блэдом, а Райк, похоже, был все время начеку, так что у нее не было никакой возможности пустить в ход свой обсидиановый кинжал.

Царь сменил Блэда и сам вел их вперед, двигаясь вдоль стены замка в поисках входа.

— Стой! — хрипло прошептал Райк и жестом приказал своим спутникам пригнуться.

Сайла повиновалось, и в следующий миг поняла причину беспокойства ее мужа.

Нет, только не это! Конан и его приятели из гигантской роши.

Высокий варвар вел за собой двух взрослых и одного подростка прямо к стене замка. Проследив

взглядом направление их движения, Сайла содрогнулась.

С трудом узнаваемые останки двух зелкаев лежали в гряде обломков досок и щепок — обломков двери. Все освещал один покосившийся факел рядом с зияющим дверным проемом.

— Что это?.. — начала Сайла.

— Чудовище из деревни, — ответил Райк раньше, чем она закончила вопрос, — я уже видел его работу на том берегу.

— Но что оно делает здесь?

Райк покачал головой:

— Не знаю и знать не хочу. Пожалуй, испытываю лишь легкое чувство благодарности за предоставленный вход в замок.

— А если оно поджидает там, внутри? — пожившись, спросил Блэд.

— А нам-то что. Ему хватит на обед тех четверых. Сайла внимательно следила за Конаном, приближавшимся с мечом в руках к изуродованным дверям.

— А если оно все-таки будет голодным, когда мы войдем внутрь?

— Подождем, пока оно уйдет.

— Райк, я думаю, это уже слишком...

Он резко обернулся и посмотрел ей в глаза:

— Я Царь, Сайла, и мне наплевать, что ты думаешь.

Не обращая внимания на гневный взгляд супруги, Райк развернулся и стал внимательно наблюдать за четверкой, осторожно входящей в замок через выломанную дверь. Нет, ее муж точно сошел с ума, подумала Сайла, берясь за рукоять кинжала. Нужно прирезать его и уносить отсюда ноги.

Но Райк уже встал и двинулся к замку. Сайла бросила умоляющий взгляд на Блэда.

— Вперед! — приказал Райк.

Прежде чем Сайла успела сказать хоть слово, Блэд встал и последовал за Царем.

Идиоты! Все мужчины идиоты! Они задались целью погубить ее и готовы для этого рисковать своими тупыми головами!

— Сайла!

Царица неохотно поднялась и последовала за мужем. У нее не было ни малейшего желания оставаться здесь одной, без защиты. А кроме того, этот Конан, оказывается, жив. Если ему удастся переговорить с Райком — ей конец. Нет, лучше ей быть рядом с мужем и предотвратить эту беседу.

Три пайла в молчании проследовали за четверыми людьми в логово страшного зверя — жилище могущественного колдуна.

Даймм неподвижно висел в своей спальне, тщетно стараясь успокоиться и уснуть. Это помещение было выбрано для отдыха, потому что его со всех сторон окружали другие комнаты, а не коридоры. Ни единого движения воздуха не доносилось сюда. Здесь было темно, как в чане со свежей смолой, и тихо, как в пещере глубоко под землей.

Но несмотря на весь комфорт, Даймм не мог уснуть. Слишком возбужден был его разум, слишком свеж и силен недавний приступ гнева.

Раздался стук в дверь.

Даймм никогда не позволял себя беспокоить в этой комнате, независимо от того, спал он или нет. Те, что имели глупость нарушить запрет, были немедленно уничтожены. Последний раз такое случилось давным-давно. Даймм даже спустился пониже, чтобы лучше рассмотреть обреченного безумца.

— Кто посмел? — спросил он.

— П-п-повелитель... — раздался дрожащий голос помощника предводителя зелкаев.

— Входи и встретить свою печальную судьбу.

Дверь медленно, чтобы не вызвать дуновения воздуха, открылась, и на пороге появился человек-рыба, у ног которого жался один из вундов.

— Хочешь сказать что-нибудь перед смертью?

— П-п-по-вельитель, т-тут у в-вун-да есть для вас с-с-сообщение.

— Ну что ж, он тоже умрет.

Даймм начал бурчать про себя заклинание, которое испепелит обоих. На это у него сил хватит даже без тела.

— Ну, г-г-говори же! — раздался голос зелкая, обращенный к вунду.

Тот встал в стойку и сделал глубокий вдох. Последний в жизни, подумал Даймм, уже договорив заклинание и собираясь послать его силу на дерзнувших побеспокоить его.

— Ваш Первый слуга вернулся.

Даймм вздрогнул:

— Что?

Вунд повторил фразу.

На радостях Даймм забыл про повисшее в воздухе заклинание. Неужели? После стольких веков?

— Где он сейчас?

— Он... он... вышел ч-ч-через юго-западный вход, П-повелитель.

Даймм захохотал. Этот вход был довольно далеко, но сейчас Первый слуга уже наверняка на полпути к волшебной кладовой.

— Пошли прочь! — рявкнул Даймм. — Марш в кладовую!

Оба создания, все еще не веря в свое спасение, выбежали вон из спальни. Даймм поплыл вслед за ними. Неужели? Конец мучениям, конец этой попытке!

Двигаясь как можно быстрее, Хозяин Тумана плыл по своему дворцу к кладовой с магическими драгоценностями.

Глава 23

Когда Клег появился в небольшой комнате, в которой хранились все части магического заклинания, кроме одной, до сих пор недостающей, — его встретил сам Повелитель, Абет Бласа, Хозяин Тумана.

Мастер приподнялся над полом:

— Мой Первый слуга! Принес ли ты то, за чем я тебя посылал?

Клег, абсолютно голый, если не считать шнурка на шее, кивнул и вытащил талисман из кожаного мешочка.

— Да, Повелитель.

Клег почти физически ощутил ликование колдуна — словно волна жара ошпарила зелкая, сменившись, правда, ледяным душем:

— Что же так надолго задержало тебя в пути?

Клег начал рассказывать:

— Смертельные опасности подстерегали меня и моих братьев, Повелитель. Не только Лесной народ, но и пайлы, неведомые чудовища...

— Ладно, ладно. Это неважно. Главное, что талисман у тебя. Быстро положи его на место, в отведенную нишу.

Клег поспешил повиноваться. В магической кладовой на четко обозначенных местах, соединенных загадочными линиями и письменами, стояли остальные предметы, необходимые для приведения в действие силы заклинания. В одном углу лежал череп давно вымершей гигантской кошки; в другом — в

деревянном ящике — покоился плащ ведьмы; был здесь и запечатанный воском флакончик с темной жидкостью — кровью одного из младших демонов. В единственную пустую нишу в стене Клег поместил зерно, положив его на натянутую сетку.

— Все прочь отсюда! — приказал Даймм.

Клег и стражники поспешили выполнить приказ.

— Закрывать дверь!

Один из стражников аккуратно, чтобы не потревожить воздух в комнате, закрыл за вышедшими тяжелую дверь.

— Что теперь будет, предводитель?

— Великий Мастер, собрав воедино все волшебные предметы, произнесет свое заклинание и обретет для себя новое тело.

Клег посмотрел на запертую дверь и почесал в затылке. Нельзя сказать, чтобы Повелитель рассыпался в благодарностях своему едва выжившему слуге. Но может быть, выполнив задуманное, он вспомнит и о том, кто столько раз рисковал жизнью ради того, чтобы выполнить столь важную для Повелителя миссию. Клег решил подождать Даймма прямо здесь же, перед входом в магическую кладовую.

Намерениям предводителя зелкаев не суждено было сбыться. Далеко, в дальнем конце коридора, раздалось знакомое топание тяжелых лап.

Чудовище! Оно все еще преследует его!

У Клега голова пошла кругом. Неужели эта тварь отважилась ворваться в жилище Повелителя? Что же все это значит? И что ему теперь делать?

В порыве ужаса предводитель зелкаев бросился к двери, чтобы попросить Повелителя о помощи, но вовремя остановился. Побеспокоить Повелителя сейчас означало неминуемую смерть. Оставалось лишь вновь уходить от него, не надеясь на то, что удастся протянуть время до окончания священнодействия.

Клег повернулся к охранникам и сказал:

— Через несколько мгновений тут появится огромная тварь, преследующая меня. Не вздумайте связываться с ней. Это бесполезно, только поднимете шум и рассердите Повелителя.

С этими словами Клег бросился бежать по коридору.

Ликование Даймма было безгранично. Наконец-то в его руках оказались все необходимые для его освобождения предметы. Оставалось лишь произнести вслух само заклинание — три рифмованные фразы, читаемые нараспев. Сколько раз он повторял их про себя! Наконец-то! Хозяин Тумана подплыл к центру комнаты и приступил к Воплощению.

Конану и трем его спутникам не попалось на глаза ни единого стражника или слуги в коридорах замка. Это показалось Конану странным.

— Противное место, — прошептал Таир, — все неподвижно, как в царстве мертвых.

И вправду, даже воздух здесь был абсолютно неподвижен. Пламя факелов, не колыхнувшись, поднималось к потолку, заливая коридоры ровными круглыми пятнами света.

— Не нравится мне здесь, — заявил Хок.

Конан был более чем согласен с мальчиком. Вслух же он только поинтересовался:

— Ну что, Чин?

Девушка показала пальцем в уходящий влево второй коридор:

— Зерно — там, в той стороне.

Все четверо следовали, повинаясь чутью Чин.

План Конана, касающийся возвращения талисмана, был не лишен расплывчатости и неопределенности. Но по крайней мере, решительности в нем

было хоть отбавляй. Найти зерно, украсть его, если оно не охраняется, и смыться. Если вокруг него стоит охрана — разобраться с нею, а дальше — по первоначальному плану. Конану всегда нравились планы, не отягощенные излишними деталями. В этот он допустил единственное уточнение: по возможности избежать встречи с колдуном. Но уж если это не удастся — убить его, а затем все по тому же плану. Все предельно ясно и понятно.

Сайла приотстала от мужа, задержав рядом с собой и Блэда. Расстояние между ними и Райком было совсем небольшим, поэтому ей пришлось говорить едва слышным шепотом:

— Царь спятил, — прошепела она, — он погибнет сам и погубит нас.

— Но что же делать? Он ведь Царь.

— Только дотех пор, пока жив. — Сайла многозначительно прикоснулась к наконечнику копья Блэда.

— Госпожа!

— Слушай меня, мой доблестный защитник. Если он умрет — ты станешь Царем и моим спутником жизни.

Глаза молодого пайла округлились. Если в нем была хоть искра тщеславия, сейчас она должна превратиться в бушующее пламя.

— Сайла! Блэд! Что вы там копаетесь?

Царь остановился и повернул к ним голову. Сайла немедленно наклонилась к ноге:

— Мне в сапог камешек попал. Блэд, стой на месте. Мне нужно опереться на тебя.

Сняв с ноги сапог, она перевернула его, вытряхивая на пол несуществующий камень. Ее рука, словно случайно, желая опереться на Блэда, незаметно для Царя погладила юношу по самой чувствительной части его тела.

Блэд вздрогнул при этом прикосновении.

— Да что там такое? — спросил Царь.

— Э-э... это... — растерянно протянул Блэд.

— Я случайно уколола его острием кинжала, — быстро нашла Сайла.

— Ладно, обувайся быстрее и поосторожней с оружием.

Райк отвернулся, и Сайла бросила на Блэда полный страсти взгляд. В руках воина было копье, и Сайла надеялась, что у него хватит духу вонзить его в нужную цель.

Клег знал замок как свои пять пальцев. Сейчас он со всех ног убегал по сумрачным коридорам, спасаясь от неумоимого преследователя. Что же это за чудовище? Откуда оно взялось? Кто послал его? Да и вообще, станет ли связываться с ним Повелитель, когда закончит свое священнодействие?

Слишком много вопросов — и ни на один из них нет ответа.

Клег старался не слишком удаляться от Магической кладовой, надеясь, что его хозяин, закончив Воплощение, обратит внимание на то, что творится с его измученным слугой.

Конан почувствовал, что за очередным поворотом коридора кто-то (или что-то) есть.

Киммериец жестом приказал своим спутникам остановиться, а сам аккуратно выглянул из-за угла. Одного взгляда ему хватило, чтобы оценить обстановку, — прямо за углом стояли на страже четыре зеленая, вооруженные копьями, они охраняли массивную деревянную дверь в стене.

Конан неслышной тенью скользнул назад и, вернувшись к своим, прошептал:

— Похоже, мы нашли ваше зерно. Там, у одной из дверей, стоят четыре зелкая-охранника.

— Да, я чувствую, что зерно совсем близко, — прошептала Чин.

— Значит, так, — сказал Конан, — их четверо, нас трое.

— Эй, ты что! Нас тоже четверо, — вступил в разговор обиженный Хок.

— Отлично. Четверо так четверо. Если мы нападём неожиданно, думаю, они не успеют собраться с силами. Наверное, управимся.

Таир сжал копьё:

— Я готов.

Чин тоже кивнула.

Конан вынул из ножен меч и сделал глубокий вдох.

— На счет «три» — вперед, — прошептал он и начал считать. — Раз. Два. Три!

В этот же миг киммериец выскочил из-за угла и бросился к охранникам.

— Тсс, — прошипел Райк, останавливая идущих следом Сайлу и Блэда. — Высокий варвар и его спутники прямо перед нами.

Сайла заглянула через плечо Райку. Он был прав. Четыре человеческие фигуры, сбившись в кучку, замерли у поворота коридора недалеко от пайлов.

— Они нас не замечают, — сказал Райк. — Сейчас мы подкроемся поближе и перережем их, — Царь вынул из-за пояса обсидиановый кинжал, — приготовь копьё, Блэд. Ты возьмешь на себя варвара. Я — женщину и второго мужчину. Сайла, твое дело убить мальчишку.

— Райк...

— Молчать! Делай, что приказано!

Двигаясь предельно осторожно, пайлы стали подкрадываться к людям. Сайла бросила умоляющий взгляд на Блэда. Сейчас — или никогда!

Райк напрягся, готовясь к последнему рывку, но в этот момент Конан начал считать. Что он еще задумал, этот варвар?

Когда черноволосый великан досчитал до трех, вся его компания сорвалась с места и резко бросилась за угол.

Этого пайлы не ожидали.

Через мгновение пришедший в себя Райк рывкнул:

— За ними!

С этими словами Царь пайлов бросился вдогонку и свернул за угол. Блэд и Сайла последовали за ним.

Две трети заклинания уже были пропеты, когда в зале за дверью раздался какой-то шум.

Хозяин Тумана нахмурился. Его покой был нарушен, внимание рассеялось, и вот результат — он неправильно произнес второе слово в третьей фразе.

— Сэт вас поберит! — простонал он.

Придется начать все сначала. Тот, кто устроил эту возню за дверью, будет уничтожен самым жестоким способом. Но не сейчас. Потом, когда будет закончено самое важное.

Сосредоточившись, Даймм начал заново произносить таинственные слова заклинания.

Обессилев, Клег подпустил чудовище слишком близко. Сейчас их разделяло не больше двенадцати шагов, и если предводитель зелкаев уже еле передвигал ноги, то его преследователь, казалось, не знал усталости и двигался все так же равномерно и неумолимо.

Магическая кладовая была недалеко, за ближайшим поворотом коридора. Может быть, Повелитель

уже закончил свое заклинание? Даже если нет, у Клега не оставалось выбора. Ему срочно была нужна помощь, чтобы избавиться от нагоняющего его монстра. На худой конец, может быть, страже удастся задержать монстра хоть ненадолго.

В тот момент, когда застигнутые врасплох зелкаи, еще ничего не понимая, развернулись навстречу людям, Конан увидел, что из-за поворота в дальнем конце коридора вынырнул и направился к ним еще один рыбомордый. Дальше — больше: вслед за зелкаем вылетело из-за поворота серое, блестящее в свете факелов тело чудовища, которое незадолго до этого на глазах киммерийца проело себе путь в замок.

Не тратя много времени на размышления, Конан обрушил свой меч на голову ближайшего охранника, расколов ее надвое.

— Конан! — крикнула Чин. — Сзади!

Увернувшись от второго противника, киммериец оглянулся: из-за поворота к ним бегом приближались три пайлы, вооруженные кинжалами и копьем.

Кром! Этого еще не хватало!

Зелкаи, пайлы, Лесной народ и гигантское чудовище — все смешалось в кровавой мясорубке. В помещении воцарился хаос.

Вот тебе простой и ясный план!

Глава 24

Выскочив из-за угла, Клег, несмотря на всю усталость, присвистнул от удивления. Это еще что? Люди и пайлы, сражающиеся с его собратьями — зелкаями?!

Без оружия и даже не одетый, Клег предпочел бы не ввязываться, а переждать бой, но наступавшее ему на пятки чудовище не оставило такой возможности. Предводитель зелкаев отчаянно бросился вперед по коридору, приближаясь к кровавой круговерти.

Сайла бежала вслед за Блэдом.

— Ну давай, — скомандовала она. — Убей же его!

Блэд в сомнении посмотрел на Царицу:

— Кого из них?

— Царя, идиот! Давай же, убей его!

Конан отбил направленное на него копье и сильным ударом распорол живот второму зелкаю. Раненый стражник согнулся пополам, выронив оружие.

Киммериец развернулся на месте. С его вращающегося клинка сорвались капли крови. Киммериец держал клинок, занеся его над левым плечом, поджидая очередного противника, который, к своему несчастью, окажется в досягаемости отточенной стали клинка.

Слева от Конана Таир бился на копьях с третьим стражником, а Чин и Хок теснили четвертого, угрожая ему копьем и кинжалом.

Справа к месту боя бегом приближались пайлы. Первый из них был вооружен одним кинжалом. Зато второй сжимал в руках копье. Третьей бежала уже знакомая Конану женщина-ящер, на ходу кричавшая что-то неразборчивое.

Конан встал поудобнее, чтобы встретить пайлов подобающим образом. Вдруг первый из нападающих, застонав, выронил кинжал, со звоном упавший на каменные плиты пола.

Конан опешил, но лишь на мгновение. Бежавший вслед за первым пайлом воин выдернул из спины

упавшего копье и, потрясая оружием в воздухе, закричал:

— Я Царь! Да здравствует новый Царь пайлов! Киммериец, не дослушав победного крика, бросился вперед и пронзил мечом грудь человека-ящера.

Пайл удивленно заморгал и рухнул на пол. С его лица так и не сошло выражение крайнего удивления и неверия в происшедшее.

Недолгое, однако, царствование, подумал Конан.

— Чтоб тебе Великий Дракон яйца откусил! — простонала женщина-ящер и бросилась на Конана.

Киммериец ненавидел тех, кто поднимает оружие против женщины. Но когда речь зашла о выборе между ее жизнью и его собственной, он решил воспрос в свою пользу.

Однако совершить столь неприятный поступок, как убийство женщины, ему было не суждено. Что-то тяжелое ударило Конана в спину, отправив его в краткий полет по коридору. От такого удара киммериец даже выронил меч.

Ярость Сайлы кипела, как расплавленный котел, когда Царица пайлов с проклятиями бросилась на киммерийца. Но в этот момент из-за угла выскочил человек-рыба и налетел на варвара, сбив его с ног. При этом и сам он упал на пол. Сайла едва успела отскочить в сторону и пропустить мимо себя уже сцепившихся в смертельной схватке мужчин.

Затем она, держа кинжал в руках, стала осторожно подкрадываться к ним. Если Конан одолеет зелкаю, она вонзит клинок ему в спину. Если же победа будет на стороне рыбомордого, она поступит с ним точно так же.

А парень-то — не слабак, подумал Клег, сцепившись с Конаном. Наверное, он вдвое сильнее любого, с кем Клегу приходилось иметь дело. Но предводи-

тель зелкаев был втрое сильнее человека и в любом случае был уверен, что победит в поединке.

Однако победа будет нелегкой, понял он. Человек извернулся и сумел сбросить руки Клега со своего горла. Противники покатались по полу и врезались в стену, причем Клег принял на себя всю тяжесть удара. Его руки на миг разжались, и человек сумел вывернуться, вскочить на ноги и встать в стойку, сжав кулаки для удара.

Клег тоже поднялся на ноги и смерил противника взглядом. Человек был явно готов к рукопашной. Даже его более слабые, чем у зелкаю, удары наверняка могли свалить противника с ног, придишись они в нужную точку. Клег осторожно сделал шаг в сторону...

Вдруг его нога наткнулась на что-то металлическое, лежащее на полу. Бросив взгляд под ноги, Клег обомлел.

Там лежал меч.

Противник был слишком далеко, чтобы достать Клега за то время, пока он нагибался. Миг — и стальной клинок засверкал в его руках.

— Готовься к смерти, — прохрипел предводитель зелкаев.

Он шагнул вперед, занеся меч так, чтобы перерубить противника пополам.

— Обернись, придурок! — раздался женский крик.

Клег не обратил на это внимания. Нет, его, опытного бойца, не проведешь на старом трюке.

Но... в следующий миг он ощутил сзади горячее дыхание, обволакивающее его знакомым запахом. Нет! Он попытался развернуться, но было уже слишком поздно. Мир погрузился в темноту.

Последнее, что ощутил предводитель зелкаев, были смыкающиеся на его теле зубы чудовища.

Сайла успела предупредить зелкая, но тот не обратил внимания на ее крик. В следующий миг чудовище распахнуло жуткую пасть и, словно собака крысу, схватило несчастного, перекусив его пополам. Затрещали кости, брызнула во все стороны кровь.

Царица пайлов застыла в ужасе. Но чудовище не проявило никакого интереса ни к ней, ни к кому больше. Зажав в зубах мертвого зелкая, оно двинулось по залу к деревянной двери.

Конан проследил взглядом путь монстра, и Сайла решила воспользоваться этим шансом. Хотя Райк был мертв, ее ненависть к Конану настолько овладела ее сердцем, что Царица решила довести задуманное до конца во что бы то ни стало.

— Конан! — раздался женский крик.

Стоявший к Сайле спиной киммериец среагировал мгновенно, упав на пол. Женщина-ящер, не удержав равновесия, перелетела через него и, выставив руки вперед, повалилась на стену коридора, а затем на пол. Последнее, что она увидела, — острие обсидианового кинжала, направленное ей прямо в правый глаз. Раздался пронзительный крик — и Царица пайлов рухнула на собственный клинок.

Гнев Даймма граничил с умопомрачением. Еще бы! Он вновь сбился, читая заклинание, — такой шум стоял за дверями.

Не успел Даймм вновь начать чтение древних слов, как дверь комнаты распахнулась, создав волну воздуха, отбросившую чародея к самому потолку.

— Кто посмел!

На пороге стоял Харлог, из пасти которого свесилась нижняя часть тела зелкая.

— Не сейчас, слабоумная скотина! Не сейчас!

Харлог положил изуродованный труп на пол и преданно посмотрел на своего хозяина. От преданной собаки его сейчас отличало только отсутствие виляющего хвоста.

Слова смертоносного проклятия прокатились по комнате, материализовавшись в огненный шар, подобно молнии ударивший в голову чудовищу.

Шкура Харлога почернела и лопнула в нескольких местах. Застонав, монстр повалился на бок, испуская запах горелой плоти.

Даймм с трудом сумел вернуть себя в нужную точку посередине комнаты.

Еще раз, подумал он. Теперь уже точно последний.

Конан посмотрел на женщину-ящера. Она сама, своими руками сразила себя. Черное лезвие вошло ей в голову по самую рукоятку.

Подобрав меч, киммериец направился к своим друзьям. Чин, Хок и Таир как раз разделались с последними из зелкаев-стражников.

В это же время чудовище проломило дверь и шагнуло в охранявшуюся погибшими зелкаями комнату. Через несколько мгновений тварь была вознаграждена за вторжение вспышкой света и огненным ударом, жар которого Конан почувствовал, даже стоя в стороне. Чудовище вздрогнуло и задымилось. Похоже, оно никогда больше не будет беспокоить кого-либо, подумал Конан.

— Зерно там, — услышал он голос Чин.

— Ну да. Ты разве не видела, что случилось с тварью, сунувшейся за дверь?

— Мы слишком долго шли сюда, чтобы отказываться от цели, — гордо заявил Таир и направился к дверям.

Да уж, подумал Конан, прогулка была — лучше не придумаешь. Вдохнув, он последовал за Таиром вместе с Чин и Хоком.

Хозяину Тумана оставалось произнести лишь несколько слов и тогда уже вновь обрести свое тело. Ликование уже переполняло его. Осталась последняя строчка. Восемь слов, шесть, четыре...

— Вот оно, — раздался женский крик.

На предпоследнем слове спасительного заклинания Даймм запнулся:

— Да будет ли этому конец!

Он увидел четырех людей, ввалившихся в его святая святых. Единственная женщина направилась к одному из драгоценных талисманов. Как они оказались здесь? Кто они, эти дерзкие пришельцы?

Самый большой из них, черноволосый парень с сильными мышцами, бросился к Даймму с мечом в руках. Одним ударом он рассек бы Хозяина Тумана надвое, если бы тот представлял собой нечто более плотное, чем серое облако.

Обескураженный варвар попробовал нанести еще один удар — с тем же результатом. Не будь Даймм так взбешен, он бы рассмеялся.

Изрядно потратив силы на огненную молнию, поразившую Харлога, Даймм не смог собраться и сотворить что-нибудь подобное с дерзкими возмутителями спокойствия. Единственное, на что у него хватило сил, — это на простое заклинание, парализующее жертву, заставляющее ее застыть на месте. Так и застыли четверо наглецов. Варвар так и не успел опустить занесенный для третьего удара меч. Так он и умрет, невежа, осмелившийся побеспокоить Мастера и даже поднять против него свой жалкий кусок железа. Ничего, подождите только своей очереди. Сейчас главное — довести до конца дело, обрести тело.

Чтобы убедиться в своем одиночестве, Даймм подплыл к выломанной двери и выглянул в коридор. Несколько тел лежали на полу в лужах крови, но,

похоже, ни одна живая душа больше не собиралась беспокоить его. Хвала богам! Наконец-то!

Колдун вернулся в нужное ему место и вновь начал читать заклинание.

Словно невидимая сеть окутала Конана, не давая ему шевельнуться. Киммериец попытался напрячь мускулы и сбросить с себя оцепенение — безуспешно. Все ясно, колдун наложил на их четверку какое-то заклятие, лишив возможности двигаться.

Хозяин Тумана проплыл перед глазами киммерийца, не обращая на застывшего, как статуя, человека никакого внимания. Затем туманное облако остановилось, и из него полились читаемые нараспев слова незнакомого языка.

Но что мог сделать Конан? Получи он даже свободу, это мало чем поможет ему. Безотказное в других случаях оружие — стальной меч — оказалось бессильным против бесплотного колдуна.

Конан почувствовал холодное дыхание смерти.

Даймм предельно внимательно произнес последнее слова заклинания. На этот раз его никто не побеспокоил.

Колдун замолчал и затаил дыхание в ожидании. Он сделал все, что знал и что мог. Сработает? Что-то должно произойти.

Воздух вокруг него закружился, стал закручиваться смерчем. Так, по крайней мере что-то происходит.

Потоки волшебной энергии, которыми в основном и питался Даймм эти пять столетий, тоже закружились, сгущаясь и уплотняясь вокруг него.

Действует!

Заклинание, похоже, начинало действовать само по себе, втягивая в себя энергию воздуха, воды,

здания и даже самого колдуна. Это не страшно, подумал Даймм. Только бы снова стать человеком. Тогда он сможет повелевать куда большими энергиями, чем оставаясь в виде облака.

Неожиданно для самого себя Даймм почувствовал, что становится плотнее. В нем стали прорисовываться кости, внутренние органы; все это обростало мясом, обтягивалось кожей. Да! Наконец-то! После стольких веков мучений вновь обрести тело!

Конан непрестанно пытался преодолеть сковывавшие его силы. Вдруг он почувствовал, как затекшие руки медленно поползли вниз. Заклятие ослабло. Теперь Конан ощущал его как густую грязь, тонкий ил, а не как крепко спеленавшую его сеть. Он мог двигаться, хотя и медленно.

Перед глазами киммерийца силуэт колдуна становился все темнее и плотнее. При этом неясная фигура медленно, покачиваясь из стороны в сторону, спускалась из-под потолка на пол.

Конан ощутил, что как только сгустившийся из тумана колдун опустится ногами на пол, он обратит свой гнев на непрошенных гостей. Конан еще сильнее напряг свои могучие мышцы и волю, стараясь скинуть с себя остатки заклęcia. Все равно двигаться было тяжелее, чем даже под водой.

По мере того как колдун спускался к полу, Конан опускал меч, пока не направил его горизонтально. Нанести удар он ни за что не смог бы, но, может быть, удастся воспользоваться мечом как колющим оружием. Наконец киммериец сумел сделать шаг вперед.словно чугунные гири повисли на его ногах, словно свинцовые башмаки обули ступни. Пот прошиб его прежде, чем был совершен второй шаг. До колдуна оставалось шагов пять.

Только бы хватило времени.

Да, без сомнения, он становится тем, кем был когда-то. Через несколько мгновений Даймм будет вновь свободен. Он уже придумал, как уничтожит это опустылевшее ему царство. Глубоко под озером бурлила раскаленная лава. Однажды, два века назад, она нашла трещину в скалах. Но в последний момент Даймм магическим заклинанием разъединил две враждебные стихии — огонь и воду. Сделал он это ради собственного спасения. Но в любой момент можно снять заклятие, и тогда два потока сольются в бурлящем котле, уничтожая все живое вокруг струями раскаленного пара. Как только силы колдовства перенесут Даймму прочь из кратера, он снимет заклятие. Именем всех богов Тьмы, он сделает это! Пропади он пропадом, этот замок, остров и весь кратер!

Ноги Даймма уже почти касались пола. Как только это произойдет, предсмертное заклятие старого колдуна потеряет свою силу. Хозяин Тумана, не выдержав, победно рассмеялся.

Конан сделал еще один шаг, держа меч прямо перед собой обеими руками. Он двигался уже чуть быстрее, но все равно медленнее, чем во сне. Еще три шага, вот уже два... но вот колдун уже встал на пол и стал превращаться в...

Даймм почувствовал, как напряглись его мышцы, принимая на себя его вес; ступни плотно встали на прохладный камень пола. Дело сделано! Сейчас — уничтожить лично тех, кто осмелился побеспокоить его и даже поднять на него оружие. А затем — пусть расплавленные подземным жаром скалы вырываются наружу, встречаясь с потоками воды.

Колдун медленно повернулся.

— Пришло время смерти, — прошептал он.

Изо всех сил Конан навалился на свой меч. Движение не было быстрым, но за ним стояла вся масса тела киммерийца. Повернувшийся колдун оказался как раз перед острием меча. Клинок вонзился в грудь мага, медленно, но верно пронзил ее насквозь, разорвав сердце, пройдя сквозь позвоночник, и вышел со спины, прорвав ткань плаща.

Заклятие, удерживавшее Конана, исчезло, и он, следуя направлению движения, ринулся вперед, словно камень из пращи. Рукоять меча врезалась в тело колдуна, отбросив его на несколько шагов назад. Изогнувшись, колдун рухнул на пол.

— Не-е-е-т!

Издав этот истошный вопль, Даймм последний раз дернулся и затих.

Хозяина Тумана, Великого Мастера не стало.

Глава 25

— Он мертв? — спросила Чин, подойдя к Конану.

Прежде чем он ответил, с телом на полу стало твориться что-то странное. То, что когда-то было Дайммом, не успев обрести свой прежний облик, стало на глазах меняться. Кожа на лице лопнула, высохла, превратившись почти в пергамент, затем истлела вместе с плащом. Плоть сгнила, обнажив кости — сначала желтые, но быстро побелевшие и рассыпавшиеся в порошок. Все это заняло не больше минуты, оставив на полу лишь горсть праха.

— Ну, я склонен думать, что скорее всего он мертв.

Чин подошла к столь трудно доставшемуся им зерну, взяла его в руки и пристально посмотрела на него, как бы не в силах поверить своему счастью.

— Мы можем возвращаться, — сказала она наконец.

Конан огляделся:

— А может быть, стоит задержаться и насобирать кое-каких безделушек?

Его острый взгляд уже заметил желтое сверканье некоторых украшений в комнате, да и зеленые камешки, которыми инкрустирована входная дверь, наверное, тоже чего-нибудь да стоят. Должен же он получить хоть какое-то вознаграждение за это кошмарное путешествие.

Пол под ногами киммерийца и его спутников задрожал.

— Что это? — спросил Хок.

Взрослые переглянулись.

— Похоже на землетрясение, — первым высказал предположение Конан.

— На воде-то? Не похоже.

Замок вновь тряхнуло, да так основательно, что Конану пришлось потрудиться, чтобы сохранить равновесие. Чин опустилась на одно колено, и даже ловким Таиру и Хоку пришлось помахать руками, чтобы не упасть. В потолке появилась изрядная трещина, из которой им на головы посыпалась пыль и труха.

— Что бы это ни было, лучше сматываться отсюда, пока нас тут не похоронили заживо, — сказал Конан.

Все четверо бросились к выходу. Конан по дороге успел вскочить на спину мертвого чудовища и вырвать из дверного косяка один из камней. Опустив его в мешочек на поясе, Конан поспешил за своими друзьями.

Какое-то существо с телом собаки и головой обезьяны в страхе пронеслось рядом с ними. Конан повернул и последовал за ним.

— Куда ты? — крикнула Чин. — Мы ведь пришли с другой стороны.

— Эта тварь здесь живет и, наверное, лучше нас знает эти коридоры.

Повернув вслед за странным уродом за угол, Конан увидел двоих бегущих в том же направлении зелкаев. Рыбомордые если и заметили чужаков, то не обратили на них внимания.

Пол снова покачнулся, причем настолько сильно, что даже Конан не устоял на ногах. Перекатившись через плечо, киммериец вскочил, невредимый. Впереди на пути их отступления рухнула одна из арок, подняв тучу пыли. Все больше и больше трещин зияло на стенах и пересекало потолок.

Стало ясно, что замок старого колдуна не выдержит такой встряски.

— Быстрее! — крикнул Конан.

Все четверо вновь бросились вслед за странным животным, которое чуть было не скрылось из виду.

Они бежали по коридорам дрожащего, рассыпающегося на глазах здания, уворачиваясь от камней, сыпавшихся со стен и потолков и перепрыгивая протянувшиеся через пол разломы.

Урод наконец привел их к двери, оказавшейся запертой. Зверь заскулил и заскреб по дереву когтями.

— Брысь отсюда! — прикрикнул на него Конан.

Псоглавец повиновался и пропустил человека к двери. Повернув ручку, Конан распахнул деревянные створки. Впереди показалась еще одна дверь. Подбежав к ней, они открыли и ее, наткнувшись на третью, бóльшую по размеру дверь — почти воро-

та — за ней. Наконец и этот последующий барьер был преодолен, и они выскочили на улицу.

Ночную тьму прорезал свет луны и звезд, и в этом призрачном освещении беглецы увидели, как обрушилась бóльшая часть замка, в том числе и дверной портал, через который они только что выскочили.

— Вот и славненько, — заметил Таир, — вовремя успели.

— Мы еще не в безопасности, — сказала Чин, — смотрите!

Вдалеке от озера повалил столбом пар, а в глубине под водой появилось оранжевое свечение.

— Вулкан, — мрачно сказал Таир. — Гора под озером ожила.

Конан кивнул. Он знал о том, что это такое, когда расплавленные скалы стекают по склонам, сжигая все на своем пути. Озеро закипит, как котел над очагом. Все живое в нем погибнет, включая водоросли, составляющие плавучий остров.

Озеро покрылось волнами, от которых уже тянуло жаром.

Невдалеке от киммерийца и его спутников вода прорвала слой водорослей и выплеснулась на поверхность.

— Надо уходить отсюда! — крикнул Таир.

— Не забывай, отсюда до края воды — день пути, — охладил его пыл Конан.

Большая волна высоко подбросила водорослевый ковер. В воздухе запахло тухлыми яйцами. В следующую миг большой кусок острова был вырван ударом невидимой иглы снизу и сброшен далеко в сторону. Большой язык пламени полыхнул в образовавшемся окне и вновь исчез в глубине.

— Кром!

— Так мы никогда не доберемся до берега!

— Другого выхода нет! Лучше умереть, пытаюсь спастись, чем дожидаться смерти сложа руки.

— Подождите, — вмешалась Чин. — Может быть, есть другой выход.

— Готов выслушать любые предложения, — усмехнулся Конан.

Остров снова качнуло, словно лодку в шторм. Неясный далекий гул перешел в хорошо слышный грохот.

— Зерно! — воскликнула Чин. — В нем же столько силы!

— Хватит, чтобы успокоить все это? — усомнился Конан.

— Нет, но, может быть, оно может вернуть нас домой.

— Что?

— Есть легенда, по которой тот, кто настроен на энергию талисмана, может использовать его силу, чтобы вернуться в родную рошу.

— Легенда, говоришь? А как бы нам осуществить это дело на практике?

— Не знаю, получится ли.

В сотне шагов от них взвился к небу огненный шар, ярко осветив на мгновение весь остров.

— У нас мало времени, — поежился, поглядывая вокруг, Конан, — попробуй свои заклинания.

— Встаньте ближе друг к другу, возьмитесь за руки.

Левой рукой Конан нащупал запястье Таира, а правую протянул Хоку. Вдруг мальчишка отпрянул и бросился бежать.

— Хок, стой! — крикнул Конан.

Подбежав к выведшему их из замка уродцу, мальчик взял его на руки. Животное вздрогнуло, но не сделало попытки укусить человека или вырваться. Хок вернулся к Конану и брату.

— Это еще зачем?

— Она боится. Нельзя оставлять ее здесь на верную смерть.

Хок пристроил перепуганное создание на своем худеньком плече и взялся левой рукой за ладонь киммерийца, протянув правую сестре. Таир прижал локоть к локтю Чин, выставив ладони, сложенные чашечкой вперед, в центр их маленького круга. Девушка заговорила что-то на непонятном Конану языке.

Мощный взрыв потряс весь остров. Новый огненный столб поднялся почти к самым звездам. Поверхность под ногами заходила ходуном. Конан изо всех сил упирался ногами в водоросли, поддерживая своих друзей, чтобы они не упали.

Чин продолжала что-то бормотать, все так же тихо, только быстрее и быстрее.

Очередной взрыв раздался прямо под ними, подбросив всю компанию вместе с куском острова высоко в небо. Конан успел заметить огненный язык, потянувшийся вслед за ними, и решил, что настал его смертный час...

Не успел он сделать и одного вдоха, как обнаружил себя на твердой земле под ветвями дерева-исполина.

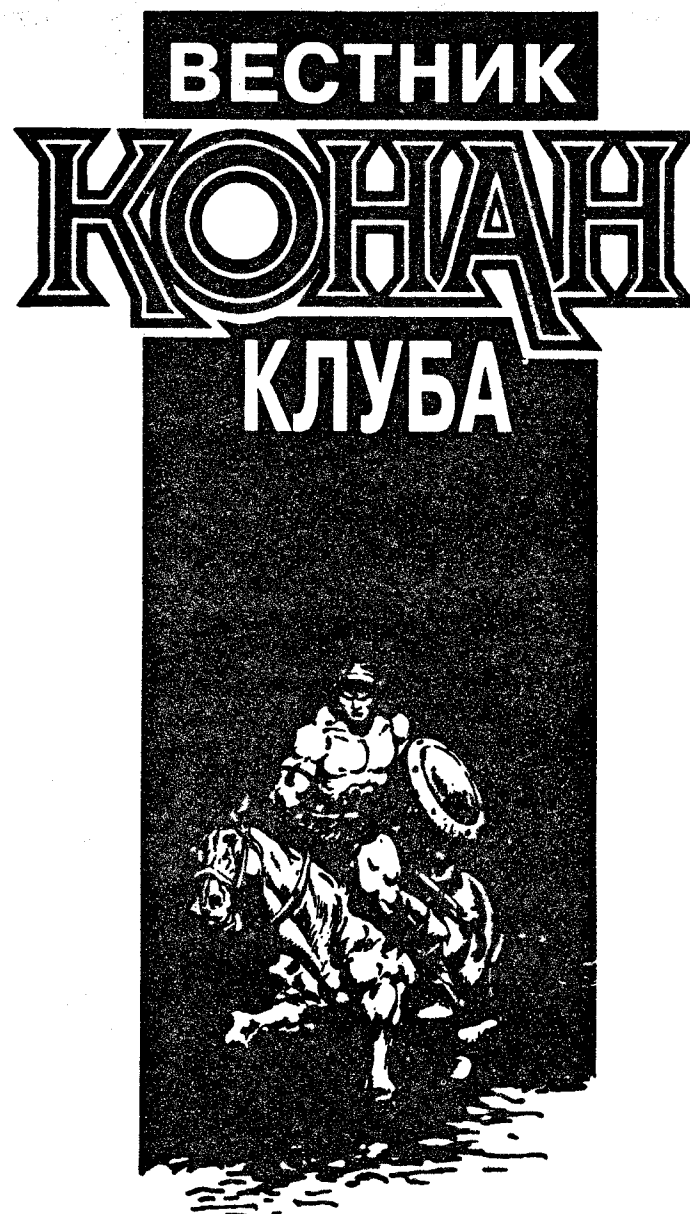
— Сработало! — радостно крикнул Таир, отпустив руку Конана и бросаясь обнимать сестру.

По другую сторону от киммерийца Хок отплясывал непонятный танец, прижимая к себе радостно повизгивающую зверюгу.

Конан усмехнулся. Уж на что он не любил любое колдовство и магию, стараясь где только возможно избегать таких штучек, сейчас он не имел ничего против одного конкретного чуда. Никогда раньше он не был так безнадежно близок к смерти. И никогда еще он не был так рад спасению.

На мгновение Конану показалось, что где-то не-
вдалеке послышался уже знакомый смех. «Неужели
это ты, Кром? Не ты ли помог мне выбраться, не
озлобившись на меня за дерзость? Если это так,
прими мою благодарность».

Смех, если он и в самом деле звучал, затих в
ветвях деревьев. Ухмылка на лице Конана расплз-
лась в широкую улыбку. Завтра он продолжит пре-
рванный путь в Шадизар. Попрощается с Чин, с
Таиром и Хоком, с их гигантскими деревьями и
пойдет дальше. Город воров ждал киммерийца, с
готовностью предлагая все свои богатства.

Дорогие Братья и Сестры!

Перед вами очередной выпуск «Вестника Конан-Клуба». Благодаря не прекращаемому потоку писем, нам стало гораздо проще отбирать материалы для «Вестника». Ведь темы предлагаете вы сами! Мы лишь открываем конверты с пометкой «Конан-Клуб» и...

В каждом третьем письме — стихи, рисунки, деловые предложения, замечания по поводу качества оформления книг и переводов текста. А так же — множество пожеланий. Вы просите печатать комиксы о приключениях Конана, публиковать библиографические сведения и материалы о творчестве Мастера (Роберта Говарда). Большое количество наших читателей просят не замыкаться лишь на сериале о непобедимом киммерийце, а публиковать в «Вестнике» любые обзоры, связанные с героической фэнтези и литературой «меча и колдовства».

Разумеется, мы готовы опубликовать все действительно интересные материалы. «Вестник Конан-Клуба» — наше общее с вами, братья и сестры, дело!

Хочется отдельно выразить искреннюю благодарность нашим друзьям за добрые слова и неподдельное внимание к публикациям издательства «Азбука». Вот их имена:

Арсенин Илья (и его друзья). г. Москва
Бурюхаев Эдуард. г. Улан-Удэ
Гвоздюк Вадим. г. Выборг
Гольцев Виталий. х. Дубовой
Гранатов Дмитрий. г. Вольск
Детков Александр. г. Пушкин
Катукова Полина. Ростовская обл.
Лукьяненко А. Украина
Миляшов А. г. Казань
Рыбкин Владимир. г. Сочи
Сальников Леонид. г. Курск
Седов Николай. г. Родники
Смирнов Денис. п. Металлострой
Чернышев Антон. г. Йошкар-Ола

Все, кто собрался под знаменем Золотого Льва, помнят:

«СИЛА ПРЕВЫШЕ ЛЖИ!»

Внимание!
Новая рубрика!

Теперь на страницах «Вестника Конан-Клуба» — рубрика, посвященная спорным вопросам, острым читательским письмам и полемическим материалам. Мы решили назвать этот раздел «Вестника»

КЛИНКИ СКРЕСТИЛИСЬ...

Дорогие Братья и Сестры!

После публикации в нашей книге «Солдат Удачи» статьи Спрэга де Кампа «Герой на все времена» с жизнеописанием Конана в Клуб пришло множество писем, где разгневанные поклонники указывают на явные ошибки, разночтения и пропуски. Что ж, действительно жизнь киммерийца была бурной, полной невероятных приключений, полностью ее в одной статье не опишешь. Тем более что Спрэг такой цели не преследовал. К тому же нужно учитывать: статья написана в 1984 году. И значит, многие произведения, опубликованные уже после 1984 года, автор в свой перечень не включил, поскольку этих книг тогда просто не существовало.

Отрадно было увидеть, что многие поклонники Конана неплохо ориентируются в этапах жизненного пути киммерийца, прекрасно знакомы с библиографией книг о Конане, вышедших на русском языке.

Заслуживает внимания письмо Александра Зуева. Он не только отметил явные ошибки в статье Спрэга де Кампа, но и прислал собственный вариант жизнеописания киммерийца. Поэтому мы решили опубликовать хронологию Александра Зуева и рядом представить на суд читателей версию судьбы Конана, созданную одним из постоянных авторов «Саги о Великом Воителе», американским фантастом Робертом Джорданом.

Сегодня сошлись в поединке Александр Зуев и Роберт Джордан!

Уважаемая редакция!

Недавно я приобрел ваш призовой том «Солдат Удачи», в котором вы напечатали хронологию приключений Конана. Этим летом, в июне, я тоже составил подобное жизнеописание киммерийца. Сравнив его с вашим, я был доволен тем, что большей частью все сделал правильно, за исключением нескольких ошибок. Но и в вашей хронологии имеются неточности. Вы пишете, что действие новеллы «Багряный жрец» происходит в Коринфии. Но в этой стране нет города Аренджуна. А ведь в самом начале сказано, что Конан убил в Аренджуне жреца, за что был посажен в тюрьму, откуда его освободил Мурилло. Так же вы пишете, что «Черный камень Аманара» идет после рассказа «В зале мертвецов». А ведь Конан задумал поискать сокровища в Ларше после убийства колдуна Аманара. И еще! Город Шадизар находится в Заморе, а не в Туране. Так что Конану незачем было перебираться в Туран, чтобы украсть подвески, подаренные королем Турана королю Заморы! Я начинал уже думать, что у вас очень слабые познания в хайборийской географии... Поэтому на основе вашей и моей хронологий я составил еще одно жизнеописание Конана.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ КОНАНА.

1. Существует три версии о юности Конана:
 - а. Песня снегов
 - б. Сталь и Змея
 - в. Легионы мертвых (На мой взгляд, самая правдоподобная!)

Дальше начинаются его странствия.

2. Поединок в гробнице.
3. Конан бросает вызов.
4. Повелители пещер.
5. Конан идет по следу.
6. Башня Слона.
7. Багряный жрец.
8. Разрушитель.
9. Волшебные Камни Курага.
10. Диадема богини.
11. Черный камень Аманара.
12. Священная роща.
13. В зале мертвецов.
14. Бог из чаши.
15. Четыре стихии.
16. Глаз Эрлика.
17. Мошенник поневоле.
18. Меч Склоса.
19. Золото гномов.
20. Ловушка для демона.
21. Сердце Хаоса.
22. Рука Нергала.
23. Город черепов.
24. Слуги чародея.
25. Люди вершины.
26. Проклятие монолита.
27. Подземелье смерти.
28. Кровавое божество.
29. Дочь Снежного Великана.
30. Против Звездного Братства.
31. Логово Ледяного Червя.
32. Тень властелина.
33. Город негодяев.
34. Врата Аль-Киира.
35. Королева Черного Побережья. гл. 1.
36. Секира Света.
37. Королева Черного Побережья. гл. 2-5.
38. Долина Пропавших женщин.
39. Замок ужаса.

40. Рыло во тьме.
41. Дорога Королей.
42. Ястребы над Шемом.
43. Черный исполин.
44. Тени во тьме.
45. Изменник.
46. Тени в блеске луны.
47. Дорога орлов.
48. И родится ведьма.
49. Черные слезы.
50. Тени Замбулы.
51. Осквернители праха.
52. Звезда Хораллы.
53. Железный дьявол.
54. Кинжалы Джезма.
55. Люди Черного Круга.
56. Ползущая тень.
57. Дикая орда.
58. Барабаны Томбалку.
59. Драгоценность в башне.
60. Заводь черного демона. (Источник Черных).
61. Корона Кобры.
62. Красные гвозди.
63. Живой ветер.
64. Сокровище Гвалура.
65. Богиня из слоновой кости.
66. За Черной рекой.
67. Кровавая луна.
68. Сокровища Траникоса.
69. Волки по ту сторону границы.
70. Феникс на мече.
71. Алая цитадель.
72. Час Дракона.
73. Мститель.
74. Ведьма туманов. (Гиперборейская колдунья).
75. Черный сфинкс Небгху.
76. Кровавая луна Зембабве.
77. Тени в черепе.
78. Тени ужаса.
79. Карусель богов.

Вы можете сказать, что хронологию в книге «Солдат Удачи» составлял Спрэг де Камп. Но печатая его рукопись, вы могли бы исправить ошибки! Или после статьи указать на них!

Надеюсь, что мой труд не пропал даром и вы опубликуете его на страницах «Вестника Конан-Клуба» если не полностью, то хотя бы отрывки, которые не упрощают Спрэг. Не буду говорить, что мой вариант на все 100% правильный. Как только будут появляться новые книги «Саги», я буду присылать вам их местоположение в списке.

*С уважением Зуев Александр.
г. Курск.*

В то веселое, бурное время, когда я создавал романы о неустрашимом варваре из Киммерии, мне частенько приходили письма читателей. Фанаты интересовались достаточно серьезной вещью — полным жизнеописанием Конана. Несколько самых горячих поклонников Великого Воителя прислали мне собственные варианты хронологии, основанные на тех произведениях, которые ребята сумели найти и прочитать. Практически ни одна хронология не совпала с другой. Потом мне попала статья Леона Спрэга де Кампа «Герой на все времена», где тоже имелась масса всевозможных ошибок, неточностей и пропусков.

Много воды утекло с тех пор... Я помню, с каким почти детским восторгом я писал повести о доблестном северянине, как не спал ночами, сочиняя особо крутые сцены и эпизоды. Как мне хотелось тогда примерить алую мантию Мастера — Роберта Говарда! Припомнив эти священные для меня мгновения, я решил сделать специально для фанатов Конана собственную хронологию всех имеющихся в наличии произведений Саги.

Данная хронология не более чем скромный список повестей и романов. Я выстроил их В ТОМ ПОРЯДКЕ, в каком, на мой взгляд, протекала бурная жизнь киммерийца. Многие нижеупомянутые рассказы относятся к ранней истории публикации работ самого Мастера. Некоторые составляют результат творчества Спрэга, когда он разбирал черновики и наброски Говарда. В случаях, когда повествование было опубликовано сразу за несколькими подписями (это относится к вещам, созданным только на основе не-

оконченных рассказов Мастера или написанных по его конспектам и планам. А так же применимо к повестям, сделанным в соавторстве), я привожу фамилии полностью. Ведь над наследием Мастера трудились так же Лин Картер и Бьерн Ниберг.

Возможно, я что-то пропустил, но уверяю, что был предельно внимательным. Предприняв данную попытку хронологии Великого Воителя, я прекрасно понимаю, что вызову неудовольствие самых рьяных фанатов. Ведь у них наверняка имеются свои мысли насчет жизнеописания киммерийца. Если кто-то будет не согласен, что ж, в том не моя вина. В конце концов, всю правду у Конане знал лишь Мастер...

С искренними пожеланиями всем поклонникам Конана

*Роберт Джордан
Conan forever!*

1. Легионы Мертвых. Спрэг де Камп, Лин Картер
Legions of the Dead. Sprague de Camp, Lin Carter
2. Поединок в гробнице. Спрэг де Камп, Лин Картер
The Thing in the Crypt. Sprague de Camp, Lin Carter
3. Конан бросает вызов. Стив Перри
Conan the Defiant. Steve Perry
4. Башня Слона. ГОВАРД
The Tower of the Elephant. HOWARD
5. Осквернители праха. Леонард Карпентер
Conan the Raider. Leonard Carpenter
6. Глаз Эрлика. Эндрю Оффут
Conan and the Sorcerer. Andrew Offutt
7. Мошенник поневоле. Эндрю Оффут
Conan the Mercenary. Andrew Offutt
8. Меч Скелоса. Эндрю Оффут
Conan: The Sword of Skelos. Andrew Offutt
9. Разрушитель. Роберт Джордан
Conan the Destroyer. Robert Jordan

10. Огненный зверь. Роберт Джордан
Conan the Magnificent. Robert Jordan
11. Черный камень Аманара. Роберт Джордан
Conan the Invincible. Robert Jordan
12. В зале мертвецов. ГОВАРД, Спрэг де Камп
The Hall of the Dead. HOWARD, Sprague de Camp
13. Четыре Стихии Стив Перри
Conan the Fearless. Steve Perry
14. Бог из чаши. ГОВАРД
God in the Bowl. HOWARD
15. Багряный жрец. ГОВАРД
Rouges in the House. HOWARD
16. Ловушка для демона. Роберт Джордан
Conan the Victorious. Robert Jordan
17. Победитель. Джон Маддокс Робертс
Conan the Champion. John Maddox Roberts
18. Сердце Хаоса. Роберт Джордан
Conan the Unconquered. Robert Jordan
19. Рука Нергала. ГОВАРД, Лин Картер
The Hand of Nergal. HOWARD, Lin Carter
20. Люди Вершины. Спрэг де Камп, Бьерн Нибберг.
The People of the Summit. Sprague de Camp, Bjorn Nyberg
21. Город черепов. Спрэг де Камп, Лин Картер
The City of Skulls. Sprague de Camp, Lin Carter
22. Проклятье монолита. Спрэг де Камп, Лин Картер
The Curse of the Monolith. Sprague de Camp, Lin Carter
23. Подземелье. Смерти. Спрэг де Камп
Conan and the Spider God. Sprague de Camp
24. Кровавое божество. ГОВАРД, Спрэг де Камп
The Bloodstained God. HOWARD, Sprague de Camp
25. В чертоге Крома. Джон Маддокс Робертс
Conan the Valorous. John Maddox Roberts
26. Дочь Снежного Великана. ГОВАРД
The Frost Giant's Daughter. HOWARD
27. Логово Ледяного Червя. Спрэг де Камп, Лин Картер

- The Lair of the Ice Worm. Sprague de Camp, Lin Carter
28. Тень Властелина. Роберт Джордан
Conan the Defender. Robert Jordan
29. Дорога Королей. Карл Вагнер
Conan: The Road of Kings. Karl Wagner
30. Врата Аль-Киира. Роберт Джордан
Conan the Triumphant. Robert Jordan
31. Королева Черного Берега. ГОВАРД
Queen of the Black Coast. HOWARD
32. Секира Света. Пол Андерсон
Conan the Rebel. Poul Anderson
33. Долина Пропавших Женщин. ГОВАРД
The Vale of Lost Women. HOWARD
34. Замок Ужаса. Спрэг де Камп, Лин Картер
The Castle of Terror. Sprague de Camp, Lin Carter
35. Рыло во мраке. ГОВАРД
The Snout in the Dark. HOWARD
36. Ястребы над Шемом. ГОВАРД, Спрэг де Камп
Hawks over Shem. HOWARD, Sprague de Camp
37. Черный Исполин. ГОВАРД
Black Colossus. HOWARD
38. Тени во тьме. Спрэг де Камп, Лин Картер
Shadows in the Dark. Sprague de Camp, Lin Carter
38. Изменник. Леонард Карпентер
Conan the Renegade. Leonard Carpenter
39. Тени в лунном свете. ГОВАРД
Shadows in the Moonlight. HOWARD
40. Дорога Орлов. ГОВАРД
The Road of the Eagles. HOWARD
41. И родится ведьма. ГОВАРД
A Witch Shall Be Born. HOWARD
42. Черные Слезы. Спрэг де Камп, Лин Картер
Black Tears. Sprague de Camp, Lin Carter
43. Тени Замбулы. ГОВАРД
Shadows in Zamboula. HOWARD
44. Звезда Хораллы. Спрэг де Камп, Бьерн Нибберг
The Star of Khorala. Sprague de Camp, Bjorn Nyberg

45. Железный дьявол. ГОВАРД
The Devil in Iron. HOWARD
46. Кинжалы Джемма. ГОВАРД, Спрэг де Камп
The Flame Knife. HOWARD, Sprague de Camp
47. Люди Черного Круга. ГОВАРД
The People of the Black Circle. HOWARD
48. Позущая тень. ГОВАРД
The Slithering Shadows. HOWARD
49. Барабаны Томбалку. ГОВАРД, Спрэг де Камп
Drums of Tombalku. HOWARD, Sprague de Camp
50. Драгоценность в башне. Спрэг де Камп, Лин Картер
The Gem in the Tower. Sprague de Camp, Lin Carter
51. Заводь Черного Демона. ГОВАРД
The Pool of the Black One. HOWARD
52. Корона Кобры. Спрэг де Камп, Лин Картер
Conan the buccaneer. Sprague de Camp, Lin Carter
53. Красные гвозди. ГОВАРД
Red Nails. HOWARD
54. Сокровища Гвалура. ГОВАРД
Jewels of Gwahlur. HOWARD
55. Богиня из слоновой кости. Спрэг де Камп, Лин Картер
The Ivory Goddess. Sprague de Camp, Lin Carter
56. За Черной Рекой. ГОВАРД
Beyond the Black River. HOWARD
57. Кровавая Луна. Спрэг де Камп, Лин Картер
Moon of Blood. Sprague de Camp, Lin Carter
58. Сокровище Триникоса. ГОВАРД, Спрэг де Камп
The Treasure of Trancos. HOWARD, Sprague de Camp
59. Волки по ту сторону границы. ГОВАРД, Спрэг де Камп
Wolves beyond the Border. HOWARD, Sprague de Camp
60. Под знаменем Льва. Спрэг де Камп, Лин Картер
Conan the Liberator. Sprague de Camp, Lin Carter

61. Феникс на мече. ГОВАРД
The Phoenix on the Sword. HOWARD
62. Алая Цитадель. ГОВАРД
The Scarlet Citadel. HOWARD
63. Час Дракона (Конан-Завоеватель). ГОВАРД
Conan the Conquerer. HOWARD
64. Мститель. Бьерн Ниберг
Conan the Avenger. Bjorn Nyberg
65. Ведьма Тумана (Гиперборейская колдунья). Спрэг де Камп, Лин Картер
The Witch of the Mists. Sprague de Camp, Lin Carter
66. Черный сфинкс Небтху. Спрэг де Камп, Лин Картер
Black Sphinx of Nebthu. Sprague de Camp, Lin Carter
67. Кровавая луна Зембабве. Спрэг де Камп, Лин Картер
Red Moon of Zembabwei. Sprague de Camp, Lin Carter
68. Тени в черепе. Спрэг де Камп, Лин Картер
Shadows in the Skulls. Sprague de Camp, Lin Carter
69. Тени Ужаса. Спрэг де Камп, Лин Картер
Conan of the Isles. Sprague de Camp, Lin Carter

Библиографические примечания

1. Рассказ «Башня Слона» был впервые опубликован в журнале «Weird Tales», март, 1933. Второй раз рассказ вышел в свет в сборнике «Skull-Face and others (Robert Howard)», изд-ва «Arkham House» в 1946 году. Затем появился на страницах книги «The Coming of Conan» (Robert Howard), изд-ва «Gnome Press» в 1953 году

2. Трилогию Эндрю Оффута «Глаз Эрлика», «Мощенник поневоле» и «Меч Скелоса» относится к более позднему периоду, следующему за рассказом «Багряный жрец». Место трилогии в приведенном выше жизнеописании основано на утверждении Оф-

фута, что Конану в его романах всего семнадцать лет.

3. «Разрушитель» представляет собой литературную обработку сценария одноименного фильма. Спрэг де Камп помещает этот роман перед трилогией Оффута, хотя правильнее поставить «Разрушителя» после «Багряного жреца».

4. Рассказ «В зале мертвецов» впервые был опубликован в журнале «The Magazine of Science Fiction and Fantasy», февраль, 1967. Он был дописан Спрэгом по наброску, найденному Гленном Лордом в архиве Говарда в 1966 году.

5. Рассказ «Бог из чаши» напечатан первый раз в журнале «Space Science Fiction», сентябрь, 1952.

Повторно переиздан в книге «The Coming of Conan. (Robert Howard)», изд-ва «Gnome Press» в 1953 году.

6. Рассказ «Багряный жрец» впервые опубликован в журнале «Weird Tales», январь, 1934. И был переиздан в сборнике «Terror by Night (ed. Christine Campbell Thomson)» изд-ва «Selwyn & Blount, Ltd» в 1934 году. Потом увидел свет в сборнике «Skull-Face and others (Robert Howard)» изд-ва «Arkhem House» в 1946 году. После этого печатался в книгах «The Coming of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1953-м и «More not at Night» изд-ва «Arrow Books Ltd» в 1961 году.

7. Роман «Победитель» Дж. Маддокса Робертса вполне может быть отнесен в более поздний период жизни киммерийца. Имеет смысл расположить роман между рассказами «Тени в лунном свете» и «Дорога орлов».

(Примечание переводчика: «Джордан почему-то не упомянул выходные данные рассказов «Рука Нергала», «Люди Вершин» и «Город черепов». Первая версия новеллы «Люди Вершин» вышла под названием «Могучий Меченосец» (The Mighty Swordsman), Bjorn Nyberg, в изд-ве «Lancer books» в 1970 году. Рассказы «Рука Нергала» и «Город Черепов» вышли в изд-ве «Lancer books» в 1967 году»).

8. Рассказ «Проклятье монолита» впервые напечатан в альманахе «World Fantasy», кн. 1, № 1, 1968, под названием «Конан и Ценотаф».

9. Рассказ «Кровавое божество» первый раз был опубликован в сборнике «Tales of Conan (Robert Howard, L. Sprague de Camp)» изд-ва «Gnome Press» в 1955 году.

10. Новелла «Дочь Снежного Великана» первый раз увидела свет в журнале «The Fantasy Fan», март, 1934. Она называлась «Боги Севера». После она была переиздана в журнале «Fantastic Universe Science Fiction», декабрь, 1956. Говард написал еще один вариант новеллы, но издать при жизни не успел. Вторую версию Говарда переработал Спрэг де Камп и рассказ увидел свет под названием «Дочь Снежного Великана» в журнале «Fantasy Fiction», август, 1953. В том же варианте он был опубликован в сборнике «The Coming of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1953 году.

11. Роман Карла Вагнера «Дорога Королей» хронологически занимает место между рассказами «Ястребы над Шемом» и «Черный Исполин».

12. Повесть «Королева Черного Берега» была впервые напечатана в журнале «Weird Tales», май, 1934. Переиздана в журнале «Avon Fantasy Reader», п. 8, 1948, а после этого в сборнике «Coming of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1953 году.

13. События, описанные в романе «Секира Света» Пола Андерсона, по всей видимости, происходили во времена между гл. 1 и гл. 2 «Королевы Черного Берега».

14. Рассказ «Долина Пропавших Женщин» впервые напечатан в журнале «Magazine of Horror», п. 15, 1967.

15. Рассказ «Ястребы над Шемом» представляет собой позднюю переработку Спрэга и Лина неоконченного варианта Говарда. Рассказ опубликован впервые в журнале «Fantastic Universe Science Fiction», октябрь, 1955. Потом переиздан в сборнике «Та-

les of Conan (Robert Howard, Sprague de Camp)» изд-ва «Gnome Press» в 1955 году.

16. Рассказ «Черный Исполин» впервые увидел свет в журнале «Weird Tales», июнь, 1933. Затем опубликован в сборнике «Conan the Barbarian» изд-ва «Gnome Press» в 1954 году. (Прим. пер.: «Не путать название сборника с более поздним одноименным киноманом Спрэга де Кампа!»)

17. Рассказ «Тени в лунном свете» впервые напечатан в журнале «Weird Tales», апрель, 1934. Рассказ был переиздан в сборнике «Conan the Barbarian» изд-ва «Gnome Press» в 1954 году.

18. Первый раз рассказ «Дорога орлов» вышел в журнале «Fantastic Universe Science Fiction», декабрь, 1955. Это был неоконченный вариант Говарда и назывался он «Конан — Избранник Судьбы». Спрэг завершил рассказ и издал под теперешним названием в сборнике «Tales of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1955 году.

19. Рассказ «И родится ведьма» Говард первый раз опубликовал в журнале «Weird Tales», декабрь, 1934. Переиздан в журнале «Avon Fantasy Reader», п. 10, 1949. Затем напечатан в сборнике «Conan the Barbarian» изд-ва «Gnome Press» в 1954 году.

20. Рассказ «Тени Замбулы» впервые напечатан в журнале «Weird Tales», ноябрь, 1935. Переиздан в книге «Skull-Face and others (Robert Howard)» изд-ва «Arkham House» в 1946 году. А так же в сборнике «Conan the Barbarian» изд-ва «Gnome Press» в 1954 году.

21. Рассказ «Железный дьявол» впервые вышел в свет в журнале «Weird Tales», август, 1935. Вошел в сборник «Conan the Barbarian» изд-ва «Gnome Press» в 1954 году.

22. Повесть «Кинжалы Джезма» опубликована первый раз в сборнике «Tales of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1955 году.

23. Повесть «Люди Черного Круга» впервые напечатан как сериал в журнале «Weird Tales», сентябрь, октябрь, ноябрь, 1934. Затем появился в сбор-

нике «Sword of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1952 году.

24. Рассказ «Ползущая тень» увидела свет впервые в журнале «Weird Tales», сентябрь, 1933. Затем была напечатана в сборнике «Sword of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1952 году.

25. Рассказ «Барабаны Томбалку» восстановлен Спрэгом с чернового наброска Говарда, найденного Гленном Лордом в архиве Мастера в 1965 году.

26. «Заводь Черного Демона» впервые опубликован в журнале «Weird Tales», октябрь, 1933. После этого переиздан в сборнике «Sword of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1952 году.

27. Повесть «Красные гвозди» впервые опубликована как сериал в журнале «Weird Tales», июль, август, сентябрь, 1936. После этого вошла в сборник «Tales of Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1952 году.

28. Рассказ «Сокровища Гвалура» первый раз увидел свет в журнале «Weird Tales», март, 1935. Переиздан в книге «King Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1953 году.

29. Рассказ «За Черной Рекой» впервые появился в журнале «Weird Tales», май, июнь, 1935. Потом вошел в книгу «King Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1953 году.

30. Новеллу «Сокровища Траникоса» Говард до конца закончить не успел. Впервые она была опубликована в сокращенном варианте с названием «Черный незнакомец» в журнале «Fantasy Magazine», март, 1953. Затем в дополненной Спрэгом редакции и под теперешним названием вышла в сборнике «King Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1953 году.

31. Рассказ «Волки по ту сторону границы» написан Спрэгом де Кампом с отрывочных черновиков Говарда в 1965 году. События в рассказе пересекаются с историей романа «Под знаменем Льва». Это единственная история из всей «Саги», где Конан присутствует только косвенно.

32. Рассказ «Феникс на мече» впервые был опубликован в журнале «Weird Tales», декабрь, 1932. Позже был переиздан в книге «Skull-Face and others (Robert Howard)» изд-ва «Arkham House» в 1946 году.

Затем вошел в сборник «King Conan (Robert Howard)» изд-ва «Gnome Press» в 1953 году.

33. Новелла «Алая Цитадель» впервые увидела свет в журнале «Weird Tales», январь, 1933. Переиздан в книге «Skull-Face and others (Robert Howard)» изд-ва «Arkham House» в 1946 году.

«King Conan (Robert Howard)». «Gnome Press», 1953

34. Роман Говарда «Конан Завоеватель» сначала представлял собой сериал под названием «Час Дракона» в журнале «Weird Tales», декабрь, 1935, январь, февраль, март, апрель, 1936. Это единственное, до конца законченное, крупное произведение Мастера. Однако при жизни автора роман ни разу не публиковался отдельной книгой. (Прим. пер.: «На русском языке роман издан под оригинальным авторским названием «Час Дракона», а не более поздним «Конан Завоеватель», придуманным Спрэггом».)

35. Роман «Мститель» (главы со 2 по 5) впервые был опубликован как повесть под названием «Конан Победитель» в журнале «Fantastic Universe Science Fiction», сентябрь, 1957. Затем авторы расширили повесть, разбив на десять глав с прологом и эпилогом. Новая версия вышла с заглавием «Возвращение Конана» («The Return of Conan») отдельной книгой в изд-ве «Gnome Press» в 1957 году.

(Прим. пер.: «Третий вариант романа вышел в издательстве «Ace books» в 1968 году. Называлась книга «Конан Мститель» («Conan the Avenger»). Издание так же включало статью Говарда «Хайборийская эра». Название «Мститель» стало основным у российских фанатов Конана, поэтому приводится первым в хронологии и библиографии».)

Robert Jordan. 1987.

c Conan Properties Inc.

Перевод с англ. Геннадия Белова

ОТ РЕДАКЦИИ

Как вы уже успели заметить, хронология Роберта Джордана тоже грешит некоторыми неточностями. К примеру, он не включил в список роман Спрэга де Кампа «Сталь и Змея» (оригинальное название «Conan the Barbarian»), вышедший задолго до написания этой статьи. А так же отсутствуют все произведения, созданные после публикации хронологии Джордана. Если кто-нибудь из вас найдет ошибки в предложенном выше жизнеописании Конана, присылайте в Клуб собственные поправки и уточнения.

При переводе названий произведений и фамилий авторов использованы те варианты, которые стали нормой не только в издательстве «Азбука», но и среди большинства поклонников «Саги о Великом Воителе». Все оригинальные английские заглавия сверены с соответствующими книгами, где произведения были опубликованы.

В следующих выпусках «Вестника Конан-Клуба» запланирована публикация библиографии романов, вышедших на языке оригинала с 1987 по 1995 годы, т. е. тех произведений, о которых не упомянул Джордан. Тогда у всех поклонников отважного киммерийца будет полная библиография «Саги о Великом Воителе».

НАША НОВАЯ РУБРИКА!

В адрес Конан-Клуба уже пришло большое количество стихов, посвященных не только приключениям Конана-варвара, но и просто написанных под влиянием героической фэнтези. Не все стихи созданы с профессиональной тщательностью, однако они подкупают своей искренностью и любовью к прочитанным книгам. Мы взяли на себя смелость опубликовать некоторые из стихотворений. Пусть все братья и сестры, вставшие под знамя Золотого Льва, с пониманием и доверием отнесутся к авторам этих строк. Вспомните, что войны у походного костра внимали песням своих товарищей с душевной теплотой и нелицемерным вниманием, пусть даже слова песен были подчас нескладны и грубы.

Нашу постоянную рубрику фэнтези-поэзии мы называли

СКАЛЬД

В. Данилов

г. Москва

ИСПАРАНА

По небесной темной ткани
Расплескался звездный пруд,
Нам сегодня, Испарана,
Предстоит нелегкий труд,
Чтоб я месяц не в пустую
Подбирал к замкам ключи —
Ты уж сабельку кривую
Поострее наточи!

Даром ль в небе месяц пассивен
Злым изгибом топора?
В сундуках сегодня князя
Поубавится добра.
Паутину вяжет полночь
У колонн — дворцовых лап,
Где сидит в веревках сторож,
Выплюнуть пытаюсь кляп.

Изумруды и агаты,
Бриллиантовый браслет...
Не пора ли вам, ребята,
Поглазеть на белый свет?
Кто там Конана не слышит,
Золотой богатый хлам,
Выбирайся из кубышек
Погулять по кабакам!

Страж ноздрей поет сопрано,
Весь дворец окутан сном,
Нам сегодня, Испарана,
Наконец-то повезло!

...Утром богатей проснется —
В тот же миг с ума сойдет,
Стражей свора понесется
Караулить у ворот.

Хоть всю землю переройте,
Степь укажет вам ответ —
Только пыль на горизонте,
Лишь в песке неверный след.
В клочьях звездного тумана
Нам удача, как сестра!
Мех вина да Испарана —
У походного костра.

1996

Дмитрий Гаврилов
г. Москва

ПЕСНЯ АКВИЛОНСКОГО ЛУЧНИКА

Оставь свои сомненья,
Гони тоску-печаль,
Спиваться как-то не с руки,
Хоть прошлого и жаль.
Бывалый старый воин,
Наставь на верный путь.
Не сладка жизнь героя,
Но можно и рискнуть!
Уж так наш мир устроен,
Коль нараспашку грудь,
Так в спину, будь спокоен,
Кинжал спешат воткнуть.
Искатель приключений
До мозга и костей,
Простись без сожалений
Ты с кружкой своей!

Вот лук мой смазан салом,
И греет руку меч.
Я им владею славно,
Хочу предостеречь.
А тетива запела,
Рождая обертон,
Мне сладок с колыбели
Ее надсадный звон.
Где б не просился на постой —
Девиц смазливых тьма,
Но грош цена любви ночной
И клятвам грош цена!
Хотя соблазны их познал
И свежесть алых щек,
Но ты пропал, когда попал

Под дамский каблучок!
Но все ж, оставь сомненья,
Гони тоску-печаль!
Спиваться, право не с руки,
Хоть прошлого и жаль!

БАЛЛАДА ВИКИНГОВ

Корабль море бороздит,
Ласкают древо волны...
В походе этом нас Один хранит,
А судьбы ведают норны.
А судьбы ведают норны.

Что нужно витязям морей
В бездне пенистого шквала?
Наляжем на весла, друзья, веселей,
Чтоб удача от нас не сбежала!
А судьбы ведают норны.

Дракон венчает нос корабля,
А волны все выше и выше,
Но кормчего крик долгожданный: «Земля!» —
Мы верим, будет услышан...
А судьбы ведают норны.

Не плачь, любимая, не впервой
Удачу ловить нам в ненастье,
Пусть викинг груб и дерзок порой,
Ему улыбнется счастье!
Хоть судьбы ведают норны.

Пусть боги в Асгарде крепко спят,
Пусть роком правят норны,
Пусть что угодно ветра сулят,
Но будем ли мы покорны?

Здугара Кузнецов
Тамбовская обл., Ярославка

МОРСКИЕ ВОЛКИ

1.

После штормов угара
Моря безбрежную даль
Резало днище драккара —
Звероголовый корабль.

Корпус из крепкого дуба,
Парус, как черный сон,
Клыками из «рыбьего зуба»
Скалился жуткий дракон.

В глазницах сияли рубины
С далеких, чужих берегов.
Он видел белые льдины,
Залитые кровью врагов.

Жестокий, как древние мифы
Седых киммерийских вершин,
Презрел он и штормы, и рифы,
Суровым Кромом храним.

2.

Ветер шальной торопился
Паруса ткань надувать,
Все дальше корабль стремился,
Летел, как стрела, — не догнать.

Весла ворочали воду
Под мерное пенье гребцов,
Ценивших меч и свободу,
И жизнь настоящих бойцов.

Стоял капитан рядом с ними,
Острее клинка его взгляд,
С честью носил свое имя
«Конан» — варвар-пират.

Не прячась от брызг колючих,
Легко, как пушинку, держал
В руках загорелых, могучих
Большой корабельный штурвал.

3.

На веслах вошли осторожно
В коварный, глубокий фиорд.
Здесь притаился тревожно
Богатый северный порт.

Темнеют сосновые срубы,
Стражи стоят у дверей,
Дымятся печные трубы,
Не ждут здесь сегодня гостей.

Пираты ползут к воротам,
Мыслей уняв круговерть,
Не думая даже, что там
Ждет их — богатство иль смерть?

Варвар бесшумной тенью
За спиной часового возник.
И сумрачный день осенний
Разрезал предсмертный крик.

Чистой, пронзительной нотой
Тревогу запел медный горн,
Заняться кровавой работой
Он призывал гарнизон.

Бежали судьбе навстречу
Пираты уже не таясь,
Бросались в жестокую сечу,
В лица врагам смеясь.

Суровому Крому жертву
Мечом собирал их вождь,
Кропил его руку щедро
Горячий, багряный дождь.

На мерзлой земле бесплодной,
Забрызганной алой росой,
Теперь не будет голодной
Седая старуха с косой.

4.

Смерть — поводырь солдата...
Закончился лютый бой,
И делят уже пираты
Добычу между собой.

После, в чужих тавернах,
Там, где не ценят кровь,
Деньги уйдут мгновенно
На кости, вино и любовь.

Наряд роскошный спокойно,
Вживаясь в новую роль,
Примерил Конан-разбойник —
Будущий Конан-Король!

1996

Денис Бурыкин

ВОЛШЕБНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

ПОЭМА-СКАЗКА

ЛАРЕЦ ИЗ БАШНИ

Часть 1

Ожиданье сочится, как талая муть,
Стрелки ходиков встали почти.
Время сесть у огня и припомнить свой путь,
Вновь его шаг за шагом пройти.
Поскитаться по свету, желая чудес,
Поразведать немало земель
И опять забрести в этот сказочный лес,
Где таит что-то каждая ель;
Чтоб, отбросив усталость, поднявшись с колен,
Средь зеленого моря холмов
Вновь увидеть вдали кладку каменных стен
И высокие крыши домов...

* * *

Меж бескрайних лесов спрятан город пустой.
Ров и стены его хмель скрывает густой,
От распахнутых настежь старинных ворот
Лабиринт узких улиц на гору ведет.
Площадь смотрит уныло, как дом беглеца;
В синем небе застыла громада дворца.
Долго не было здесь ни единой души.
Но откуда-то след, что ведет в камыши
Городского пруда. Явно кто-то живой
Все же изредка ходит туда за водой!

Может, кто-то из сказки? Наш брат — не таков:
Мы б немедля оставили уйму следов!
Он-то всем нам и нужен, мы сказку нашли!
И не зря по лесам да болотам мы шли!
Но пока восторгаться сильнее подождем,
Куст найдем потемней и укроемся в нем:
Стоит прежде взглянуть, кто живет во дворце,
Да и чей это посох стоит на крыльце.
Может быть, это Страж натирает полы
И к приходу гостей накрывает столы;
Ну а может, и просто чудака-домовой
Вдруг проснулся в пыли за каминной трубой;
Иль диковинный зверь, поборов в себе страх,
Не боится теперь ночевать во дворцах?
Лишь узнав все подробно, мы сможем решить:
В сказке мы наконец или дальше спешить
По лесам и холмам, все вперед и вперед...
Чу, а вот он и сам, по лужайке идет!
Беззаботен и мал. Ярких бабочек рой
Мягко вьется над ним многоцветной толпой.
Взгляд его насторожен, но праздничен шаг,
И при этом, похоже, он опытный маг:
Перламутровый плащ, изумруды везде,
На груди и плечах по зеленой звезде,
Шлем и древние руны над скошенным лбом...
Да ведь это же Адлин — волшебник и гном!
Ну, теперь все понятно: здесь что-то стряслось,
И не зря нам так долго скитаться пришлось;
Прямо в гущу событий нас вывел поход.
И ни-ни из укрытий! Пускай отойдет
За ограду дворца — риск теперь ни к чему,
Нет нужды на глаза попадаться ему!
В этой дивной стране, где так много чудес,
Далеко не в почете пустой интерес.

Прятки вышли на славу — оставшись в тени,
Мы и гости по праву, и снова одни.
Только Адлин достиг основания холма,
Городская стена расступилась сама,

И, не встретив преграды, скользнув надо рвом,
Гном взлетел, словно щепка в потоке живом,
И уж где-то в лесах, в непролазной глуши,
Продолжает свой путь — так куда-то спешит,
Словно где-то вдали, в недрах Северных Скал,
Сам Владыка Земли в гости мага позвал.
Значит, снова не скоро увидим его;
До заката, уж точно, вокруг — никого.
Можно смело теперь каждый зал осмотреть,
Тронуть каждую дверь и... следы затереть.
На воощенном полу, в белом свете Луны,
Лишь следы привидений остаться должны,
Но об этих созданиях — потом как-нибудь;
Позади ожидания — немедленно в путь!

Гаснет эхо шагов в глубине анфилад,
Изваянья богов в темных нишах стоят,
Полумрак отражают глазницы зеркал,
Где-то в дальнем камине сквозняк застонал.
Жутко здесь одному: спину лижет озноб,
Чьи-то легкие тени садятся на лоб
И живут в волосах. Но нам надо вперед.
Прочь сомненья и страх! Тайна долго не ждет!
Наконец мы у цели: тут все поживей.
Вот и лестница: видно, что ходят по ней.
Это южная башня — здесь (!) Адлин живет,
Кормит птиц и веселые песни поет!
А когда-то здесь спал королевский мудрец,
Видел вещие сны и хранил свой ларец —
Чудо прежних эпох. Тот, кто им обладал,
Видел травы и мох заокраинных скал,
Видел зыбкие дали бескрайних болот,
Видел стражников сонных внизу у ворот, —
Видел все, что хотел, прямо в крышке ларца,
Не ступая и шагу за стены дворца.
Даже бледную нежить полуночных стран
Делал явной и зримой волшебный экран.
Он покой горожан очень долго хранил;
Сколько раз он коварных врагов упредил!

Незаметно прокрасться не мог даже зверь...
Тем труднее понять, что случилось теперь.
Где теперь тот мудрец? Где его господин?
Почему невредим лишь волшебник один?
Где толпа горожан и весь славный народ,
Что так весело жил меж лесов и болот?
Непонятное с ними, похоже, стряслось;
Будто лихо и вправду землей занялось!
Слава Богу, ларец здесь и ныне стоит;
Может, Адлин в него сам порою глядит!
Только вот отчего не заметил он нас?
Или чем-то другим занят был его глаз?
Знать бы, где он идет, как пролег его путь —
Подошел нам черед в сундучок заглянуть
И увидеть, куда так волшебник спешил,
На кого столько сил он потратить решил?

С легким стуком откинулась крышка ларца,
Нежным звоном наполнились залы дворца...
Но внезапно в них злая пурга ворвалась,
Жутко волки завыли, зима началась.
На ветру заскрипела далекая ель,
И поплыли виденья холодных земель...

Там, в Полночье, ненастье, холера и мор,
Рубит головы с плеч лиходейский топор,
Дикий посвист летит над замерзшей рекой,
Над лесами стоит смерть с железной клюкой.
От жестокой судьбы никому не уйти:
Кто захочет уехать — замерзнет в пути,
Кто запрется в дому — в ту же ночь угорит, —
Здесь над каждым порогом проклятье висит.
Слишком долго здесь жили без всяких забот,
Слишком долго держали беду у ворот,
Пили мед и дивились удаче своей —
Нет уже и в помине тех радостных дней.
Да, был прочен забор, и ворота крепки,
Да, высок был и крут берег быстрой реки,
Но беда непреклонна в упорстве своем —

На ржаные поля она пала дождем,
Из болот вышла роем незваных гостей,
Из земли проросла частоколом костей,
Лютый стужей сковала густые леса,
Черной тучей закрыла навек небеса.
Брат на брата и сын на отца поднялся...
И стал каждый не рад, что на свет родился.

* * *

Гном почти уже там; раздобыв меч и щит,
Он по синим снегам к Гиблым Скалам спешит.
Но зачем? В скалах тех явно нет никого,
Кто б хоть каплю нуждался в опеке его.
Между тем — не поверить! — он бросил вдали
Отбивающих нежить хозяев земли!
В самый трудный момент он спешит от них прочь;
Сил у воинов нет, а уж близится ночь —
Но ведь даже при солнце не сразу поймешь,
Просто машешь мечом или в призрака бьешь!
Гном же — будто не видит неравной борьбы,
Для него звуки битвы излишне грубы.
Он взбегает на кручи, он ищет меж скал...
Боже! Хищник могучий! Барс помощи ждал!
Как попал он сюда? Как упал в эту щель?
Видно, снегом укрыло предательский хмель,
Он и рухнул в капкан, тонкий свод продавив...
Обессилен от ран, зверь уже еле жив.
Адлин меч обнажает, откинув полу,
И ударом клинка рассекает скалу —
Все вокруг сотрясает неслышанный гром...
Адлин к зверю спешил! Вот те на! Ай да гном!

А в долине настала пора воронью:
Злая нечисть закончила жатву свою.
Там, где храбрый отряд оборону держал,
Только мертвые спят, ни один не сбежал.

Над равниной стоит многозвездная тишь...
Небо! Видно, лишь ты об ушедших грустишь!

А измученный зверь выползает на снег:
Он спасен и нескоро закончит свой век!
Но отныне и впредь, до глубоких седин,
На земле этой есть у него господин.
Никогда, ни пред кем он не прятал кликов —
А теперь сам служить добровольно готов!
С волей барса считались пантеры и львы,
В схватке с ним никому не сносить головы.
Никому он и впредь не уступит в бою —
Но волшебнику сам дарит силу свою!
Весел гном. Он смеется, он рад, что успел...
А вдали — туча вьется над бисером тел.
Это множество птиц, а не черный туман;
Крылья их застилают волшебный экран.
Каждой — множество лет... Но пора наконец!
Больше времени нет, закрываем ларец.
Нам еще предстоит все полы натереть —
Адлин скоро вернется, а надо успеть:
Уж теперь и подавно совсем ни к чему
Без нужды на глаза попадаться ему!
Слишком много загадок и в нем, и вокруг;
Слишком трудно понять, кто здесь враг, а кто друг!

Этот Адлин. С кем он? Что он делает здесь?
Ведь не сам же разбрелся люд тутошний весь!
Как могло получиться, что сотни семей
В одночасье лишились отчизны своей,
Будто вышли на час за ворота гурьбой
И внезапно забыли дорогу домой?
Что за чудо увидела эта страна?
Нет! Во всем мы должны разобраться сполна!
Только жаль, что ларец нам с собой не забрать:
Здесь его охраняет незримая рать
Заколдованных стен и бродячих колонн —
В старой башне навеки останется он!

Мы ж возьмемся за щетки! Пусть пол заблестит,
Пусть худых полусонных богов ослепит,
Лунный свет отразив, что польется со стен
Сквозь слюду витражей в сей торжественный плен
Непонятных созданий ушедших времен,
Чей печальный удел — то ли явь, то ли сон,
Чьи холодные лики так жутко светлы,
Чьи улыбки — как блики, чьи души — котлы,
В черной бездне которых лишь вечность кипит,
Пожирая столетья... Да кто там стучит?!
Уж не видно ни зги под стеною дворца...
Но там точно шаги, прямо возле крыльца!
Поздно свечи гасить, да и глупо бежать.
Снова стук... Нужно просто идти открывать.
Может, все обойдется еще как-нибудь?
Может, путник усталый решил заглянуть
На чудной огонек, город встретив в ночи
И заметив вдали отблеск нашей свечи?
Вряд ли стоит о чем-то еще размышлять:
Раз решившись, не будем решений менять;
Смело спустимся вниз, смело дверь ототрем...
Надо будет — сбежим, нужно будет — сойдем!

Глухо скрипнул засов в предвкушение вестей.
На пороге возникли фигуры гостей...
Много их, основательны, смотрят умно.
Ну и ну! Снова гномы! Да там их полно!
Всю лужайку, насколько хватает свечи,
Запрудили они: их там сотни в ночи!
Их начальник не меньше, чем мы, изумлен,
Дарит нам грубоватый, но низкий поклон,
Оправляет камзол и, покашляв сперва,
Говорит, непривычно сжимая слова:
Он — Тромпин, предводитель восточных племен...
Вместе с ним... — и еще два десятка имен.
С ним и дети, и те, в чьих висках седина.
Мир стоит на черте, за которой война.
«Дни веселья прошли», — говорит старый гном,

И мрачнеет бровей его жестких излом.
«Адлин должен возглавить великий поход.
Пусть в Полночь на битву он гномов ведет!
Слава мага гремит по полям и лесам;
Все бойцы собрались, пусть он выйдет к ним сам!»
Тут начальник умолк, поклонился опять,
Вновь оправил камзол и намерился ждать.
Что ответить ему? Как себя повести?
Как бы голову тут на плечах унести!
Гном, похоже, решил, что мы стражи дворца —
Значит, роль эту нужно сыграть до конца,
А потом... Но кто знает, что будет потом,
Если мир на таком повороте крутом?!
Скоро всяко уж станет и здесь не до нас,
Если пробил и вправду сражения час!
Может, время для прятков уже позади?
Прочь, мурашки с лопаток! Потом — поглядим!
А пока мы ответим неожиданным гостям
Как положено воинам, чуждым страстям,
Что наш маг-повелитель по важным делам
Отбыл в Северный край и давно уже там.
Пусть ночуют под крышей, велим им войти.
Ну а завтра... Пусть Адлина встретят в пути —
С возвращеньем тот явно решил не спешить,
Даже гном не посмел с тьмою Ночи шутить!
Нам же незачем дальше утюжить паркет —
Снова в башню! Причин к промедлению нет!
Снова стукнула крышка, и сладостный звон
Вновь рассыпался эхом в шеренгах колонн...
В Черных Землях все тихо. Там падает снег,
Покрывая ковром русла вымерзших рек.
Кое-где еще светят ночные огни;
Мало их, но вселяют надежду они!
Может быть, и не зря билась горстка людей
С черной свитой царя всех полночных теней?
Вот и в крайней избушке лучина горит,
После славной пирушки в ней Адлин сидит.
Подле гнома — создания окрестных лесов,

Всюду рады делить с ним застолье и кров:
Глазки их за волшебником цепко следят,
Их большие зрачки восхищеньем горят,
Их мохнатые шубки теплее овчин,
Им пока беспокоиться нету причин.
На дворе, закопавшись в сугроб под стеной,
Оживающий хищник следит за Луной...
А на лавке, в углу, на сосновой доске,
Молодая крестьянка застыла в тоске.
Ей не надо перин в эту звездную ночь —
Даже маленький сын ей не в силах помочь.
Безутешна она: нынче муж ее пал,
Настрадавшись сполна, Богу душу отдал.
Рядом, в крохотной люльке, младенец лежит,
Видит маму во сне и тихонько кряхтит...
Что там завтрашний день приготовил для них?
Снова спустится Тень или враг поутих?
Зря ль хозяин их сгинул в неравном бою?
В жернова зря ли кинул он душу свою?
Вдруг изменятся дни, Тьмы отхлынет волна?!
Как проснутся они — все узнаем сполна.
А пока будем их пробуждения ждать —
Можем просто по спящей земле поблуждать:
Может, где и найдем мы движенье в ночи...
Чу! В восточных горах заметались лучи!
Что-то там происходит, скорее туда!
Там над кручами новая всходит звезда!
По ущельям меж скал мчится взмыленный конь:
Он безумно устал от нелепых погонь,
Но не прихоть беднягу по свету влечет —
Синий рыцарь его посылает вперед.
Взгляд наездника мрачен, лик светел, но строг:
Им для женщин назначен жестокий урок;
Пусть поймут, что рабынями зла своего
Вечно были они, отвергая его!
Впереди испытанье, где выстоит он:
Там, под сводами гор, притаился дракон.
Он покажет теперь, как удачлив и смел,

Чтоб никто впредь смеяться над ним не посмел;
Все увидят теперь, как силен синий меч,
Пусть в неравном бою скажет он свою речь!
Пусть поведает всем — и чужим, и своим,
Что отныне опасно глумиться над ним!
Всадник мчится во мгле, нетерпеньем томим...
А печальный дракон наблюдает за ним.
Он устал, как и конь, от жестоких погонь,
Ненавидит он кровь и не ценит огонь.
Но раз люди стремятся в бою погибать,
Он готов помогать им опять и опять.

* * *

А когда-то была и другая пора:
Над его подземельем дрожала гора,
Ужасающий рев разрывал небеса,
А вокруг, точно свечи, пылали леса.
Он был молод и дик, он о славе мечтал,
Точно огненный блик над землею летал,
Но тогда, в дни пустого труда своего,
Род людской уважал он превыше всего.
Видел он, что людей губит низкая страсть,
И с утроенной силой боролся за власть,
Он хотел их спасти от раздоров и ссор...
Но повсюду встречал непонятный отпор!
День и ночь он трудился, годами не спал,
С поколениями бился, но все же устал...
Благодарности в людях нет, видно, совсем.
Ну и пусть: больше он не воюет ни с чем!
Пусть в пороках погрязнут, пусть сгинут в грехе,
Пусть по горло увязнут в мирской шелухе,
Раз хотят — пусть спокойно забудут о нем,
Он не будет их больше тревожить огнем.
Он уже опустился до мелких услуг,
А любить — разучился. Он старым стал вдруг!
Ныне долгие дни он проводит в земле

Или косточки греет на теплой скале
И вполне всем доволен. Вот только вчера
Что-то слишком уж сильно остыла гора,
Из бездонных глубин стужа вдруг прорвалась,
И внезапно средь лета пурга занялась...
Видно, в мире всерьез началась кутерьма,
Если так распоясалась злая Зима!
Нет, за всех уже сердце его не болит...
Но Зима и Дракону тепла не сулит.
Кто-то явно забыл, вызвав стужу и лед,
Что и сам он — Адрон! — в этих землях живет!
Нет, дракон уж не рвется за славою в бой,
Но раз надо — сумеет потряхнуть стариной.
Он еще подождет, он уже не спешит.
Может, стужа уйдет и все дело решит.
Нынче ж время уважить лихого бойца —
Пусть погибнет, раз ищет такого конца,
Пусть красавицы вздрогнут в покоях своих
И увянут в тоске лица нежные их.
Если так слаще им — пусть считают врагом.
Все! Драконья душа не болит ни о ком.

Всадник мчится в ночи, нетерпением томим,
А измученный конь шпор не чувствует под ним.
Благородный скакун, самых чистых кровей,
Нес наездника несколько дней и ночей;
Ни кровинки уж нет в его сильных ногах,
Клочья ссохшейся пены висят на губах;
Он привык ко всему, даже к роли слуги, —
Но глаза и ему застилают круги!
Всадник мчится во мгле, ожиданием томим...
Но внезапно скакун замирает под ним,
Вдруг — вперед он не может и шагу ступить...
Что случилось? О Боже! Нельзя ж так шутить!!!
Перед ними, на кресле из каменных плит,
Вся в лохмотьях, седая колдунья сидит:
С острым скрюченным носом, с трясущимся ртом,
Со зловеще взъерошенным черным котом,

С неприглядной котомкой и длинной клюкой,
Отшлифованной цепкой, костлявой рукой.
Рыцарь снова коня посылает в галоп,
Только тщетно: того лишь колотит озноб,
Как прикованный к месту бедняга стоит...
Да не уж-то старуха ему не велит?!
«Брось томиться, сынок!» — вдруг доносится скрип,
И колдунья трясется, как сморщенный гриб,
Это в горле ее, словно кожаный мех,
Оживает беззвучный старушечий смех.
«Твой скакун не посмеет и шагу ступить,
Коль и дальше так сильно ты будешь спешить.
Слезь с коня, голубок, пусть чуток отдохнет —
Ждет его еще более трудный поход:
Завтра утром все вместе отправимся в путь.
Да и ты, верно, тоже не прочь отдохнуть!»
Храбреца обжигают досада и гнев,
Он сжимает свой меч, точно снег побелев;
Столь обидных речей он не в силах сносить...
Но и меч не желает герою служить!
«Опусти свой клинок, сокол мой, не сердись!
Лучше прыгай с коня да на камень ложись.
Только отдых и сон на перине моей
Могут снова вернуть мощь деснице твоей!»

В изумлении рыцарь молиться готов:
Ум испуганный ищет спасительных слов,
Но заклятий свинец так и тянет к земле...
И бесстрашный боец засыпает в седле.
И не диво! Похоже, что рыцарю нет
От рожденья и нежных семнадцати лет!
Раз уснул — пусть колдунья за ним приглядит —
Смерть уж точно теперь храбренцу не грозит.
Он пленен, но зато нету больше нужды
Волноваться по поводу странной вражды
Молодого безумца с волшебным клинком
И дракона, чье сердце болит «ни о ком».
Непонятно лишь — ведьма куда собралась?

Ведь не просто ж со скуки она забралась
В это мрачное царство ущелий и скал,
Где от века никто ничего не искал,
Где лишь ветер над бездной качает стволы
Да на кручах отвесных вьют гнезда орлы!
Для прогулок есть в мире другие места —
Даже волк здесь без дела бродить бы не стал!
Завтра стоит узнать, что приспело тут ей...
А пока надо взять и проведать гостей.

Всюду в залах ночные лампы горят,
В полумраке усталые воины спят.
В пирамидах, своей ожидая поры,
Тускло сталью мерцают, стоят топоры —
Редко опытный гном, собираясь в поход,
Из оружия что-то иное берет.
С топором его руки сдружились давно —
Не одно воле их покорилося бревно
В подземельях глубоких, где древний народ
Извлекает руду и хозяйство ведет;
Где когда-то, вначале веков, праотцы
Возвели полукузницы-полудворцы,
Где в искусство развили свое ремесло,
То, которое им столько бед принесло,
Заложив основанье несметных богатств,
Бесконечных раздоров, скандалов и царств.
И — что всяких усобиц да свар повредней —
Иступленную страсть видеть зависть людей.
А недавно и хуже пришли времена,
Пострашнее, погуще взошли семена:
То, что прежде дразнило лишь взгляды людей,
Разбудило вдруг алчность в Сатрапе Теней.
А полуночный тать урожая не ждет
И в обмен на алмазы пшеницы не шлет —
Он врывается силой сквозь толщу земли
И лишь кости охраны бросает в пыли
Укрепленных сокровищниц древних царей.
И не хочет смирять он корысти своей!
Половина сокровищ прошедших эпох

Испарилась уже, как закатный сполох.
Сам собой вышел срок собираться в поход:
Пусть грядущий урок всем на пользу пойдет.
Гномы сделают так, что никто, никогда
Впредь уже не рискнет грабить их города!
Чтоб врага наказать и богатства вернуть,
Их отважная рать и отправилась в путь.
Кстати, вовсе не долго осталось ей спать —
Только пару мгновений, и будет светать.
Встрепетается суровый начальник-глава,
Разлетятся по залам команды слова,
Растворятся последние сладкие сны...
И познают бедняги весь ужас войны.
Мы ж тем временем в башню к себе поспешим —
Только там колдовские загадки решим!

Адлин уж на ногах, собирается в путь —
И в лачуге он славно сумел отдохнуть!
Что-то складное мягко мурлыча под нос,
Выбирает солому из жестких волос,
Расправляет одежду, берется за шлем...
Но внезапно становится бледен совсем,
Покачнувшись всем телом, секунду стоит,
Ослепительно белым сияньем облит,
Даже складный мотив угасает на миг —
С уст крестьянки невольный срывается крик...
И опять все как прежде: он снова поет,
А на стол пред собой лисью шубу кладет!
«Вот, хозяйка, подарок тебе за постой;
Согласись, он теплее печали пустой!
Что печаль? На ветру не согреет она!
Жизнь тебе не для слез, для веселья дана!
Ты красива, свободна, с тобой твой малыш,
Мой слуга отнесет вас, куда повелишь.
Для чего горевать, нет причины грустить...
Твой супруг? Так он мог куда не ходить!
Он же сам все решил, сам избрал свой удел,
Что себя-то корить, раз он сам так хотел?»
Гном, похоже, и вправду помочь ей готов,

Но вдове не понять его искренних слов:
Да напротив, от этих разумных речей
Слезы сами невольно текут из очей!
«Ну послушай! — опять оживляется маг, —
Почему не поймешь ты простого никак?
Ты свободна смеяться и плакать сама!
Неужель в людях нет и частицы ума?!»
Нет так нет! Пусть с людьми будет все так, как есть;
У него и без них дел буквально не счесть!
И другими земля существами полна —
Им ведь тоже своя радость жизни дана!
Гном немножко смущен, но не больше того:
Безутешность вдовы удивила его,
Но с другой стороны, ведь и раньше он знал,
Что никто еще сердца людей не познал!
Для чего так упорно себя изводить?
Для чего до безумства во всем доходить?
Нет, наверно, ему никогда не понять,
Отчего стоит так безутешно рыдать!
Ну так что? Мир и так полон разных чудес,
Например, лик Луны или купол небес.
Кто их видел вблизи? Кто сумел их понять?
А волнение в груди нужно просто унять.
Для чего сеять в мыслях и чувствах раздор?
Больше незачем медлить, скорее на двор!

Там, за дверью, уж ждет его верный слуга,
Там играет мороз и искрятся снега —
Но глаза как-то странно от света болят,
Да в груди что-то вкрадчиво тянет назад.
Что случилось, зачем вдруг сомненья в душе?
Отчего вдруг он сам как рыбешка в ковше —
То метнется вперед, то замрет, словно тень...
Но какие сугробы! Какой чудный день!
Знал же — глупо соваться в людские дела,
Никогда дружба с ними к добру не вела!
Не смеялась — не надо; оставил бы так.
Неужели был важен и этот пустяк?
Люди странны — их чувства вовек не поймешь,

Только сам свое сердце положишь под нож!
Лучше был бы умнее и так не спешил;
Только барса оставить он мудро решил.
Было б жаль, коль пропала б такая краса...
Но зачем там, в груди, словно жалит оса?!
Нет, как прежде, он весел, не сломлен ничуть,
Все обдумал и взвесил, торопится в путь;
Зверю бросит лишь пару напутственных фраз —
И, рукою взмахнув, испарится тот час...

Вот уже далеко, возле белых холмов,
Он спешит от убогих крестьянских домов,
Славит день, на бегу что-то птицам кричит,
По раздолью снегов точно облако мчит
И пока что не знает еще ни о чем...
Но судьба уж взмахнула незримым бичом!

Наши войны тоже собираются в путь;
Все готовы к походу, но медлят чуть-чуть:
Видно сразу — не манит их омут войны,
Хоть решимости драться они и полны.
Вот по залам, нахмурясь, начальник идет,
За собою толпу добровольцев ведет.
Предстоит им вперед раньше прочих уйти
И прямую тропу сквозь болота найти;
У дверей старый гном проверяет сапог,
Будто за ночь тот сам продырявиться мог,
А какой-то бедняга, спустившись во двор,
Раз за разом шлифует широкий топор:
Сам безумно устал, стер точило в песок,
Сгрыз на палец металл, но все чешет висок.
В залах здесь делят хлеб, там без дела сидят,
Лишь в глаза почему-то совсем не глядят,
Да еще — быть беде! — онемели все вдруг:
Ясно слышны везде только шорох да стук!
Гномам проще друг другу товар предлагать,
Соль просить за услугу, баллады слагать
Иль в пылающей кузнице молотом бить,
Чем без дела словами пустыми сорить!

Наконец на лужайке пропела труба,
И в катомках глубоких исчезли хлеба.
Все невесело с мест со своих поднялись
И, покинув дворец, в длинный строй собрались.
Вновь раздался приказ, и уже первый взвод
Молча скрылся из глаз в гулком чреве ворот.

А прекрасный герой только очи открыл;
Долго сны сберегали под пологом крыл
Его чуткий покой от рассветных лучей,
Но и сны не всеильны в заботе своей!
Юный витязь лежит на промерзшей скале,
Но так сух и горяч, будто скачет в седле.
Чудеса! С той минуты, как солнце взошло,
Даже иней с черных камней не сошло,
А на склоне, где он только что ночевал,
Дерзкий корень, оттаяв, побеги уж дал!
Храбрый рыцарь лежит средь безлюдных хребтов
И от детского счастья смеяться готов:
Созерцает лазоревый купол небес,
И седое ущелье, и сумрачный лес,
Что стоит между гор в синих отблесках льда,
И не может понять, как заехал сюда!
Как возник вдруг в душе столь безумный порыв
И куда испарился, внезапно остыв?
Почему он вчера просто рвал и метал,
А теперь безмятежнее облака стал?
Лишь вчера он считал, что ужасно задет,
А сегодня обид и в помине уж нет!
Отчего он решил, что смеялись над ним?!
Может, просто поверил он страхам своим?
Ну и что, что красотки отвергли его?
Ведь он знал, что не любят они никого!
Глупо видеть в обычном кокетстве подвох,
Как и верить всерьез в каждый деланный вздох!
Но тем более глупо уж было скакать,
Здесь себе на погибель дракона искать!..
Витязь смотрит на снежные шапки вершин,

На ледник, на бездонный небесный кувшин,
Видит рыцарь и смог, что ползет по горам,
Но не верит, что мог так запутаться сам!
Уж не ведьма ль тайком посмеялась над ним,
Чтоб обманом привлечь к темным тропам своим,
А потом усыпить средь провалов и круч
И набросить на мир мрачный саван из туч?
Но раз так — то тем более должно спешить,
Чтоб коварство колдуньи успеть упредить!

* * *

...В сердце юноши вновь разгорается пыл,
Но... «Похоже, и за ночь твой лоб не остыл!
Брось ты мучить головушку, бел голубок,
Будь хоть в чем-то умнее пустых лежек!
Как бы ты и взаправду ума не отшиб...» —
Снова он, этот мерзкий старушечий скрип!
И сама она тут — в том же кресле сидит
И за юношей зорко, по-птичь, следит:
«Отоспался, и ладно. Теперь же — вставай,
Скушай хлеба и латы свои надевай.
Нам с тобою давно уж в дорогу пора —
Сталь вечерней победы куется с утра!
Ты позднее поймешь, чем старуха сильна:
Скоро всем удивляться придут времена...»
Рыцарь вновь негодует, и вновь, как на грех,
Покоряет его хриплый старческий смех.
И уже они вместе сидят на коне,
И уверенно скачут по горной стране
На восток, где дымами курится гора,
Где на склоне чернеет Драконья Дыра!

А дракон уже ждет непонятных гостей,
Он нутром чует запах недобрых вестей:
Ведьму эту он знает — за тысячу лет
Их свиданьям, похоже, и счета уж нет.

Никогда не являлась она просто так,
Хоть всегда и считалось, что дело — пустяк.
Но дракон слишком многое стал замечать,
Научившись случайность и план различать, —
И теперь он уверен, что холод в горе,
Этот храбрый младенец с мечом на бедре
И седая старуха, что скажут к нему,
Совпадением считать уж совсем ни к чему.
Он не любит участвовать в играх других,
Но раскрыть не спешит и догадок своих;
А поэтому снова он примет ее,
Не обмолвясь и словом... Пока же — он ждет.
Ну а нам нет нужды это время терять...
Интересно, чем занят теперь Черный Тать?
Кстати, как мы могли до сих пор не смекнуть:
Сквозь экран прямо в царство теней заглянуть?
Что там, в темном и диком полночном краю?
Точно — час нам исправить ошибку свою!

По унылому щебню Полночных Земель,
Наметая сугробы, гуляет метель.
С ней не сладят ни мягкие шубки песцов,
Ни промерзшие куртки усталых бойцов,
Охраняющих замок Владыки Теней...
Даже толстые стены робеют пред ней!
Проникая сквозь окна под каменный свод,
Вьюга водит и там свой слепой хоровод.
Лишь в большом тронном зале пылает камин,
Но что нынче он может поделывать один
С лютой стужей и ветром жестокой зимы?
В жарком чреве камина клубятся дымы,
Искры градом пронзают холодную тьму,
Но... Его господин не подходит к нему!
Словно черный утес, он на троне сидит
И на что-то в упор, не мигая, глядит...
В этом взгляде сверкают другие огни,
Не тепло и не свет обещают они;
Сквозь пургу и метель жгут они и поют

Громче все и сильнее... Да они уже тут!
Прямо в башню и прямо из крышки ларца
Проникают они, точно дух мертвеца!
Но возможно ль такое? Ведь мы до сих пор
Никогда и нигде не встречали отпор!
А теперь... Да в чем дело? Он светится весь!
Миг еще — и Владыка окажется здесь!!!
Надо срочно спасаться, скорее бежать!
Нет, безумство! Скорее — ларец закрывать!!!
Тут же стукнула крышка, мигнула Луна,
И обратно к нам в башню вошла тишина.
В этот раз пронесло, но похоже, что впредь
В сундучок нам уже не придется смотреть!

* * *

В ожиданье бесплодном проходят часы,
Стрелки словно вросли в циферблат;
Там, внизу, мировые колебля веса,
Непонятные боги стоят.
Если б знать, кто они и откуда взялись,
Как пришли через мглу в этот свет!
Может, впрямь с их судьбой судьбы мира сплелись?!
Даже мифы скрывают ответ!

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Роман

Перевод Е. Волковыского

5

ХОЗЯИН ТУМАНА

Роман

Перевод В. Правосудова

235

Вестник Конан-клуба

445

*Литературно-художественное
издание*

Стив Перри

МЕЧ НА ПРОДАЖУ

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троицкого

Художественный редактор
Павел Бороженец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректор
Татьяна Виноградова

Верстка
Андрея Белокрылова

ЛР № 030129 от 02.10.91.

Подписано в печать с оригинал-макета 16.02.96.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 60 000 экз. Усл. печ. л. 26.

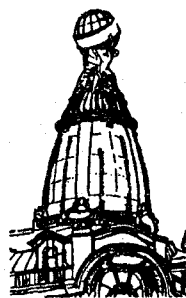
Изд. № 14. Заказ № 1616.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

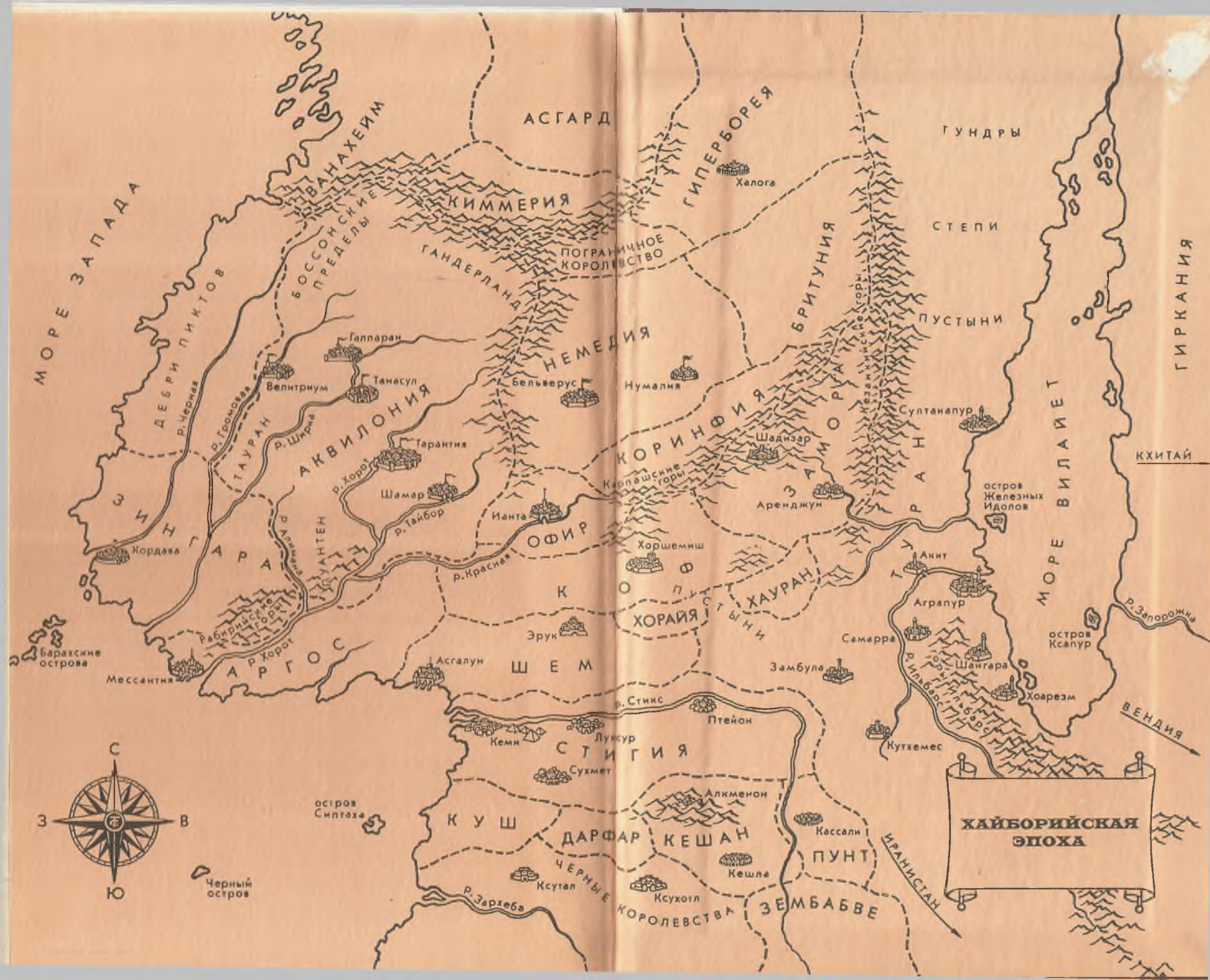

**Санкт-Петербургский Дом книги
рассылает по России
наложенным платежом
книги и журналы.**

**Книги издательства «Азбука»
можно заказать в отделе
«Книга — почтой»**

*Обращаясь к нам,
укажите тематику,
по которой вы желаете получить
списки книг и журналов.*

**Наш адрес: 191186, Санкт-Петербург,
Невский пр., 28. Дом книги.
Отдел «Книга — почтой».**

В 1996 году исполняется девяносто лет со дня рождения самого знаменитого из хайборийских летописцев, человека, который открыл для нас целую эпоху всемирной истории.

Имя ему
РОБЕРТ ГОВАРД

Вершиной творчества Говарда стали рассказы о Великом Воителе из Киммерии, которого звали
КОНАН

Сегодня о Конане знает весь мир. О его приключениях снимают фильмы, создают комиксы, но главное, друзья и ученики Говарда продолжают жизнеописание бессмертного героя, повествуя о его путешествиях и подвигах. И лучшим из тех, кто сегодня продолжает говардовскую «Сагу о Великом Воителе», является автор этой книги

СТИВ ПЕРРИ